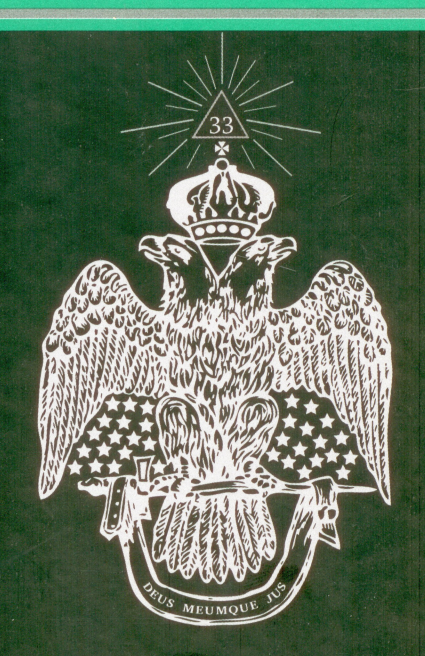
Альберт ПАЙК

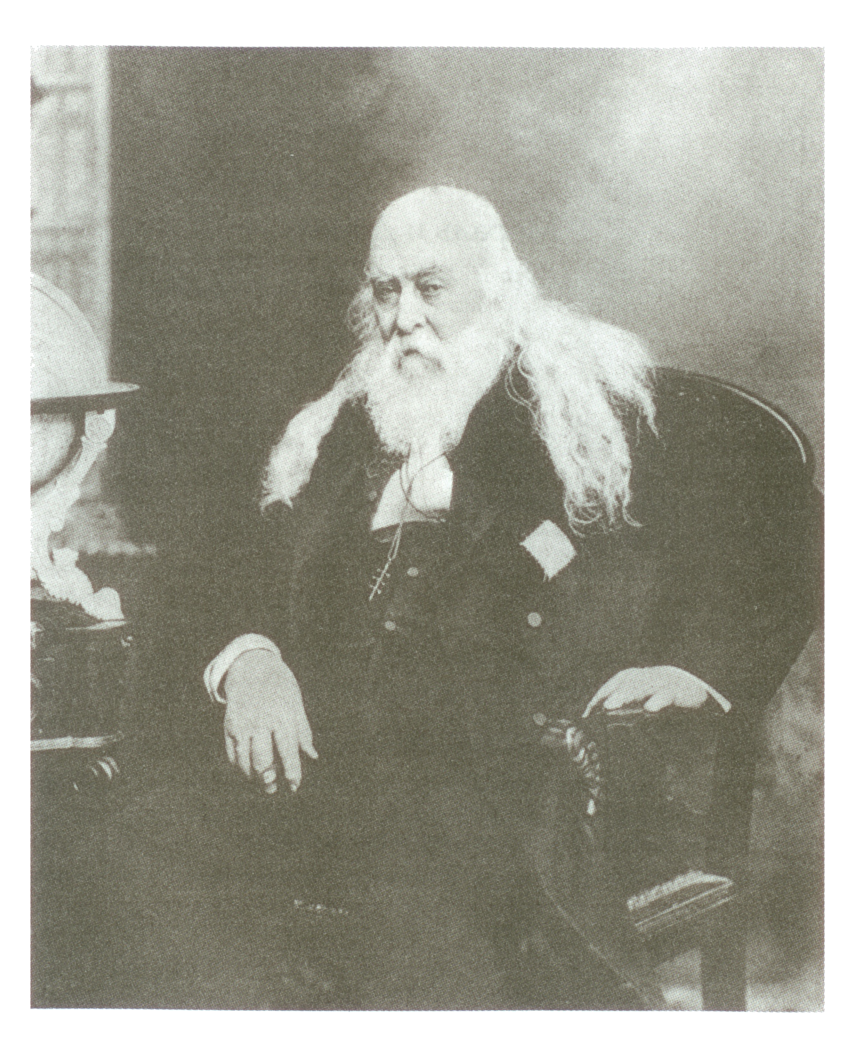
МОРАЛЬ И ДОГМА

ДРЕВНЕГО И ПРИНЯТОГО ШОТЛАНДСКОГО УСТАВА ВОЛЬНОГО КАМЕНЩИЧЕСТВА

III

Энциклопедия масонства

Мораль и Догма

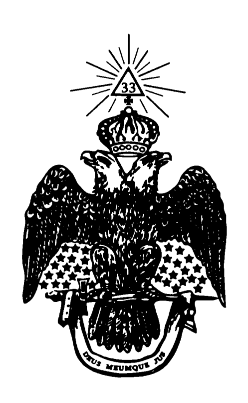

⊬ ALBERT PIKE, Grand Commander 33°

Альберт Пайк

Мораль и Догма

Древнего и Принятого Шотландского Устава
Вольного Каменщичества

Том III

**Подготовлено для Верховного Совета
Тридцать Третьего и Последнего Градуса
Южной Юрисдикции
Древнего и Принятого Шотландского Устава
для Соединенных Штатов Америки
и публикуется его властью**

A.·.M.·. 5768 2008 E.V.

УДК 1/14
ББК 76.42
П 12

Альберт Пайк
Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава / Альберт Пайк / Пер. с англ. Е. Л. Кузьмишина. – М.: Издательство «Ганга», 2008. – 352 с.
ISBN 978-5-98882-068-0

MORALS AND DOGMA
OF THE ANCIENT AND ACCEPTED SCOTTISH RITE OF FREEMASONRY
Charleston, A∴M∴ 5632

Книга «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава» – основополагающий труд по истории и философии масонства как посвятительного Ордена, носителя мировой эзотерической традиции. Альберт Пайк – один из наиболее авторитетных масонских ученых всех времен, и его труд стал итогом многолетней работы по преобразованию и совершенствованию системы Шотландского Устава в США, а также лег в основу всех последующих масонских исследований в рамках данного Устава. Структурно книга «Мораль и Догма» воспроизводит систему масонского посвящения, поскольку изначально представляла собой цикл лекций, с которыми более опытные вольные каменщики обращались к посвященным в очередную степень. «Мораль и Догма» представляет собой путеводитель по практически всем основным мировым эзотерическим учениям и обществам от Мистерий Осириса и Исиды до современных Пайку неотамплиеров. Книга «Мораль и Догма» впервые переведена на русский язык.

Мораль и Догма

Morals & Dogma

~

АРЕОПАГ РЫЦАРЕЙ КАДОШ

КОНСИСТОРИЯ

Council of Kadosh

Ареопаг Рыцарей Кадош

Knight of the Sun, or Prince Adept 28

Рыцарь Солнца, или Князь Адепт

Бог сотворил все сущее; это Вечное, Всевышнее, Живое и Величественное Существо, от Которого не может быть скрыто ничто во Вселенной. Ему не нужно возводить идолов и делать зримые Его изображения; Ему скорее следует поклоняться в священной тиши и уединении, в лесах или на высотах, ибо Он незрим, Он заполняет Вселенную Своей Душой и не обитает ни в каком храме.

Свет и Тьма – это два вечных пути развития мира сего. Бог – это Первопринцип всего сущего и его Отец. Он недвижим, вечен и самодостаточен. Власть его не может быть ничем ограничена. Взглядом Своим он охватывает прошлое, настоящее и будущее; в один отдельно взятый миг пред Его взором может проходить и молчаливая процессия строителей великих Пирамид, и процессия их отдаленных потомков – современных Вольных Каменщиков, и процессия наших самых дальних потомков. Он читает наши мысли задолго до того, как они сформируются в нашем сознании. Он управляет движением Вселенной и всеми событиями, всеми передвижениями творений Своей Воли. Ибо Он есть Беспредельный Ум и Совершенный Разум.

Вначале у человека было Слово, и Слово это было от Бога; и из животворящей Силы, сообщенной человеку этим Словом и через Него, родился Свет людского бытия. Да не произносит никто из людей это Слово, ибо Им Всевышний Отец сотворил свет и тьму, мир и все живое в нем!

«Халдеи в долинах своих поклонялись мне, и морелюбивые финикияне поклонялись мне. Возводили мне храмы и башни, сожигали

мне жертвы на тысячах алтарей. Свет был для них божественным, и называли меня богом. Но Я ничто, ничто; Свет есть творение незримого Единого Отца, преподавшего чистую религию Свою Патриархам древности – Таинственный, Ужасный и Прекрасный Абсолют».

Человек был сотворен чистым, и Бог даровал ему Истину и Свет. Но человек утратил Истину и обрел вместо нее заблуждения. Он, блуждая, погрузился в глубокую тьму, и повсюду его окружают ныне грех и позор. И душа его, погрязшая во грехе, нечистая, запятнанная пороками Земли, неспособна возвратить себе единение с Богом до тех пор, пока, претерпев множество очистительных испытаний, наконец не обретет избавление от древнего порока, и Свет не преодолеет Тьму и не сбросит ее с престола в душе человеческой.

Бог есть Первый из Первых, неуничтожимый, вечный, несотворенный, неделимый; Он есть Мудрость, Свет, Истина и Милосердие, и Гармония и Любовь – порождения Его Сущности, Он беспределен в пространстве и бесконечен во времени. Он хранит молчание, поддерживая связь с одним лишь разумом человеческим, и Он пребывает в человеческих душах, проникая в них через разум. В Нем изначально содержались все впоследствии сотворенные вещи, и из Него они проистекли. Ибо из изначального Его Божественного Молчания и Покоя, спустя неисчислимые эоны времени, проистекло Слово, или Божественная Сила, а затем, в свою очередь, – могучий и никогда не покоящийся безмерный Разум; а потом из этого Слова развились мириады солнц и миров, составляющих Вселенную, и *огонь,* и *свет,* и электрическая *Гармония,* которая есть гармония сфер и чисел, а из Разума проистекли души и разумы всех людей.

Вначале вся Вселенная была душа едина. И Он был Всем, Единым Сущим во времени и пространстве, Беспредельным, как сами эти измерения.

Он помыслил: «*Я творю миры*», – и вот, явились *Вселенная,* и все управляющие ею законы *гармонии* и *движения* – проявления Божественной Мысли, и птицы, и звери, и все живое, кроме человека, и свет, и воздух, и таинственные течения, и царство таинственных чисел.

Он помыслил: «*Я творю человека, и да станет душа его образом Моим, и да правит он миром тварным*», – и вот, явился человек со всеми его чувствами, инстинктами и пытливым разумом.

Однако это был еще не человек, но животное, дышащее, видящее и слышащее, мыслящее... Лишь когда искра Беспредельного Бытия

Божия проникла в его мозг и стала его душой, стало животное Человеком, *бессмертным* существом.

Таков был троичный путь Божественного творения посредством Мысли, – и Человек есть его конечная цель, человек, способный мыслить и размышлять, видеть и слышать, чувствовать, любить и стремиться к гармонии со всей Вселенной.

Но не успел еще состариться материальный мир, как Истина стерлась из душ человеческих. Человек спросил себя: *«Кто я? Откуда я? Как я появился? Куда я иду?»* И душа его, обратившись внутрь себя, силилась осознать, является ли это самоосознание, это внутреннее «я» чисто материальным; она мыслила и размышляла о своих страстях и привязанностях: являются ли они всего лишь следствиями тех или иных сочетаний чисто материальных факторов, является ли она сама чисто материальным фактором или же материей в оболочке нематериального Духа... Она стремилась своими мыслями все дальше, желая постигнуть путем самоизучения, является ли дух самостоятельной сущностью, обладающей ничем не ограниченным во времени бытием, или же микроскопической частицей Великого Вселенского Первопринципа, присутствующей одновременно во всем бескрайнем пространстве, во всей Вселенной в виде волн, подобно свету и теплу... И все дальше и дальше заходила она в своих размышлениях, и все больше погружалась в непроницаемую чащу заблуждений, порождая пустые и лишенные всякого смысла философские теории, она блуждала в потемках материализма, сенсуализма, впустую била крыльями в вакууме абстрактных умствований и идеализма.

Не успели еще первые в мире дубы породить первую в мире свежую листву, человек утратил уже совершенное знание о Едином Истинном Боге, Древнем Абсолютном Бытии, Беспредельном Разуме и Высшем Уме; человек отправился в бесцельное странствие вдаль от берегов, посреди бурного океана догадок и умопостроений. Душа истощила себя бесплодными попытками понять, является ли Вселенная всего лишь случайным сочетанием атомов, или наоборот, творением Беспредельной, Несотворенной Мудрости; является ли Бог концентрированной нематериальностью, а Вселенная – нематериальностью, протяженной в пространстве, или же Он есть персонифицированное бытие, Всесильное, Вечное, Верховное Бытие, волей Своей управляющее материей, или же это бытие, всего лишь заставляющее материю повиноваться единожды установленным

и вечным, неизменным и всеобщим законам тварного мира, бытие, для Которого, Беспредельного и Вечного, вообще не существует таких понятий, как время и пространство. Своим ограниченным умом и несовершенным зрением люди стремились проникнуть к самому источнику бытия, дабы объяснить сами себе происхождение и существование Зла, Боли и Горя; но это лишь заводило их еще глубже в мрачные дебри заблуждений, где им суждено было заблудиться и пропасть навечно; более для них не существовало Бога – лишь глухая бездушная Вселенная, наполненная лишенными для них смысла эмблемами и символами, окружала их.

В градусах, в которые ты был посвящен ранее, ты уже многое узнал о поклонении древних народов Солнцу, Луне и другим ярким небесным светилам, стихиям и силам вселенской Природы. Можно утверждать, что ты отчасти знаком с различными их мифологическими воплощениями в победоносных или страдающих героев, различных богов и богинь, наделенных человеческими чертами и страстями, и понимаешь, что различные перипетии легенд об этих богах просто-напросто аллегорически отображают восходы и закаты этих светил, их противостояния и сорасположение, их дома и точки восхода.

Возможно, ты подумал, что мы, подобно многим из тех, кто когда-либо писал о данных материях, собираемся преподнести эту веру тебе в качестве наидревнейшей из всех, когда-либо исповедовавшихся древнейшими народами Земли. Для того чтобы, если ты так считал, избавить тебя от этого ложного умозаключения, мы представили тебе воплощение Великого небесного Светила, названное именем, под которым ему поклонялись наши пращуры, дабы оно сообщило тебе наидревнейшие истины из всех известных самым первым людям Земли еще до того, как земные народы начали поклоняться материальным воплощениям Верховной Силы, проявлениям, свойствам Вселенского Божества, стихиям и хранящим священное молчание неусыпным сияющим стражам ночного неба.

Ныне же мы просим твоего внимания, дабы поведать тебе дальнейшее развитие этих священных истин, и к ранее данному толкованию Великого небесного Светила мы теперь добавим толкование и объяснение имен некоторых богов, сотворенных людьми разных времен и стран.

Атум, или *Атум-Ра*, был старшим и старейшим из богов Египта, верховным богом Верхнего Египта; центр поклонения ему был

в Фивах; это был тот же бог, что и *Ом,* или *Аум,* древних индийцев, имя которого было непроизносимо и который, подобно более позднему божеству *Брахме,* был «*существом, которое было, есть и пребудет, Великим Богом, Великим Всесильным, Всеведущим и Вездесущим Единым, Величайшим во Вселенной Господом*», и эмблемой его служила совершенная сфера, означавшая, что этот бог был первым и последним, средним и бесконечным, высшим по отношению ко всем природным богам и всем прочим воплощениям сил, стихий и светил, – символом его был Свет, источник всей и всяческой жизни.

Амон, с другой стороны, был природным богом, то есть богом всей Природы. Его также именовали *Амоном-Ра* и поклонялись ему в Мемфисе, в Нижнем Египте, а также в Ливии и отчасти в Верхнем Египте. Он был своеобразным ливийским Юпитером и воплощал разумную и организующую силу, существующую и непрерывно развивающуюся в природе, в то время как разумные типы, или виды, предстают людям в телесной форме, чтобы стать постижимыми для человеческих чувств, предварительно вступив в союз с материей, собственно, и порождающей их тела. Это был тот же самый бог, что и Кнеф, изо рта которого вышло Орфическое яйцо, из которого впоследствии родилась Вселенная.

Дионис был таким же природным богом греков, как Амон – египтян. В соответствии с народной легендой, Дионис, равно как и Геркулес, был фиванским героем, рожденным смертной матерью. Оба они были сынами Зевса, обоих преследовала Гера. Но в личности Геркулеса божественная природа находится в подчинении у человеческой, героической, в то время как Дионис даже в древнейших поэмах в большей степени характеризуется божественной природой, в чем он практически идентичен Иакху – предыдущему гениюпокровителю священных Мистерий. Воплощенный в Солнце во время его пребывания в Тельце, о чем свидетельствуют его бычьи копыта на большинстве изображений, он в свое время спас Землю из ледяных объятий Зимы, управлял величественным хором звезд и годовым оборотом всей Вселенной, сменой времен года и периодическим упадком природы. Он являлся воплощением Солнца (которое элейцы называли Пиригеном – Πυριγενης), вступающего в этот мир среди вспышек молний и громовых раскатов; он был великим небесным Охотником среди животных Зодиака, Загревсом Златым, или Румяным. Мистерии преподавали своим адептам учение Божественного единства и Божества, единство Которого

кажется величайшим из таинств, но в действительности является немудрящим трюизмом; и этим Единым Богом был Дионис – божество Природы, или, точнее, влаги, являющейся основой и сущностью живой Природы, божество, готовящее во тьме Гадеса, или Иасиона, победное возвращение жизни и растительности вместе с собственным возвращением на Землю в новый сезон роста и развития. На Эгейских островах его именовали Бутом, Дарданом, Химером или Имбром, на Крите – Иасием или даже Зевсом, и оргиастический культ поклонения ему оставался неведомым для профанов, прячась за обычными проявлениями религиозного языческого культа, но не раскрывая священных символов, которые могли быть превратно поняты не прошедшими мистериальное посвящение.

Это был тот же самый бог, что рассеченный на части Загревс, сын Персефоны, древнейший подземный Дионис, рогатый предшественник Зевса в созвездии Змея, которому отец отдал свои молнии, – и именно пред его алтарем свершали магические танцы куреты. В результате вызванных ревностью уловок Геры титаны на некоторое время ускользнули от его всевидящего ока и впоследствии растерзали его на части, но Паллада возвратила отцу его все еще бьющееся сердце, которое и повелело Аполлону похоронить бренные останки некогда божественного тела на Парнасе.

Дионис, как и Аполлон, был повелителем муз; их гробницы и места поклонения им практически всегда располагались рядом; они были одинаковы, хотя и различны, отдельны, хотя и являлись частями одного целого; их плотские образы – боги Природы и Искусства, по всей видимости, также произошли от одного, единого истока. Это разделение между ними произошло скорее по форме, чем по содержанию, и поэтому к тому времени, когда Геркулес получил посвящение от Триптолема, а Пифагор был посвящен в таинства орфических Мистерий, оба этих бога, оба эти воплощения одной идеи уже стремились воссоединиться обратно. Современники утверждают, что Дионис или Посейдон предшествовали Аполлону в качестве покровителей верховных оракулов; Диониса в греческой теологии и гораздо позже почитали как целителя и Спасителя, дарующего жизнь и бессмертие. Рассеянные по лицу Земли пифагорейцы – Сыны Аполлона – как только желали встретиться с собратьями, посещали орфические служения Дионису, при условии, что отчасти дионисийский культ всегда присутствовал на поклонениях Аполлону.

Дионис был Солнцем, освободителем стихий, и духовные размышления, связанные с поклонением ему, были теми же и использовали те же образы, что сопровождали размышления о Зодиаке как о предполагаемом пути нисхождения душ на Землю и их последующего возвращения в небеса. Его второе, духовное рождение свыше было аллегорией духовного возрождения человека. Как и Аполлон, Дионис был покровителем муз и источником всякого вдохновения. Он не заставлял покорных своей власти каким бы то ни было искусственным образом умерщвлять плоть, бремя веры в него было легким, и благозвучные хоры его почитателей воспевали в своих песнопениях Золотой век, когда на всей Земле царила вечная и непреходящая весна, а одно прикосновение тирса к плодородной груди земли заставляло бить фонтаны меда, молока и вина. Он также был Освободителем, потому что, как и Осирис, он освобождал души из плена материи и направлял их в странствии ввысь, дабы они снова не угодили в тенета материального мира или какой-либо более низкой, животной формы. Душа человека, в соответствии с этим верованием, – это часть единой Вселенской Души, которая есть Дионис; он приводит освободившийся блуждающий дух к его небесному истоку, проводит его через реальные и символические очистительные церемонии, символизирующие его земное существование. Дионис умер и сошел в Мир теней, и смерть его – величайшее из таинств бытия. Он же является вечным возлюбленным Психеи (души), Божественной силы, посредством которой обрел бытие весь материальный мир и которая пробуждает человеческую душу из непроницаемого стигийского транса и возносит ее с Земли на Небеса.

Мы уже достаточно много и подробно говорили о *Гермесе,* Меркурии греков, Тоте египтян и Тауте финикийцев. Он был изобретателем букв и ораторского мастерства, крылатым вестником богов, носителем оплетенного змеями кадуцея, – в Совете этого градуса его воплощает Оратор.

Индийцы называли Солнце *Сурьей,* персы – *Митрой,* египтяне – *Осирисом,* ассирийцы и халдеи – *Бэлом,* скифы, этруски и древние пеласги – *Аркалеем,* или *Геркулесом,* финикийцы – *Адонаем,* или *Адоном,* а скандинавы – *Одином.*

От имени «Сурья», которое индийцы в древности присвоили Солнцу, взяла свое название религиозная секта *суров,* почитавших дневное светило своим главным богом. На их фресках божество это изображалось управляющим колесницей, влекомой семью зелеными

лошадьми. В храме Висвешвара в Бенаресе до сих пор находится отлично сохранившийся фрагмент статуи, изображающей этого бога восседающим на колеснице, запряженной лошадью о двенадцати головах. Управляет колесницей возница *Аруна* (от древнеевр. אור – «ор» – Свет сумеречный), то есть Заря; среди многочисленных титулов Сурьи есть двенадцать описывающих особые его силы и проявления в каждый из двенадцати месяцев астрономического года. Эти силы именуются *адитья,* и у каждой есть свое собственное имя. По легенде, Сурья часто спускался на Землю в человеческом облике и оставил на Земле целый народ своих потомков, так же хорошо известный в индийской мифологии, как и в греческой – под именем эллинов, сынов Гелиоса. Сурью часто именуют Царем Звезд и Планет, что практически идентично имени «Адон-Саваоф» – Господь Звездных Воинств – в древнеиудейской религии.

Митра был солнечным богом персов; по легенде, он родился в гроте, или пещере, в период Зимнего солнцестояния. Его Мистерии справлялись именно в этот период, когда Солнце начинало свое возвращение на Север, а дни начинали удлиняться. Это было величайшее из празднеств религии магов. Римский календарь, введенный во времена Константина, то есть именно тогда, когда традиция этих Мистерий начала распространяться на Западе, зафиксировал дату начала торжеств 25 декабря. На статуях этого бога сохранились надписи «*Deo-Soli invicto Mithræ*», «*Nomen invictum Sol Mithra*», «*Soli Omnipotenti Mithræ*» – то есть «Непобедимому и Всесильному Богу-Солнцу Митре». В жертву ему приносили золото, благовония и миро. «*Тебе,* – пишет Марциан Капелла в своем гимне Солнцу, – *жители нильских берегов поклоняются под именем Сераписа, жители Мемфиса – как Осирису; в священных ритуалах Персии ты – Митра, во Фригии – Атис, в Ливии пред властью твоей преклоняются, именуя тебя Амоном, в Библосе Финикийском зовут тебя Адонисом, – весь мир почитает тебя, пусть и под разными именами*».

Осирис был сыном Солнца (Пра, или Ра), «*божественным отпрыском, подобным заре*», и в то же время он был воплощением Кнефа, или Агафодемона, доброго духа, и обладал всеми возможными его формами воплощения, физическими и нравственными. В материальной, привычной для людских чувств, форме он воплощал все высшие проявления Жизни, исполненной абсолютного блага, а поэтому возникла необходимость каким-то образом материализовать силу, противоположную ему, которая и превратилась в Сета, Бабиса или

Тифона, потому что только таким способом стало возможным отразить влияние сил Зла.

С явлениями своего сельскохозяйственного обихода, по легенде, изобретенного Осирисом, египтяне привычно связывали и высшие истины своей религии. Душа человеческая была для них подобна семени, посеянному в землю, и там, во тьме материального мира, смертная их оболочка ожидала своего возрождения к Источнику Света и Жизни Вечной. Осирис был не только благотворителем живых; он был также Гадесом, Сераписом и Радамантом, правителем умерших. Посему смерть для верующих египтян была всего лишь одной из ипостасей *обновления*, ведь бог – ее покровитель – был тем же богом, который совершает ежегодное обновление всей живой Природы. Каждое должным образом набальзамированное тело называлось Осирисом и считалось, что после погребения оно воссоединяется с Единым Божеством, или хотя бы в достаточной степени приближается к нему. Ибо когда бог обрел вид человека, дабы принести всем людям благо, вместе с внешней формой он просто не мог не принять все стороны и аспекты земного человеческого бытия. Посему в смерти, как и в жизни, Осирис и Исида походили на людей и являлись их водителями и предшественниками; их гробницы размещались в святилищах верховных богов; и пускай их материальные тела могут быть в Мемфисе или Абидосе, это никак не может повлиять на их нетленную божественную природу: они все равно или озаряют землю в виде дневного и ночного небесных светил или же в мире богов судят бестелесных духов, после смерти приблизившихся к их обители.

Понятие умирающего бога, столь часто встречающееся в мифологиях Востока, о котором мы уже достаточно подробно рассуждали в наставлениях предыдущих градусов, является естественным развитием культа окружающей Природы, истолкованного слишком буквально; ибо для жрецов народов древности Природа, которую смена времен года определенно подвергает видимому разрушению, служила материальным воплощением их богов, которых они, таким образом, наблюдали как в виде единого и неизменного Божества, так и вполне материальных и подверженных изменениям богов. Незримый Правитель Вселенной сосуществовал в их сознании с Его вполне материальными природными проявлениями. Умозрительному Божеству, на существование Которого указывали все происходящие в Природе процессы, поклонялись в ходе аллегорических

посвятительных ритуалов. Траур во время Осеннего равноденствия и празднества возвращения весны были распространены практически повсеместно. Фригийцы и пафлагонцы, беотийцы и даже афиняне, – все они в той или иной степени хранили верность этим ритуалам; сириянки горестно оплакивали Таммуза, или Адони, смертельно уязвленного острыми клыками Зимы, наиболее часто воплощавшейся в образе дикого вепря; эти обряды, равно как и обряды Мистерий Атиса и Осириса, определенно были вызваны к жизни ежегодной кажущейся гибелью растительности, когда Солнце, двигаясь по нисходящей орбите, кажется лишенным былой жизнепорождающей силы.

Осирис – это тот же бог, что сирийский *Адони*, и легенда о его жизни и смерти, которую не имеет смысла здесь повторять, является народной версией священного предания древнеегипетской религии, главным героем которого является Солнце, а моралью – сельскохозяйственный календарь. Заливные долины дельты Нила, обязанные своим плодородием ежегодному разлитию великой реки и окруженные безжизненной пустыней, символизировали для древних народов торжество Жизни посреди царства Смерти. Разливы Нила были для них неразрывно связаны с Солнцем, и поэтому Египет, окруженный солончаковыми пустошами, словно курящийся благовониями алтарь посреди небытия, виделся им женской сущностью, постоянно оплодотворяемой мужским солнечным божеством. Затем брат солнечного бога Тифон, воплощение тьмы, засухи и бесплодия, всем телом бросился в Нил, и тогда Осирис – Благотворитель и Спаситель – погиб на двадцать восьмом году своего славного правления, в семнадцатый день месяца атора (адара), то есть 13 ноября. Другие легенды утверждают, что умер он жарким ранним летом, когда с марта по июль Земля страдала от невыносимого зноя, растительность высыхала, как высыхал, практически совершенно исчезая, и сам Нил. Из мертвых он воскресал, когда Солнце в период солнцестояния возвещало новый разлив и Египет наполнялся радостными песнопениями в ожидании нового урожая. После смерти зимой бог восставал к новой жизни вместе с ранними весенними цветами, и тогда праздновался веселый фестиваль Осириса.

Так и гордость Джамшида, одного из солнечных богов-героев Персии, воплощения солнечного года, была жестоко растерзана Зогаком, тираном Запада. Джамшида рассекли на части рыбьей костью, и немедленно свет над Ираном заволокла мгла. Ганимеда и Адониса

смерть также унесла в расцвете сил и красоты; безвременная гибель Лина, оплакивавшаяся в древней Греции, до мелочей напоминала смерть персидского Сиамека, вифинского Гила и египетского Манерона, сына Менеса Вечного. На древнеегипетских пиршествах распевали элегии Манерона, передавая по рукам небольшие изображения его саркофага, дабы никто из их участников не забывал о мимолетности и бренности земного бытия. Прекрасный Мемнон тоже, конечно, ушел на заре своих величия и молодости, и Енох, раннюю смерть которого оплакивали в Иконии, прожил 365 лет, по числу дней солнечного года, – совсем немного, по сравнению с многими тысячами лет, прожитыми предшествовавшими ему патриархами.

История Осириса заново излагается в легендах об Орфее и Дионисе Загревсе, а также, наверное, об Авситре и Пелии, Ясоне и Фиесте, Меликарте и Итисе с Пелопсом. Ио – это та же самая безутешная Исида, она же Ниоба; Рея оплакивает своего рассеченного на куски господина – Гипериона, а также гибель своего сына Гелиоса, утонувшего в Эридане; и коль скоро Аполлон и Дионис бессмертны, будучи богами, значит, в памяти народов они умерли под иными именами – Орфея, Лина или Гиацинта. На Крите каждый имеет возможность посетить гробницу Зевса. Ипполита сопоставляли по божественным свойствам с Аполлоном, и после того, как его, подобно Осирису, растерзали на части, Диана возвратила его к жизни при помощи пеонийских трав, чтобы он затем остался жить в потаенных эгерийских гротах. Зевс оставил Олимп, дабы посетить Эфиопию; Аполлон был в услужении у Адмета; Тесей, Перифей и Геракл, – практически все герои древних мифов обязательно в какой-либо период своей жизни совершали нисхождение в Гадес; Мистерии учили, что природный бог отправлялся в изгнание, и тогда женщины всей Аттики оплакивали его уход и постились, сидя на земле в течение всех Фесмофорий, а беотийцы также оплакивали нисхождение Коры-Прозерпины в мир теней.

Однако древняя мифология не видела противоречия между практически неизбежной смертью божества и его бессмертием. Временный спад активности Сынов Света являлся для древних мифотворцев лишь одним из эпизодов их вечного существования; и точно так же как Вечность для удобства счисления разделяется людьми на дни и годы, так и огненная смерть Фаэтона или Геркулеса просто знаменует начало нового этапа непрерывного и неизменного процесса фениксоподобного возрождения, позволяющего Осирису жить вечно и оставаться собой сквозь бесконечную череду сменяющих

друг друга мемфисских Аписов. Каждый год возрождается к новой жизни Адонис, и янтарные слезы, проливаемые Гелиадами по своему безвременно ушедшему брату, превращаются в золотой дождь плодородной надежды на то, что Зевс снова снизойдет с бронзового щита небес в объятия Земли.

Бэл, воплощение и символ Солнца, принадлежал к числу высших богов Сирии, Ассирии и Халдеи, и его изображения можно встретить на монументах эпохи Нимврода; также на него часто ссылаются древнееврейские письменные источники. Он был первым великим природным богом Вавилонии, олицетворявшим силу тепла, энергию жизни и плодородия. Изображался он или в виде Солнца, или восседающим на быке. Практически все детали убранства его великого храма в Вавилоне, как их описывает Геродот, воспроизводятся в несколько уменьшенном виде в иудейских Скинии и Храме. Сходство было бы полным, если бы иудеи сохранили также огромную золотую статую бога в самом центре святилища. Слово «Бэл», или «Ваал», как и слово «Адон», означает «господин», или «хозяин». Он также был верховным богом моавитян, аммонитян и карфагенян, да и вообще всех савеян; галлы также поклонялись Солнцу под именем Беллина, и на многих кельтских памятниках сохранилось имя одного из старших богов местного пантеона – Бела.

Северные предки греков ревностно хранили несколько более мужественный характер своей мифологии по сравнению с женственными образами мифологии Юга, – поэтому в образах Персея, Геркулеса и Митры они собрали воедино и воплотили все качества личности, которые более всего ценили в человеке.

Наверное, нет на Земле такого народа, чья ранняя мифология не могла бы похвастаться неким персонажем, добродетели и слабости, жизнь и смерть которого не отражали бы годовой цикл перемещений Солнца по небосклону. Свой Геркулес был у кельтов, тевтонцев, скифов, этрусков и лидийцев, – и легенды всех этих народов несомненно легли в основание соответствующего греческого мифологического свода. Геродот обнаружил, что имя Геркулеса издавна было знакомо в Египте и вообще среди народов Востока, причем изначально это имя принадлежало гораздо более величественной и удаленной от Земли личности, чем известный практически любому современному человеку сын Алкмены. Исторические источники сообщают, что храм Геркулеса в Тире был построен за 2 300 лет до времен Геродота; и Геркулес, чье греческое имя было, как считалось, финикийского

происхождения и означало «Замыкатель цепи», то есть «обходящий Землю кругом», был покровителем и наставником мореходов, которые распространили культ поклонения ему и возвели ему жертвенники по всему Средиземноморью, от берега до берега, до самой западной окраины этого региона, где «Аркалей», по легенде, возвел город Гадес, в котором горел вечный огонь в его честь. Он являлся прямым потомком Персея, светлого сына тьмы, зачатого в подземном медном гроте; он является тем же богом, что персидский Митра, воздвигший своих львов над вратами Микен и обратявший меч Джамшида на Запад, против Горгон. В Зенд-Авесте Митра описывается как «*могучий герой, быстрый бегун, от чьего острого глаза не ускользнет ничто, в чьих руках палица, которой он поразит Даруда*».

Геркулес Нерожденный (*Hercules Ingeniculus*), держащий в руке палицу и, преклонив одно колено, попирающий ногой голову Змея, был, подобно Прометею и Танталу, одним из воплощений борющегося, то победоносного, то побежденного Солнца. Подвиги Геракла – всего лишь отражение победоносной силы Солнца, постоянно горделиво заявляющей о себе. На далеком Севере, в земле гипербореев, он, сняв львиную шкуру с плеч, улегся спать и потерял лошадей своей колесницы. С тех пор эта северная земля, обитель холода и грусти, «земля смерти и воскресения Адониса» – Кавказский хребет, чьи вершины столь высоки, что кажется (как и глядя на гору Меру в Индии), что годовой цикл обращения Солнца вокруг Земли начинается и заканчивается именно над ними, – превратилась в воображении древних греков в последний предел бытия, в обитель зимы и разрушения, вершину воображаемой арки, соединяющей верхний и нижний миры, а посему закономерно, что именно эти горы были избраны местом вечного наказания Прометея. Дщери Израилевы, оплакивавшие Таммуза, как пишет Иезекииль, сидели на земле, обратясь лицом к северу и ожидая, что он возвратится к ним именно оттуда. Происходило это именно в то время, когда гипербореи оплакивали исчезновение Кибелы и солнечного бога, а Фригия, лишившись своих богов, страдала от повального голодомора. Делос и Дельфы ожидали возвращения Аполлона из земли гипербореев, а Геркулес именно оттуда принес на Олимп первый оливковый побег. Для всех масонов Север во все времена был символом тьмы, и из всех великих светочей ложи ни один не помещается на Севере.

Митра, бог, порожденный камнем (Πετρογενης – Петроген), возвещал возвращение весны, до поры скованной, как Прометей,

и заключенной в темную и холодную пещеру Зимы. Традиционный у древних персов вечный огонь на скале символизировал именно этого порожденного скалой бога в священнейшем его святилище, а погребальный костер Геркулеса символизировал Солнце, умирающее на пике славы за западными горными склонами. Однако несмотря на то что бренные, плотские воплощения богов могут умирать, вечная и беспредельная их сила продолжает существовать, царить и даровать всему окружающему избавление и освобождение. Неотъемлемым свойством титанов полагали их неизменное воскресение после каждого падения, ибо вслед за периодом упадка во всей Природе неизменно следует новый рассвет, и оба эти процесса управляются силой, проистекающей из одного Источника.

«*Бог,* – пишет Максим Тирский, – *не собирался избавлять Своего Сына (Геркулеса) от каких бы то ни было бед и напастей мира людей. Фиванский аналог Юпитера также настрадался и натерпелся бед в земной жизни. Достойно преодолев все препятствия на своем земном пути, он неопровержимо доказал свое право на обладание Небесами. Жизнь его была постоянной борьбой. Он не выстоял в схватке с Тифоном в пустыне, и в начале осеннего сезона* [cum longæ redit hora noctis[I]] *сошел в Гадес, ведомый Минервой. Он умер, но сначала успел испросить право на посвящение у Евмолпа, дабы должными религиозными обрядами сопроводить этот переход. Уже в Гадесе он спас Тесея и убрал камень, под которым был заточен Аскалаф, воскресил бескровных духов и вытащил на свет стража царства теней ужасного Кербера, по праву считавшегося непобедимым в силу того, что являлся символическим воплощением самого Времени; он разорвал цепи смерти (ибо Бузирис есть смерть во плоти) и, исполненный той же славы, в лучах которой сошел во гроб, был, завершив все свои труды, снова принят Небесами, чтобы навечно остаться в его мирных чертогах, одесную Зевса, в обители вечной молодости*».

Одина, по свидетельству историков, германцы в древности почитали под двенадцатью различными именами, и еще под 114 именами – окрестные народы. Это скандинавский Аполлон, и, по Волюспе, ему судьбой предначертано побороть гигантского Змея. И как только это произойдет, Солнце исчезнет, суша будет размыта водой мирового океана, звезды погаснут, и вся Природа погибнет, чтобы воскреснуть вновь. Из водных глубин поднимется новый зеленый мир, где никто ничего не сеял, взойдут обильные урожаи, и зла не будет в этом мире никогда.

Вольная фантазия древних, соткавшая причудливую паутину мифов и легенд, была освящена глубокой внутренней верой. В отличие от современного образа социального мышления, она не строила себе утлого храма заимствованных извне религиозных понятий, все пребывающее вне стен которого видится нечистым и грубым. Воображение, разум и религия пользовались одним и тем же символическим аппаратом, и все символы тех времен были исполнены глубочайшего смысла – его нужно только тщательно искать и находить. В те времена люди не строили измышлений на голом месте, подобно нам, загнанным в узкие границы современных философских понятий и теорий, которые мешают нам адекватно воспринимать мудрость древних. В истолковании творений фантазии следует руководствоваться не столько холодным рассудком, сколько своей собственной фантазией, ведь большинство противоречий современной философии проистекают от неверного толкования разными людьми древнейших символов.

Для народов древности Земля была центром Вселенной. Для них не существовало никаких иных миров, населенных одушевленными существами, которые могли бы поспорить с землянами в правах на заботу и опеку Бога. Для них мир был неохватной, даже непостижимой по размерам плоскостью, и Солнце, Луна и звезды вращались вокруг нее, даруя ей свет. Поклонение Солнцу лежало в основе всех религиозных культов древности. Свет и тепло для древних были великими таинствами Природы, – таковыми они остаются и для нас. Солнце возвещало день, отсутствие Солнца – ночь; когда Солнце двигалось на север, наступали весна и лето; а когда оно направлялось на юг, начиналась осень, потом зима, и во всем мире устанавливалось царство холода, долгих ночей и всеобщей тьмы... Своей властью Солнце заставляло листья появляться на ветвях деревьев, урожай – зреть, реки – регулярно разливаться. Поэтому Солнце не могло не стать для древних народов самым важным и самым интересным объектом наблюдений во всей материальной Вселенной. Для них оно было изначальным внутренним огнем их материальных тел, огнем самой Природы. Источник света, тепла и пламени, оно было для них первопричиной всего сущего, ибо без него невозможным становится любое движение, любое существование в любой форме. Оно было для них титаническим, неделимым, бессмертным и вездесущим. Нужду в его свете, тепле, в его животворящей энергии во все времена испытывали все люди без исключения; и не было для них ничего

страшнее его отсутствия на небосклоне. Его благотворное влияние на все жизненные процессы привело к отождествлению его с Первопринципом Добра; Брахма индийцев, Митра персов, Атум, Амон, Пта и Осирис египтян, Бэл халдеев, Адонай финикиян, Адонис и Аполлон греков стали, таким образом, человеческими воплощениями Солнца, жизнеутверждающего принципа, плодородия и неизменных упадка и возрождения материальной Природы.

Точно так же они воплощали вечную борьбу между Первопринципами Добра и Зла, между жизнью и смертью, разрушением и возрождением; эта борьба воспроизводилась в виде аллегорических притч и поэтических легенд, неизменно описывающих годовой цикл движения Солнца: опускаясь в Южное полушарие, оно становилось героем, терпящим поражение от сил тьмы или гениев Зла и умерщвляемым ими, но затем, когда Солнце возвращалось в Северное полушарие, легендарный герой воскресал и побеждал всех врагов. Эти смерть и воскресение также определенно отражали постоянную смену дня и ночи, смерть как неотъемлемое свойство жизни и жизнь как последствие смерти, – повсюду древние склонны были видеть борьбу двух Первопринципов, правящих миром. Это противоборство они описывали поэтическим языком преданий и легенд, в которые искусно вплетали описание всех астрономических явлений, которые предшествовали, сопутствовали или следовали за перемещениями Солнца, например смены времен года, разливов рек и засух. Так и появились на свет причудливые и крайне разнообразные описания противостояния Тифона и Осириса, Геркулеса и Юноны, титанов и Юпитера, Ормузда и Аримана, восставших ангелов и Бога, гениев Добра и Зла, а также множество иных подобных сказаний не только Азии, но и Северной Европы, и даже мексиканцев и перуанцев Нового Света; скорее всего, по миру их разносили финикийские путешественники, познакомившие мир с культурой и цивилизацией вообще. Скифы оплакивали гибель Акмона, персы – Зогака, побежденного Феридоном, индуисты – Суры-Парамы, умерщвленного Супрой-Муни, а скандинавы – Бальдура, растерзанного на куски слепым Хёдом.

Древние люди точно так же осознавали беспредельность пространства, как мы сейчас. Вообще первыми двумя великими изначальными идеями были идеи беспредельного пространства и безначального, бесконечного времени. Человек не способен осознать, каким образом вещи сочетаются с вещами в мире и как одно событие нанизывается на ту же нить, что другое. Всегда в мозгу

человека присутствует мысль о том, что сколь долго ни прибавлять массу к массе, вещь к вещи, все равно за пределами всех вещей, сложенных вместе, будет оставаться огромное *пустое* пространство, и пространство это бесконечно. Точно то же самое можно сказать и о нанизываемых на одну нить событиях и беспредельном времени, потому что помимо всех сведенных воедино событий существует и непостижимо огромное, ничем не ограниченное *пустое* время, не заполненное событиями.

Древние осознавали, что в этом незаполненном пространстве нет ни света, ни тепла. Они *чувствовали* то, что мы теперь знаем, исходя из научных исследований, а именно, что там царит абсолютная непроницаемая тьма и такой холод, какой мы, в сущности, не в силах представить себе. Они полагали, что именно в эту холодную пустоту нисходят Солнце, Луна и звезды, огибая горизонт на Западе. Тьма была для них символом зла, она внушала им безотчетный смертельный ужас. Она была для них воплощением Первопринципа Зла, его порождением. Стоило Солнцу начать склоняться к Югу, в сторону пустоты и тьмы, сердца их наполнялись страхом, а когда после Зимнего солнцестояния оно снова начинало путь к Северу, они радовались и праздновали это счастливое событие, и повторяли празднества в день Летнего солнцестояния, когда Солнце улыбалось им на пике своей славы. С тех пор эти дни празднуют практически без исключения все цивилизованные народы Земли. Христианская церковь сделала эти дни своими престольными праздниками – днями двоих Святых Иоаннов, – и масонство торжественно отмечает оба эти дня.

Мы, для кого вся величественная Вселенная успела превратиться в гигантскую *машину,* якобы лишенную единой великой Души, просто своего рода *часовой механизм,* хотя и невообразимых размеров, но все равно далекий от бесконечности, который мы способны – пусть только отчасти – воспроизвести своими слабыми силами; мы, измерившие размеры вещей и расстояния между ними, изучившие притяжение Земли и вычислившие орбиты движения Луны и планет; мы, кому ведомы расстояние от Земли до Солнца и размеры последнего; мы, высчитавшие расстояния до неизмеримо удаленных от нас звезд и траектории мимолетных комет в необъятном Космосе, открывшие, что звезды суть такие же солнца, как наше Солнце, что они так же, как наше Солнце, окружены целыми мирами неведомых нам планет, что все миры управляются едиными и совершенными законами и внешними высшими силами, центробежными и центростремительными;

мы, при помощи телескопов очертившие границы галактик, туманностей и звездных скоплений, открывшие новые, ранее не известные планеты, сначала вычислив их посредством наблюдения за общими для всей Вселенной процессами силового взаимодействия, узнавшие, что все они: и Юпитер, и Венера, и огненный Марс, и все остальные планеты, и сияющая мягким светом вечно меняющаяся Луна, – все они представляют собой лишь матовые, темные и тусклые шары, подобно Земле, а не скопления небесного духовного света или живого сияющего пламени; мы, подсчитавшие горы и впадины на лунной поверхности при помощи линз, которые позволили бы нам в подробностях рассмотреть отсюда Храм Царя Соломона во всем великолепии его, если бы он все еще стоял на своем месте; мы, более не считающие, что звезды способны влиять на наши судьбы, подсчитавшие сроки солнечных и лунных затмений на десятки тысяч лет вперед и назад и научившиеся предсказывать их наступление; мы, обладающие значительно более обширными и глобальными знаниями о Великом Строителе Вселенной, но при этом гораздо более приземленным, чем у древних, механистическим представлением о Вселенной, – мы не способны составить даже самое отдаленное представление, которое не являлось бы плодом нашего *воображения,* об этих великих, древних, простодушных детях Природы и о том, что они *чувствовали,* взирая на небесные воинства звезд, на заснеженные склоны Гималаев, бескрайние долины древней Халдеи, пустыни Мидии и Персии или на берега величественного и исполненного непроницаемой тайны Нила. Вселенная для них была *живой* и исполненной таинственных, непостижимых сил и влияний. Для них она была отнюдь не машиной, не механизмом, а гигантским живым существом, точнее совокупностью живых существ, дружественных или враждебных человеку. Всё для них было тайной и чудом, и звезды над головой говорили с ними чуть ли не человеческим голосом. Юпитер, источающий умиротворяющее спокойное сияние, считался властелином небесных воинств; Венера любяще взирала на Землю и благословляла ее; Марс пурпурными языками пламени грозил войной и прочими напастями; холодный и мрачный Сатурн внушал людям страх и отвращение. Неизменно изменчивая Луна, постоянная и верная спутница Солнца, была для них одним сплошным чудом, а само Солнце – зримой эмблемой творческой жизнепорождающей силы. Земля для них была огромной плоскостью, над которой шествовали Солнце, Луна, планеты и звезды – ее слуги, обязанность которых состояла в том лишь, чтобы

светить. Одни звезды были для древних благими вестниками весны, периода цветения и плодоношения, верными стражами, возвещающими периоды разлива рек, засухи или бурь и дождей; другие же были вестниками злыми, и считалось, что Злом они порождены и зло несут человеку. Затмения Солнца и Луны они считали временными победами сил зла в силу неведомых, сверхъестественных причин. Регулярное обращение звезд, восходы Арктура, Ориона, Сириуса, Плеяд, Альдебарана, перемещения Солнца по небу были для них не механическими, а осмысленными и одушевленными процессами. Ничего удивительного поэтому нет в том, что астрономия вскоре стала главнейшей из наук и постигшие ее в совершенстве становились правителями народов, что величественнейшие памятники мирового зодчества: египетские пирамиды, Вавилонская башня и прочие подобные высотные сооружения древней Азии, – строились именно в целях наблюдения за небом. Ничего удивительного нет также и в том, что древние народы в своей детской простоте поклонялись свету, Солнцу, планетам и звездам, создавали их человеческие образы и ревностно веровали во все сочиненные об их приключениях истории. В то время способность человека *верить* была совершенно ничем не ограничена, – как, впрочем, и в наше время, и всегда, в прошлом, настоящем и будущем.

Если сохранять верность литературно-исторической традиции, античность представляется каким-то непроницаемо темным ужасным хаосом, все великие мудрецы этого периода видятся лишенными своего величия, как, впрочем, и масонство, и первооткрыватели и носители его великих истин. Но стоит истолковать различные аллегории той эпохи – и излагаемые в них в завуалированной форме факты перестают казаться абсурдными, а события – обладающими узкоместным значением; они превращаются в уроки мудрости для человечества в целом. И ни у кого из посвятивших определенное время их изучению не возникает сомнений, что проистекают они из единого источника.

Глубоко заблуждается, однако, тот, кто полагает, что коль скоро все притчи и мифы народов древности основаны на тех или иных астрономических процессах и явлениях или имеют к ним отношение, коль скоро все языческие божества – это просто некие более или менее материальные образы, просто имена, под которыми разные народы почитали Солнце, звезды, планеты, знаки Зодиака, стихии, природные силы и всю вообще Вселенскую Природу, – значит, древние

поклонялись звездам или каким-то иным материальным объектам, обладавшим, по их мнению, определенными реальными или воображаемыми силами или влиянием на судьбы людей и человечества в целом.

Всегда, во все времена и у всех народов, даже в отдаленнейшей древности, которой способны достигнуть яркий свет науки или призрачные отблески традиции, мы видим превыше всех богов, являющихся воплощениями небесных светил и стихий или единой Вселенской Природы, Верховного Единого Бога, от Которого проистекают (эманируют) или Которым творятся все прочие божества. Превыше бога Времени Гора, богини Земли или Луны Исиды, солнечного бога Осириса египтяне ставили Амона, бога Природы; а превыше Амона был для них Беспредельный и Непостижимый Бог Атум. Брахман – молчаливый, самосозерцающий изначальный единый Бог, в соответствии с верованиями индуизма, породил Брахму, Вишну и Шиву. Превыше Зевса и прежде него существовал Крон, или Уран. Превыше Элохимов был великий единый бог всей Природы Эл, а превыше Эла – Высшее Абстрактное Бытие – יהוה – Сущий, Который Был, Есть и Пребудет. Превыше всех персидских божеств было Беспредельное Время – Зерван-Ахерон, а превыше Одина и Тора – Великий Единый скандинавский Бог *Альфадир*.

Верование во Вселенскую Природу как в бога слишком схоже с религиозным поклонением Мировой Душе, чтобы являться врожденной верой какого-либо грубого первобытного племени. Представление о Природе как о едином целом, несмотря на все множество и многообразие составляющих ее явлений и процессов, для своей выработки требует опыта и способности к логическому обобщению, которыми определенно не обладали первобытные племена, – ведь это представление находится всего в одном шаге от осознания понятия Мировой Души.

Вначале у человека было Слово, и Слово было от Бога, и живая Сила, сообщенная человеку этим Словом и через Него, породила Свет его бытия.

Бог сотворил человека по образу и подобию Своему. Путем многочисленных последовательных геологических преобразований приспособив Землю к обитанию человека на ее поверхности, Он сотворил его и поместил в той части Азии, которую все народы древности единогласно признавали колыбелью человеческого рода и откуда впоследствии люди расселились вплоть до Индии, Китая, Египта,

Персии, Аравии и Финикии. Он сообщил человеку понимание природы его Творца, иначе говоря, основы изначальной, примитивной, простой и истинной религии. Отличительные черты и совершенство перволюдей, их предназначение в жизни и истинная их природа были определены тем, что они являлись образами и подобиями Господними. Он запечатлел Свой образ в душе первых людей. Образ этот пребывал в душе как каждого конкретного человека, так и человечества в целом, но он варьировался от человека к человеку, со временем изменялся и искажался, однако все страницы древней истории буквально испещрены полустертыми, но все еще достаточно отчетливо различимыми литерами Божественного Имени; любой мыслящий человек способен открыть еще не до конца стершиеся эти буквы в собственной душе, если только даст себе труд поискать их.

В священных религиозных традициях практически всех народов древности можно обнаружить сокрытые следы и рассеянные повсюду приметы изначального Откровения человеческому роду, изначального Слова Божественной Истины; если изучать эти следы в отрыве от контекста, они представляются бессмысленными осколками некогда единого целого, таинственными знаками, не подлежащими толкованию, своего рода фрагментами старинной скрижали, вроде скрижалей Моисея или дворцовых мозаик эпохи Нимврода, много веков назад украшавших портал величественного духовного здания. В ходе постоянного и печально неизменного вырождения человечества изначальное слово Откровения подвергалось постоянным искажениям, в него добавляли что-то новое, зачастую ошибочное, его скрывали под пеленами бесчисленных и многообразных выдумок, при изложении его нещадно путали и изменяли до полной неузнаваемости, – и все равно при пристальном и непредвзятом изучении язычества нам раскрываются многие истины этого изначального Откровения.

Ибо древнее язычество, как бы то ни было, основывалось все же на Божественной Истине; и если нам удалось бы разграничить чистые порывы к изучению Природы и простых ее символов, составляющие основу языческого вероучения, с одной стороны, и все заблуждения и позднейшие наслоения привнесенных ошибок и суеверий, с другой стороны, – эти первые потаенные свидетельства врожденного Знания перволюдей оказались бы пребывающими в абсолютном согласии с истинным и верным знанием, они предстанут перед нами чистой, последовательной и совершенной философией свободной мысли.

Сразу после акта Творения в душе человеческой началась вечная непримиримая борьба между Божественной Волей и волей природной. Каин умертвил брата своего Авеля и удалился в те края, где жили неверные, то есть люди, по собственной доброй воле отвергнувшие Истину Бога Единого. Потомки сынов Единого Отца впоследствии брали себе в жены дочерей потомков Каина; и в памяти всех народов с тех пор хранится воспоминание об этом древнейшем разделении рода человеческого на верных и неверных, нашедшее, пусть и в значительной степени искаженное, отражение в разнообразных преданиях о розни и войне богов и титанов, или гигантов. Впоследствии произошло новое разделение человечества, в результате которого только сынам Сифа удалось сберечь истинные и изначальные религию и науку, которые они передали своим потомкам в форме таинственных символов, покрывающих возведенные ими каменные монументы; действительно, многие народы до сих пор отлично сохранили воспоминания о древних знаниях, запечатленных на колоннах Еноха и Сифа.

Затем мир впал в язычество, в идолопоклонство и утратил изначальные счастье и величие, однако все народы сохранили в памяти поколений воспоминания об изначальном счастливом состоянии, и поэты, которых можно назвать единственными профессиональными историками того времени, помогали своим народам хранить эти воспоминания, слагая песни о прошлых веках человечества – Золотом, Серебряном, Бронзовом и Железном.

На протяжении многих веков древняя религиозная традиция шла своим собственным путем практически у каждого из цивилизованных народов, и различные ручьи новых верований, проистекавшие из одного истинного Источника, неуклонно текли вниз: некоторые из них напитали живительной влагой веры благодатные земли плодородия и жизни; другие же вскоре иссохли, исчезли из виду среди солончаков и пустынь людских суеверий.

После того как изначальное, внутреннее Слово Божье, в начале времен сообщенное Им Самим человеку, совершенно исчезло; когда разорвалась связь человека с его Творцом, – даже сам язык человеческий оказался подвержен путанице и смешению. Простая Божественная Истина оказалась погребенной под многочисленными слоями позднейших выдумок и невразумительных символов, наконец представ перед новыми желающими ее познать причудливым нагромождением духовных фантомов.

Ибо так неизменно бывает со всяким видом идолопоклонства: нечто, изначально служившее всего лишь символом, эмблемой некоего возвышенного принципа, некоей идеи, постепенно отождествляется с самим этим принципом и даже замещает его, само по себе становясь объектом религиозного поклонения, а затем приходят новые заблуждения, новые символы – и язычество приобретает все более низменные и абсурдные формы. Народы древности многие знания обрели из Первоисточника священной традиции; однако чванная гордыня, являющаяся, к сожалению, неотъемлемой чертой человеческого рода, со временем привела их к стремлению выдавать эти крупицы истинного Знания за свое собственное достижение и безраздельную свою собственность; таким образом они стремились возвыситься в глазах окружающих, присвоить себе большую значительность, нежели они заслуживали, представляя себя особыми избранниками Господними, единственным народом, который Он счел достойным того, чтобы передать ему Свои истины на сохранение. Дабы сделать эти крупицы истины недоступными более ни для кого, оставить их за собой, эти люди принялись скрывать их под пеленой многоуровневых символов, причудливых аллегорий, притч, понятных одним лишь им самим. Таким образом, вместо того чтобы хранить изначальное знание в его первозданной простоте и высшем величии чистоты, они изуродовали его поэтизированными украшениями, превратив в нагромождение, на первый взгляд, бессмысленных сказок, которые раскрывают истинное свое содержание только при пристальном и беспристрастном анализе.

В груди человека постоянно происходит борьба враждующих между собой сил; это наследие изначального Откровения, дарованного ему Богом в виде абсолютной Истины; противостоят ей заблуждения, заставляющие человека отвратить взор свой от Бога и устремить его на Природу. Полученные в результате откровения низких «истин», являющихся, по сути, заблуждениями, ведут человечество к созданию ложных верований и религиозных традиций, которые растут, множатся и процветают, достигая огромного влияния на людей, славы и высокого социального статуса, в то время как сама Божественная Истина более не охраняется с должным рвением в древних чистоте и величии. Это в той или иной степени рано или поздно начинало происходить во всех странах древнего мира, но в особенности в Индии, Халдее, Аравии, Персии и Египте; обладая живым воображением и несомненно чутким чувственным

восприятием Природы, народы этих стран первыми осуществили вышеперечисленные религиозные преобразования. Небесная твердь, как они отлично видели невооруженным глазом, несла на себе многочисленные сияющие созвездия, и на древнего человека они производили несомненно гораздо большее впечатление, чем на человека современного.

Среди китайцев, простого, патриархального и замкнутого народа, язычество в течение долгого времени не прививалось. Письмо они изобрели в течение жизни третьего или четвертого поколения после Потопа, а поэтому им удалось сохранить для потомков неискаженными многие аспекты первичного Откровения; их учения характеризуются меньшим количеством суеверий и позднейших наслоений, чем те фрагменты изначального знания, которые сумели сохранить другие народы. Китайцы были одним из народов, стоявших у истоков священной традиции человечества; некоторые отрывки их священных писаний содержат весьма интересные толкования священных истин и Слова изначального откровения, наследия мысли, внушающей нам неизменное почтение.

А вот у других древних народов неуправляемое и неразумное стремление к самостоятельному познанию и слепое языческое поклонение Природе вскоре заставили людей оставить веру в Бога Всемогущего, уйти в сторону от понимания, или исказить понимание Вечного Вселенского Духа. Великие природные силы и стихии и жизненный Первопринцип зарождения и сохранения жизни во многих поколениях, затем небесные духи и воинства, сиятельные легионы звезд, величественное Солнце и постоянно меняющаяся Луна (которые люди считали в древности отнюдь не шарами из космического света и огня, а живыми, одушевленными существами, обладающими таким же предназначением и такой же судьбой, что и человек), затем гении и духи-хранители, затем души умерших, – всем им поочередно оказывались религиозные почести. Животные, некогда служившие эмблемами зодиакальных созвездий, почитавшиеся исключительно как их символы, вскоре стали почитаться уже в качестве самостоятельных богов; Небо, Земля и природные процессы на ней обрели воплощение в человеческом облике; особые персонажи были выдуманы для того, чтобы как-то объяснить происхождение письменности, наук и некоторых других известных в то время осколков изначальной религиозной мудрости; также объектами религиозного поклонения со временем стали Первопринципы

Добра и Зла, – но несмотря на все это, повсюду в религиях древнего языческого мира мы видим всепроникающие серебряные нити изначального Откровения.

Чем больше изучаешь старинные писания Востока, тем больше получаешь подтверждений того, что они происходят из одного первоисточника. Восточный и южный склоны Паропамиза, или Гиндукуша, населяли родственные иранские народы, схожие религиями, обычаями и языками. Подавляющее большинство древнейших иранских и персидских божеств были символическими образами небесного Света, и долгом их повсеместно считалась постоянная борьба с силами Зимы, холода, бури и мрака. Религия обоих народов, в сущности, была поклонением окружающей природе, особенно ее проявлений в свете и огне; и сходство между их религиями слишком разительно, чтобы быть простым совпадением. Слово «*дэва*», то есть «бог», происходит от корня «*див*» – «светить». Индра, подобно Ормузду (Ахура-Мазде) – это сияющая небесная твердь; индийское слово «*сура*», или «*сурья*» – «небесный», древнее индуистское имя Солнца – в Зенд-Авесте приобретает вид «*хуаре*», что также означает «солнце»; от него же происходят имена Хур и Хоршид, или Кораш. Зендскими и мидийскими божествами являются также Уша и Митра; семерых Амешаспента – Священных Бессмертных Зенд-Авесты – вполне можно отождествить с семерыми ведическими Риши – звездными богами, или созвездием Большой Медведицы. Зороастризм, равно как и буддизм, был нововведением по отношению к древней вере, а поэтому между религиями браминов и парсов и сейчас можно обнаружить как сходные черты, так и следы древнего разделения, даже былой вражды. Изначальная религия поклонения Природе, в которой сочетались понятия Вселенского Божественного Присутствия и непрерывности действия, приобретала в своем развитии различные формы вследствие определенных различий, существующих между складом ума индийцев и персов.

Древние пастухи Пенджаба, тогда именовавшегося Семиречьем, чьей вдохновенной свыше мудрости (*Веда*) мы обязаны, наверное, первыми в истории религиозными писаниями на человеческом языке, изображали в виде людей природные силы, которым поклонялись. Первым в ряду их богов стоял *Индра*, бог голубой, или блистающей, тверди, также именуемый Дэвапита – Отец дэвов стхийных сил, измеривший окружность небес и заложивший основание Земли; *Варуна* – «Всепроникающий, или Вездесущий» – обитал также повсеместно,

в воздухе, воде, в ночи и дне, во всем пространстве между небом и Землей; великим посредником между богами и людьми являлся *Агни*, бог огня, обитавший как в огне приносимых ему жертв, так и в семейном очаге, и в блеске молнии; Уша, или Заря, по утрам призывала богов к ежедневной трапезе опьяняющей *сомой* жертвоприношений всей Природы, лишь утлое символическое подобие которой способен создать жрец из доступных ему земных плодов и веществ. Далее шли разнообразные солнечные боги: Адитья, или воплощенные солнечные свойства, Небесный Сурья, Прародитель Савитри, Кормилец Пашан, Счастливый Бага, Друг Митра.

Творение Предвечным Богом материального мира представлялось ими в форме брачного союза, и первой Его эманацией была Вселенская Мать, как считалось, существовавшая внутри него в течение всей Вечности, или, выражаясь метафорически, бывшая его сестрой и супругой. Так Вселенская Мать стала матерью древнеиндийской Троицы, то есть того же Всевышнего Бога, воплощенного в трех Его высших Свойствах – Творении, Сохранении и Переходе, или Возрождении.

Наиболее распространенными, в силу наибольшей доступности для человеческого понимания, воплощениями Вишну – Хранителя Мира – были последовательно возникающие *аватары*, или исторические образы божества, пересекающего границы таинственной непостижимости своей природы, дабы раскрыть себя своим творениям в критические периоды истории тварного мира, в начале каждой новой эпохи, привносящей в мир новые истины и новый порядок. Борясь с силами зла в различных природных сферах и в разное время, Бог, пусть и приобретая разнообразные формы выражения, остается по сути одним и тем же, будь то Его проявления в полезных сельскохозяйственных или общественных преобразованиях, в победах над враждебными верованиями, или в природных процессах, оставляющих следы в традиционной религии или космогонических теориях. Как Рама, эпический герой, вооруженный палицей, мечом и луком со стрелами, прототип Геркулеса и Митры, он, подобно древним иудейским патриархам, борется с силами тьмы и зла; как Кришна-Говинда, божественный пастух, он является вестником мира, покоряющим мир музыкой и любовью. Даже принимая вид человека, он никогда не утрачивает своей Божественной природы, не перестает быть Верховным Божеством. «*Глупец,* – говорит он в «Бхагавадгите», – *незнакомый с Моей возвышенной сущностью,*

презирает Меня в Моей человеческой форме, а люди великого ума, просвещенные Божественным Принципом, пребывающим в их душах, признают Меня предвечным и пребывающим вне и превыше всех вещей, и служат Мне всем сердцем, безраздельно». И далее: *«Не все признают Меня, ибо сверхъестественная Божественная сила сокрыта внутри Меня; Мне же ведомо все в прошлом, настоящем и будущем; Я существовал прежде Вайвасвата Ману. Я Бог Всевышний, Творец Мира, Предвечный Пуруша* [Мир Людей, или Мировой гений]. *И пусть Я, по Своей природе, свободен от тенет рождения и смерти, и Я – Господь всего сотворенного в мире, все равно стоит лишь добродетели ослабнуть в мире и греху и несправедливости – воцариться в нем, Я воплощаюсь здесь и открываю Себя из века в век, дабы даровать спасение праведным, уничтожить виновных и возвратить уверенность поступи добродетели. Тот, кто признает Меня таковым, не войдет в другую материальную форму, покинув форму нынешнюю, ибо он войдет в Меня; и многие из тех, кто уверовал в Меня, уже вошел в Меня, очистившись силою мудрости. Я помогаю ходящим Моими путями и служащим Мне».*

Брахма, агент Творения, приносит себя в жертву, нисходя в материальный мир в материальных же формах для исполнения своего предназначения, и его легендарная история переплетается с историей Вселенной. Таким образом, пусть и сохраняя духовное единство с Верховным Божеством, Господом всего тварного мира (*Праджапати*), он также разделяет несовершенство и испорченность более низменной природы; претворяясь в разнообразные бренные формы он, по легенде, подобно греческому Урану, совершает духовное грехопадение. Он соединяет в себе две личности, бесформенную и обладающую формой, бессмертную и смертную, бытие и небытие, движение и покой. Как воплощенный Разум, или *Слово,* он передал человеку то, что было сообщено ему Предвечным, ибо он есть как Душа Вселенной, так и Тело, в котором воплощается Божественное Слово, начертанное в нем духовными буквами, власть толковать которые дарована любому освобожденному духу.

Основополагающий принцип религии индуизма состоял исключительно в вере в Единого Бога, бессмертие души и вознаграждение или наказание в загробном мире. Понятия браминов о нравственности включали в себя обязательство и необходимость практиковать добродетели ради обретения счастья, насколько оно возможно в этом преходящем мире: от счастья в этом мире, в соответствии

с религиозными представлениями древних индийцев, зависело их счастье и в мире загробном.

Кроме веры в переселение душ, доктрины их религиозной концепции можно свести к следующим нескольким основным положениям:

Существует Единый Бог, творец и прародитель всех вещей в этом мире, которые должны в конце времен возвратиться к Нему. Его именуют Вселенской Предвечной Сутью, существовавшей всегда и существующей вечно, оживляющей и одухотворяющей все вещи, Вездесущим Управителем и Движителем небесных тел по путям, Им предначертанным.

Первопринцип Добра обладает тройственной природой, включая в себя Творение, Сохранение и Обновление через смерть и воскресение.

В силу необходимости, существует также и Первопринцип Зла, занятый постоянным препятствованием благим начинаниям Первопринципа Добра. Оба Первопринципа совершают действия через *девата*, или низших, подчиненных духов, которым доверена власть над различными происходящими в Природе процессами.

А также в свое религиозное учение они включали следующее положение: «*В Вечности всегда существовало одно-единственное великое и непостижимое Существо. Все сущее и мы сами суть Его частицы. Душа, ум и разум, богов, людей и всех мыслящих существ суть отчужденные частицы Мировой Души, к которой в назначенное время им предназначено возвратиться. Однако разум бренных существ испытывает на себе постоянное влияние непрерывной цепи иллюзий, которые они привыкли считать реальностью и которые будут оставаться для них таковыми, пока они не возвратятся к источнику изначальной Истины. Из всех этих иллюзий первой и основной является личность, то есть индивидуальность. Под ее влиянием отчужденная от своего истока душа утрачивает знание собственных природы, происхождения и предназначения. Она начинает считать себя самостоятельным существом, а не искрой Божества, не звеном единой гигантской цепи, не неизмеримо малой, но незаменимой частицей единого великого целого*».

Любовь древних индийцев к поэзии и их творческое мышление заставили их придавать человеческий облик определенным свойствам Бога, видимо, с той целью, чтобы облегчить их осознание людям приземленным и низменным, для которых совершенно

непостижима была идея неописуемого, непознаваемого, незримого Бога; с этой целью они создали образы Брахмы, Вишну и Шивы, или Ишвары. Эти три бога воплощались в различных формах, однако нигде нельзя обнаружить какую-либо материальную эмблему, или символ, Бримы, или Брахмы Всесильного. Индийцы полагали, что бытие Верховного Правителя Вселенной пребывает вне сферы человеческого понимания. Они думали, что всякое существо, наделенное мышлением, просто не может в силу этого не обладать знанием о Боге как Первопричине бытия; в то же время попытки осознать Божественное Бытие и хотя бы отчасти истолковать его в понятиях нашего собственного бытия они считали не только смешными, но и в высшей степени святотатственными.

Следующий отрывок из одной из их священных книг позволяет судить об основах вероучения их религии: «Один лишь Верховный Правитель пронизывает Своим присутствием всю Вселенную, каждый мир во вселенском природном цикле... Существует единый Верховный Дух, дух нерушимый, который быстрее мысли человека. Верховный Дух перемещается, куда пожелает; он одновременно далек от нас и близок; он пронизывает всю систему миров, но и пребывает далеко вне нее. Человек, полагающий все формы бытия в мире равно существующими во Вселенском Духе, а Вселенский Дух – пронизывающим все формы бытия в мире, никогда не будет презирать ни одно живое существо... Все одухотворенные существа своей природой едины со Вселенским Духом... Чистая просвещенная душа приобретает сияющую форму, сменяющую грубое материальное тело, лишается отверстий, вен и сухожилий, очищается от вины и грехов; она сама превращается в луч Вселенского Духа, которому ведомы прошлое и будущее, который пронизывает все бытие, который существует вне причин и следствий, но сам по себе, сотворивший все вещи такими, какие они есть, в незапамятные времена. Этот всепроникающий Дух, от которого получает свет видимое Солнце, родствен мне по *сути,* пусть и неизмеримо далек по *степени проявления*. Да возвратится душа моя к бессмертному Духу Божьему, а затем пусть тело мое, обратившееся в пепел, возвратится в пыль земную! О Дух, обитающий в огне, веди нас прямым путем к богатству святости. Ты, о Боже, владеешь всеми сокровищами познания! Удали всякую тень скверны из наших душ!

От какого корня происходит смертный человек, затем падающий под мечом неумолимой Смерти? Кто властен возродить его к новой

жизни? Бог, Который есть совершенная мудрость, совершенное счастье. Он есть окончательное пристанище человека, праведно нажившего свое богатство, твердого в следовании добродетели, познавшего и восхваляющего Всевышнего... Восхвалим же величие Божественного Солнца, Бога, освещающего весь мир, возрождающего все в мире, порождающего все в мире, к Которому возвращается все в мире, Которого все мы призываем, дабы обрести наставление в следовании путями праведности, ведущими к Его святому престолу... То, что Луна и Солнце суть для сего видимого мира, то – Истина для всей разумной и зримой Вселенной... Души наши обретают определенное Знание путем размышления над светом Истины, проистекающей от Сущего над Сущими... Сущий сей, не имея глаз, зрит, не имея ушей, слышит; ему ведомо все, что может быть ведомо, но Его никто не познает; мудрые именуют Его Великим Верховным Всепроникающим Духом... Он есть совершенная Истина, совершенное Счастье, несравненный, бессмертный; он есть совершенное Единство, неописуемое словами никакого человеческого языка, непостижимое никаким человеческим разумом; всепроникающий, всепронизывающий, радующийся своему безграничному разуму, не ограниченный узами времени и пространства; не имея ног, быстро бегущий, не имея рук, обнимающий все миры, не имея глаз, всевидящий, не имея ушей, всеслышащий, не имея учителя, всепостигающий, не имеющий причин, но Сам – Первопричина всего; всемогущий, всевластный Творец, Хранитель и Преобразователь всех вещей, – таков Великий, так учат Веды.

Да воссоединится душа моя, искрой небесного эфира возносящаяся высоко, когда я пробуждаюсь ото сна, а в часы сна и отдыха моего точно так же уносящаяся от меня далеко прочь отблеском Света, что превыше всякого света, чрез глубокое размышление с Духом, в высшей степени благословенным и в высшей степени разумным!.. Да воссоединится душа моя, которая сама по себе есть величайшая жертва, принесенная внутри каждого живого существа... которая есть луч совершенной Мудрости, которая есть огонь неугасимый, пылающий в телах всех тварей этого мира, вне которого не творится никакое благо... в котором, ибо он бессмертен, запечатлевается все, что было, что есть и что будет... чрез глубокое размышление с Духом, в высшей степени благословенным и в высшей степени разумным!..

Сущий над Сущими есть Бог Единый, предвечный и вездесущий, содержащий в Себе все и вся. Нет иного Бога, кроме Него. Верховное

Существо незримо, непостижимо, неподвижно, бесформенно и безвидно. Никому не дано узреть Его; время не старит Его; Сущность Его проникает повсюду; все произошло от Него.

Долг праведного человека в том, чтобы даже в час смерти своей не только прощать, но и желать блага умертвившему его, как древо сандала в час гибели своей опрыскивает благовониями срубающий его топор…»

Философы школ веданты и найи признавали существование Верховного Бога и бессмертие души, хотя, как и философы древней Греции, расходились во взглядах на эти вопросы. Они говорили о Верховном Существе как о первичной и предвечной сути всех вещей, пронизывающей Космос и дарующей всему миру жизнь и бытие. Философы веданты рассматривали четыре вида этой предвечной сущности, однако во всех этих четырех видах суть остается одна и та же, поэтому ошибочно было бы рассматривать их как четыре отдельные сущности, равно как ошибочно было бы и рассматривать как отдельные сущности все формы бытия и действия Верховного Всемогущего Бога. Творение рассматривается ими не как непосредственное создание вещей из ничего, а как материальное проявление всех вещей, вечно и изначально существовавших в Верховном Существе. Философы найи полагали, что бессмертны и вечны и дух, и материя; однако они думали, что видимый мир не существовал вечно в его нынешней форме, но скорее в форме изначальной хаотичной материи, затем преобразованной действием Божественного Слова, Разумной Первопричины, Верховного Существа, сотворившего или собравшего воедино всё ныне представленное в материальной Вселенной. Хотя они и полагали человеческую душу единой по природе с Верховным Богом и проистекающей от Него, они все же различали Его бытие и ее бытие. Истина и Разум были для них неотъемлемыми свойствами Бога, но не свойствами души, способной, по их мнению, как на разум, так и на невежество, как на счастье, так и на боль; поэтому их бытие и разделялось. Даже когда душа возвращается к Всевышнему Богу и обретает высшее благословение, она, тем не менее, не прекращает существовать как самостоятельная сущность. Пусть и *соединенная* с Верховным Богом, она не *поглощается* Им, но остается духовной сущностью, обладающей или не обладающей зримой формой.

«*Конец этого мира*, – пишут они, – *состоит в разрушении видимых форм и качеств вещей; но материальная их сущность остается*

неизменной, и из нее Бог Своей творческой энергией творит новые миры, и так вся Вселенная разрушается и возрождается бесконечно».

Джайны, индуистская секта, распространенная в Мизораме и других областях Индии и остального мира, также верят в Единого Бога, Который есть чистый дух, незримый, всеведущий и всемогущий, Который придал всем вещам порядок и назначил им соответствующий образ действия, наделил человека разумом и способностью к познанию, назначил ему цели и способы их достижения, однако оставил ему свободу воли, без которой тот не мог бы вполне нести ответственность за свои деяния.

Ману, индийский законодатель, призывал поклоняться не зримому, материальному Солнцу, а «*Божественному и неизмеримо большему свету, освещающему все, радующему всех, от которого все произошло и в который все возвратится, который один способен озарять наш разум*». Вот какими словами он начинает главное свое вероучительное сочинение: «Да будет услышано! Видимая Вселенная вечно существовала, еще не проявленная, в Божественной Мысли, она развивалась точно во мраке, незримая и неощутимая, бесформенная, непостижимая ни разумом, ни откровением, точно погруженная в дрему.

Затем Единая, существующая Сама по Себе Сила, Он Сам в откровении Его, сделал этот мир постижимым в единстве пяти стихий и прочих природных принципов, который явился во всей своей нетленной славе Его распространенной во Вселенной Мысли, рассеивающей мрак.

Он, Кого лишь разум способен постигнуть, чья сущность ускользает от всех чувств и их органов, не обладает зримыми сторонами, существует от века и до века; Он есть душа всех вещей, непостижимый ни для кого во всем мире.

Он пожелал сотворить все вещи этого мира из Своей нематериальной Сущности и сначала Мыслью Своей сотворил воды… От Того, Кто Есть Сущий[2], от Первопричины, ни от какой вещи, ни от какого чувства во всем вселенском Бытии, существующего вне нашего восприятия, не имеющего ни начала, ни конца[3], произошел божественный мужчина, прославленный во всех мирах под именем и званием Брахмы».

Далее, рассуждая обо всем многообразии вещей, сотворенных Брахмой, он добавляет: «Он[4], чьи Силы непостижимы, таким образом сотворив Вселенную, был снова поглощен Вселенским Духом, изменив время и энергию, дабы отдохнуть»[5].

В разделе Вед под названием «Айтарея Араньяка»[6] приводится такое примитивное изложение процесса Творения: «Вначале Вселенная была одной лишь Душой, и не было ничего больше, действующего или покоящегося. Затем Он помыслил: *Я сотворю миры,* – и тем сотворил различные миры воздуха, света, смертных существ и вод.

Он помыслил: *Узрите, миры! Я сотворю стражей для всех миров,* – и взял Он воды, и сотворил существо вида человеческого. И воззрил Он на сотворенное существо, и разверзлись уста его подобно яйцу, и вышла речь из уст его, и из речи – огонь. И отверзлись ноздри его, и в них вошел воздух, и стал вдыхать и выдыхать. И отверзлись очи его, и вышел из них луч блистающий, и из луча – Солнце. И отверзлись уши его, и вышел из них слух, и из слуха – пространство».

Затем было сотворено тело человека в его нынешней форме.

«И Он, Вселенский Дух, помыслил: *Как может тело сие быть без Меня?* – и Он посмотрел, через что Ему войти в тело. И сказал Он: *Если без Меня мир существует, глаза – видят, уши – слышат, кожа – чувствует, разум – мыслит, горло – глотает, а детородный орган исполняет свое предназначение, где быть Мне тогда?* – и Он разъял череп существа и вошел в него».

Узнай же великие древние истины! Бог есть вечная беспредельная Душа, или Дух. Материя не вечна и не самостоятельна, но сотворена Мыслью Бога. Ею сотворены и Материя в целом, и все миры, и человек, в которого, после того как проявились все его чувства и мыслящий ум, вошла искра Самого Бога и стала духом живым в его теле.

Сотворение мира описывается в Ведах следующим образом:

«Вначале был лишь Единый Бог, существующий Сам в Себе, и когда целая вечность прошла в Его самосозерцании и размышлении о Самом Себе, решил Он проявить совершенство Свое вне Себя Самого, и сотворил Он материю этого мира. Он сотворил четыре стихии, но они пребывали в хаосе и беспорядке. Он дохнул на воды, и собрались они в единый огромный шар в форме яйца, перемешались и превратились в свод небес, окутавший Землю. Сотворив Землю и тела всех живых существ на ней, этот Бог, дух всякого движения, даровал им, дабы вдохнуть в них жизнь, часть Своей сущности. Итак, всякая душа всякого живого и дышащего существа есть искра вселенской Души, которая не умирает; но всякая душа лишь меняет вид и форму, поочередно входя в разные тела. Из всех форм более всех приятна Верховному Богу форма человека, ибо она ближе всего к Его высшему совершенству. И если человек совершенно освободится от всех

своих чувств и погрузится в самосозерцание, он постигнет природу Божественного и станет частью Его».

Древние персы многим напоминали индусов, в частности поэзией, языком и легендами. Завоевательные походы привели их к границам Китая; они покорили Египет и Иудею. Их воззрения относительно Божественной сущности в значительно большей степени напоминали иудейские, чем религии всех прочих народов древности, и многие черты религий окрестных народов в действительности принесены им именно персами, хотя мы привычно полагаем их следствиями прямого иудейского влияния.

Их вера в Царя Небесного и Отца Предвечного Света; легенды о чистом мире Света и предвечном Слове, которым были сотворены все вещи в материальном мире; о семерых могущественных духах, стоящих у Престола Света и Всемогущества; о славе небесных воинств, окружающих этот престол; о происхождении Зла и Князя Тьмы, вождя злых гениев и врага всего и всяческого блага, – все это очень напоминало положения религиозной веры иудеев. Они испытывали глубочайшее отвращение к египетскому идолопоклонству и в годы правления Камбиза планомерно искореняли его по указанию властей. Ксеркс, вторгшись в Грецию, повсеместно разрушал на своем пути языческие храмы и на их месте строил святилища Огня. Их религия была совершенно духовной, и поклонялись они совершенно абстрактным понятиям, а земной огонь и жертвоприношения служили им всего лишь символами высших духовных понятий.

Основы древнейшей религии Индии и Персии состояли единственно в поклонении Природе, ее чистым стихиям и изначальным энергиям, например священному огню или, превыше всего, Свету, воздуху – но не «низменному» воздуху земной атмосферы, а чистому и ясному воздуху Небес, дуновение которого пронизывает и пробуждает к жизни всякое земное бытие. Это простое и чистое поклонение Природе, скорее всего, является первой народной религией, очевидно, превалировавшей во всем древнем, патриархальном мире. Это не было, собственно, обожествление Природы или отрицание верховного Творца. Эти изначальные энергии и чистые стихии сотворенной Богом Природы являлись для древнего человека, все еще состоявшего в тесной связи с Богом, не подобиями, не признаками, не смутными образами и поэтическим метафорами, а истинными и естественными символами Божественной Силы. Повсюду в древнейших иудейских источниках чистый свет и священный огонь

употребляются в качестве образов всепобеждающей и всепоглощающей Силы вездесущего Божества. Его дуновение было для древних первоисточником жизни, а потому малейшее дуновение свежего вечернего бриза было для пророков свидетельством Его присутствия одновременно повсюду, во всей природе.

«Все вещи проистекают от одного огня. Отец придал совершенство всем вещам и передал их Второму Разуму, который все народы мира называют Первым. Творения Природы сосуществуют с разумным светом Отца, ибо он есть Душа, озаряющая великие Небеса, озаряющая их волею Отца. Душа, этот яркий огонь, волею Отца остается бессмертной; она есть царица и управительница жизни; она заполняет собой все обители мира. Ибо огонь, бывший первой высшей силой, не ограничил свое действие сотворенной им материей, но также претворился и в разуме, ибо внешней оболочкой этого мира остается Разум Разумов, в начале времен проистекший от разума и окутавший огонь огнем. О Свет, порожденный Отцом! Он единый, от Силы Отца обретший сущность разума, способен постигнуть разум Отца; он способен внушить всем источникам и принципам способность к постижению чего-либо и к неизменному и непрестанному движению». Так говорил Зороастр, излагая древнейшие идеи персидской религии.

А вот что говорил этот же пророк древности о Солнце и звездах: «Отец сотворил всю Вселенную из огня, воды, земли и всепитающего эфира. Он укрепил на небе огромное количество недвижимых звезд, неподвижных навечно, и не по принуждению или безвольно, а просто в силу нежелания странствовать по небу, огнем воздействуя на огонь. Он собрал семь твердей мира и окружил Землю куполом небес, и там поселил семь живых сущностей, упорядочив их доселе беспорядочное движение неизменными орбитами: это шесть планет и Солнце, седьмая сущность, расположенная в центре, – в том центре, линии, исходящие из которого во всех направлениях, равны; и быстролетящее Солнце, само обращающееся вокруг основного центра, стремится к всепроникающему и всепронизывающему Свету, увлекая за собой Луну».

Далее Зороастр пишет: «Не подвергай измерению передвижения Солнца и не старайся ограничить их своим мерилом; ибо его несет предвечная воля Отца, и не по твоей воле оно движется, и не ради тебя. Не старайся понять непостоянство Луны, ибо она неизменно движется под влиянием необходимости, и передвижения звезд не для

того были установлены так или иначе, чтобы отвечать каким бы то ни было твоим целям».

В «Бундахишне» Ормузд говорит Зороастру: «Я есмь тот, кто держит усыпанные звездами небеса в космическом эфире, тот, кто делает так, чтобы эта сфера, некогда утопавшая во тьме, ныне купалась в потоках света. Чрез меня этот мир стал миром прочным и долголетним – миром, по которому ступает Господь мира сего. Я тот, кто сотворил свет Солнца и Луны, и сделал так, чтобы свет звезд пронзал тучи. Я делаю так, что плодоносит семя, которое, умирая в земле, дает затем новые побеги… Я сотворил человека, чьи глаза суть свет, чья жизнь есть дыхание ноздрей его. Я поместил внутри него неистребимую силу жизни…»

Ормузд, или Ахура-Мазда, сам являлся воплощением изначального света, отдельного от света небесных светил, тем не менее, необходимого для самого их существования, – первоисточника их сияния. Семеро Амешаспента («святые бессмертные») управляли семью отдельными сферами бытия. Земля и небо, огонь и вода, Солнце и Луна, реки, деревья и горы, даже искусственно выделенные время дня и астрономического года, – ко всему древние персы обращались в молитвах, имея в виду духовного покровителя этой сущности, безраздельно властвующего в той или иной сфере. Огонь, например, «самая энергичная из природных сил», видимое воплощение изначального духовного Света, призывался ими как «сын Ормузда». Солнцу, архимагу, совершеннейшему и могущественнейшему орудию Божественной Силы, «победно нисходящему с вершины ужасной Альборджи, дабы править миром, который оно освещает от престола Ормузда», иногда поклонялись под именем *Митры,* благого и дружественного гения, которого в соответствующем авестийском гимне призывают также и чисто греческими именами «Непобедимый» и «Посредник», первое из которых означает, что он является самым действенным орудием Ормузда в неусыпной и никогда не прекращающейся борьбе дневного света с тьмой, а второе – что именно через него боги посылают людям свои самые лучшие и самые важные дары. Его именовали «оком Ормузда, лучезарным героем, победно шествующим повсюду, дарующим плодородие пустыне, возвышеннейшим из изедов и язатов, неусыпным защитником земли». «Когда враг-змей опустошает мои владения, – говорит Ормузд, – и поражает их голодом, Митра поражает его сильной рукой, вместе с дэвами Мазендарана. Копьем своим и вечной палицей Вождь

Неусыпный повергает во прах дэвов, и как Посредник он встает на защиту города от зла».

Некоторые персидские секты полагали, что Ариман старше Ормузда, как тьма старше света; они учили, что в начале мировой истории он не был Первопринципом Зла, а грехопадение человека, как указано в «Бундахишне», приписывалось именно безудержному поклонению Ариману, к которому призывали все многочисленные пророки вплоть до Зороастра.

Митра – не только свет, но и разум, то самое светило, которое, пусть и родившись во тьме, не только рассеет ее, но и совершенно победит смерть. Борьба, в которой будет обретена эта победа, в основном будет осуществляться через Слово – «*вечную эманацию Бога, властью которого и существует этот мир*» и которое воспроизводят священные формулы Откровения, неизменно повторяющиеся в священнодействиях магов. «*Что сделаю я,* – восклицал Зороастр, – *о Ормузд, погруженный в сияние света, чтобы сразиться с Даруджем-Ариманом, отцом злого Закона; как мне сделать людей чистыми и святыми?*» И Ормузд отвечал ему: «*Воззови, о Зороастр, к чистому закону слуг Ормузда; призови Амешаспента, рассеивающих изобилие во всех девяти кешварах*[7]*; призови Небеса, Зервана-Ахерона, птиц, что летают в небесной выси, быстрые ветры, Землю; призови мой дух, мой – Ахуры-Мазды, то есть чистейшего, сильнейшего, мудрейшего и лучшего из всех существ, ибо мое есть самое величественное из всех тел, ибо я через чистоту обрел верховную душу Совершенного Слова; и вы, все люди, призывайте меня, как указал я Зороастру*».

Ахура-Мазда сам по себе есть живое Слово; его именовали «Перворожденным из всех вещей, выраженным образом Вечного, светом света, Творцом, силой слова своего, произносимого неустанно и беспрерывно, за триста шестьдесят пять дней сотворившим Небо и Землю». В яснах говорится, что Слово существовало прежде всех сотворенных вещей, что оно само по себе было язатом, то есть воплощенным объектом вознесения молитв. Оно воплощалось в Сируше, в Хоме и в Зороастре в образе Гуштаспы.

Митра является зримым образом великого единства, существующего между жизнью и смертью, светом и тенью, и из этого единства произрастают все прочие вещи, к нему возвращаются в конце времен через Митру все противоположности. Ежегодные жертвоприношения ему были своего рода пасхалиями магов, обрядами символического искупления и мольбой о нравственном и физическом воскресении.

В начале времен он сотворил мир; и в конце каждого астрономического года он отпускает на волю течение жизни, дабы оно одухотворило новый цикл бытия, а в конце времен он предложит все утомленные собственным круговоротом годы в качестве искупительной жертвы Богу, дабы на волю из смертной своей нынешней оболочки была выпущена Душа Природы, которой отныне будет суждено более чистое, святое бытие.

Ямвлих (*De Mys.*, VIII, 4) пишет: «*Египтяне далеки от того, чтобы приписывать все сущее физическим причинам; жизнь и разум они отделяют от физического бытия и в человеке, и в природе. Они полагают разум и сознание самодостаточными, а уже от них, по их теории, проистекает тварный мир. Отцом всех сотворенных вещей они полагают Демиурга, а также они признают существование творческой силы и в Небесах, и пред Небесами. Они считают Чистый Разум пребывающим за пределами Вселенной и превыше ее, а другой (иначе говоря, Разум, воплощенный в материальном мире) – состоящим в разумной силе, пронизывающей Вселенную и пребывающей в каждой ее частице и каждой сфере*». Таким образом, остается заключить, что египтяне исповедовали верования, свойственные всем трансцендентальным философиям, а именно – веру в имманентное и трансцендентное Божество, дух, обретающий различные воплощения, но не переходящий в них полностью и не истощающийся за счет воплощения.

Мудрость, заключенная в канонических свитках Гермеса, дарует каждому пытливому исследователю исключительное знание этого священного закона. В особенности, гласят древние источники, безначальное и бесконечное Существо, всепроникающий Дух, или дуновение Природы, и, вероятно, даже более возвышенный образ почитали в Фивах под именем Амона или Амона-Кнефа, но даже это имя запрещено было произносить вслух. Теоретически такое существо должно было бы возглавлять три рода богов, о которых пишет Геродот. Скорее всего, это достаточно субъективная, привнесенная извне классификация изначально равных существ, расположенных в соответствии с порядком следования воплощений изначального Первопринципа и их собственной долей божественной силы. Первый класс, или восемь Великих богов, скорее всего, были эманациями воплощенного Бога в семи частях и силах Вселенной, в каждой из которых, по всей видимости, Божественная сущность воплощалась во всей полноте.

В древнем герметическом трактате, выдержки из которого приводит Ямвлих, Верховное Божество описывается следующим образом: «Прежде всех вещей, которые существуют в мире, прежде всех начал, есть единый Бог, предшествующий даже первому богу или царю; единый Бог недвижимо покоится в одиночестве Своего единства, ибо ничто не зачинается в недрах заключенного в Нем разума и нигде более, но Он скорее полагается идеальным Богом, Который благ, Который породил Сам Себя, являясь Своим Собственным отцом и Всеотцом. Ибо Он величественнее всех сотворенных вещей, Он существовал прежде всех вещей и является их Первоисточником и основанием всех вещей, сотворенных Разумом, который сам по себе есть первое из всех существ. И этот Единый, самодостаточный Бог решил воссиять и воссиял: поэтому Он и есть Свой Собственный Отец, породивший Сам Себя. Он есть Бог Богов и исток всех прочих богов, Великая Монада, или Единый, первичный по отношению к бытию и Сам – первоисточник бытия, ибо от Него – всякая бытность и всякое бытие, откуда следует, что Его следует именовать Истоком всех вещей, порожденных Разумом. Вот кто является первичным и изначальным источником всякого Творения, вот кого Гермес почитает превыше всех эфирных, эмпирейных и небесных богов».

«Шан-ди, или Верховный Господь Бытия, – пишет автор древнекитайского трактата о вере, – является первопринципом всего сущего и Отцом всего живого. Он вечен, недвижим и независим; Сила его не имеет границ; взглядом Своим он охватывает одновременно прошлое, настоящее и будущее, он проникает им в глубочайшие тайники сердца. Он правит Небом и Землей: все события, все перемены являются следствиями его всевышней воли и его повелений. Он чист, свят и беспристрастен; порок оскорбляет его взор; но он с радостью взирает на добродетельные поступки людей. Суровый, но справедливый, он примерно карает порок, которому привержены и князья, и правители, и часто он повергает наземь виновных, дабы увенчать тех, кто следует велениям своего сердца и кого он для этой цели поднимает с самых низов, из тьмы. Благой, милостивый и милосердный, он прощает согрешивших, если они покаялись; и общественные раздоры, и нерегулярная смена времен года, – все это лишь его благотворные отеческие предупреждения людям, чтобы они исправились».

Ведомые разумом в неизмеримо большей степени, чем воображением, эти люди, живущие на крайнем востоке Азиатского континента,

не впадали в идолопоклонство вплоть до времен после Конфуция, то есть за два века до Рождества Христова, когда в их страну проникла религия Будды, или *Фо,* как они его называли. Их религиозная система в течение продолжительного времени основывалась на чистом поклонении Богу, и основание их нравственной и политической жизни лежало в области крепкого праведного разума, полностью соответствующего представлениям о Верховном Божестве. У них не было никаких ложных богов и изображений, а третий император Хуан-ди возвел Храм в честь Великого Архитектора Вселенной, видимо, первый в мире. Несмотря на то что китайцы приносили жертвы различным добрым духам, они несомненно почитали их неизмеримо меньше, чем *Тянь-ди,* или *Шан-ди,* Всевышнего Господа Мира.

Конфуций запрещал создавать идолов и вообще какие бы то ни было изображения Бога. Он отвергал всякое Его очеловечивание, но полагал Его силой, или Принципом, рассеянным во всей Природе. И китайцы именовали Бога – *Божественным Разумом.*

Японцы веровали в Верховное Незримое Существо, Которое нельзя воплотить в зримых образах и Которому нельзя поклоняться в храмах. Они называли его *Амида,* или *Омит,* и говорили, что у Него нет ни начала, ни конца, что Он снизошел на Землю, на которой оставался в течение тысячи лет, и стал Спасителем падшего человеческого рода, что Он будет судить человечество, и благие люди будут жить вечно, в то время как грешникам сужден вечный ад.

«Шан-ди в общем изображают, – говорил Конфуций, – в виде зримой тверди, а также зримых символов Солнца, Луны и Земли, ибо через их дары мы наслаждаемся милостями Шан-ди. Солнце есть источник жизни и света; Луна же освещает мир по ночам. Наблюдая за ходом этих светил, человечество становится способно определять времена года. Древние, связывая действия с их целями, учредили поклонение Шан-ди и жертвоприношения ему в день Зимнего солнцестояния, ибо Солнце, пройдя через двенадцать точек, назначенных ему Шанди для жительства в разное время года, заново начинает тогда свой путь, чтобы снова рассеивать его милости по всей Земле».

И далее: «Тянь – это вселенский принцип и первоисточник всех вещей… Шан-ди – это вселенский принцип бытия».

У арабов никогда не было поэтичной, четко оформленной и тщательно разработанной системы политеизма. Их историческую традицию многое роднит с иудейской, причем количество параллелей между ними впечатляет. Традиции чистой изначальной религии и

простой веры патриархов в Бога Единого определенно никогда не умирали в их среде, равно как и идолопоклонство так никогда и не приобрело мало-мальски значительного числа сторонников среди них; а потом пришло время Магомета, который, несколько приспособив старинную веру к их понятиям, наставлял их в религии Бога Единого, пророком Которого он себя объявил.

До основной массы иудеев, как и всех прочих народов древности, определенно дошли лишь немногочисленные осколки изначального Божественного Откровения человечеству, однако они вплоть до Вавилонского пленения не погружались в метафизические размышления о Божественной Природе и Его Бытии, хотя псалмы Давида со всей очевидностью свидетельствуют о том, что определенная часть народа сохранила представление о Боге, совершенно незнакомое основной массе; именно эти немногие избранные стали посредниками, которым суждено было передать свое знание великих изначальных Истин грядущим поколениям.

Среди греков, учеников египетских жрецов, все высшие идеи и жесткие понятия о Боге, Его возвышенной природе и беспредельной силе, о вечной Мудрости и Провидении, ведущем все вещи в мире к заранее предначертанной цели, о беспредельном Разуме и высшем Уме, сотворившем все вещи, пребывающем неизмеримо выше всей внешне выраженной Природы, – все эти возвышенные идеи и достойные учения были более или менее совершенно представлены в трудах Пифагора, Анаксагора и Сократа, а впоследствии получили прекрасное, блистательное развитие у Платона и его последователей. Даже в народной греческой религии можно проследить множество глубинных, духовных оттенков смысла и значений символов, хотя ясно, что это всего лишь слабые отблески древних истин, лишь тени образов, мимолетные отзвуки и случайные вспышки некогда общепризнанной веры в Верховного Бога, Всевышнего Творца Вселенной, Всеобщего Отца человечества.

Многим изначальным истинам научил Пифагора Зороастр, в свое время обучившийся им в Индии. Его ученики отвергали храмы, жертвенники и священные изображения; они лишь смеялись над теми, кто полагал богов происходящими от человеческой природы или хотя бы в чем-то схожими с людьми. Они избирали местами поклонения богам вершины высочайших гор, где пели гимны и молитвы Верховному Богу, заполняющему необъятную сферу небес. Об этом свидетельствует Геродот. Свет они полагали скорее не

самостоятельным объектом поклонения, а самым чистым и живым символом и первой эманацией Предвечного Бога; они полагали также, что человеку необходимо нечто зримое и осязаемое, дабы вознестись разумом к тем высотам, с которых только и можно поклоняться истинному Божественному Существу.

Существует удивительное сходство между храмами, священническим чином, учениями и обрядами персидских магов и британских друидов. Последние также отнюдь не поклонялись идолам в человеческом облике, потому что ведали, что Богу, Который незрим, и поклоняться следует вне сферы зримых образов. Они исповедовали единобожие. Молитвы свои они обращали к Единой Всепредержащей Силе, утверждая, что, поскольку Сила эта не есть материя, следовательно, она есть Бог; они скрывали ее имя под таинственными литерами «*O. I. W.*». Они учили, что раньше Земля подвергалась полному уничтожению водой и в будущем будет совершенно уничтожена огнем. Они учили бессмертию души, ее жизни после смерти физического тела, судному дню, когда все люди будут подвергнуты суду на основании их деяний в течение земной жизни. Они даже исповедовали своего рода догмат об Избавлении человечества через небесного Посредника. У них бытовали определенные предания о Всемирном потопе, пусть и непомерно искаженные. Эти осколки древней веры они переплели многочисленными языческими символами; например, они проповедовали поклонение двум второстепенным богам – *Ху* и *Керидвен,* соответственно мужчине и женщине (явно тем же самым, что Осирис и Исида), а также учение о переселении душ.

Первые жители Скандинавии верили в Бога, Который был для них «Творцом всего сущего, Вечным, Древним, Живым и Ужасным Существом, искателем сокрытого, Неизменным». Сначала они запрещали создавать идолы или какие-либо иные изображения Бога, Которому они предписывали поклоняться в уединении в лесных чащобах, где, как они учили, незримый Бог обитает в совершенной тиши.

Друиды, как и их предшественники с Востока, свято почитали нечетные числа, которые, – если отследить их последовательность до истока, – приводят к священному Божественному Единству, в то время как четные числа ни к чему подобному не приводят. Особым почтением пользовалось число 3. Возводя свои храмы, друиды руководствовались следующими числами: 19 ($7 + 3 + 3^2$), 30 ($7 \times 3 + 3 \times 3$) и 21 (7×3), – которые прослеживаются во всех храмовых измерениях и расстоянии между священными мегалитами.

Друиды были единственными толкователями религии. Они надзирали за правильностью совершения всех жертвоприношений, и никто не имел права приносить жертвы самостоятельно, без их разрешения. Они обладали правом отлучения от жертвоприношений; без их разрешения нельзя было ни объявить войну, ни заключить мир; они даже обладали властью приговаривать к смертной казни. Они заявляли, что обладают знаниями древней магии, и занимались предсказаниями для пользы общества.

Они занимались многими науками и искусствами, в особенности астрономией – древним знанием Востока, в котором они достигли немалых высот. Они считали день сыном и наследником ночи, а поэтому свои вычисления времени вели в ночах, а не в днях: отсюда происходят современные английские слова *fortnight* («две недели») и *sennight* («неделя»). Им было известно подразделение звезд на созвездия, и наконец, они следовали строгому нравственному кодексу, питая особенное почтение к основополагающей масонской добродетели – Истине.

В эпическую исландскую Эдду включен следующий диалог:

– Кто самый знатный или самый старший из богов?

Его называют Всеотец (*Альфадир*), но в древнем Асгарде было у него двенадцать имен…

Где живет этот бог? И в чем его мощь? И какими деяниями он прославлен?

Живет он, от века, и правит в своих владениях, а властвует надо всем на свете, большим и малым… Он создал небо, и землю, и воздух, и все, что к ним принадлежит… Всего же важнее то, что он создал человека и дал ему душу, которая будет жить вечно и никогда не умрет, хоть тело и станет прахом иль пеплом. И все люди, достойные и праведные, будут жить с ним в месте, что зовется *Гимле* или *Винголъв*. А дурные люди пойдут в *Хель*, а оттуда в *Нифльхель*. Это внизу, в девятом мире.[8]

Все древние языческие народы, о мифологии которых до нас дошли хотя бы какие-то сведения, веровали в Единого Верховного Бога, имя Которого никому нельзя было произносить вслух.

«Восходя к отдаленнейшим высотам греческой истории, – пишет Мюллер, – мы обнаруживаем простой и ясный факт, что в основании веры этого народа лежало понятие о Едином Верховном Боге. Однако одновременно с поклонением Единому Богу, Отцу Небесному и Отцу всех людей, в Греции также поклонялись Природе». Изначально Зевс

(Ζεύς) был Богом Богов, и греки называли его сыном Времени, что означало, что до него не было никаких богов, а сам он вечен. «*Зевс*, – говорится в орфическом гимне, – *есть Начало, Зевс есть середина, от Зевса произошли все вещи*». А Пелеид Додонский писал: «Зевс был, Зевс есть, Зевс пребудет. О, великий Зевс!» (Ζεύς ήν Ζεύς έστίν Ζεύς έσσεταί ώ μεγάλη Ζεΰ). Также его именовали «Зевсом Лучшим и Величайшим» (Ζεύς κύδιστος μέγιστος).

Парсы, сохранившие в своей среде древнюю религию Зардушта, в своем катехизисе утверждают: «*Мы веруем в Единого Бога и не веруем ни в каких богов, кроме Него; Он сотворил Небеса, Землю и ангелов… У нашего Бога нет лица, Он не обладает формой, цветом или видом; Он не пребывает в каком-либо одном месте. Нет никого подобного Ему, и наш разум не в силах постигнуть Его…*»

Тетраграмматон, *или какое-то другое слово, скрытое в нем*, запрещено было произносить. Но дабы истинное произношение его не стерлось в памяти левитов, первосвященник должен был произносить его в Храме раз в год, в десятый день месяца тишри, в день великого праздника Искупления. В ходе этой церемонии все присутствующие должны были издавать громкий шум, дабы истинное произношение Слова осталось неслышным для всех, чьим ушам оно не предназначалось, потому что услышь они его – немедленно упали бы замертво.

Великие египетские посвященные еще до расцвета Иудейского царства проводили тот же самый ритуал произнесения имени Исиды, которое они считали священным и неизрекаемым.

Ориген пишет: «Существуют имена, изначально обладающие природной силой, например те, которыми пользовались мудрецы Египта, персидские маги, индийские брамины. То, что принято называть магией, не есть какое-то пустое и призрачное делание, как утверждают стоики и эпикурейцы. Имена *Саваоф* и *Адонай* были придуманы не для сотворенных вещей; они относятся к области мистической теологии, восходящей своими истоками к Самому Творцу. От Него происходят эти имена во всей славе своей, если, конечно, произносить их правильно и в должном порядке».

Индуистское слово АУМ отражало три изначальные Силы, воплощенные в древнейшем триедином Божестве: Рама-Вишну-Шива[9], то есть силы Творения, Сохранения и Разрушения, которым соответствуют звуки «А», «У» (или «О») и «М». Это слово запрещено было произносить полностью – только по звукам, потому что, по легенде,

будь оно произнесено полностью, Земля бы сотряслась, и даже ангелы небесные задрожали бы от страха.

Слово АУМ, говорится в «Рамаяне», означает «*Бытие всех вещей, одно Существо в трех формах, вне формы, вне свойств, вне страстей – безграничное, непостижимое, беспредельное, неделимое, неизменное, бестелесное, непобедимое*».

В древнейших Пуранах говорится: «*Все обряды, содержащиеся в Ведах, жертвоприношения огню и все прочие церемонии ритуального очищения, – все пройдет; но никогда не прейдет и не исчезнет слово АУМ, ибо оно есть символ Господа всех вещей*».

Геродот пишет, что пеласги в древности не возводили храмов и не поклонялись идолам, но владели истинным произношением священного Имени Господа, которое запрещено было произносить.

Непостижимо древний Кларийский Оракул, будучи спрошен, какого бога следует именовать «ΙΑΩ», ответил вошедшими в историю словами: «*Посвященные поклялись хранить вверенные им священные тайны. Узнайте же, что* ΙΑΩ *есть Великий Верховный Бог, правящий всеми и над всеми*».

Иудеи полагали, что истинное Священное Имя Господне было безвозвратно утрачено вследствие запрета на его произнесение, а истинное его произношение они включали в число чудес, которые будут явлены с приходом Мессии. Они утверждали, что утрата истинного произношения Священного Имени является следствием запрета на применение к нему масоретских точек-огласовок, вследствие чего было утрачено знание, какие именно гласные употреблялись в этом слове. В Гемаре, в разделе «Авода Зара»[10], даже утверждается, что Господь допустил сожжение знаменитого иудейского законоведа по приказу Римского императора, потому что тот однажды произнес Священное Имя как следует.

Иудеи опасались, что истинное произношение Священного Имени станет известно язычникам, а поэтому в списки Писания его вносили самаритянскими, а не иудейскими или халдейскими, буквами, дабы никто из непосвященных не сумел прочесть его и воспользоваться им; они полагали, что при помощи истинного Священного Имени можно творить чудеса, что Моисей творил известные чудеса в Египте только властью Священного Имени, вырезанного на его посохе; что каждый, кому ведомо истинное произношение, способен творить такие же чудеса, как и Патриарх Исхода.

Иосиф Флавий пишет, что истинное произношение оставалось неведомым человечеству, пока Господь не сообщил его Моисею в пустыне, а потом оно было снова утрачено из-за прегрешений человечества.

Последователи Магомета утверждают, что существует истинное, но сокрытое имя Бога, обладающее чудотворной силой; что единственным способом его постижения является посвящение в таинства *Исма Абл*.

Слово «ХОМ» стало первым символом окончательного оформления новой религии персов, и это слово было неизрекаемым, потому что означало Священное Имя Бога.

Среди древних египтян таким неизрекаемым для всех, кроме высших жрецов, именем было *Амон*.

Древние германцы также поклонялись Богу, не смея назвать Его по имени или возвести Ему храм.

Друиды передавали имя Бога буквами «*O. I. W.*».

Все народы древности полагали учение о бессмертии души не поэтической аллегорией или одной из версий загробного бытия, нуждающейся в дальнейшем исследовании и серьезных, аргументированных подтверждениях своей истинности. Нельзя также утверждать, что в этом состояла их *вера*, ибо для них это была простая *реальность* – как, например, ощущение собственного существования, собственное бытие, бытие всех окружающих вещей, – оказывающая неизменное влияние на весь подлунный мир и побуждающая к более возвышенным и величественным деяниям, чем может подразумевать приземленное земное бытие в отрыве от нее.

Даже учение о переселении душ, повсеместно распространенное в древних Индии и Египте, покоилось на фундаменте древнейшей изначальной веры, было связано с совершенно религиозными чувствами ее адептов. В этом учении содержались элементы первичной Истины: поскольку человек уклонился от путей Господних и удалился в силу этого от Господа, ему необходимо применить много усилий и претерпеть долгое многоэтапное странствие, дабы воссоединиться с Истоком всяческого Совершенства. Также они твердо веровали, были совершенно убеждены в том, что ничто ущербное, нечистое или порочное, запачканное «родимыми пятнами» земного бытия, не могло войти в обитель чистых духов и навечно воссоединиться с Богом; посему души должны были пройти длинный и опасный путь полного очищения испытаниями, прежде чем обретали право войти в обитель Совершенства. Конечной целью и итогом жизни,

в соответствии с этой философской системой, было окончательное избавление души от груза грехов, ужасной судьбы и страшного предначертания вечно блуждать по темным областям Природы в различных грубых и приземленных материальных формах, постоянно меняя их, – и возвращение в конце времен к Богу, единство с Ним, которое обретает каждая добродетельная и мудрая душа.

Пифагор возвратил учению о переселении душ тот смысл, который вкладывали в него мудрые посвященные Мистерий древнего Египта. Он никогда не учил этой доктрине в том смысле, который вкладывала в нее народная масса. Никаких следов такого буквального понимания им переселения душ нельзя обнаружить ни в его сохранившихся до наших дней символических трудах, ни в его изречениях, заботливо собранных и записанных его учеником Лисием. Напротив, он учил, что люди, в сущности, всегда остаются точно теми же, кем они были сотворены, однако могут деградировать, греша́, и возвыситься, следуя путями добродетели.

Иерокл, один из самых верных и ревностных его учеников, совершенно четко утверждает, что всякий верующий в то, что душа человека после его смерти может переселиться в тело животного, если человек был при жизни грешен, или в растение, если он был глуп, жестоко ошибается и не имеет ровным счетом никакого представления о бессмертной и неизменной природе души; всегда оставаясь человеческой, она может очутиться в облике бога или зверя в силу прегрешений или добродетелей человека, но, тем не менее, она не может никогда и ни при каких обстоятельствах изменить свою природу путем одного лишь выказывания приверженности пути добродетели или пути порока.

А Тимей Локрийский, другой ученик Платона, пишет, что, дабы оповестить людей об опасности, заключенной в творении зла, им следует угрожать ужасными унижениями и карами, даже обещать им, что их души переселятся после смерти в новые тела, например, душа труса – в тело оленя, душа злодея – в тело волка, душа убийцы – в тело какого-нибудь еще более ужасного зверя, а душа нечистого сластолюбца – в тело свиньи.

Это учение толкуется также и в «Федоне».

Лисий пишет, что душа, пройдя очищение от прегрешений, покидает тело и возвращается на Небеса, становясь более неподверженной изменениям облика и самой смерти, – наоборот, она наслаждается там вечным и неизменным счастьем. Индуисты полагали, что она

возвращается к Вселенской Душе, одухотворяющей весь мир, и становится ее частью.

В последний день мира Вишну будет судить его за грехи. Потом мир будет поглощен огнем; Солнце и Луна утратят свой свет; звезды упадут наземь; и сотворятся новые Небо и Земля.

В индуистской мифологии сохранилась истинная легенда о падении злых духов, пусть в искаженной и далекой от изначальной форме. Эта священная традиция признает и почитает основателей человеческого рода, или Священных Патриархов древнего мира – семерых Великих *Риши*, или древних мудрецов, хотя вся священная индуистская история покрыта пеленой аллегорий и символических отождествлений.

Египтяне также учили бессмертию души и суду Осириса над миром в конце времен.

А вот что говорится в древней персидской легенде:

«После того как Ариман будет править миром вплоть до конца времен, *Сосиош,* обетованный Избавитель, придет и поборет силу дэвов (злых духов), пробудит мертвых и воссядет на престоле последнего судилища духов и людей. Потом на Землю низвергнется комета *Гуржир* и загорится великий пожар, которому суждено поглотить весь мир. Останки Земли погрузятся в *Дузах* и на три срока времени станет местом наказания душ за их грехи. Затем же все постепенно обретут прощение, даже Ариман и дэвы, и будут допущены в обитель блаженства, и сотворятся новые Небо и Земля».

Осколки изначальной Истины, в искаженном и отчасти скрытом под пеленой выдумок и сказочных наслоений виде, содержатся также и в религии ламаизма. В соответствии с его учением, «*Эрлик-хану будет предшествовать последний суд: праведники будут допущены в рай, а грешники будут низвергнуты в Ад, в котором восемь огненных областей и восемь холодных*».

В Мистериях всех народов, когда бы и где бы они ни проводились, посвященным передавали истины об изначальном Божественном Откровении людям, о существовании Единого Верховного Бога, беспредельного и наполняющего Собой всю Вселенную. В древности вера в Него не была окутана пеленой суеверий, и величественные Его природа, сущность и свойства также сообщались посвященным, в то время как основная масса представляла себе Его свойства как отдельных, вторичных богов, отдельных от Него и обладающих человеческой формой.

Эти первичные истины скрывались от основной народной массы словно под непроницаемой пеленой; Мистерии распространялись во всех странах, не препятствуя народной простой вере; однако Истина, науки, искусства становились ведомы только тем, кому было доступно постижение изначального священного учения во всей его первозданной чистоте, в то время как склонные к идолопоклонству народные массы так навечно и оставались в тенетах неведения; кстати, многочисленные современные предрассудки и суеверия указывают на то, что это разделение на посвященных и «основную массу» продолжает оставаться неизменным. Стоит только чуть более подробно изучить доктрины столь многочисленных в наше время сект и конфессий, низводящие Творца до положения человека и приписывающие Ему совершенно человеческие страсти, чтобы понять, что древние истины, как во все времена, должны и в наше время быть доступны только лишь немногим посвященным, иначе они неминуемо покроются коростой суеверий, выдумок и заблуждений и даже могут быть вследствие этого безвозвратно утрачены.

Несмотря на то что по сути своей масонство – это то же самое, что Мистерии древности, оно является таковым только в одном определенном смысле: оно представляет собой лишь слабое и несколько искаженное их отражение, осколки их былой роскоши; это философская и духовная система, являющаяся продуктом многочисленных общественных и политических перемен. Покинув Египет, Мистерии претерпевали изменения в соответствии с духом и обычаями тех многочисленных народов, среди которых находили последователей. Изначально скорее философские и нравственные, чем религиозные, они вскоре обратились в наследие жрецов, служителей религии, за счет чего отчасти утратили свою священную силу, потому что взялись за труд обучать разумное меньшинство простолюдинов основам абсурдной и поверхностной народной религии. Они постоянно подвергались изменениям в соответствии с религиями тех стран, на почву которых они переселялись. В Греции это были Мистерии Цереры; в Риме – Мистерии Доброй Богини (*Bona Dea*); в Галлии – Школы Марса; на Сицилии – Академия Наук; среди иудеев они преобразовались в обряды и церемонии религии, ограничившей всякую государственную, религиозную власть и образование кругом левитов. Индийские пагоды, капища магов в Персии и Халдее, египетские пирамиды перестали быть источниками, откуда народы черпали эликсир Знания. Насколько известно, среди всех народов

мира бытовали те или иные Мистерии. После того, как греческие храмы и Школа Пифагора пережили период высшей славы, их место заняло масонство.

Масонство, если правильно его понимать, одновременно является толкованием великой священной книги Природы, изложением физических и астрономических явлений, чистейшей философией и кладезем, сокровищницей хранящихся там в полной тиши и безопасности величайших истин изначального Божественного Откровения, лежащего в основании всех мировых религий. В учении современных масонских градусов следует выделять следующие три основные положения: образ начала времен, схему первопричин существования Вселенной и книгу нравственного учения всех народов, лишь следуя которому становятся они способны достигнуть процветания.

В течение долгого времени учение Каббалы было доступно лишь немногим избранным мудрецам, ибо изначально оно, как и масонство, неизменно побуждало своих адептов к духовному совершенствованию и смешению всевозможных религиозных учений народов Земли. В глазах каббалиста все люди мира являются его братьями, а их невежество только побуждает его наставлять их в путях праведности, а отнюдь не презирать. Великие каббалисты были и среди египтян, и среди греков, учения которых признаны Православной церковью; даже среди арабов бывали ученые, которых не осмеливалась порицать средневековая христианская церковь.

Мудрецы всех времен и всех народов с гордостью несли титул каббалистов. Каббала воплощала в себе достойную всяческих похвал философию, чистую, отнюдь не таинственную, но символическую. Она учила единству Бога, искусству познания и толкования сути и деяний Верховного Существа, духовным и природным силам, сокрытым в символах, например в расположении букв алфавита, в различных сочетаниях чисел, в различном сопоставлении букв между собой, и якобы обнаружению в них различных смыслов и оттенков смысла. Каббала является ключом ко всем оккультным наукам, от каббалистов произошли и гностики.

Наука о числах занималась изучением не только их арифметических свойств, но также величественными свойствами вообще всех и всяческих пропорций и соотношений. Изучая их, мы просто не можем в конечном итоге не прийти к пониманию существования Первопричины всех вещей, сейчас именуемой Абсолютом или Единством. Это возвышенный термин, к которому всегда стремится как к своей цели

любая философская система; в этом состоит жесткая потребность человеческого разума; в этом состоит высшая точка развития всех его идей. Единство есть источник и центр любого систематического порядка, основа бытия, центральная точка, неизвестная по своей сути, но раскрывающаяся только в своих проявлениях. Единство есть высший центр, к которому неизменно восходит вся череда причин. Это царственная Идея, вокруг которой неизменно вращались все мысли последователей Пифагорейской школы. Сам Пифагор отверг предложенный ему титул Мудреца, потому что буквально он означал «*тот, кто знает*». Он вместо этого придумал и присвоил себе титул Философа, означающий «*тот, кто любит изучать сокрытое*». Астрономия, которой он обучал в своих Мистериях, в действительности представляла собой *астрологию,* а его наука чисел основывалась на каббалистических принципах.

Древние философы, равно как и сам Пифагор, основы чьего учения так больше никогда и не истолковывали правильно, никогда не стремились приписать числам, то есть, собственно, абстрактным символам, какие бы то ни было собственные добродетели. Вместо этого все мудрецы древности стремились к постижению *Единой Первопричины* (материальной или духовной) существования Вселенной. Посему Единство стало для них символом Верховного Бога. Ему был придан символизм Верховного Существа, но это ни в коем случае не означало, что Божественная или какая-либо иная сверхъестественная сила приписывалась *цифре один,* то есть *единице*.

Пифагорейское учение о числах и их свойствах отражено в нижеследующем отрывке.

Наставление Каббалистов

Вопрос: Как осмелился ты просить быть допущенным в среду Рыцарей Каббалы?

Ответ: Дабы посредством чисел обрести знание удивительной гармонии, существующей меж природой и религией.

В.: Как ты возвестил о себе?

О.: Двенадцатью ударами.

В.: Что они означают?

О.: Двенадцать основ нашего бренного и духовного счастья.

В.: Кто такой истинный каббалист?

О.: Это человек, изучавший и изучивший традицию Искусства Священного и Царственного.

В.: Что означает высказывание: «*Omnia in numeris sita sunt*»?

О.: Что все сокрыто в числах.

В.: Объясни.

О.: Я сделаю это до числа 12. Остальное скажет тебе твоя проницательность.

В.: Что означает *единица* в числе 10?

О.: Бога, творящего и одухотворяющего материю, выраженную в ноле, ибо сама по себе она не значит ничего.

В.: Что вообще означает единица?

О.: В нравственном смысле – *Слово,* воплощенное в дитяти в утробе Девы, то есть религии. В физическом смысле – Дух, воплощенный в Земной Деве, то есть Природе.

В.: Что разумеешь ты под числом 2?

О.: В нравственном смысле – *мужчину* и *женщину;* в физическом смысле – *активное* и *пассивное* начала.

В.: Что разумеешь ты под числом 3?

О.: В нравственном смысле – три добродетели теологии; в физическом смысле – три телесных первопринципа.

В.: Что разумеешь ты под числом 4?

О.: Четыре основные добродетели и четыре изначальных качества.

В.: Что разумеешь ты под числом 5?

О.: Основу религии и основу материи.

В.: Что разумеешь ты под числом 6?

О.: Теологический куб и Божественный куб.

В.: Что разумеешь ты под числом 7?

О.: Семь священных таинств и семь планет.

В.: Что разумеешь ты под числом 8?

О.: Малое число Избранников и малое число мудрецов.

В.: Что разумеешь ты под числом 9?

О.: Возвышение религии и возвышение материи.

В.: Что разумеешь ты под числом 10?

О.: Десять заповедей и десять природных принципов.

В.: Что разумеешь ты под числом 11?

О.: Умножение религии и умножение природы.

В.: Что разумеешь ты под числом 12?

О.: Двенадцать Основ Веры, двенадцать апостолов, основание Святого Града, несущего свет истинной Веры всему миру ради всеобщего счастья и духовной радости; двенадцать природных действий;

двенадцать знаков Зодиака; основание *Primum Mobile*[11] и его распространение по всей Вселенной ради нашего временного счастья.

Здесь раввин, председательствующий в Синедрионе, объявляет: «Из сказанного тобой следует, что число 1 развивается в число 2 и затем обретает внутреннюю завершенность в числе 3; затем производит вовне число 4, откуда – через числа 6, 7, 8 и 9 – развивается в число 5, то есть половину сферического числа 10, после чего восходит через число 11 к числу 12 и возвышается через число 4, умноженное на 10, к числу 6, умноженному на 12, – окончательной цели и высшей точке нашего вечного счастья».

Вопрос: Каково животворящее число?

Ответ: Во Боге – это *единица;* в тварном мире – это число 2; ибо в Божественном мире число 1 порождает число 2, а в мире тварном число 2 порождает число 1.

В.: Каково самое волшебное число?

О.: Число 3, ибо оно определяет тройственную Божественную сущность.

В.: Каково самое таинственное число?

О.: Число 4, ибо оно содержит в себе все таинства природы.

В.: Каково самое сокрытое число?

О.: Число 5, ибо оно пребывает в центре всех чисел.

В.: Каково самое благотворное число?

О.: Число 6, ибо в нем содержится источник нашего духовного и телесного счастья.

В.: Каково самое счастливое число?

О.: Число 7, ибо оно ведет нас к *декаде,* числу Совершенства.

В.: Каково самое желанное число?

О.: Число 8, ибо владеющий им владеет числом Избранников, или Мудрецов.

В.: Каково самое возвышенное число?

О.: Число 9, ибо через него возвышаются религия и природа.

В.: Каково самое совершенное число?

О.: Число 10, ибо оно включает в себя единицу, все породившую, и ноль – символ материи и хаоса, из которого все произошло. Своими составляющими цифрами оно воплощает миры Сотворенный и Несотворенный, начало и конец, власть и силу, жизнь и смерть. Изучая это число, мы обнаруживаем связи между всеми вещами, силу Творца, способности Его тварей, альфу и омегу Божественного Знания.

В.: Каково самое приумножающее число?

О.: Число 11, ибо, владея двумя единицами, мы обретаем способность приумножать все вещи.

В.: Каково самое цельное число?

О.: Число 12, ибо на нем основывается наше духовное и бренное счастье.

В.: Каково главное число религии и природы?

О.: Четырежды десять, ибо оно позволяет нам, отвергнув все нечистое, вечно наслаждаться числом 6, умноженным на 12, – целью и высшей точкой нашего счастья.

В.: Каково значение квадрата?

О.: Он является символом четырех стихий, содержащихся в треугольнике – эмблеме трех химических принципов; вместе они составляют единство Абсолюта в первичной материи.

В.: Каково значение центра окружности?

О.: Он символизирует вселенский дух, жизнепорождающий центр всей Природы.

В.: Каково значение квадратуры круга?

О.: Изучение квадратуры круга означает познание четырех низменных стихий, состоящих из стихийных духов, или основополагающих принципов, как круг, пускай внешне сферический, в действительности состоит из линий, незримых для глаза и постижимых исключительно силой разума.

В.: Каково глубинное значение числа 3?

О.: Отец, Сын и Святой Дух. От действия этих трех ипостасей происходит Треугольник внутри Квадрата, а от действия семерых ангелов – *декада,* или число Совершенства.

В.: Каково самое смутное число?

О.: Ноль – символ хаоса, бесформенного и безвидного смешения стихий.

В.: Что означают четыре орудия сего градуса?

О.: Что нам следует слышать, видеть, хранить молчание и наслаждаться совершенным счастьем.

Единица, или *монада,* таким образом, является эмблемой личности, равенства, бытия, сохранения и вообще гармонии, первичного Огня, точки в центре круга.

Число 2, или *диада,* является эмблемой различий, неравенства, разнообразия и перемен.

Цифра 1 символизирует живого человека (его выпрямленное тело), ибо из всех живых существ лишь человек наделен способностью к прямохождению. Добавив к изображению этой цифры «голову», получаем букву «Р» – эмблему отцовства (*Paternity*), творческой Силы, и далее, добавив «ногу», получаем литеру «R» – символ человека идущего – «*iens*», или «*iturus*».

Диада лежит в основе любого сопоставления. Это состояние несовершенства, в котором, согласно пифагорейскому учению, пребывает существо после своего отделения от Монады, то есть Бога. Духовные существа, проистекшие от Бога, окутаны диадой, а посему способны испытывать лишь иллюзорные ощущения.

Поскольку изначально число 1 служило эмблемой гармонии, порядка или Первопринципа Добра (Один и Единственный Бог, по-латыни *Solus,* в то время как словами *Sol, Soleil* описывается зримый символ этого Бога), число 2 выражает противоположную идею. Этим числом открывалось смертоносное знание о разделении добра и зла. Все двойственное, лживое всегда противостоит всему единичному и истинному, вечному, будучи выражено обычно четными числами. Также число 2 всегда отражало состояние извечного противостояния, в котором находятся практически все явления в Природе, в которой все предметы и явления в том или ином роде удвоены: ночь и день, свет и тьма, жар и холод, суша и вода, здоровье и болезнь, ошибка и истина, мужской и женский пол и т. п. Поэтому римляне в древности посвятили второй месяц года Плутону, правителю царства теней, а второй день каждого месяца – *манам,* духам умерших.

У древних китайцев число 1 символизировало единство, гармонию, порядок, Первопринцип Добра и Бога; число 2 – беспорядок, двойственность, ложь. Еще в древнейшие времена этот народ основывал всю свою философскую систему на двух первичных геометрических фигурах, а именно прямых линиях – целой и разорванной (пунктирной), – которые удваивались и утраивались, располагаясь одна под другой в определенном порядке, составляя таким образом четыре основных символа и восемь триграмм (*Ба-Гуа*), символизировавшие природные стихии и первопринципы всех вещей и схематически отображавшие их в научном мире. Платон называет единственность и двойственность изначальными слагаемыми Природы и первопринципами любого бытия, в то время как древнейшая священная книга китайцев гласит: «*Великий Первопринцип провел сложение и вычитание изначальных законов бытия, и два изначальных закона,*

находящиеся в противоположении, то есть Инь и Ян, покой и движение, породили четыре знака, или символа, а четыре символа породили восемь гуа, то есть сочетаний триграмм».

Толкование герметических притч приводит нас к выводу о том, что среди всех народов древности была принята относительно общая и повсюду одинаковая структура народных богов: 1 – Творящая Монада; затем 3, затем 3 раза по 3, 3 раза по 9 и 3 раза по 27. Эта тройственная прогрессия основывается на трех временах материальной Природы: прошлом, настоящем и будущем, или на трех состояниях жизни в материальной Вселенной: рождении, жизни и смерти, иначе говоря, начале, середине и конце.

Монада всегда мужского рода, ибо ее действие не производит в результате никаких изменений *в ней самой* – только *вне нее*. Она воплощает творческий принцип.

Диада, по той же причине, всегда женского рода: она подвержена постоянному изменению – уменьшению или увеличению. Она воплощает материю, обладающую формой и видом.

Единение монады и диады порождает триаду, символизирующую мир, рожденный материей от творческого Первопринципа. Пифагор изображал материальный мир в виде прямоугольного треугольника, в котором сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы, точно так же, как и сформированный материальный мир, в сущности, равен сумме действия творческого Первопринципа и формообразующей материи.

Число 3 является первым из нечетного ряда. Триада – это таинственное число, играющее невыразимо важную роль в священных традициях Азии и в философии Платона; это образ Верховного Бога, включающий в себя свойства обоих первых чисел. Во все времена для философов это было самое любимое и самое совершенное число; мистический архетип, почитавшийся всеми древними народами и освященный Мистериями; посему и в масонстве существуют только три основных степени посвящения; вообще масоны издревле почитают и тщательнейшим образом изучают треугольник – эмблему величайшего таинства Священной Триады.

В геометрии никакое тело не может быть совершенно отображено одной линией. Точно так же и две линии не способны отобразить совершенную фигуру. Но три линии, соединенные вместе, образуют *треугольник* – первую совершенную простейшую фигуру; именно поэтому во все времена, равно как и ныне, эта фигура

является символом Предвечного, невыразимо совершенного по Своей природе, Творца Вселенной, первого Существа и первого Совершенства.

Четырехугольник, или квадрат, также совершенный, является *вторым* совершенством Природы; он не может символизировать Бога-Творца. Необходимо отметить, что латинское и французское Имя Господа (*Deus, Dieu*) часто отображается в виде одной буквы – греческой «дельты» (Δ), имеющей форму треугольника. По этой причине люди и в древности, и в наше время почитают треугольник священным символом, чьи три стороны символизируют три царства Природы, или Господа. В центре треугольника располагается древнееврейская литера «йод» (начальная буква имени יהוה) – одухотворяющий принцип Огня, творческий Первопринцип, выражающийся также литерой «G» – начальной буквой Имени Бога на языках народов Севера, равно как и начальной буквой корня «*generatio*» со значением «рождение».

Первая сторона треугольника, предлагаемая для изучения Ученику, – это минеральное царство, символизируемое словом *T*.:..

Вторая сторона, предмет размышлений Подмастерья, – это растительное царство, символизируемое словом *S*.:. («колос»). В этом царстве начинается зарождение тел живых существ, почему взору кандидата и предстает сияющая литера «G».

Третья сторона треугольника символизирует животное царство и служит предметом раздумий Мастера, и ее символизирует слово *M*.:. («гниение»).

Число 3 символизирует Землю. Это число всех земных тел. Число 2, нижняя часть числа 3, символизирует растительное царство, в то время как оставшаяся единица скрыта от нашего взора.

Число 3 также символизирует гармонию, дружбу, мир, согласие и умеренность, почему оно и пользовалось величайшим почтением в Пифагорейской школе, адепты которой называли его Числом Совершенной Гармонии.

Числа 3, 4, 10 и 12 были священными и для этрусков, иудеев, египтян и индийцев.

Имя Бога в языках многих народов состоит из трех букв: у греков – IAΩ; у персов – ХОМ; у индийцев – АУМ; у скандинавов – IOW. На Таблице Царей в древнем Нимвроде начертаны тринадцать имен высших богов, и пять из них состоят из трех букв каждое – Ану, Сан, Йав, Бар и Бэл.

Число 4 – самое совершенное из всех: оно лежит в основе всех остальных чисел и всех явлений материального мира. Тетрада выражает первую математическую силу. Она также символизирует жизнепорождающую силу, из которой развиваются все прочие числовые сочетания. Посвященные во все времена считали ее символом движения и Бесконечности, всего бестелесного, пребывающего за пределами человеческих чувств. Пифагор говорил своим ученикам, что число 4 является символом Предвечного Творческого Первопринципа, что оно есть Четверобуквие, то есть Неизрекаемое Имя Господне, источник всего обретшего бытие через акт Творения. Необходимо отметить, что и по-древнееврейски это слово состоит из четырех букв.

В Четверобуквии мы обнаруживаем и первую объемную фигуру, вселенскую эмблему бессмертия – *пирамиду*. Гностики утверждали, что все величественное здание их науки покоится на основании квадратной формы с углами, поименованными Σιγη, Βυθος, Νους и Αληθεια, то есть *Молчание, Глубина, Разум* и *Истина*. Таким образом, треугольник, лежащий в основании пирамиды и сформированный числом 3, символизирует единство, порождающее высшую точку – Абсолют.

Лисий и Тимей Локрийский писали, что невозможно дать определение никакой вещи, которая не была бы основана на четвертичности.

В соответствии с пифагорейским учением, существует связь между числами и богами, определяющая род божественного Откровения, иначе именуемого *арифмомантией*. Душа есть число; она движется сама по себе; в себе она содержит четвертичные числа.

Материю символизирует число 9, то есть трижды три, а Бессмертный Дух имеет главной своей эмблемой четверку. Мудрецы древности учили, что человек, удалившись от Бога и запутавшись в тенетах непроходимого лабиринта материи, двигается от числа 4 к числу 9, и единственный возможный путь избавления из самого лабиринта, из встречающихся в нем пропастей и тупиков, обманчивых обходных путей, из этой обители зла, в которую он пал, состоит в движении от числа 9 обратно к числу 4.

Мистическая и гениальная версия причины особого почтения к треугольнику состоит в графике цифры 4. Считается, что своей формой она символизирует живое существо (I), несущее треугольник (Δ) – эмблему Бога, то есть человека, несущего в себе Божественный принцип.

Число 4 всегда считалось божественным; оно описывало Бога, и многие древние народы именовали Бога словами из четырех букв: у древних евреев это יהוה; у египтян – *Амон;* у персов – *Сура;* у греков – Θεος; у римлян – *Deus*. Это и иудейский *Тетраграмматон,* и пифагорейский *Тетрактис,* на котором адепты этой древней школы приносили самые священные клятвы. Это и скандинавский *Один,* и греческий Ζευς, и египетский *Птах,* и финикийский *Таут,* и ассирийские *Асур* и *Нево*. Этот список можно продолжать бесконечно.

Не менее волшебным считалось и число 5, потому что оно состоит из двойки – символа двойственности и лжи, и тройки, а потому особенно примечательно своей сложной природой. Энергетически в нем воплощается идея несовершенства, сосуществования порядка и беспорядка, счастья и несчастья, жизни и смерти, без которого немыслимо земное бытие. Для тайных обществ всех времен это число было пугающим образом Первопринципа Зла, расстраивающего мировой порядок, иначе говоря, образом Двойственности, действующей в недрах Тройственности.

С другой стороны, это число было эмблемой брака, ибо оно состоит из первого четного числа 2 и первого нечетного числа 3. Поэтому цифрой 5 обозначалась Юнона – римская богиня брака.

Кроме того, это число обладает некоторыми из свойств числа 9, а именно свойством самовоспроизведения путем умножения на себя: сколь много раз бы это число ни умножалось на себя, в правом разряде итогового произведения все равно окажется пятерка; поэтому число 5 также служит символом перемен в материальном мире.

Древние считали число 5 эмблемой материального мира. Причину этого Диодор, например, видит в том, что это число включает в себя все стихии: небо, или воздух, землю, воду, огонь и эфир, или дух. Отсюда он выводит и родственность корней πεντε (пента – «пять») и Παν (пан – «всё»).

Число пять символизировало квинтэссенцию мира, и цифра 5 своей формой точно воплощала суть всего материального бытия, животворящий дух, текущий (*serpentans*) в Природе. В действительности эта удивительная цифра является сочетанием двух греческих диакритических значков ударения в форме апострофов, располагающихся над гласными, при произнесении которых необходимо придыхание. Левый значок ударения (`) носит название Духа могущества и служит эмблемой Верховного Духа, или Божественного Духа, вдохнувшего

(*spiratus*) душу в человека. Правый значок ударения (ʹ) именуется малым духом и является эмблемой духа низшего, человеческого.

Тройной треугольник, или фигура, состоящая из пяти линий, соединяющихся между собой в пяти точках, символизировал у пифагорейцев здоровье.

Пифагорейская Пентальфа, или Соломонова Пентаграмма, составлена из пяти линий и пяти углов; у масонов она почитается предшественницей Пламенеющей Звезды – эмблемы братства.

Число 6 в Мистериях древности было всеобъемлющей эмблемой Природы, ибо символизировало шесть измерений любого физического тела, шесть линий, составляющих любую физическую форму, то есть четыре линии по направлению к сторонам света – Северу, Югу, Востоку и Западу, – и две линии в вертикальном направлении – в высоту и в глубину, к зениту и к надиру. Мудрецы древности применяли число 6 для описания земного тела человека, в то время как семерка служила для них символом его бессмертного духа.

Иероглифическое изображение числа 6, то есть удвоенный треугольник, служит эмблемой Бога.

Число 6 также является эмблемой здоровья и справедливости, ибо это первое совершенное число, то есть такое число, кратные части которого (половина, треть и одна шестая – 3, 2 и 1), сложенные вместе, дают в сумме его само – то есть 6.

Ормузд сотворил шесть добрых духов, а Ариман – шесть злых. Вместе они символизировали шесть летних и шесть зимних месяцев астрономического года.

Никакое другое число не пользуется столь всеобъемлющим и всемирным признанием, как число 7. Вне всякого сомнения, высочайшее к нему почтение связано с количеством основных планет, которых, как известно, *семь*. Это число священное. Пифагорейцы рассматривали его как сумму чисел 3 и 4, причем первое было в их глазах числом природных элементов, а второе – основополагающим принципом всего внетелесного и неощутимого. С этой точки зрения, число 7 служило им эмблемой совершенства.

Если же считать это число суммой 6 и 1, оно становится эмблемой невидимого центра, или души всего сущего, ибо нет такого тела, внешняя форма которого не укладывалась бы в шесть пространственных линий, а центр не был бы седьмой, невидимой, точкой в центре; центр является природной сутью всех вещей, в то время как шесть линий внешней формы лишь придают ему зримость.

Многочисленные возможные толкования священного символизма семерки убеждали мудрецов древности в ее высоком смысле. Они превозносили значение числа 7 еще и потому, что полагали, что в нем косвенно отражается совершенство единицы; ибо как единица не порождена никаким другим числом, поскольку состоит только из себя и в себе, так и число 7 не образовано никаким из чисел в промежутке от 1 до 10. Число 4 занимает срединное положение в числовом ряду от 1 до 7; оно настолько же больше 1, насколько меньше 7, причем разность в обоих случаях составляет 3.

У египтян число 7 символизировало жизнь, и именно поэтому у греков буква «Z» стала первой буквой слов Ζαω («жизнь») и Ζευς («Зевс», Всеотец).

Число 8 состоит из уже рассмотренных нами священных чисел 3 и 5. На понятии Небес, состоящих из семи планет и сферы недвижимых звезд, иначе говоря, вечного единства в соединении с мистическим числом 7, основывается *огдоада*, то есть число 8, первый куб четного числа, считающийся священным, в соответствии с арифметической философией.

В гностическую огдоаду входили восемь звезд, олицетворявших восьмерых самофракийских кабиров, восемь египетских и финикийских первичных принципов, восьмерых богов Ксенократа, восьмерых ангелов Кубического камня.

Число 8 является эмблемой совершенства, и форма соответствующей цифры (8 или ∞) символизирует бесконечность и последовательность жизни и развития Вселенной.

Число 8 является первым кубом (2 × 2 × 2), а посему символизирует дружбу, благоразумие, добрый совет и справедливость. Цифра 8 являлась эмблемой изначального Закона, обязательного для всех людей без исключения.

Число 9 является утроенной триадой. Мудрецы древности почитали число 3, поэтому и утроенное число3, то есть число 9, было для них не менее священным; они полагали, что все элементы, составляющие наше тело, имеют тройственную природу: вода содержит в себе землю и огонь; земля содержит в себе источники воспламенения и разжижения; огонь равно смиряется водой и землей, в которой содержатся и питающие его корпускулы. Ни одна из стихий не существует в полном отрыве от остальных; все материальные вещи состоят из трех стихий в их соединении, то есть являются их тройственными порождениями, в силу чего каждое материальное тело может быть

представлено в виде утроенного числа 3, то есть числа 9, которое таким образом приобретает значение символа всех вещей тварного мира. Отсюда и термин «девятая оболочка», которым описывается материя. Любое материальное измерение, любая дуга обозначались пифагорейцами цифрой 9; они испытывали огромное почтение к способности этого числа к самовоспроизведению при сколь угодно повторенном умножении на себя само; таким образом, это число становилось поразительной по силе воздействия эмблемой материи, вечно самозарождающейся перед нашим взором после столь же вечно повторяющихся смерти и разложения.

Число 9 было посвящено небесным сферам и музам. Оно является эмблемой любой окружности в силу того, что окружность в 360 градусов, в сущности, равна 9 (3 + 6 + 0 = 9). Тем не менее древние испытывали по отношению к этому числу благоговейный страх, считая его дурным знаком: ведь оно символизировало переменчивость, изменение, хрупкость всего человеческого бытия. По этой причине они стремились избегать всех чисел, содержащих в себе 9, в особенности числа 81 – то есть квадрата девяти, дающего девятку и в сумме составляющих его цифр (8 + 1).

Как цифра 6 символизировала для мудрецов древности земной шар, одухотворяемый Божественным Духом, так цифра 9 символизировала Землю под властью Духа Зла, а потому вызывала чувство страха. Как бы то ни было, для каббалистов число 9 символизировало животворное яйцо, то есть микроскопическое живое существо, из низшего аспекта которого проистекает Дух жизни.

Число 9, или *эннеада*, символизирует соединение девяти изначальных сущностей, или личностей, и является первым квадратом нечетного числа.

Всем известно удивительное свойство числа 9, которое, будучи умножено на само себя или на любое другое число, в сумме цифр полученного произведения неизменно дает само себя же.

При умножении последовательно на каждое из простых чисел число 9 дает прогрессию, каждый член которой примечателен как сам по себе, так и в общем контексте:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
9	18	27	36	45	54	63	72	81	90

Первая строка представляет собой последовательность простых чисел от 1 до 10.

Во второй же строке первая воспроизведена дважды – сначала слева направо (десятки), потом справа налево (единицы), с учетом ноля.

Из этого поразительного факта следует, что одна половина чисел, составляющих данную прогрессию, является зеркальным отражением другой половины чисел той же прогрессии.

9 +	18 +	27 +	36 +	45 =	135	= 9	
90 +	81 +	72 +	63 +	54 =	360	= 9	
—	—	—	—	—	—	—	
99 +	99 +	99 +	99 +	99 =	495	= 18	= 9

А также:

$9^2 = 81 = 9$; $81^2 = 6561 = 18 = 9$; $9 \times 2 = 18 = 9$; $18^2 = 324 = 9$
$9 \times 3 = 27 = 9$; $27^2 = 729 = 18 = 9$; $9 \times 4 = 36 = 9$; $36^2 = 1296 = 18 = 9$

То же самое происходит с любым числом, кратным 9: 45, 54, 63, 72 и т. п.

Точно так же: $9 \times 8 = 72$; $72^2 = 5184 = 18 = 9$.

И далее:

18	27	36	72	108
18	27	36	72	108
—	—	—	—	—
144 = 9	189 = 9	216 = 9	144 = 9	864 = 9
18 = 9	54 = 9	108 = 9	504 = 9	108 = 9
—	—	—	—	—
324 = 9	729 = 9	1296 = 9	5184 = 9	11664 = 9

Точно так же:

$27^2 = 729 = 9$;	$18^2 = 324 = 9$;	$9^2 = 81 = 9$;	$81^2 = 6561 = 9$
729	324		6561
—	—		—
6561 = 9	1296 = 9		6561 = 9
1458 = 9	648 = 9		39366 = 9
5103 = 9	972 = 9		32805 = 9
			39366 = 9
—	—		—
531441 = 9	104976 = 9		43046721 = 9

Число 10, или *декада*, является всеобщим мерилом, оно сводит все многообразие чисел к единице. Содержа в себе все гармонические

и числовые соотношения, все свойства предшествующих чисел, оно завершает *абаку*, или пифагорейскую числовую таблицу. Для тайных обществ всемирной истории это число символизировало совокупность таинств Вселенной. Они часто изображали ее в виде греческой литеры «тета» (Θ), что символизировало Единство в центре ноля, Пустоты. Этот знак аналогичен масонской точке в центре круга – символу Бога. В этом знаке было все, чтобы навести любого его созерцающего на плодотворные размышления: центр, лучи и окружность, символизирующие Бога, человека и Вселенную.

Мудрецы древности почитали это число знаком согласия, любви и мира. Для масонов это знак доброй веры и единства, ибо он воспроизводится в сомкнутых руках пожатия Мастера, ведь сомкнутых вместе пальцев оказывается именно 10; также это число отражено в пифагорейском Тетрактисе.

Число 12, равно как и число 7, считается эмблемой всей живой природы. Два самых известных способа организации небес, распространенные в древнем мире, состояли в его делении на семь, по числу основных планет, и на двенадцать, по числу знаков Зодиака; следы этих способов деления небес несут на себе многочисленные памятники древнего мира, вплоть до самых отдаленных окраин Азиатского материка. Хотя Пифагор ничего и не пишет о числе 12, оно от этого не утрачивает своего священного смысла. Оно является эмблемой Зодиака, а следовательно, Солнца, управляющего им.

Таково учение древних о числах, столь часто встречающихся в масонской символике; и если верно понимать их значение, то есть так, как его понимали мудрецы древности, оно неизмеримо обогатит любого усердного исследователя.

Прежде чем приступить к усвоению основного урока масонской философии, повременим еще немного и повторим христианское толкование градусов Символической Ложи.

В первом градусе, степени Ученика, следует особое внимание уделить изучению следующих трех символов:

1 После грехопадения человек остался наг и беззащитен пред лицом праведного гнева Вседержителя. Склонный к греху, род человеческий слепо шел вперед и вперед в непроницаемой тьме безверия, накрепко связанный прочным вервием природной порочной воли. За нравственным падением последовало физическое убожество. Нужда и лишения наполнили Землю. Войны, голод и болезни переполнили

чашу Зла, но человек все шел и шел, переступая стертыми в кровь ногами по острым камням несчастий и бед. Слепота, убожество, лишения и несвобода, избавить человечество от которых пришел в этот мир Спаситель, воплощаются в приуготовлении кандидата к посвящению, перед тем как он впервые подойдет к двери Храма, чтобы постучать в нее.

2 Хотя Спаситель и претерпел мучительную смерть на кресте, воистину спастись человек может только верой, покаянием и совершенствованием. Дабы покаяться, он сперва должен испытать жестокие угрызения совести и стыд, острым мечом пронзающий грудь. Вера его станет ему проводником, за которым он должен следовать без страха; он должен искренне веровать и уповать на Бога; и острие меча, прижатого к его обнаженной груди у самого сердца, воплощает эти веру, покаяние и совершенствование, необходимые для того, чтобы он обрел доступ к Истинному Свету Христа Распятого.

3 Покаявшись и усовершенствовавшись, связав себя нерушимыми узами клятвы с Богом и обязавшись служить Ему, человек допускает в темноту своего сердца луч Света христианской надежды, освещающий ему путь на Небеса. И это символизирует дарование кандидату Света по принесении им торжественного обязательства и по велению Досточтимого Мастера, который в данный момент воплощает Спасителя и дарует кандидату свет с помощью братьев, как Спаситель наставлял Своим Словом с помощью апостолов.

Во втором градусе, степени Подмастерья, основных символов два:

4 Христианин принимает на себя новые обязанности по отношению к Богу и своим ближним. По отношению к Богу это обязательство любви, благодарности и почтения, страстного желания служить Ему и восхвалять Его; по отношению к ближнему это обязательство доброты, справедливости и сочувствия. Обещание этого, вместе с обещанием добрых трудов, входит в торжественное обязательство Подмастерья, приняв которое, он, некогда принесший клятву хранить тайну и размещенный в северо-восточном углу ложи, ныне в качестве Подмастерья спускается в среду своих братьев уже как равный и принимает на себя все обязанности полноправного брата одновременно с сопутствующими им правами.

5 Христианин, пребывающий в мире с Господом, видит весь мир в новом свете. Для него эта колоссальная Вселенная предстает более не как просто огромный механизм, заведенный и запущенный

шесть тысяч или шестьдесят миллионов лет назад, чтобы вечно пребывать в движении, согласно нерушимому закону механики, сотворенному одновременно с запуском самого механизма, без всякого дальнейшего вмешательства или просто внимания со стороны Бога; для него она предстает величественной эманацией Самого Господа, продуктом Его Мысли; не мертвой машиной, а живым существом, за которым постоянно наблюдает Бог, каждый миг существования которого является результатом Его Воли и Его деяний, ибо сам закон Вселенской Гармонии есть Божественная Сущность, ежесекундно воспроизводящаяся в мире. Этот принцип воплощается в столь несовершенных наставлениях градуса Подмастерья, в той их части, которая относится к наукам и в особенности – к геометрии, как начальная буква этого слова, целиком и полностью связанной в сознании каждого масона с Богом; и буква на Востоке ложи в данном случае является эмблемой и науки, и Бога; а также астрономии, то есть науки о законах движения и гармонии, управляющих сферами, но, в сущности, являющейся лишь составной частью великой науки геометрии. Здесь исследуются именно эти символы, потому что именно в степени Подмастерья масону предлагают иные, а не только нравственные, наставления.

В третьем градусе, степени Мастера, основных символов также два, что в совокупности с тремя уроками степени Ученика и двумя – степени Подмастерья дает священное число семь:

6 После прохождения первой части церемонии посвящения кандидат воображает, что он уже стал Мастером; для него становится неприятной неожиданностью сообщение о том, что это далеко не так и что вообще неизвестно еще, суждено ли ему стать им. Ему сообщают об ином, и опасном, пути, который ему предстоит пройти; ему говорят, что именно от того, пройдет ли он этот путь, зависит, станет ли он Мастером Каменщиком. Эти слова подобны тому, что говорил Спаситель Никодиму о том, что несмотря на безупречную нравственность, он не войдет в Царствие Небесное прежде чем не родится заново, символически умерев, а затем воскреснув в мире новым человеком, не запятнанным грехом младенцем.

7 Умерщвление Хирама, его погребение и последующее поднятие его из гроба Мастером являются аллегориями и смерти, погребения и Воскресения Спасителя, и духовной смерти и погребения под тяжестью природных грехов смертного человека и его нового рождения по воле Спасителя, после того как Нравственность (пожатие

Ученика) и Философия (пожатие Подмастерья) оказались не способны воскресить его. Сильнее и действеннее всех оказывается львиное пожатие – знак Льва колена Иудина, – которое не разорвать, которым Христос, Сам принадлежавший к сему царственному роду, связал Себя со всем человеческим родом и принял его в свои объятия тепло и тесно, подобно тому как масоны заключают друг друга в объятия Пяти точек братства.

В качестве Учеников и Подмастерьев масоны получают наставления: трудиться усердно, имея перед глазами в качестве примера самоотверженных строителей Храма Господа в Иерусалиме; прочно утверждать в своем сердце краеугольные камни Истины, справедливости, умеренности, отваги, осмотрительности и милосердия, на которых возводить духовный Храм истинно христианской личности, которую не суждено одолеть никаким бурям и бедам, никаким адским искушениям; эти чувства и достойные уважения черты являются наилучшим средством поклонения Великому Архитектору и Великому Отцу Вселенной; они делают сердце человека живым Храмом веры в Него; неуправляемые страсти тогда подвергаются смирению и управлению, а их излишки начисто стесываются молотом самодисциплины; тогда каждое действие и каждое намерение выверяются и направляются по наугольнику Мудрости, уровню Милосердия и отвесу Справедливости.

Две колонны – Яхин и Боаз – являются символами этой нерушимой веры и неизбывной надежды на Бога и Спасителя, – и в этом *сила* христианина; также они являются символами добрых трудов, только и лишь только которыми вера эта может *утвердиться* и действенно способствовать *спасению*.

Три колонны, поддерживающие свод нашего Храма, являются символами христианской *надежды* на счастье в Жизни Грядущей; *веры* в обетование и Божественную миссию Спасителя; в *Милосердый Суд* Его над всеми смертными.

Трое убийц Мастера Хир-Ома символизируют Понтия Пилата, первосвященника Каиафу и Иуду Искариота, а три удара, нанесенные ими, символизируют предательство Спасителя Иудой, умывание рук Пилатом и приговор Первосвященника. Также они символизируют битье Иисуса по ланитам, бичевание и терновый Его венец. Двое Подмастерьев, отправленные на поиски тела умерщвленного Мастера, воплощают двенадцать учеников Спасителя, впавших в сомнение, воскреснет Он или нет.

Слово Мастера, предположительно утраченное, воплощает христианскую веру и религиозное учение, предположительно сломленные и уничтоженные в тот миг, когда Спаситель был распят после того, как Иуда предал Его и Петр отрекся от Него, после того как остальные ученики усомнились в том, что Он воскреснет из мертвых; однако Слово восстало из гроба и быстро разнеслось по всему цивилизованному миру, и таким образом было *обретено* то, что считалось *утраченным*. Также в Слове воплощается Сам Спаситель; это Слово, которое было в начале, которое было у Бога и которое само было Бог; это Слово Жизни, ставшее плотью и жившее среди нас, Слово, которое считалось утраченным в течение трех дней, что Он лежал во гробе, когда ученики Его не могли найти в Писании предсказания о том, что Он воскреснет и восстанет из гроба, и даже усомнились в Его воскресении, а услышав о нем, были поражены и напуганы Его появлением среди них, и все еще сомневались, что это воистину Спаситель.

Акациевая ветвь в головах тела Мастера Хир-Ома воплощает принцип воскресения и бессмертия.

Таково христианское толкование данного градуса, как и все прочие толкования, предназначенное для тщательного размышления над ним.

Заключительное Наставление

Масонство никогда не претендовало на владение Истиной в последней инстанции. Не в наших правилах диктовать кому бы то ни было, во что ему верить. В наставлениях предыдущих градусов мы уже говорили, что просто предлагаем на твое обозрение великие идеи, выражавшиеся различными мыслителями в различные эпохи и у различных народов мира, – и уже тебе самому решать, насколько они устарели или насколько они новы по духу, какая доля истины в них содержится. В заключительном философском наставлении мы также будем следовать этой традиции изложения, рассуждая о высочайших материях, которые когда-либо затрагивали разум человеческий: о Бытии и Природе Бога, о бытии и природе человеческой души, о связи Божественного и человеческого духа с материальной природой. Нет и не может быть более важных вопросов для разумного существа, никакие иные вопросы не представляют для него более личного и неутолимого интереса; и теперь мы приглашаем тебя поразмыслить над этими заключительными символическими вопросами

философского учения Шотландского масонства. То, о чем мы собираемся сейчас говорить, будет венцом, завершением и обобщением уже сказанного нами в нескольких предыдущих символических наставлениях, особенно в той части, которая относится к учениям мудрецов и философов древности; мы надеемся, что ты не забыл и хорошо усвоил наставления предыдущих градусов, иначе твои знания навсегда останутся фрагментарными и несовершенными.

Предлагая верному и разумному работнику вознаграждение в виде сообщения ему Истинного Слова, масонство следует вековой традиции, потому что идея Слова включает в себя идею Бога в уме человека, наиболее важную идею во всей умозрительной теории Вселенной, определяющую практические действия официальной Церкви, государства, общества, семьи и каждого отдельно взятого человека. Действия людей в мирное и в военное время разительно различаются в зависимости от того, веруют люди в некое злобное и жестокое Божество, с наслаждением питающееся кровавыми жертвами, или же в Бога Любви; а также умозрительные теории отдельных людей относительно диапазона и способа действия Божественной Воли и природы и действия собственной свободной воли и связанной с ней ответственности не могут не оказывать огромного влияния на образ жизни и взаимоотношений с окружающими.

Каждый день мы наблюдаем влияние на людей общепринятой идеи Бога. Все великие цивилизации мировой истории выросли из сформированных соответствующими народами представлений о Боге и были неразрывно с ними связаны. Народная теология, изначально представлявшая собой лишь совокупность разрозненных идей в умах философов, постепенно обрела выражение в законах, карах за преступления, в храмах, священных церемониях и таинствах в них, праздниках и постах, венчании, крещении и отпевании, в больницах, школах, академиях и общественных институтах благотворительности, в отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, в ежедневной работе и ежедневной молитве каждого человека.

Мир непрерывно растет и развивается; ничего удивительного посему нет в том, что со временем он *перерастает* очередную идею Бога, ибо людские идеи умозрительны, бренны и недолговечны. Человека, обладающего более возвышенным представлением о Боге, чем окружающие его люди, и отвергающего их представления о Нем, вполне могут назвать атеистом те, у кого истинной веры значительно

меньше, чем у него. Так, например, считали атеистами, осуждали и убивали христиан, утверждавших, что языческие идолы – не боги; Иисус Назарянин был распят иудеями именно как святотатец и вероотступник.

Существует формальный атеизм, состоящий в отрицании Бога *по определению, но не по сути*. Человек может говорить: «Бога нет», – что должно означать, что нет Бога, Который был бы саморожденным, не произошедшим ни от кого иного, или Который был, есть и пребудет, Который есть Первопричина всех вещей, Разум и Провидение Вселенной, а также что порядок и гармония материального и духовного мира не являются отражением великого Плана и целей Бога. Однако вместо слова «Бог» он употребляет слово «Природа», имея в виду совокупность всего сущего, которая, по его мнению, могущественна, деятельна, блага и мудра; природа, по его мнению, саморождена, всегда была и всегда пребудет, сама является первопричиной своего бытия, разумом Вселенной и Провидением самой себя. Определенно существует некий план привнесения в материальный мир порядка, красоты и гармонии, – и это план и цель Природы.

В таком случае Бог отрицается по форме, а не по сути. Здесь *признаются* свойства Бога, подтверждается их истинность; здесь просто имеет место терминологическая подтасовка, когда словом «Природа» именуется Бог, между тем как вопрос состоит именно в том, существуют ли в действительности те свойства, которые мы приписываем Богу, а не в том, каким именем Бога называть. Кто-то может называть совокупность свойств, традиционно приписываемых нами Богу, Природой, кто-то – Небесами, кто-то – Вселенной, кто-то – Материей, кто-то – Духом, а кто-то – все-таки Богом, Теосом, Зевсом, Альфадиром, Аллахом, – как угодно. Все они признают бытие, силу, сущность (*ens*), известную под различными именами. Имя вообще мало что значит.

Настоящий же атеизм состоит в отрицании бытия *всякого* бога, реальности каких бы то ни было идей Бога. Он вообще отрицает существование некоего бытия, силы или сущности, являющейся Первопричиной и Провидением Вселенной, всякого существа, всякой вещи или души, духа, *намеренно и разумно* производящих гармонию, порядок и красоту в мире и обладающих свойством неизменно активного действия. Следовательно, настоящий атеист должен отрицать существование всякого порядка, закона и гармонии бытия, любого более или менее неизменного образа действий в материальном

мире, ибо человек в силу своей природы не в силах (как бы он ни притворялся, что ему это доступно) вообразить существование всего этого вне некоего внешнего Разума, не постижимого никакими иными средствами, кроме созерцания вышеупомянутых гармонии и порядка, причем «Разум» здесь – это только одно из «имен» корня всех непостижимых причин.

Истинный атеист не может не отрицать существование Божественных свойств, Разума Вселенной или Разума *во* Вселенной, самопорожденного Провидения и Провидения вообще. Он в силу необходимости должен отрицать любое Существо, которое было бы Первопричиной конечных вещей материального мира, которое обладало бы собственными волей, властью и силой, мудростью, справедливостью, любовью, верностью себе и своей природе. Он должен отрицать существование *всякого* плана во Вселенной и в какой бы то ни было ее части. Он должен полагать материю или вечной и самопорожденной, что абсурдно, или что она все же вызвана к жизни неким Разумом или, по крайней мере, Первопричиной, – а следовательно, признать существование Бога. Вне всякого сомнения, нам недоступно понимание того, *как именно* появилась материя, как именно она *начала быть* в пространстве, в котором ее ранее не было, как вообще не было ничего, кроме Бога. Но также вне всякого сомнения, мы не можем вообразить ее вечной и *несотворенной*. Полагать, что она вечна и не обладает мыслью и волей, что ее отдельные формы (семя, камень, дерево, человек, Солнечная система) появились самостоятельно, а не по какому-либо заранее сотворенному плану, по воле «случайности» или «причудливой группировки атомов», атомов материи, не обладающей, в силу вышесказанного, мыслью и волей, полагать, что в ней отсутствуют всякий план, всякая мысль, цель, разум, – абсурдно. Это означает отнюдь не *отрицать* существование того, что мы понимаем под терминами «разум», «план» и «цель», «Провидение», а просто настаивать на том, что эти слова обладают иным значением, нежели то, которое в разное время приписывали им практически все народы Земли; это означает подразумевать существование некоей неизвестной сущности, для которой человек еще не придумал *имени,* потому что не мог ее себе представить. Или «плана» никогда не существовало вовсе, а само это слово лишено всякого смысла, или Вселенная существует в соответствии с этим Планом. Это *слово* никогда не могло означать никакую иную *вещь*, кроме самого факта существования Вселенной. Точно так же и со словами «цель»

и «Провидение». Они или не значат вовсе ничего, или значат только то, что доказывает своим существованием Вселенная.

Человечество быстро осознало, что отрицание Разумной Первопричины, причины появления человека и его земного существования, отрицание Провидения или Разума, обусловливающего взаимоотношения человека с материальным миром, не отвечает инстинктивным нуждам человеческой природы и не описывают явления материальной природы. И оно не замедлило ответить на им самим заданные вопросы так (хотя неизвестно, говорил ли кто-либо так в действительности): Вселенная плывет в пустоте, и ни она сама, ни какой-либо разум в ней или вне нее не имеет никакого представления о том, откуда она взялась, куда именно плывет и где именно находится сейчас; человек точно так же движется во Вселенной, не представляя себе, откуда, куда и где он находится сейчас; не существует Разума или Силы, которые знали бы это; ничто не управляет движением человека во Вселенной, а Вселенной – в ее неустанном перемещении во Времени. Но человек никогда не мог удовлетвориться учением, гласящим: «*Твой героизм, твоя отвага, твоя самоотверженность, – все это ни к чему не ведет; твои достоинства ничего не значат; ты умрешь, и от твоих достоинств остальному человечеству не будет ни горячо ни холодно, ибо ни в чем во Вселенной нет упорядоченности; все происходит, приходит и уходит по воле случайности, так или иначе группирующей атомы*».

Атеистическая теория неоднократно излагалась письменно и устно, например, нижеследующим образом:

«Смерть – это действительно конец всего; в мире нет Бога; твое тело не имеет души; у тебя есть настоящее, но нет будущего; существует Земля, но не существует Небес. Умри и возвратись в прах, из которого вышел! Человек – это кости, кровь, внутренности и мозг; сознание есть материя; в мозге нет души, нет вообще ничего, кроме нервов. Мы способны разглядеть мельчайшую звезду в туманности Пояса Ориона, настолько отдаленную, что свет ее летит до Земли тысячи миллионов лет со скоростью в двенадцать миллионов миль в минуту. Незримых небес не существует нигде; мы видим все, что только можно увидеть, – и Небес нигде не видно; и если бы там что-то было, как до него добраться? Не существует и Провидения. Природа есть результат случайной группировки атомов; мысль есть следствие случайной группировки элементов материи, то есть случайная группировка элементов случайной группировки, случайный

выстрел из ружья Вселенной, по ошибке заряженного, случайно наведенного на цель и случайно же выстрелившего. События в мире просто *происходят,* они никем не *организуются*. Существует удача и существует неудача, но Провидения не существует. Так умри же и обратись в прах!»

Разве это может удовлетворить инстинктивную жажду бессмертия в душе человека, побуждающую нас вечно неудержимо стремиться присоединиться после смерти к нашим родным и близким, ушедшим раньше нас, ко всему человечеству, к радостям Жизни Вечной? Разве это может удовлетворить нашу извечную жажду вечности и приближения к Великой Первопричине всех вещей и познанию Ее?

Человек никогда не мог смириться с мыслью об отсутствии некоего Разума, который мыслил бы *за* него, устанавливал бы нерушимые законы бытия и следил бы за их неукоснительным соблюдением, некоего Сердца, которое любило бы и сострадало бы всем тем, кого некому любить и кому некому сострадать в этом мире, некоей Воли, которая управляла бы Вселенной и направляла народы мира по пути мудрости, справедливости и любви. История – слава Богу, мы точно знаем это, – не является случайным совпадением событий, а Природа – случайной группировкой атомов. Мы не можем поверить в то, что в Природе не существует Плана и цели, которые управляли бы всеми и всяческими событиями, что все произошло ниоткуда и идет в никуда, что все красота, мудрость, привязанность, справедливость, нравственность этого мира являются случайностями и вполне могут завтра перестать быть.

В мире существуют героизм, не вознаграждаемый вовсе или «вознаграждаемый» презрением; порок, восседающий на троне; коррупция, правящая целыми странами; высокая нравственность в нищете или даже цепях; женская нежность и верность, «вознаграждаемые» только пренебрежением или даже грубостью и жестокостью; повсюду существуют нужда, нищета, низкооплачиваемый труд до изнеможения. Добавьте сюда «веру» атеиста, то есть тело без души, землю без Небес, мир без Бога, – и в какой же пандемониум превратится тогда эта жизнь!

Разум атеиста повсюду находит только материю, но не Первопричину и Провидческий Разум; его нравственное чувство не находит нигде уравновешивающей Воли, красоты нравственного бытия, Сознания, по справедливости утверждающего повсюду нерушимый закон праведности, Порядка или духовного Предвидения, – лишь

материальные Судьбу и Случайность. Привязанность и любовь его обретают лишь материальные объекты; *некогда* живые и любимые, но ныне умершие люди для них все равно, что радуга, вчера вечером озарившая на несколько мгновений небосклон, но тут же исчезнувшая навеки. Душа его, летящая в Великом Ничто и ощущающая темноту и пустоту своими крыльями, ищущая Вселенскую Душу, Которая одновременно является Разумом, Сознанием и Сердцем всего сущего, не находит Бога – только материальную Вселенную, пребывающую в полном хаосе; она не обретает единения с Вечностью, Разумом, Сознанием и Сердцем, с Душой Всех Вещей; ей нечему поклоняться, нечего любить и почитать, нечему верить, кроме некоей Грубой Силы, сторонней и враждебной нам, которая наносит удар тем, кого мы любим, и превращает нас в бессловесных червей на раскаленном песке этого мира. Никакой голос не возвысится от Земли, чтобы даровать атеисту утешение. Великая Земля – плохая мать: она пожирает своих детей; это великая сила, не более того. Провидение не улыбнется ему с любовью из облаков тысячами своих глаз-звезд, но лишь жестокое насилие, только огненный меч молний будет пред его взором пронзать темноту, метя ему в голову.

Никакой человек не бывал, да и не мог быть, удовлетворен такой картиной мира. Свидетельства Бытия Божьего настолько прочно укоренены во всей Природе, так плотно вплетены в саму ткань человеческой души, что атеизму так никогда и не суждено было превратиться в настоящую религию, пусть он иногда и присваивал себе вид более или менее стройной теории. Религия естественна для человека. Он инстинктивно обращается к Богу, полагается на Него, почитает Его. В небесной математике, уравнения которой начертаны огненными буквами на небосклоне, он видит закон, порядок, красоту и беспредельную гармонию; в этике микроскопического народца, населяющего муравейник, он видит то же самое; во всей живой и неживой природе его взору предстают свидетельства существования Плана, Воли, Разума, – то есть Бога, благого и милостивого, любящего, мудрого и снисходительного в силу Своего ничем не ограниченного могущества.

Для человека, окруженного проявлениями материальной Вселенной, осознающего влияние, оказываемое окружающим бытием на его существование и действия, для человека, неизменно созерцающего звездный небосклон, регулярную смену времен года, восходы и закаты небесных светил, все это является свидетельствами присутствия

некоего разумного Плана, налагающего на него самого определенные обязательства, но отвечающего на все могущие возникнуть вопросы относительно природы и причин явлений, постоянно происходящих в мире, ибо оставить эти вопросы без ответа он просто не в силах. Снова и снова эти вопросы встают перед человечеством, и постоянно остаются без ответа, тем не менее, требуя решения.

В исторический период, когда человек перестал рассматривать отдельные явления и силы Природы как самостоятельных богов и начал рассматривать Природу как нечто единое, целое, вопрос о ее Первопричине встал перед ним наиболее жестко, настоятельно требуя ответа, сама ли по себе существует зримая материальная природа, или она была ранее кем-то сотворена? Вечно ли она существует, или у нее было начало?

А затем возникли и иные вопросы, мучившие разум человека в разные времена.

Является ли эта Вселенная всего лишь результатом случайного стечения счастливых обстоятельств и случайной же группировки атомов материи, или она является результатом постороннего разумного воздействия, произведенного в соответствии с заранее разработанным неким Разумом планом?

Если такой Разум существует, что он такое и где он находится? Является ли *сама* материальная Вселенная разумным существом? Подобна ли она человеку, состоит ли из «тела» и души? Воздействует ли она сама на себя, или же на нее воздействует некая внешняя Причина?

Если существует *персонифицированный* Бог, отдельный от материальной Вселенной, сотворивший все вещи в мире, Сам никем и ничем не сотворенный, телесен он или бестелесен, материален или духовен, является ли Он душой Вселенной или существует вне нее? И если Он есть дух, то что тогда есть дух?

Пребывало ли Верховное Существо в покое или действовало *до* сотворения мира, и если Оно покоилось целую вечность до того мига, то что именно в Его природе побудило Его наконец сотворить мир, – или же это просто была Его ничем не мотивированная прихоть, или ошибка?

Сосуществовала ли с Ним материя, или же она была полностью сотворена Им из ничего? *Сотворил* ли Он ее, или просто *придал форму и вид* ранее существовавшему хаосу, который *сосуществовал* с Ним?

> Сотворил ли Бог материю *непосредственно,* или же акт творения совершался вторичными божествами – эманациями Единого?
>
> Если Он мудр и справедлив, как так может быть, что, зная абсолютно всё, Он допустил существование зла и горя; как соотнести Его мудрость и милосердие с процветанием зла и унижением добродетели в тварном мире?

И далее:

> Что внутри нас заставляет нас мыслить? Является ли мысль всего лишь результатом организации материи, или у нас есть *душа,* которая способна мыслить, отдельная от нашего тела, хотя и существует внутри него? Если последнее, то бессмертна ли она и никем не сотворена, или же она проистекает от Бога? Бессмертна ли она *сама по себе,* или только по воле Бога? Должна ли она возвратиться к Богу и слиться с Ним, или же ей суждено вечно существовать в ее нынешнем виде и вне Него?
>
> Если Бог предвидел и предвосхитил все происходящее в мире, как может человек, в таком случае, говорить о свободе своей воли или даже просто о контроле над обстоятельствами своего бытия? Как может что-либо совершаться *вопреки* воле Всевышнего Могущества, а если все происходит *согласно* Его воле, то как тогда объяснить беспрепятственное существование зла в царстве Беспредельной Мудрости и Беспредельной Власти?
>
> На чем основан нравственный Закон? Установил ли его Бог ради Собственного удовольствия и по Своей мимолетной прихоти, и если так, то не может ли Он отменить его в следующую секунду, если Его воля изменится? Кто предоставит нам доказательства того, что Он не отменит нравственный Закон в следующую секунду, превратив зло в добро, а порок – в добродетель? Или же нравственный Закон является необходимостью по самой своей природе; и если так, то кто устанавливает его, и не подразумевает ли он существование некой силы Необходимости, которая превыше Бога?

И наконец, венчая череду всех этих нескончаемых вопросов, возникает главный и основной вопрос: «А что потом?» Это вопрос о новой Жизни, о судьбе и предназначении нашей Души, а также тысячи и тысячи сопутствующих менее важных вопросов относительно материи, духа, будущего и Бога, породившие все основные мировые философские системы, всякую метафизику и теологию с самого начала времен.

Мы до некоторой степени уже составили представление о том, что думали об этих великих вопросах лучшие и глубочайшие умы человечества. Мы попытались в общих чертах ознакомить тебя с доктриной эманаций, разработанной мудрецами древнего Востока и гностиками. Мы рассказали тебе об учениях каббалистов, ессеев и Филона Иудея. Мы рассказали о том, как древняя мифология развилась из толкования небесных явлений в разные периоды астрономического года. Мы рассказали тебе о древних учениях, посредством которых люди пытались объяснить для себя и окружающих существование в мире зла, в некоторой степени мы раскрыли тебе метафизические представления о Боге вообще. Однако многое из того, что мы способны тебе поведать, мы еще не затрагивали в своих наставлениях. Мы всего лишь стоим на берегу необъятного океана Времени; перед нами простирается неровная поверхность бурных волн Прошлого; эти волны выбрасываются на берег и омывают наши ноги, погрязшие в золотом прибрежном песке, принося нам свидетельство непостижимых глубин: раковины моллюсков, грубо оторванные от корней донные травы и водоросли, окатанную гальку, – и всё; из всех не постижимых силами разума сокровищ, таящихся в глубине, мы получаем только это под звуки торжественного гимна, который снова и снова распевают своим ревом волны.

Давайте же еще раз, в последний раз, соберем на берегах этого величественного океана немного свидетельств далекого прошлого и вслушаемся в то, что они скажут нам, вслушаемся в могучий голос самого Океана, в отрывки мировой симфонии, слышащиеся в его реве, в неровной череде его звуков, доносящихся до нас из прошлого.

Различные религии, обряды и легенды прямо или косвенно выражают несколько основополагающих идей древних Мистерий относительно Бога. Хитросплетения древних языческих пантеонов свидетельствуют только о непростых путях постижения древними народами мистической природы Всемогущего Божества; о прекрасных по форме, но совершенно не действенных попытках этих народов истолковать для самих себя величие зримой природы, например прекрасные цветы, произраставшие повсюду, где прошла вечно юная Психея, отправившаяся на поиски бессмертного своего возлюбленного. Теории и понятия во всем многообразии своих истинных и ложных свидетельств являются в той или иной степени средствами достижения одной и той же цели. Каждая религия представляет собой эмбрион философии, попытку древних народов

истолковать средствами разума непостижимое; и только когда в мире появилась философия в ее современном виде, совершенствовавшемся с течением времени, религия отделилась от нее и обособилась, пестуя и совершенствуя те догмы и неизменные представления, которые философия отмела. Чтобы подчеркнуть свои отличия от философии, религия обретала все новые и новые мифологические характеристики, создавала воображаемые понятия, возносилась все выше в собственных глазах, утверждала, что давно владеет тем, что неустанными поисками философия старается, но никак не может обрести, в ограниченной гордыне своей она полагала, что таинствами и посвятительными обрядами добилась полного знания обо всем относящемся к благу человечества, средствам очищения и искупления, исцелению болезней души и вознесению хвалы богам.

Зачем нам пытаться заключить идею Высшего Разума в субъективно установленные человеком границы или даже вообще исключать из многообразия представлений о Природе и всех явлениях в ней идею Бога, разработанную кем-то другим и столь же несовершенную и нуждающуюся в доработке, сколь нуждается в этом и наша собственная? «*Имя Бога,* – пишет Гоббс, – *сообщается нам не для того, чтобы облегчить нам Его постижение, ибо Он непостижим, а для того, чтобы нам удобнее было возносить Ему хвалу*». «*Верьте в Бога и поклоняйтесь Ему,* – пишет неизвестный греческий поэт, – *но не изучайте Его; мысли ваши пропадут впустую; и не стремитесь понять, кто такой Бог, ибо таким своим стремлением вы оскорбите Того, Кто избрал для Себя неизвестность и непостижимость*». «*Стремясь постигнуть природу Абсолютного Существа,* – пишет Филон, – *мы неизменно падаем в бездну отчаяния, и единственная польза, которую можно извлечь из этих попыток, – это осознание их бесплодности*».

Однако человек, не имея ровным счетом никакого представления о составе праха, из которого вышел, всегда пытался, как пытается и сейчас, рассуждать о природе Бога и догматами собственными силами изобретенной религии определить, то есть ограничить, понятия, еще менее понятные для него, при этом ненавидя и преследуя всех, кто таковые его представления не разделяет.

Но несмотря на то что обретение знаний о Божественной Сущности невозможно, возникавшие в разные эпохи мнения на этот счет представляют собой определенный интерес в качестве верстовых столбов на пути духовного развития человечества вообще. История религии

есть также история человеческого разума, и формируемые последним понятия о Боге всегда находятся в прямом соответствии с его нравственными и интеллектуальными свойствами в их развитии. Идея Бога является мерилом развития человеческого сознания в целом.

Негативное определение Бога, то есть полученное путем *отсечения* всего бренного и низменного, по мнению Филона, является единственным способом действительного постижения Божественной Природы. Исчерпав все символические средства, мы наконец приходим к элементарному противопоставлению Божественного Существа приземленному человеку и применяем к Нему превосходные степени всех известных нам качеств: «беспредельный», «всемогущий», «всезнающий», «предвечный» и пр.; в общем и целом, все они лишь свидетельствуют о неприменимости к Богу качеств, в той или иной степени ограничивающих проявления человеческой природы; таким образом, пользуясь этими определениями, мы в действительности *не определяем* ничего, кроме собственного невежества.

Древнееврейским словом יהוה и греческим Το Ον описывается абстрактное бытие, не обладающее материальными проявлениями или воплощениями. О том же свидетельствуют такие определения Бога, как «*сфера с центром повсюду и поверхностью нигде*», «*Тот, Кто видит все, Сам оставаясь незримым*», и наконец, как писал Прокл, «Το μη ον – *это Тот, Кто не обладает внешним, или позитивным, бытием*». Большинство известных нам идей или определений Абсолюта в сущности являются лишь совокупностью отрицаний, из которых, в силу того, что они ничего не утверждают, ничего нельзя и извлечь.

Изначально Бога видели в небесных светилах и природных стихиях. По мере «взросления» представлений человека о собственном разуме и зарождения понимания, что внутренние силы его мысли гораздо менее осязаемы, чем мельчайшие элементы природного устройства, он несколько усовершенствовал свои представления о высших силах и стал видеть в них духовный принцип, в противовес физическому. Во все времена человек всегда творил себе богов по образу и подобию своему: даже путем высшего полета своей мысли человек не способен постичь ничего, кроме возвышенной силы разума, а посему боги всегда виделись ему всего лишь предельно совершенными, но совершенно человеческими Разумами. Сперва он обожествлял Природу, потом – самого себя.

В человеке никогда не умирает вечное стремление к воссоединению с Богом. В ранний период его развития это стремление и его

реализация существовали параллельно в силу неоспоримости религиозных представлений. По мере духовного возвышения понятий о Боге постепенно отмирали представления о Его земном присутствии и близости к человеку, а трудности постижения Божественной Сущности в совокупности с отвратительными суевериями, выросшими из неверных Ее толкований, со временем поставили под угрозу саму веру.

Даже небесные светочи, эти «ясные властители небес», некогда неусыпно следившие за всеми делами земными, ныне неизмеримо далеки от нас и тусклы, и светлейший Уриил более не сходит на Землю по солнечному лучу. Однако настоящие перемены в жизни человека принесло ему именно развитие его собственных свойств, а не изменения в Божественной природе; в действительности же звезды в наше время не дальше от нас, чем в те времена, когда общепризнанным было мнение, что они покоятся на плечах титана Атласа. Тем не менее первое пробуждение души сопровождало некоторое разочарование, некое чувство унижения, потому что разум, впервые воззрившись на Бога, был поражен осознанием головокружительного своего падения.

Надежда всегда посещает нас, когда мы в отчаянии; и во все времена все народы мира, как только их развитие выходило за некоторые рамки первичных идеалистических понятий, всеми силами начинали стараться заполнить огромную пропасть – реальную или воображаемую, – которая отделяла их от Бога. Этим как своей наиглавнейшей задачей занимались поэзия, философия и религия. Отсюда проистекают все попытки воплощения, проекции в земной мир и персонификации Божественных свойств: «силы», «разумы», «ангелы», «эманации», – посредством которых, равно как и посредством собственных бесспорных способностей к прозрению Божественного Откровения, человек оказывался в состоянии вступить в общение с Богом.

Многообразные иерархии и системы мифических существ, сотворенные разумом персов, индийцев, египтян и этрусков, руководили различными природными явлениями, и каждое из них фактически служило одной-единственной цели: приблизить человека к Богу и подарить ему более тесное общение со своим величественным Истоком; время от времени эти иерархии отступали под давлением точно таких же, может быть, только менее красочных образных систем, и тогда боги и демоны тех же Греции и Рима отступали во тьму веков, при

этом лишь меняя имена, а «права и обязанности» свои передавая христианским святым и мученикам. Попытки разума преодолеть пропасть непознанного и непознаваемого при помощи наведенного моста метафизического мироощущения, вроде учений Зороастра, Пифагора или Платона, были всего лишь более утонченными формами поэтических иносказаний, утешавших грубую толпу, а человек все равно вечно с тоской обращал свой мысленный взор в прошлое, в Золотой век, когда его предки лицом к лицу общались с богами, и уповал на то, что, почитая Небеса, сможет скорее обновить и улучшить жизнь народов на островах Дальнего Запада под властью Крона или укрепить державную, централизованную власть в Иерусалиме. Искренняя его надежда преодолевала даже извечный страх смерти, ибо Божественная сила столь же бескрайня, сколь бескрайни упования человеческие, и египтяне, например, должным образом упокоенные в катакомбах Ливийской пустыни, считались уже отправившимися в Счастливые Чертоги под руководством легконогого Гермеса, дабы обрести там полное и совершенное единение с Богом.

Вспомнив то, что уже говорилось нами относительно представлений древних народов о Боге, постараемся здесь как можно меньше повторять уже сказанное, но скорее вступить в молчаливое общение с величайшими поэтическими и философскими идеями древности, постараться понять, что их носители стремились донести до нас и как они решали для себя великую задачу толкования тех противоречий, которые издревле мучили человеческий разум.

Разделение Высшей Первопричины на две части, на Активный и Пассивный Первопринципы, на Вселенский Агенс и Вселенский Пациенс, то есть представление об андрогинном Божественном Мире, является древнейшей и наиболее широко распространенной догмой философии и природной теологии. Практически все народы древности учитывали ее в своих религиозных концепциях, своих мистериях и церемониях.

Окелл из Лукании, предположительно живший вскоре после Пифагора и при Солоне, Фалесе и других известных мудрецах, то есть в 500–600 гг. до н. э., открыл в Италии философскую школу, где преподавались основы древнеегипетской священной науки, которая признавала не только вечность Вселенной, ее Божественную природу, не только несотворенность и бессмертие Бога как Высшего Существа, но и разделение Активной и Пассивной Сил, вместе составляющих то, что последователи данной школы называли Великим

Единым, или единым андрогинным Существом, содержащим в себе все и всяческое бытие во всех возможных формах, все причины и все следствия; оно же являлось для них отлично организованной, совершенно управляемой и полной системой Природы. Окелл отлично осознавал границу, отделяющую вечно неизменное Бытие от вечно меняющегося; небесную природу – от земных тел, причины – от следствий, то, что ЕСТЬ, – от того, что только БЫВАЕТ, – иначе говоря, то различие, которое всегда находилось перед мысленным взором каждого думающего человека во все времена.

Не будем приводить пространных выдержек из его сочинений. Он полагал, что небесные тела были сотворены первыми и являются наиболее возвышенными объектами во Вселенной; они вечно движутся сами по себе по своим орбитам и никогда не меняют ни формы, ни сущности. Огонь, вода, земля и воздух изменяются постоянно и непрерывно, но не по месту действия, а по форме. Затем, поскольку в Природе существует закон зарождения и причины этого зарождения; поскольку зарождение происходит там, где имеют место изменение или перемена мест составляющих частей; поскольку причина зарождения имеет место там, где природа постоянна, – очевидно, что первопричина зарождения должна передвигаться и действовать, в то время как зарождающиеся вещи и явления творятся, а затем перемещаются в пространстве самой первопричиной. Таким образом, все пространство выше Луны является обителью богов; все пространство ниже Луны, таким образом, – это Природа, обитель противоречий и хаоса; Природа разрушает все сотворенные вещи, божественный мир их порождает. Поскольку мир в целом несотворен и неразрушим, поскольку он не имеет ни начала ни конца, порождающий его Первопринцип определенно не принадлежит к этому миру, а сосуществует с ним, оставаясь при этом сам по себе, самодостаточным.

К божественному миру относится все выше Луны, в особенности же – Солнце; все остальное – это так называемый подлунный, то есть нижний, мир. Одна из этих составных частей мироздания активна, вторая – пассивна, одна – божественна и неизменна, вторая – приземлена и постоянно меняется; таким образом, все, что мы называем «миром», или «Вселенной», обладает сложной, составной природой.

Это полностью соответствовало положениям древнеегипетской философии, гласившим, что человек и животные существовали с начала времен, то есть одновременно с самим тварным миром;

что они являются следствиями его существования, вечными, как он сам. Главное деление природы на активное и пассивное начала, на системы порождения и разрушения, сосуществование двух великих Первопринципов – Небесного и Земного, – объединившихся для сотворения этого мира, учил Океллл, вечно пребывает в умах людей. «*И хватит,* – пишет он, – *о Вселенной, порождении и разрушении, чередующихся в ней, форме ее нынешнего существования, форме, в которой она вечно будет существовать в силу вечности двух принципов, одного – вечно движущегося, и второго – вечно движимого, одного – вечно правящего, и второго – вечно управляемого*».

Таково вкратце учение этого философа, работы которого являются чуть ли не самыми древними из дошедших до нас в первозданном виде. Материи, над которыми размышлял он, в те времена занимали умы практически всех людей мира; поэты в своих произведениях создавали собственные теогонии и космогонии; философы писали историю сотворения этого мира и составляющих его элементов. Иудейская космогония, приписываемая Моисею, финикийская – приписываемая Санхониафону, греческая – сведенная воедино Гесиодом, египетская, атлантическая и критская – сохраненные Диодором Сицилийским, фрагменты орфической теологии, встречающиеся у различных авторов, «Бундахишн» древних персов, книги философов Индии, традиции Китая и народов Макассара, космогонические песнопения, вкладываемые Вергилием в уста Иопа Карфагенского, мифы старого Силена, первая книга «Метаморфоз» Овидия, – все они свидетельствуют в пользу древности и всемирного признания легенд о происхождении мира и его Первопричине.

В качестве первопричин всего и всяческого бытия всегда рассматривались Небо, Земля и наиболее значимые составляющие элементы этих двух первичных понятий: Солнце, Луна, недвижимые звезды и планеты, и превыше всего Зодиак, считались основными *активными* причинами бытия; *пассивными* его причинами считались основные стихии. Эти первопричины классифицировались не только по признаку снижения их значения и силы, начиная с Неба и Земли, но и по признакам приписываемого им пола и способа действия в процессе сотворения Вселенной.

Учение Океллa было признано практически во всем мире, потому что, повторимся, практически каждому мыслящему человеку приходили в голову те же самые мысли. Египтяне, например, руководствовались теми же соображениями, выбирая для себя животных,

в которых воплощалась бы двойственная, обоеполая природа Вселенной. Их бог Кнеф, из уст которого было рождено Мировое яйцо, рассматривается автором «Признаний Клементина» как образ Гермафродита, объединяющий в себе два Первопринципа, зримыми образами которых являются Небо и Земля и которые, собственно, и порождают все вещи, традиционно полагаемые сотворенными Небом и Землей. Он являлся воплощением двойственной силы, творящей Вселенную, образ которой древние видели в Яйце. Орфей, учившийся в Египте, позаимствовал у ученых этой страны таинственные образы, скрывавшие от непосвященных науку о Природе, а затем перенес на греческую почву образ символического Яйца, символически же разделенного на две части, или первопричины, воплощая андрогинное существо, породившее Небо и Землю.

Индийские брамины воплощали понятия той же самой космогонии в созданной ими статуе божества, обладающего признаками обоих полов. Мужской пол, таким образом, воплощал Солнце, центр и Активный Первопринцип творения Вселенной, а женский – Луну, всю проистекающую из единого центра Вселенную и Пассивный Первопринцип природы, сотворенной Богом. Лингам, которому до сих пор поклоняются в индийских храмах, является образом соединения репродуктивных органов обоего пола. Индийцы во все времена с глубочайшим почтением относились к этой эмблеме обоеполости Природы и ее животворящей силы. Греки также почитали этот символ вселенского плодородия в своих потаенных Мистериях; его изображения часто встречались в святилищах Элевсина, равно как они и до сих пор встречаются среди многочисленных статуй святилищ индийских. Тертуллиан обвиняет валентиниан в принятии этого символа и поклонении ему, каковой обычай, по его словам, принес в Грецию из Египта Меламп. Египтяне считали фаллос одним из священных символов Мистерий Осириса и Исиды, как пишут Плутарх и Диодор Сицилийский; последний утверждает также, что этот символ признавался священным не только египтянами, но и вообще всеми народами. Определенно этот символ был священным для персов и ассирийцев, да и вообще практически повсеместно он считался воплощением производительной силы и плодородия всех живых существ во Вселенной. В древности все творения Природы и все силы, действующие в ней, считались священными, как она сама.

Очевидным символом безгрешного брачного союза Природы с самой собой был брачный союз мужчины и женщины, а их

репродуктивные органы, таким образом, становились первыми и самыми яркими эмблемами двойственной животворящей энергии Неба и Земли, в своем соединении порождающих все прочие существа. «*Небо,* – пишет Плутарх, – *как верили люди в древности, исполняло роль отца, а Земля – матери. Первое оплодотворяли чрево второй живительными дождями, и Земля принимала воду в свое чрево, становясь плодородной и принося плоды*». Небо, окружающее и окутывающее Землю, принимающее ее в свои объятия, является ее могущественным супругом, соединяющимся с ней, дабы сообщить ей плодородие; в его отсутствие она навечно осталась бы бесплодной и погребенной в беспредельном хаосе вечной ночи. Их союз есть святой брак; все производимое ими является потомством от этого святого брака. Небо – это наш Отец, а земная Природа – наша всеобщая единая мать.

Эта идея являлась не догмой какой-либо одной секты, но общим представлением всех мудрецов мира. «*Природа была разделена,* – пишет Цицерон, – *на две части: одну деятельную, а вторую – подчиненную этой деятельности, воспринимающую действие и изменяемую им. Первая часть именовалась Силой, а вторая являлась материалом, в котором эта Сила проявлялась и действовала*». Макробий практически слово в слово повторяет учение Океллa. Аристотель называет Землю плодовитой Матерью, со всех сторон окруженной воздухом. Над ней находится Небо, обитель богов и божественных звезд, оно состоит из эфира или постоянно перемещающегося по кругу огня, божественного и неугасимого; оно неизменно. Поднебесный мир – это обитель Природы и ее стихий, подвижных и вечно меняющихся, бренных и смертных.

Синезий пишет, что акт творения приносит плоды в тех областях Вселенной, которые мы населяем, в то время как Первопричина всего и всяческого творения пребывает над нами, в области, для нас недоступной, откуда к нам нисходят зародыши всех плодов Творения, появляющихся в нашем мире. Прокл и Симпликий считали Небо активной Первопричиной, Отцом по отношению к Земле. Первый утверждает, что мир, или Единое Целое, – это одно живое существо; творимое *в нем* творится *им;* то есть этот мир *действует,* причем действует *сам на себя.* Он разделяет Целое на Небеса и Порожденное. В области первых, пишет он, пребывают в должном порядке все первопричины творения во главе с гениями и богами. Земля, или Рея, постоянно сопоставляемая в своем плодородии с Сатурном,

является матерью всех следствий претворения Первопричины, Отца, то есть Неба, лоном и грудью, воспринимающими Божественную энергию плодородия. Великий труд порождения жизни, пишет он, осуществляется, в первую очередь, при посредничестве Солнца, и, во вторую очередь, Луны; таким образом, Солнце выступает в роли изначального источника жизненной энергии, отца всех прочих богов древних пантеонов. Оно надзирает за всеми воплощениями Мужского и Женского Первопринципов во всех частях и областях Природы, сообщая первому постоянство и активность, а второму – подвижность и переменчивость. Небеса для Земли, пишет он, суть то же самое, что мужчина – для женщины. Именно движение Небес порождает семя жизни и силу плодородия, изливаемые на Землю, которая, воспринимая их, приносит плоды и вообще порождает все живое и одушевленное.

Филон пишет, что эта доктрина двух изначальных Первопричин, Активной и Пассивной, признавалась и Моисеем; однако он считает, что первая из них существует в Разуме, пребывающем вне материи.

Древние астрологи разделяли Зодиак на шесть мужских и шесть женских знаков, отождествляя их, соответственно, с шестерыми богами и шестью богинями. Древнейшими и величайшими богами всех древних народов неизменно были Небо и Земля, Уран и Гея. Их можно встретить в финикийской «Истории» Санхониафона и генеалогии греческих богов в изложении Гесиода. Во всех мифологических сводах они вступают в брак, чтобы породить всех прочих богов. «*Вначале,* – пишет Аполлодор, – *Уран Небесный был единственным правителем во Вселенной; он взял себе в жены Гею Земную, и она родила от него множество детей*». Они же были первыми богами критян и – под другими именами – армян (как пишет Берос) и панхейцев, населявших острова к югу от Аравии (как пишет Евхимер). Орфей пишет о Великом Боге, Едином Целом, как об обоеполом существе, потому что, поясняет он, это божество не было бы способно ничто породить, если бы не являлось единством мужского и женского принципов, объединяющим в себе силы обоих полов. Он называет Небеса *Пангенетором* – Всеотцом, древнейшим из всех существ и понятий, началом и концом, объединяющим в себе все неизменно действующие и нетленные силы великой Необходимости.

Та же самая идея пользовалась широчайшим признанием и среди грубых народов Северной Европы. Для скифов Земля была супругой

Юпитера. Германцы поклонялись ей под именем *Герты*. Кельты также поклонялись Небу и Земле, утверждая, что в отсутствие первого вторая навечно осталась бы бесплодной, и только в их брачном союзе рождаются все вещи этого мира. Скандинавы верили в Бора, бога Неба, и его сына, Фурфура, женившегося на Земле. Олаф Рыжий добавляет, что предки их были убеждены в том, что Небо в свое время женилось на Земле и, соединив свои силы с ее силами, породило в этом браке все растения и всех животных. От брака Неба и Земли произошли *асы* – боги североевропейских теологий. В теологиях фригийцев и лидийцев от брака Верховного Бога и Земли произошли *асии*; и Фирмик утверждает, что фригийцы почитали Землю превыше всех прочих стихий, полагая ее всеобщей матерью, даровавшей жизнь всему сущему.

Вергилий воспевает порождение всего сущего радостной Землей, оплодотворенной своим супругом – небесным эфиром, проникающим в ее лоно животворящими дождями. Колумелла воспевает любовь Природы ко всему сущему и ее брачный союз с Небом, ежегодно свершающийся радостным весенним днем. Он описывает Дух Жизни, душу всего мира, пылающую страстью высокой Любви, соединяющуюся с Природой и самой собой, ибо она также является частью Природы, и зачинающую в своей утробе все творения, которым только суждено появиться на свет. Этот союз Вселенной с самой собой, это естественное совместное действие двух природных полов он именует Великой Тайной Природы, Таинством Союза Неба и Земли, нашедшим отражение в Мистериях Атиса и Вакха.

Варрон пишет, что жители Самофракии также поклонялись двум великим божествам – Небу и Земле, которых они полагали Первопричинами всего сущего и первыми двумя богами, мужской и женской действенными силами, первая из которых сообщает второй те же свойства, что душа и движущий принцип сообщают телу, или воспринимающей материи. Этим богам поклонялись и посвященные в исландские Мистерии, и участники финикийских оргий.

Повсюду священное тело Природы было покрыто пеленой аллегорий, скрывавшей его от нескромных взоров профанов; открывалась она только взорам мудрецов, которые считают ее достойной пристального внимания и тщательного изучения. Она открывалась тем лишь, кто любил ее в духе и истине, а бессердечных и бесстрастных она оставляла в тенетах невежества и суеверий. «*Мудрецы Греции*, – пишет Павсаний, – *никогда ничего не записывали прямым, естественным*

и общепринятым языком, но только иносказательно». «*Природу,* – добавляет Саллюстий Философ, – *следует воспевать лишь языком, отражающим таинственность ее свойств и действий. Она сама по себе загадка. Мы видим лишь тела в движении; движущие ими силы и побуждения сокрыты от нас*». Вдохновленные богами поэты, величайшие философы, практически все теологи без исключения, иерофанты всех Мистерий древнего мира, даже изрекающие пророчества божества пользовались языком аллегорий. «*Египтяне,* – пишет Прокл, – *предпочитали этот способ наставления и говорили о величайших таинствах Природы только мифологическими иносказаниями*». Индийские гимнософисты и галльские друиды претворяли свою науку в тот же язык иносказаний, и точно таким же языком писали свои труды иерофанты Финикии.

Разделение всех вещей и явлений на активный и пассивный изначальные принципы неизменно ведет к умозаключению о существовании двух Первопринципов – Света и Тьмы, неразрывно связанных именно с данными понятиями физического мира. Свет проистекает из эфирной субстанции, составляющей Активный Первопринцип, а темнота – из Земли, или материи, составляющей Пассивный Первопринцип. У Гесиода Земля в браке с Тартаром породила Тифона, правителя сил, или гениев, Тьмы. Однако она также соединилась с небесным эфиром, или Ураном, породив олимпийских богов, или звезды.

Свет был первым божеством, которому стали поклоняться люди. Именно ему люди чувствовали себя обязанными всем великолепием Природы. Они считали его проистекающим от великого Творца всех вещей, открывающим нашим чувствам Вселенную, которую скрывает от наших глаз тьма, фактически тем самым творящим ее. Тьма, в соответствии с этим учением, наоборот, снова низводит Природу в ничто и грозит человечеству полным уничтожением.

Естественным, таким образом, становится для нас возникновение вскоре у людей представления о двух сущностях, противоположных, по своей природе, и независимых одна от другой, каждой из которых в определенной степени подвластен этот мир, причем одна из них ведет его к счастью, а вторая – к бедствиям. Свет множит радости этого мира; Тьма лишает его их; первый – друг человека, вторая – его враг. Первому приписывали все благие свойства; второй – все злые. Синонимами стали также слова «свет» и «благо» и «тьма» и «зло». Поскольку невозможно вообразить, чтобы благо и зло проистекали

из одного и того же источника, как свет и тьма не могут быть порождены одной и той же силой, человек со временем пришел к выводу о существовании двух изначальных Причин, или Первопринципов, обладающих различной природой и противоположных по своему воздействию, одна из которых рассеивает во Вселенной свет и благо, в то время как другая – тьму и зло.

Учение о разделении двух Первопринципов существовало в рамках всех мировых теологий и лежало в основе ритуальной практики всех мировых религий. В качестве основополагающего элемента оно вошло в священные сказания и космогонии античных Мистерий. «*Не стоит думать,* – писал Плутарх, – *что принципы существования Вселенной суть неодушевленные тела, как думали Демокрит и Эпикур; что лишенная свойств материя организуется и управляется единым Разумом, или Провидением, царящим над всеми вещами, как считали стоики; ибо не может быть, чтобы одно существо – доброе или злое – являлось причиной всего, поскольку Бог ни в коем случае не может быть источником зла. Гармония Вселенной проистекает от единения противоположностей, подобно струнам лиры, или тетиве лука, то натягиваемым, то отпускаемым*». «*Благо,* – пишет Еврипид, – *никогда нельзя рассматривать отдельно от Зла. Они должны сливаться, чтобы все было хорошо*». И, как утверждает Плутарх, это учение очень древнее: «*От великих теологов и законодателей оно перешло к поэтам и философам. Создатель его неизвестен, но само понятие об этом освящено традициями развития всего человеческого рода, всеми Мистериями и жертвами, как греков, так и варваров, – всех народов, признававших учение о противоположных принципах природы, производящих в своем соединении смесь добра и зла. Необходимо признать существование двух противоположных первопричин, двух противостоящих сил, из которых одна направлена вправо, а другая – влево, и вместе они направляют нашу жизнь и весь подлунный мир, который в силу этого подвержен неисчислимым переменам и всевозможным неуравновешенностям. Ибо если невозможно следствие без причины, невозможно, чтобы благо являлось причиной зла, следовательно, в силу необходимости должна существовать некая причина зла, как существует причина блага*». Это учение, добавляет он, было признано всеми без исключения народами Земли, в особенности же теми, которые славились мудростью. Все народы веровали в существование двоих богов, действующих по-разному, то есть творящих один – все благое, а второй – все порочное в природе.

Первого они называли «богом», второго – «демоном». Зороастр, да и персы до него, называли первого Ормуздом, а второго – Ариманом; первый был для них сущностью Света, второй – Тьмы. Египтяне называли первого Осирисом, второго – Тифоном, вечным его врагом.

Иудеи, по крайней мере, после возвращения из Вавилонского пленения, также знали как доброго Бога, так и Его злого противника – злого и порочного духа, вечно враждующего с Богом, предводителя ангелов Тьмы, как Бог является предводителем ангелов Света. Слово «Сатана», по-древнееврейски, действительно означает просто «противник».

Халдеи, как пишет Плутарх, знали о существовании добрых и злых звезд. У греков были Юпитер и Плутон, а также гиганты и титаны, которым, как и Плутону, и Серапису, приписывались свойства Змея, образ которого принимали Ариман, Тифон и иудейский Сатана. Практически у всех народов встречается нечто подобное.

Народ нынешнего Перу издревле веровал в существование двух первичных принципов, произведших на свет, соответственно, добро и зло, и воздавал почести второму, поскольку очевидным для них было, что первый и так не в состоянии принести им зло. Племена Явы, Молуккского архипелага, Золотого Берега, готтентотов, Тенерифе и Мадагаскара, дикие племена Американского континента, – все боятся и стараются отвратить от себя гнев и злобу Злого духа, а потому поклоняются ему и приносят ему жертвы.

Но среди греков, египтян, персов, халдеев и ассирийцев учение о двух Первопринципах породило совершенно иную веру – совершенную и строгую систему теологии. Она легла в основу религии магов и египетских жрецов. Автор древнего труда, традиционно приписываемого Оригену, пишет, что Пифагор усвоил от «Зарасты, мудреца Вавилонского» (наверное, Зардушта, то есть Зороастра), науку о существовании в природе двух принципов всех вещей, из которых один – это *отец,* а второй – *мать;* один – Свет, а второй – Тьма. Пифагор считал, что от Света проистекают тепло, сухость, легкость, быстрота, в то время как от Тьмы – холод, влажность, тяжесть и медлительность; что весь мир является производной от союза этих двух принципов, точно так же, как человек является производной от союза мужчины и женщины. Порфирий утверждал, что признает существование двух изначальных сил, первую из которых он называет Единством, Светом, Правой стороной, Равенством, Постоянством и Прямотой, а вторую – Двойственностью, Тьмой, Левой

стороной, Неравенством, Непостоянством и Кривизной. Эти идеи он определенно вынес с Востока, поскольку в течение двенадцати лет жил в Вавилоне, обучаясь у тамошних магов. Варрон пишет, что признает два Первопринципа всех вещей: Конечность и Бесконечность, Добро и Зло, Жизнь и Смерть, День и Ночь. Белый цвет он считал относящимся к благому Первопринципу, черный – к злому; по его мнению, Свет и Тьма, Тепло и Холод, Сухость и Влага смешиваются в равных соотношениях: лето, например, является временем триумфа Света, зима – Тьмы; равные их соотношения порождают весну и осень; первая несет всему сущему здоровье, а вторая порождает болезни и ведет все живое к смерти. Ту же самую идею он применял к восходам и закатам Солнца и, подобно магам, полагал, что телом своим Бог (у них – Ормузд) подобен Свету, а душой – Истине.

Аристотель вслед за Платоном признавал существование Первопринципа Зла, врожденного для материи и воплощенного во всем ее несовершенстве.

Персы полагали, что Ормузд, порожденный чистым светом, и Ариман, порожденный тьмой, пребывают в вечном противостоянии. Ормузд породил шестерых богов: Истину, Порядок, Милосердие, Мудрость, Богатство и добродетельную Радость. Они являлись эманациями Первопринципа Добра, его милостями, выказанными роду человеческому. В свою очередь, Ариман произвел на свет шестерых дэвов – противников шестерых воплощений Ормузда. Ормузд сделал себя втрое могущественнее, чем прежде, поднялся настолько выше Солнца, насколько Солнце выше Земли, и украсил небеса звездами, а Сириус поставил начальником стражи; после этого он сотворил двадцать четыре меньших божества и поместил их внутрь яйца, куда Ариман поместил, в свою очередь, еще двадцать четыре божества, сотворенных уже им. Внутри яйца все божества перемешались, разбили его оболочку и разнесли перемешанные добро и зло по всему миру. Феопомп добавляет, что, в соответствии с учением магов, в течение двух сроков по три тысячи лет каждый из этих Первопринципов будет торжествовать над своим противником; затем, в течение еще одного срока в три тысячи лет они будут пребывать в жестокой борьбе, в которой один будет непрерывно уничтожать все труды второго, и в конце времен Ариман погибнет, а люди обретут тела из прозрачного эфира и насладятся вечным блаженством.

Двенадцать божеств древней Персии – шестеро Амешаспента и шестеро дэвов, – располагающиеся, соответственно, под знаменами

Света и Тьмы, являются, по сути, также и двенадцатью знаками Зодиака, и двенадцатью месяцами; ряд шести высших знаков, знаков Света, знаков весны и лета, открывает Овен; ряд шести низших знаков, знаков Тьмы, осени и зимы, открывают Весы. Ограниченное время, в противовес Времени неограниченному, то есть Вечности, есть время сотворенное и управляемое небесным движением. Оно состоит из двенадцати периодов, каждый из которых, в свою очередь, состоит из тысячи частей, которые персы называли годами. Таким образом, ежегодный солнечный цикл состоял, по учению персидских магов, из 12 000 частей, цикл прохождения светилом каждого зодиакального знака – из 3000 частей, и дабы знаки Зодиака оставались поровну разделенными между ними, Первопринцип Добра в течение 3000 лет торжествует победу над Первопринципом Зла, затем второй в течение 3000 лет торжествует победу над первым, затем в течение 6000 лет каждый из них неустанно уничтожает все труды другого, то есть каждый делает это снова в течение 3000 лет. Точно так же и Окелл из Лукании, ученик Пифагора, утверждал, что первопричиной всех следствий в подлунном мире является Зодиак, и именно от входящих в него звезд и планет проистекает все и всяческое благое или дурное влияние на дела земные.

Двадцать четыре добрых и двадцать четыре злых божества, заключенные в Яйце, – это сорок восемь созвездий небосклона древних астрологов, поровну разделенные между силами Света и Тьмы, равно как и сама небесная сфера, являющаяся, по сути, Мировым Яйцом, своей оболочкой окружающим миры и планеты, – Мировым Яйцом магов, индийцев и египтян, Яйцом, вышедшим из уст бога Кнефа. Это орфическое Яйцо греческих Мистерий, у корейцев вышедшее из уст бога Хумона, у египтян – также из уст Осириса, у современных орфиков – бога Пана, или Фанеса; это Первопринцип Света, яйцо, сокрушенное священным быком японских жрецов, чтобы выпустить из него мир; яйцо, которое греки клали у подножия статуи рогатого Вакха и из которого у Аристофана рождается Любовь, при посредничестве Ночи упорядочивающая мировой Хаос.

Таким образом, Весы, Скорпион, Змей Змееносца и Дракон Гесперид стали для астрологов знаками, несущими зло, то есть злыми гениями; и вся Природа рассматривалась ими как разделенная между двумя Первопринципами и между второстепенными, подчиненными им агенсами, то есть причинами. Отсюда и Михаил с его ангельскими воинствами, и Сатана с полчищами его падших собратьев. Отсюда и

войны Юпитера с титанами, в которых боги Олимпа выступали на стороне Бога Света, против темных сил Земли и Хаоса; Прокл считал, что эта борьба символизирует извечное противостояние сил темной и неразумной материи живительной светлой силе, пытающейся придать ей организацию; эта теория отчасти отражается также в древнейшей теории о двух Первопринципах, один из которых вечно пребывает в светлой обители Небес, а второй – в темной и инертной материальной субстанции, вечно же сопротивляющейся порядку и благу, которые Небеса стремятся ей подарить.

Осирис побеждает Тифона, а Ормузд – Аримана в день Весеннего равноденствия, когда творческая энергия Небес и их демиургова сила проявлены наиболее сильно. В этот период Первопринцип Света и Добра побеждает Первопринцип Тьмы и Зла, и мир радуется, спасенный от зимних холода и тьмы благотворящим знаком, в который Солнце триумфально и счастливо входит сразу после своего воскресения.

Из учения о двух Первопринципах – Света и Тьмы – выросло учение о Вселенной, одухотворенной Первопринципом Вечной Жизни и Вселенской Душой, частицу которой обретает при рождении в этом мире каждое отдельно взятое бренное существо, и эта частица после смерти физического тела неизменно возвращается к своему истоку. Жизнь материи в той же степени относится к Природе, в какой к ней относится сама материя; и поскольку жизнь проявляется в движении, источники всей и всяческой жизни неизменно отождествлялись с величественными, источающими свет вечными телами, и, в первую очередь, с местом их пребывания и вечного движения – Небом, которое заставляет их вращаться в своей среде быстрее всех остальных вещей в мире. А огонь и тепло настолько тесно связаны в сознании людей с жизнью, что холод и отсутствие движения немедленно становятся синонимами смерти. Соответственно, живительный огонь, которым полыхает Солнце, производя тепло, вселяющее жизнь во все сущее, считался основополагающим принципом организации и жизни всех подлунных существ.

В соответствии с этим учением, Вселенную в ее вечной творческой деятельности не следует рассматривать просто как титаническую машину, непрестанно движимую мощным приводом, причем ее движение переходит от периферии к центру, воздействуя во всех возможных направлениях и приводя к возникновению определенных явлений, передаваемых земным существам. Считать так – значит

признать возможность существования холодного, чисто механического движения, энергия которого никогда не может привести к зарождению жизни.

Напротив, считалось, что Вселенную следует рассматривать как единое гигантское Существо, вечно живое, вечно движущееся само и вечно движущее всем, изначально и совершенно поглощенное вечной деятельностью, сообщаемой – без всякого стороннего воздействия – всем ее частям, сводящей их воедино, творя из них единый, полный и совершенный мир. Царящие во Вселенной порядок и гармония входят в многочисленные и разнообразные планы и распорядки, составленные высшими существами, вся иерархия и организационная структура которых находится в подчинении Верховного Разума – источника всех прочих разумов, которые призваны доносить Его Волю до человека и земной жизни вообще. Поскольку вне Вселенной не существует ничего, она признается источником и вместилищем всех вещей и явлений.

У Хэремона не было причин утверждать, что древние египтяне, создатели священных мифов и почитатели Солнца и других небесных светил, видели во Вселенной только машину, полностью или частично лишенную жизни и разума; что их космогония была чисто эпикурейской, что в ней содержалось утверждение, будто бы для сотворения мира и управления им достаточно только материи и ее движения. Такое представление о сотворении мира определенно исключало бы всякую религиозную веру. Повсюду, где только встречается религиозное поклонение, нам следует разумно предполагать у народа существование божеств, способных принять это поклонение и затем, из милости к Земле и ее народу, исполнить их мольбы; и никакой народ не был так религиозен, как египетский.

Наоборот, в религиозном сознании египтян необозримое, непостижимое и неизменное вечное Существо, именуемое «Богом», или «Вселенной», обладало во всей полноте и величии той жизнью и тем разумом, которыми обладают в неизмеримо и непостижимо меньшей степени все низменные земные существа. Для них это Существо было чем-то вроде Океана, в который впадают и проникают путем испарения и конденсации все реки и ручьи, все потоки и подземная влага, перед этим из него же и народившись, изойдя отдельными потоками из его единого необъятного чрева. «Механизм» Вселенной, по их мнению, был подобен «механизму» человека и других животных, или, скорее, человек и животные считались устроенными именно

так, и не иначе, потому, что так, и не иначе, устроена Вселенная, передавшая каждому своему порождению, каждому живому существу свою мельчайшую часть, вдохнув эту частицу своей души в грубую и инертную материю, составляющую тела подлунных существ. Если эта частица Мировой Души покидает тело, человек или животное немедленно умирают, но Вселенная продолжает неизменно обращаться вокруг останков их земных тел, ибо движение ее вечно и неостановимо, и она постепенно возвращает в них вечный огонь и тонкую субстанцию, оживляющую их, и снова интегрирует в гигантскую массу вселенского бытия.

Таковы были представления древних о Великом Верховном Боге – Отце всех прочих богов и этого мира, или миров; об этом величественном Существе, Первопринципе всех вещей, основой бытия Которого не является ничто, кроме Него Самого, Вселенской Первопричине, Которую, собственно, и именуют Богом. Душа Вселенной, вечная, как она сама, неизмеримая, как она сама, обладающая высшей силой и постоянно многообразно действующая, проникающая своим действием во все части необъятного тела Вселенной, сообщающая регулярное симметрическое движение всем сферам, упорядочивающая все элементы бытия, оживляющая и сохраняющая все сущее, – таков был Бог Вселенной, почитавшийся древними как Верховный Бог и Бог Богов.

В «Энеиде» Анхис наставляет Энея в учении Пифагора, постигнутом им у египетских учителей, относительно души и разума Вселенной, от которых проистекли наши собственные душа и разум, а также душа и разум животных, равно как и сама наша жизнь и жизнь животных проистекла от жизни Вселенной. Небо, Земля, море, Луна и звезды, говорил он, движимы внутренним жизненным принципом, обеспечивающим их существование, великой разумной душой, проникающей во все части вселенского тела и, смешиваясь с ними, сообщающей всем им свое вечное движение. Она есть источник энергии всех живых существ. Сила, оживляющая все сущее, проистекает от вечного огня, горящего в Небесах. В своих «Георгиках» Вергилий повторяет основы этого учения; также он пишет там, что после смерти каждого живого существа одухотворявшая его частица мировой жизни возвращается к своему истоку, Первопринципу, жизненному ключу, бьющему среди звезд.

У Сервия Бог – это деятельная Причина, организующая элементы в тела, животворящее дуновение, или дух, распространяющийся

по всей материи, или по всем элементам, порождая, производя на свет все вещи. Элементы составляют материальную форму нашего тела; Бог вселяет в нас душу, которая, собственно, и порождает в телах жизнь. От нее проистекают животные инстинкты, а от них – жизнь животных, пишет он; и когда они умирают, эта жизнь возвращается к Вселенской Душе и воссоединяется с ней, а их тела – с Вселенской Материей.

Тимей Локрийский, в изложении его комментатора Платона, также писал о Мировой Душе, развивая учение Пифагора, который, по словам Цицерона, считал, что Бог есть Мировая Душа, которая пребывает повсюду в Природе и от которой проистекают все прочие души. «*Бог един,* – пишет Пифагор, в изложении Юстина Мученика, – *и Он пребывает, не как многие думают, вне этого мира, но в нем, и этот мир полон Его полнотой. Он видит все появляющееся в мире, создает всех бессмертных существ, является источником их силы и действия, всех вещей, это Свет Небесный, Отец, Разум, Душа всех существ, Движитель всех сфер*».

Таким образом, в соответствии с учением Пифагора, Бог есть Единое и единственное Существо, составные части Которого пронизывают всю Вселенную и в равной степени все ее части без исключения и различий, как душа – тело человека. Он отвергал учение спиритуалистов, отделявших Бога от Вселенной, полагавших Его существующим вне Вселенной, становящейся, таким образом, не чем иным, как просто материальной машиной, объектом внешнего воздействия Абстрактной Первопричины, или Бога. Древняя теология не отделяла Бога от Вселенной. Евсевий свидетельствует, что лишь немногие мудрецы, вроде Моисея, искали Бога как Первопричину Всего, пребывающую *вне* этого Всего, в то время как философы Египта и Финикии, истинные авторы древнейших космогоний, помещали Первопричину внутрь сотворенной Ею Вселенной и всех ее частей, таким образом, полагая Вселенную и все ее части существующими в Боге.

Мир, или Вселенная, таким образом, уподоблялись человеку, движущий Вселенной жизненный принцип – принципу, движущему человеком, Душа Мира – человеческой душе. Поэтому Пифагор называл человека *микрокосмом*, то есть «маленьким миром», в миниатюре представляющим собой совокупность всех качеств, которые можно встретить и в «большой», то есть внешней, Вселенной; его разум является частицей Божественной Природы; его способность к изменению условий собственного существования и окружающих

элементов, к росту и воспроизведению, позволяет ему приобщаться ко *всем* природным элементам. Если таким создан он, то и Вселенная, подобно ему, есть необъятное живое и разумное существо, титаническое божество, обладающее всем, чем обладает и человек: движением, жизнью, разумом, способностью к вечному продолжению своего существования (которой, правда, не обладает человек); а поскольку она обладает способностью к вечному движению и жизни, – она и есть Высшая Первопричина всего.

Разлитая повсюду, Вселенская Душа, с точки зрения Пифагора, не действует повсюду одинаково и в равной степени. Высшая область Вселенной, образно говоря, ее голова, виделась ему царственным престолом мироустройства, откуда осуществляется управление всем сущим. В семи концентрических сферах Вселенной изначально заложен вечный порядок, порожденный единым Разумом, Мировой Душой, неизменно и регулярно движущей бессмертные тела, из которых состоит высшая гармония Небес.

Манилий пишет: «Я воспою незримую и могущественную Душу Природы, божественную сущность, от начала времен пребывающую в Небесах, Земле и водах Океана, связывающую и удерживающую вместе все части огромного тела Вселенной. Она, уравновешивая все силы и гармонично устраивая разнообразные отношения и связи многообразных элементов мира, поддерживает в нем жизнь и постоянное движение, от которого сама жизнь и проистекает, под воздействием единого животворящего дыхания, или единого духа, обитающего во всех ее частях, циркулирующего во всех сосудах вселенской природы, с быстротой молнии проникающего во все самые отдаленные ее части и сообщающего всем элементам формы, наиболее совершенно подходящие к их предназначению и их организации… Этот вечный Закон, эта Божественная сила, на которой покоится гармония мира, пользуется небесными знаками для того, чтобы направлять и организовывать движение всех живых существ, которые дышат земным воздухом, а также сообщает каждому из них наиболее подходящие ему характер и организацию. Действием этой силы Небеса управляют делами Земли и ее полями, возделываемыми плугом пахаря; эта сила то дарует нам, то отнимает у нас урожай земных плодов; она же выводит из привычных берегов воды мирового океана, а затем снова во время отлива возвращает их на место».

Таким образом, далее в мировой истории, а не только в поэтических мифах и легендах, развития философской мысли Небо и Земля

одушевлялись и считались живыми и мыслящими существами, от которых произошли все остальные существа. Отныне они жили своей собственной жизнью, вечной, как их тела, и были наделены разумом и, возможно, душой, подобной душе человеческой, частью вселенской жизни и вселенской души; и прочие тела, сотворенные или порожденные ими, вечно содержащиеся в них самих, живут только за их счет и их жизнью, как эмбрион в утробе матери живет ее жизнью, которую мать поддерживает в себе ради этой цели, и питается ее соками, которые эту жизнь ему и сообщают. Такова всеобщая жизнь этого мира, воспроизводящая себя во всех живых существах, порождаемых ее высшей частью в части низшей; такова суть *матрицы* этого мира, то есть совокупности живых существ, порожденных Небесами в его утробе.

«Душа мира, – пишет Макробий, – это сама природа, как душа человека есть сам человек; она вечно действует через небесные сферы, которыми движет и которые не в силах противостоять довлеющему движущему импульсу, сообщаемому им ей. Небеса, Солнце, величественный престол животворящей силы, знаки, звезды и планеты действуют только по воле души Вселенной. От этой души через них проистекают все изменения в подлунной природе, лишь вторичными следствиями которых являются небесные тела и само небо. Зодиак со всеми его знаками является также божественным и бессмертным существом, сотворенным мировой душой и производящим, или собирающим в себе, все многообразные проявления сил, составляющих понятие Верховного Божества».

Учение, присвоившее Небесам и Земле живые души, каждая из которых является частицей Мировой Души, зародилось в необозримых глубинах древности. Ему обучали древние сабейские жрецы. Ему учили Тимей, Платон, Спевсипп, Ямвлих, Макробий, Марк Аврелий и Пифагор. Когда человек впервые приписал Вселенной обладание душой, являющейся совокупностью душ всех живых существ, обитающих в ней, и даже звезд, вскоре он пришел и к пониманию того, что эта душа разумна и мало того – она и есть Высший Разум, порождающий разум каждого разумного существа во Вселенной. Так Вселенная стала для него не только одушевленной, но и разумной, и, следовательно, такими стали и все живые существа, населяющие Землю. Каждая душа стала, таким образом, в его глазах средством, или, скорее, оболочкой, разума, вселившегося в нее потому, что более нигде не мог обитать. Вне души не может быть разума; и поскольку

существует Мировая Душа – источник всех прочих душ, следовательно, Вселенская Душа наделена и Вселенским Разумом – источником всех прочих разумов. Значит, Душа Мира содержит в себе Разум Мира. Все агенсы природы, в которые проникает Мировая Душа, также обретают и частицу Мирового Разума, и вся Вселенная – вообще и в каждой своей частице – оказывается заполненной разумами, которые нельзя рассматривать иначе, нежели как эманации Вселенского Разума. Где бы в качестве причины ни упоминалась Мировая Душа, причиной был и Мировой Разум; и, следовательно, Небеса, звезды, стихии и вообще все части Вселенной превратились в глазах человека в многочисленные престолы Божественных разумов. Каждая мельчайшая частица великой Мировой Души стала частицей Разума, и чем более она удалялась от грубой материи, тем более разумной и деятельной она становилась. И все древние почитатели природы, теологи, астрологи и поэты, величайшие из философов предполагали, что все неисчислимые звезды – это живые и разумные существа, вечные тела, деятельные причины происходящих здесь, на Земле, событий, одухотворенные Жизненным Принципом и управляемые Высшим Разумом, от которого проистекли в начале времен, частицами которого они являются, равно как и частицами вселенской жизни и Мировой Души.

Сама Вселенная считалась в высшей степени разумным существом. Таково было учение Тимея Локрийского. Душа человека считалась частью разумной души Вселенной, а посему сама считалась разумной. Так полагали и многие другие философы. Клеант, ученик Зенона, почитал Вселенную как Бога, то есть как ничем не обусловленную и всеобъемлющую причину всех следствий. Он приписывал вселенской природе душу и разум, и такая разумная душа, по его мнению, наделяла природу божественностью. От этой мировой души проистекает, учил он, и разумная душа человека, а посему она также обладает частью божественности. Хрисипп, самый утонченный из стоиков, приписывал вселенскому разуму, творящему разумы и души всех природных вещей и явлений, божественную силу, или частицу Божественной сущности, которой, по его мнению, обладал весь мир, движимый вселенской всепроникающей душой.

Собеседник Цицерона в его труде «*De Natura Deorum*»[12] утверждает, с позиций формальной логики, что Вселенная не может не обладать разумом и мудростью в силу того, что человек, ее мельчайшая частица и порождение, обладает ими. Тот же аргумент приводит Цицерон

и в своей речи в защиту Милона. Физик пришел к тому же выводу, что и философы. Они всегда учили, что душе изначально свойственно вечное движение, а направление и упорядочение движения суть свойства разума. И поскольку во Вселенной присутствуют как движение, так и порядок, следовательно, в ней обязательно должны присутствовать душа и направляющий Разум, которые нельзя отделять одну от другого, поскольку сама идея Вселенной является лишь совокупностью идей всех отдельных вещей и явлений в мире.

Их довод состоит в том, что Небеса, равно как и звезды, составляющие их часть, *одушевлены,* поскольку наделены частицами Мировой Души; они также *разумны,* поскольку эта Мировая Душа, частицами которой они наделены, также обладает и высшим разумом; а также они отчасти *божественны,* поскольку божественность пребывает в Мировой Душе и Разуме, правящих Вселенной и всеми ее мирами, каждый из которых также наделен их частицами. Путем такого логического умозаключения собеседник Цицерона приписывает божественность звездам в силу того, что они суть живые существа, наделенные чувствами и разумом, состоящие из самых тонких и возвышенных эфирных материй, очищенных от всех прочих материальных элементов и фактически не содержащих в себе ничего, кроме тепла и света. Отсюда он выводит заключение о том, что это боги, обладающие разумом, значительно превосходящим разумы всех прочих существ, – ведь они действительно помещаются на высоте, не досягаемой ни для каких других существ, и движутся там в совершенной гармонии и не достижимом ни для кого и ни для чего больше порядке, причем движение это является для них совершенно свободным и спонтанным. Он называет их «богами», деятельными и вечными, и разумными «причинами»; они населяют небесные чертоги вместе с многообразными вечными разумами, то есть небесными гениями, или ангелами, также наделенными частицами божественности и обладающими правом на определенное участие в управлении Вселенной, всей подлунной природой и человеком в ней.

Мы сделали силу, движущую планетами, исключительно механической, в сущности, сочетанием двух сил – центробежной и центростремительной, *происхождение* которых мы, однако, не в силах объяснить, пусть и способны высчитать их цифровое значение. Древние же полагали планеты движимыми некоей изначальной разумной силой, проистекающей от Первого Вселенского Разума. Вряд ли мы хотя бы на йоту приблизились к Истине, по сравнению

с ними, со всеми нашими центробежными и центростремительными силами, ибо знаем ли мы, что есть *сила?* В соответствии с нашими представлениями, так сказать, «весь» Бог воздействует на движение каждой планеты, на поглощение воды каждой мельчайшей травинкой земной, на насыщение кислородом кровеносных сосудов каждой крошечной коловратки. Древние же считали, что каждой планетой управляет ее собственное божество, являющееся частицей Вселенского Бога, Души Природы. Каждая звезда и планета, в соответствии с их представлениями, двигалась *сама по себе* и управлялась *своим собственным* разумом. Таково было мнение Ахиллеса, Татиана, Диодора, Хрисиппа, Аристотеля, Платона, Гераклита Понтийского, Теофраста, Симпликия, Макробия и Прокла: каждая из звезд обладает бессмертными душой и разумом, являющимися частицами Души и Разума Всего; точно так же считали Орфей, Плотин, многие стоики и многие же ранние христианские философы. Того же мнения придерживался и Ориген; и Августин полагал, что каждая вещь во Вселенной управляется отдельной ангелической силой; и Косма верил в то, что каждой звездой управляет ее личный ангел; и автор «Восьмикнижия», написанного во времена императора Юстина, пишет, что они движутся вследствие импульса, сообщенного им ангелами, надзирающими за их движением с небесной тверди. Христианские ученые древности так и не пришли к общему мнению в вопросе одушевленности самих звезд. Многие считали их одушевленными. Блаженный Августин колебался; Святой Иероним сомневался, поминая Соломона, приписывавшего звездам обладание душой. Святой Амвросий не сомневался в том, что души у них есть, а Памфил утверждал, что многие представители церкви верили в то, что звезды – существа разумные, а многие – что нет, но ни первое, ни второе мнение не могут считаться еретическими.

Таким образом, мысль древних торжественно и чистосердечно отвергала *изначальное* существование Души во Вселенной и в отдельных ее частях. Следующим шагом, в силу необходимости, стало *отделение* Души от Вселенной и приписывание ей внешнего и независимого бытия и особой личности – все еще вездесущей, то есть пребывающей в каждом дюйме пространства и в каждой молекуле материи, но являющейся, однако, не частью Природы, а ее Первопричиной и Творцом. Это было промежуточное звено между учениями пантеизма (утверждающего, что всё есть Бог, и Бог есть во всём и есть всё), с одной стороны, и атеизма (утверждающего, что

есть только природа, а Бога нет) – с другой; хотя, если свести оба эти учения к основополагающим терминам и базовым концепциям, они, в сущности, окажутся одной и той же доктриной.

Мы умиротворенно поздравляем себя с признанием *личного* Господа как Бога, наиболее приемлемого для человеческих чувств и при этом избавленного от всех пантеистических мистификаций. Но ведь Божество все равно продолжает оставаться для нас тайной, несмотря на все применяемые к Нему термины и символы органического или неорганического происхождения, а Его воплощения сами по себе являются символами, могущими быть неверно понятыми и истолкованными точно так же, если не больше, как любые другие символы, потому что они со временем могут пасть до уровня простого истолкования нами наших собственных несовершенных свойств; а посему *любое* представление, которое может возникнуть в наших умах о Божестве, не может не быть в высшей степени неадекватным.

Самые ранние и самые достойные исследователи духа Вед – древнеиндийских священных книг – считали, что дух этот состоит в учении пантеистического монотеизма: Бог един, и Он – во всем; и все множество индуистских богов, равно как и все множество молитв, воссылаемых им всем, являлось лишь совокупностью воплощений немногих богов, которые, в свою очередь, в конце концов сводились к Единому Богу. Весь механизм почитания многочисленных последовательных воплощений богов истолковывался ими как духовное средство постижения человеком истинной сути вещей в условиях нехватки языковых средств для выражения понятий монотеизма; Миманса, например, откровенно признает себя всего лишь средством толкования священных мантр, потому что открывается словами: «*Ничего не было, кроме Разума, Творческой Мысли Того, Кто был один от начала времен и Кто дышал, не будучи никем вдохновлен*». Эта мысль, содержавшаяся в древних мантрах, была утверждена в качестве догмата и творчески развита Упанишадами. Философия веданты, признавая таинство «*единого во многом*» краеугольным камнем веры, утверждала не только единство Бога, но и тождество материи и духа. Она выступала с позиций единства сознания. Сознание – это Вселенский Элемент, Единый Бог, Великая Душа – *Махатма*. Это материальная и действенная причина, и мир представляется тонкой материей, в которой Он одновременно и ткань, и ткач. Это *макрокосм*, вселенский организм, именуемый *Пуруша*, лишь частями тела которого являются огонь, воздух и Солнце. Голова

его – это свет; глаза его – Солнце и Луна; дыхание его – ветер; голос его – это Веды. Все проистекает от Брахмы, как паутина – от паука, как трава – от земли.

Но тем не менее, лишь нехватка языковых средств выражения для описания происхождения материи от духа придает философии индуизма материалистический облик. Бесформенный Он Сам, Бог, присутствует повсеместно и во всех формах. Слава Его отражается во всей Вселенной, как Солнце – в воде, причем отражение Солнца само по себе не является светилом. Все материальные формы и действия, весь предметный мир в значительной степени являются фантазмами, понятийными отражениями всеобщего невежества. Однако они играют крайне важную роль, заполняя промежуточное пространство между реальностью и нереальностью; они нереальны, поскольку не существует ничего, кроме Брахмана; но в некоторой степени они реальны, поскольку являются внешними его проявлениями. Они являются самопорожденными ипостасями Бога, в которых *Он представляет Самому Себе* всю одушевленную и неодушевленную Природу, всю реальность в многообразии внешних форм, которые последовательно принимает единый пантеистический Дух.

Великая цель разума состоит в обобщении, обнаружении единства во множестве, порядка – в кажущемся хаосе, отделении всеобщего и неизменного от преходящего и частного. В размышлениях о Природе, в смутных, почти исключительно интуитивных представлениях о всеобщем единстве Плана среди многообразия всевозможных форм и действий рождается священное чувство глубокого почтения, которое, в совокупности с деятельным разумом, и приводит к формированию того, что мы привыкли называть философией.

Самосознание, ощущение своей личности, сопутствует нам на протяжении всей жизни. Нельзя говорить ни о каком существовании разума вне самосознания. Оно не является продуктом ни размышлений, ни логических рассуждений, ни наблюдений, ни экспериментов или опыта. Это Божий дар, как инстинкты; и это самосознание мыслящей души, которая, в сущности, и есть та самая личность, отдельная от нашего тела, которую мы считаем *собой,* есть также и самое неоспоримое доказательство существования души. Также мы обладаем способностью осознавать Силу, от которой зависим, которую мы способны *определить,* идею и картину которой мы способны для себя составить, в отличие от души, которую мы не способны определить, но, тем не менее, *чувствуем,* а посему

знаем, что она есть. Правильное, истинное понимание этой Силы, Абсолютного Бытия, от Которого проистекает все сущее, нам недоступно, если под «правильным» и «истинным» подразумевать *адекватное* понимание; мы просто не способны на таковое в силу в высшей степени ограниченных наших способностей. И идея Бога, насколько мы оказываемся в состоянии сформулировать ее для себя, может возникнуть у нас только путем прямого Откровения или неустанных упражнений в философии.

Идея вселенскости предшествовала установлению какой-либо системы, призванной объяснить ее. Эту идею скорее *чувствовали,* чем понимали; и еще немало времени прошло, пока путем тщательного исследования природы и анализа всех ее составляющих философы не пришли к осознанию великой этой концепции, которая, собственно, и позволила им называться этим гордым словом. Ощущение, в первую очередь испытываемое обладающим самосознанием мозгом, пишет Платон, было «*Божественным даром, переданным человечеству неким Прометеем или теми древними мудрецами, которые были ближе к богам, чем наше упадочное поколение*». Сознание выделило из этого первого опыта понятие общей Причины, или *Антецедента*, которому они вскоре приписали личность и дали имя. Это была формулировка великой теоремы, ничтожная, по сравнению с ее действительно вселенской природой. *Она объясняла всё, кроме себя самой.* Это была *истинная*, но *непостижимая* причина. Целая вечность должна была пройти, прежде чем природа данной теоремы могла быть хотя бы отчасти правильно понята, а до того люди, признавая, что Первопричина является скорее объектом веры, чем науки, удовлетворялись исследованием более близких для них отношений существования и следования, доступных их способностям к познанию. Изначально и на протяжении длительного времени человеческий разум оставлял реальный мир ради созданного в спешке собственного воображаемого мира, и воображение заняло место разума, пытаясь создать искусственное построение, призванное дать определение самой неадекватной из всех возможных концепций путем претворения ее символов в реальность и замены ее сути тысячами субъективных материальных форм.

В поэзии, так же как в природе, идея Божественного единства сокрылась под многочисленными слоями символов; и понятийный аппарат трансцендентальной философии также покоился на взглядах на природу, вряд ли более глубоких, чем взгляды древнейших

философов символического направления. Идея единства скорее скрывалась, чем толковалась; Ксенофан кажется противником Гомера потому только, что он более активно настаивает на монотеистическом элементе, который в поэзии был недостаточно представлен. Первичная философия подчеркивала Единство, утраченное поэзией; но, не соответствуя по способностям высокой цели исследования его природы, она снова отдала это понятие на откуп приблизительным определениям ощущений и заплутала в дебрях материализма, полагая концептуальное единство Первоэлемента всего лишь некоторым усовершенствованием материи, неизменной по своей сути, хотя и подверженной некоторым формальным и качественным мутациям в процессе постоянно чередующихся и повторяющихся разложения и возрождения. Философы сравнивали это единство с водой, огнем и воздухом, причем каждый стремился усовершенствовать учение своих предшественников или же находился под влиянием той или иной теологической традиции.

Во многих философских системах Божественная деятельность, разделенная поэтами поровну между целым множеством персонифицированных воплощений, в которых идея следствия заместила идею причины, или пантеистической эволюции, была восстановлена во всей полноте понятия Единого Целого, без всяких дальнейших подразделений, сначала как механическая *жизненная сила*, затем как всепроникающая и вседовлеющая *душа*, или изначальная *мысль*, и наконец, как внешний направляющий *Разум*.

Ионическое возрождение пантеизма носило чисто материалистический характер. Движущая Сила была неотделима от материального элемента, тонкого, но все равно зримого. В форме *огня,* или *воздуха,* жизненный принцип ассоциировался с самыми зримыми и самыми явными механизмами природной деятельности. Считалось, что вообще всё обладает жизнью и всё населено богами. Чудеса вулканического извержения, магнетизма, прилива и отлива явно свидетельствовали о дыхании и движении великого Мирового Живого Существа. Незримый эфир Анаксимена не обладал никакими *позитивными* качествами, которыми не обладал бы атмосферный воздух, с которым его изначально путали; и даже «Бесконечное» Анаксимандра, хотя и свободное от условий количества и качества, было, по сути, всего лишь идеальным Хаосом, посредством отрицания лишенным грубости. Это было безграничное хранилище Плеромы, из которого развивался бесконечный цикл феноменальных изменений.

Движущая сила признавалась существующей *в* материи, но не обязательно проистекающей *из* нее. Пространство, время, цифра и число, другие привычные свойства и формы, существующие только в силу существования своих *признаков,* считались *сущностями,* или, по крайней мере, чем-то, формирующим сущностные отношения с объектом, к которому они относятся; и все условия материального бытия, как предполагалось, развились из пифагорейской *монады*.

Элейские философы считали понятия не просто объектами, а единственными объектами, обладающими неизменностью, стабильностью и реальностью, которые не имеет смысла искать среди прочих феноменов. Единственной реальностью для них была Мысль. «*Всякое реальное бытие,* – писали они, – *есть ментальное бытие; небытие непостижимо, а посему невозможно; бытие заполняет собой все пространство мышления и неотделимо от своего действия; мысль и ее объект суть одно*».

Язык Ксенофана образен и противоречив, он применим как к материальной, так и к ментальной сферам, но ни одной из них не соответствует абсолютно. Другими словами, он пользуется материалистическим терминологическим аппаратом для иллюстрации неопределяемого значения. Говоря о вселенском бытии, он приводит в пример небеса как его зримое проявление, но при этом называет их *сферой,* а это понятие позаимствовано им из материального мира. Он пишет, что Бог не движим и не недвижим, не ограничен и не неограничен. Он даже не пытается четко выразить то, что не может быть четко понято, признавая, как сообщает Симпликий, что такие умозаключения относятся к области, которая превыше физики. Парменид пользовался теми же терминами, сравнивая метафизическое Божество со сферой или с жаром, с состоянием вещества или непрерывным движением, тем самым опровергая Его заложенные в определении свойства.

Атомистическая школа разделяла Всё на Материю и Силу, считала материю неизменной, по своему изначальному устройству, пусть и бесконечно меняющейся в своих вторичных формах и проявлениях. Ее последователи полагали, что все многообразие форм проистекает от безграничности возможных комбинаций атомов, однако не нуждались в понятии какого-либо внешнего «комбинатора» и управителя этих атомов, какого-то вселенского Разума, – им хватало одной лишь вечной механической *Необходимости,* в чем они оказывались союзниками поэтов. До сих пор подвергается сомнению представление

о существовании когда-либо времен, когда разум совершенно спал, не существовал в сфере собственного бытия, несмотря на его совершенную материальность. Самые ранние размышления о внешнем мире, привлекшие его к воображаемому сосуществованию с нашей природой, приписывают ему или отдельным его частям чувства и волеизъявления, принадлежащие нашим собственным душам.

Анаксагор и Эмпедокл признавали существование первичных элементарных частиц, в результате различного сочетания которых возникли все и всяческие феномены. Но первый из них полагал их изначальной движущей силой Разум, хотя, даже видя невозможность продолжать рассуждения при помощи определений или иллюстраций, находящихся вне области разумной веры, или при помощи простого отрицания материальности, он не мог совершенно отказаться от стремления проиллюстрировать природу этой нематериальности, или разума, символами, позаимствованными из физических исследований, – и это заставило его создать для данного понятия особую категорию. В качестве человеческого разума или управляющего Принципа он отделял его от всех прочих вещей по характеру и воздействию, а посему считал, что он должен отличаться от них и по своему внутреннему устройству. Это не была ни материя, ни сила, соединенная с материей или единая с ней изначально, но независимое и совершенно отличное от материи бытие, источник всякого движения, разделения и познания, нечто совершенно уникальное, чистое и беспримесное, а следовательно, свободное от всех сторонних воздействий, ограничивавших бы, в противном случае, независимость его индивидуального воздействия; оно обладало верховной властью над всем сущим, над всем круговоротом миров, равно как и над всем живым в каждом из них. Это нечто всепроникающее и могучее, смешивающееся со всеми прочими вещами, в то время как никакая иная вещь не способна смешиваться с ним; это нечто обладает властью над всем миром и над его познанием, и оно включает в себя Необходимость, почитавшуюся поэтами, вместе с независимой силой мысли внутри нас самих. Вкратце, это обладающая самосознанием сила мысли, распространенной во Вселенной и возвысившейся до состояния Верховного Внешнего Разума, который зрит, ведает и правит всем сущим.

Так он избежал двойной западни пантеизма и материализма; и материя, пусть и бесконечно изменчивая в чувственном представлении, оказалась связанной с Единством, воплощенным в правящей

ею внешней Силе. Эта Сила не могла быть ни Перводвигателем, коль скоро она сама могла быть движима, ни Всевластием, коль скоро она не была отделена от управляемых ею предметов и явлений. Если организующий принцип *изначально присущ* материи, никак нельзя было бы объяснить существование Хаоса; если же это нечто *внешнее*, тогда становится несколько более ясной древняя ионическая концепция «начала» как эпохи, когда Организующий Разум начал действовать.

Но великая идея всевластного независимого разума подразумевала некоторые совершенно непреодолимые противоречия, ибо она приписывает материи в форме хаоса вечное и независимое бытие, таким образом, вводя понятие двойственности, дуализма сознания и материи. В понятие Разума, или Сознания, Анаксагор включал не только жизнь и движение, но и нравственные принципы чести и добра; вероятно, он пользовался этим термином потому только, что популярная религия искажала в его представлении термин «Бог», а введенный им термин, напротив, активно сопротивлялся ложным истолкованиям, более точно отражая нужную идею. Его «Разумный принцип» оказался, правда, обладающим теми же самыми теоретическим изъянами, что и «Необходимость» поэтов. Это была еще одна попытка описания великой идеи, которую в то время просто невозможно было описать и определить. В те времена она оставалась непостижимой, и даже еще не существовало открытого и явного пути к ее постижению.

Разум не в состоянии погрузиться в метафизику, не обожествляя сам себя. Пытаясь следовать далее, он лишь снова и снова осуществляет обожествление своих собственных смутных представлений, тем самым падая все ниже и ниже, по сравнению с изначальным чистым представлением о мире. Реалии, которых Платон не признавал в феноменах, он нашел в собственном разуме и, вне всякого сомнения, как древние теологи, приписал их сотворение богам. Как большинство философов после Анаксагора, он рассматривал Высшее Существо как Разум, но в остальном оставил Его природу без определения, а точнее оставил ее неопределенной (несмотря на существование многочисленных определений), «блуждающей» в пространстве между теизмом и пантеизмом. Даже протестуя против духовно растленных тенденций в поэзии, он был слишком умен, чтобы пытаться заместить их какими то ни было позитивистскими представлениями. Он справедливо утверждал, что понятия, относящиеся к области духа,

могут быть сделаны понятными только посредством чисел; а формы аллегорического выражения, бессознательно принятые практически всеми в те грубые времена, были выбраны философами явно как наиболее подходящие средства реализации теологических идей.

По мере того как наслоения символизма постепенно отпадали, с целью, вероятно, открыть взору исследователя первоначальное понятие, религиозное чувство, привычно связываемое с символизмом, постепенно испарялось. Но, несмотря на это, защитники монотеизма – Ксенофан и Гераклит – в действительности выступали лишь против придания богам обличья людей. Они не пытались лишить Природу приписывавшейся ей божественности, – скорее придать религиозным представлениям новые, более чистые символические воплощения вместо скомпрометировавших себя старых. Они являлись продолжателями традиции древнейших поэтов, традиции религиозного поклонения Солнцу и звездам, огню и эфиру. Сократ простирался ниц пред восходящим светилом, и вечные сферы, которым, по всей видимости, поклонялся Ксенофан, оставались вторичными специализированными божествами в школах перипатетиков и стоиков.

Незримое существо, или существа, открытые только для Разума, стали предметом живейшего интереса философии; и древнейшие их символы, пусть и не до конца дискредитированные, умело обходились философами в их наставлениях, передаваясь лишь в обобщенном виде. В отношении этих существ, учили философы, мы должны «*довольствоваться учениями древних, которые, утверждая, что являются их потомками, должны посему почитаться как наиболее осведомленные о них люди, потому что это все равно что знать свои собственные семейное древо и родственные связи*». Теизм Анаксагора еще более открыто следовал не только Мистериям, но и всем религиям Природы; это был своеобразный призыв внешнего мира к сознанию и духовной сущности мира внутреннего.

В соответствии с учением Аристотеля, мир движется в непрерывном, вечно изменяющемся, оставаясь при этом всегда одним и тем же, Времени, Вечном Сейчас, не ведающем ни покоя, ни смерти. Существует некий принцип, превращающий благо в утрату *тождества* путем умножения *сходств;* он уничтожает *личность* путем вечного обновления форм, в которые претворяется материя. А это вечное регулярное движение непременно подразумевает и наличие Вечного Движителя; причем это не инертная Вечность, вроде платоновского *Эйдоса,* а нечто вечно *активное,* суть которого состоит

в действии; иначе и быть не может, потому что если бы это было не так, этот Перводвигатель мог и вообще *не действовать,* и тогда само сотворение Вселенной могло бы считаться результатом случайного стечения обстоятельств, ибо что же это было, что заставило Его действовать после целой вечности, проведенной в бездействии? Не может Он также быть и отчасти активным, а отчасти – лишь потенциально активным, то есть покоящимся и размышляющим, действовать Ему или не действовать, ибо в таком случае, действие также окажется не вечным, а случайным, зависящим от внешних обстоятельств. Таким образом, Он является вечно активным, действующим; это чистая неисчерпаемая энергия, абсолютно нематериальная, в силу тех же причин. Так Аристотель избегает мысли о том, что Бог был недеятелен и на протяжении целой вечности погружен в самосозерцание, а потом вдруг, по неизвестной нам причине, начал действовать вне Себя и творить; однако при этом Аристотель впал в диаметрально противоположное заблуждение, посчитав Его творение – материю и Вселенную – сосуществующими с Богом, то есть, иными словами, он вообще отрицал, что внешнее действие Бога когда бы то ни было *начиналось.*

Недвижимая Первопричина, утверждал он, движет всем. *Первым было действие,* и Вселенная существовала вечно; и одна-единственная причина определяет поддержание ее бытия. Из нематериальности Перводвигателя следует его *единство.* Если бы это был не неподвижный Он Сам, череда движения и причин этого движения была бы бесконечна. Следовательно, существует недвижимый и неизменный Он Сам, и всякое движение, даже движение Космоса, проистекает от Него; Он есть Необходимость; Он не может быть иным, чем Он есть; только в силу необходимости Его бытия оказываемся мы в состоянии судить о необходимости вечных отношений, только за счет которых существует вообще наука о Бытии. Таким образом, Аристотель более или менее склонялся к идее личного Бога, Который не был существом, обладающим чувствами и страстями, подобно Богу иудеев и основной массы образованных людей нашего времени, а вещественным Главой всех родов существ, разумной Личностью, что, в сущности, было оживлением доктрины Анаксагора при помощи более научного и тщательного анализа природных явлений; это было нечто вроде живого непреклонного Первопринципа религии древних поэтов, которые в своих материалистических космогониях первыми увидели в Ночи и Хаосе образы Урана и Зевса. Вскоре, однако, Аристотель выпускает

из виду личностный аспект и вплотную подступает к высшей точке развития мысли, где реальное перемешивается с идеальным и исключаются нравственное действие, предметная мысль (то есть мысль, воздействующая на что-либо вне себя самой) и материальное тело; где Божественное воздействие на мир остается покрытым пеленой таинственности и самые изощренные попытки проникнуть в его тайны приносит в результате только новые противоречия. В этой высшей точке вся бесконечная череда причин приводит к единой Последней Причине. То, что движет прочее, при этом оставаясь само неподвижным, не может быть ничем иным, кроме Мысли, или Формы. Бог есть конечная, формальная и действенная Причина; единая Форма, содержащая в Себе все формы; единое Благо, содержащее в Себе всё и всяческое благо; Цель всех устремлений Вселенной, движущая миром подобно тому, как любовь или разумное устремление движут отдельно взятым человеком. Он есть внутренняя самореализующаяся Последняя Причина, за пределами Которой более ничего нет. Он не есть нравственный агенс, потому что в противном случае Он был бы всего лишь средством достижения чего-то еще более высокого и совершенного. Один только вид действия – деятельность мысли, или разума, – может быть приписан Тому, Кто есть суть всего и всякого действия, даже когда покоится. То, что мы называем своей высшей радостью, то есть время бодрствования и чувствования, то, что придает извечное очарование нашим надежде и памяти, для Него является постоянной и неизменной реальностью. Его бытие является постоянным наслаждением, которое нам доступно только во временной своей ипостаси. Божественное свойство активного, но все равно покоящегося самосозерцания, неотделимого от разума, в первую очередь, принадлежит Божественному Уму; Его Мысль, которая есть Его бытие, в отличие от нашей мысли, изначально и неизменно состоит в постоянном *действии*. Если Он оказался бы способен получать удовлетворение и удовольствие от чего-либо творящегося вне Него Самого, то значит, Он оказался бы способен и испытывать в этой связи разочарование и боль, а следовательно, не являлся бы совершенным Существом. Предположить, что Он получает удовольствие от чего-либо внешнего для Него Самого, – значит подразумевать несовершенство Его удовольствия *до* акта Творения, что ставит Его в определенную зависимость от внешних факторов. Благо человека не зависит от него самого, равно как и благо Бога. Вечное действие, порождающее мир, есть результат вечного

стремления к благу. Целью Абсолютной Мысли является Абсолютное Благо. Природа есть вечное движение, а мысль – вечный покой. Лицезрея это абсолютное благо, Конечность может видеть лишь себя самое, и таким образом, если исключить всякое вмешательство материального фактора, различия субъекта и объекта совершенно исчезают, полностью сливаясь между собой, и Божественная Мысль оказывается «мышлением мысли». Энергия разума есть жизнь; и Бог является самой этой энергией во всех ее чистоте и совершенстве. Таким образом, Он – это сама жизнь, вечная и совершенная, и это все, что можно сказать в данном контексте о понятии «Бог». И тем не менее, несмотря на все ходы и закоулки трансцендентальной мысли, сама суть идеи оказывается состоящей в подвижности и способности к переходу от объекта к объекту, и мы просто представить себе не можем существование мысли без какого-либо объекта, стоящего за ней, о котором, собственно, и осуществляется мышление, – равно как и существование деятельности в форме простого самосозерцания, то есть без всяких внешних действий, движений или проявлений.

Платон предпринял попытку продемонстрировать, как Божественный Первопринцип Блага реализуется в Природе; вся философская система Аристотеля является единым аналогическим приглашением к исследованию, каким именно образом Природа стремится к конечному благу. Платон считает душу принципом движения и «заставляет» своего Бога реализовывать, то есть претворять в реальность, Свои идеи, выступая в роли свободной разумной Силы. Аристотель, для которого Мысль является неподвижным центром, из которого проистекает и куда возвращается всякое движение, подчеркивает, соответственно, неподвижность Бога. Бог Платона, напротив, творит, надзирает, управляет и наслаждается совокупными наслаждениями всех Своих творений. Аристотелев Бог – это совершенство умственной деятельности человека в масштабах Вселенной. Когда он говорит о Боге как о вечном Самосозерцании, тварный мир он не исключает из сферы Его созерцания потому, что Он наслаждается созерцанием мира внутри Себя Самого. Пребывая вне этого мира, за его пределами, Бог, тем не менее, таинственным образом проникает в него. Он является вселенским, но вместе с тем и глубоко частным Существом; Он действует повсеместно и в силу необходимости, но также творит конкретное благо.

Когда Платон признал ионическое учение о привнесении животной жизни в бесформенный мир, а затем добавил к нему учение

Анаксагора о Разуме, довлеющем над диким принципом Необходимости; когда он прибавил к Разуму Милость; когда он подчинил древние страшные Силу и Мощь Благу и Кротости, – ему стало казаться, что совершенство достигнуто и более стремиться не к чему, что Бог не может быть никем иным, кроме как Вселенским Благом и Вселенской Мудростью.

Однако созерцание Блага неизменно подразумевает также и созерцание его противоположности – Зла. Когда Бог именуется «Благом», это происходит не потому, что Зло вообще неведомо, а потому, что оно совершенно исключено из Его свойств. Но если Зло – это независимое, отдельное бытие, как это сочетается с единством и верховной властью Бога? Для того чтобы разрешить эту дилемму, оставалось только отступить в глубины древности и неопределенности верований, признать свое невежество, отвергнуть саму реальность существования Зла, подобно Платону и Аристотелю, или же, вместе со Спевсиппом, вечность его бытия, предполагая, что это лишь временное, но промыслительно необходимое условие обретения в конце времен окончательного и абсолютного знания, значительная часть которого к тому времени уже подверглась опровержению продолжающей развиваться философской мыслью, то есть, короче говоря, возвратиться к изначальному понятию «Абсолюта», единого Существа, в Котором истолковываются все таинства и пред Которым это сомнительное противоречие превращается в едва различимую точку на безбрежной поверхности Океана, практически не видимую для взора истинной Веры.

Но Абсолют практически сливается с небытием. Материя и Зло так тесно и так постоянно переплетаются, что зачастую несовершенство нашей логики приводит к полной взаимозаменяемости этих понятий. Бесполезно пытаться «втиснуть» мир в понятие Бога, потому что мир бренен, несовершенен и полон противоречий, в отличие от вечности и совершенства своего Истока. «Философия» – это всего лишь одно из названий неопределенности. После того как разум человеческий успешно обожествил Природу и свои собственные представления, с большим трудом, но без всякого практического результата; когда он выяснил, что, как он ни старается изучить окружающую его действительность и внутренние свои реалии, они ускользают от него; когда он окончательно ослеп в лучах непостижимого для него света, – он решил ограничить свои поиски реальностью, которая, пусть и более низменна, все же более доступна его пониманию.

Бог Платона – это существо, более приспособленное для восприятия при помощи человеческих чувств; это Отец Мира и его Творец – творец Блага, но не Зла. «*Зависть*, – пишет он, – *крайне далека от небесных существ, и человек, если желает того и готов предпринять определенное усилие, может обрести способность слиться со священными воинствами и сладостными сообществами Небес. Бог есть Идея, или Сущность Блага, то есть само Благо* [το αγαθον]; *во исполнение Своего благого замысла Он сотворил мир и даровал ему высшее совершенство, на которое он только был способен, сотворив его, насколько было возможно, по образу Своему. Высший род всякого совершенства должен пользоваться не только всеобщим поклонением, но и любовью*». Мудрецы древности в своих притчах упоминали уже о том, что Бог есть Высшее Благо; что, подобно Небесам, или Солнцу, или земному Эскулапу, Он является Целителем, Спасителем и Избавителем, врагом и искоренителем Зла, залечивающим раны, нанесенные Герой, повелительницей неразумных природных сил.

Платон только более подробно описывает древнейшие учения, признавая *Любовь* высшей и милостивейшей богиней, дарующей Природе животворящую энергию, которую возвращает человеку медицина, ибо Любовь – это целительница Вселенной, тот самый Эскулап, которому перед смертью просил пожертвовать петуха Сократ.

Эта образная идея, позаимствованная из знакомой образной системы, придала особые подкупающие свойства Божественной связи со Вселенной, надолго определившие человеческие чувства в этой связи, пока развитие этой идеи, идущее параллельно общему развитию людского интеллекта, не заставило ее прочно укорениться в области сознания, отвергнув чувственный аспект вообще. Даже грубые скифы, вифинцы и скандинавы называли Бога своим Отцом; практически все народы так или иначе видели истоки своего происхождения в Небесах. Гиперборейский Олен, один из древнейших образов религиозной веры Греции, породил Любовь – первое дитя Природы. Кто осмелится утверждать, что точно знает, когда именно впервые начал почитаться Бог или когда человек впервые начал должным образом толковать величественное и многозначительное молчание Природы? Таинственное физическое учение древних теологов, предшествовавшее греческой философии, гласило, что Любовь является Великой Первопричиной и Матерью Вселенной. «*Зевс*, – пишет Прокл, – *приступая к творению, претворил себя в Любовь и*

породил Афродиту, первопринцип единства и вселенской гармонии, дабы открыть всем Свет. В глубинах своего таинственного существа он содержит первопринцип любви; в нем соединяются творческая мудрость и благословенная любовь».

«...и в первый день,
Он возлюбил Божественной любовью
И в восхищеньи пребывал, пока
Во время должное, все то, что Он любил,
Чем восхищался, вдруг не стало плотью
Велением улыбки Его уст...»

Умозрители достопочтенного Востока, полагавшие образ Вечного Существа пребывающим превыше всех перемен и страстей, наслаждающимся Своей собственной самодостаточностью и тихим непрерывным блаженством, просто не могли не заинтересоваться кажущимся не соответствующим этому понятию актом Творения. Зачем, вопрошали они, Он, не нуждавшийся ни в чем вне Своей природы для дальнейшего усовершенствования Своего и так абсолютного Совершенства, покинул область Своего сокровенного совершенного бытия и вверг Сам Себя в бренную природу тварного мира? И решение этого противоречия они видели во введении понятия Любви. Великое Существо узрело красоту Своего творения, пребывавшего в Нем Самом с начала времен, постигло *Майю*, то есть красоту Природы – зачаток страсти и одновременно источник всех миров. Любовь, таким образом, становится Вселенской Матерью, когда Бог, до того непостижимый и отдаленный, окончательно разделился на субъект и объект любви.

И здесь нам снова приходится столкнуться с древним противоречием, связанным с тем, что, судя по всему, прежде, нежели состоялся акт этого Творения, прошла целая Вечность, в течение которой Бог, пребывая в состоянии ничем не запятнанного Единства, не имел объекта для Своей любви; таким образом, весь тварный мир представляет собой объект Его любви, специально сотворенный Им для того, чтобы любить его, ибо невозможно представить себе любовь вне объекта, на который она направлена; следовательно, мы снова возвращаемся в своих рассуждениях туда же, откуда начали, а именно к мысли, что если любовь, по сути своей, является Божественной сущностью, а Он не подвержен изменениям, то та же самая Необходимость, являющаяся составляющей частью Его природы и сделавшая необходимым акт Творения, сделала также невозможным Его

существование без объекта Его любви; таким образом, оказывается, что Вселенная вечно сосуществовала с Богом.

Вопрос о причинах существования и образе действия Зла во Вселенной: как его существование и активность соотносятся с предполагаемыми мудростью, всемогуществом и благостью Бога, насколько свободна воля человека и насколько он управляется необходимостью или судьбой, – имеет также две стороны. С одной стороны, это вопрос свойств и качеств Бога, ибо нам приходится выводить суждения о Его нравственной природе из результатов управления Им Вселенной, причем и то и другое неизменно побуждают нас к рассуждениям о Его интеллектуальной природе. С другой стороны, это, конечно, вопрос нравственной ответственности человека, а посему – его судьбы. Обе стороны данного вопроса крайне важны для человечества, и во все времена над ними рассуждали лучшие умы рода людского; этот вопрос, без сомнения, всегда побуждал человека стремиться к постижению глубинных таинств Природы и образа действия и существования в принципе непостижимого Бога.

В этой связи перед нами возникает и еще один вопрос: управляет ли Господь Вселенной в соответствии с некими точно сформулированными и нерушимыми законами или же по воле провиденциальных импульсов и побуждений, единовременно изменяющих образ Его действия и, следовательно, результаты Его трудов, равно как и трудов людских, то есть возможно ли управлять Его действиями при помощи молитв и вообще служения Ему.

Только Бог всемогущ, но ведь и человеческая душа практически во все времена признавалась обладающей Божественной природой. «*Духовная чистота*, – пишет Ван Гельмонт, – *проявляется в энергии и действенности воли. Бог, посредством Своей беспредельной Воли, сотворил Вселенную, и та же самая сила, лишь в неизмеримо меньшей степени и ограниченная многочисленными внешними препятствиями, существует и в каждом живом существе*». Чем глубже мы погружаемся в бездну древности, тем чаще мы встречаем там молитвы в форме заклинаний, волхований; эти формы в значительной степени сохраняются и до сих пор, поскольку обряды современного коллективного поклонения Богу в общем и целом рассматриваются не просто как акты выражения Творцу доверия и почтения, а чаще как реальные, пусть и духовные, действия, результаты которых сознание молящегося способно постигнуть, и верующий с нетерпением ожидает этих внешних результатов сразу по совершении этого действия, он

ожидает обретения чего-либо страстно желаемого: здоровья, богатства, сверхъестественных свойств для своих тела или души, спасения от опасности, возмездия врагам. В древности считалось, что молитва способна изменить образ действий Бога и заставить дэвов трепетать над бездной. Она оказывала на богов влияние, которое было сродни принуждению, используя родственную связь духа с духом. Молитвы индуистов и персов были обращены не столько к Самому Богу, сколько к Его разнообразным материальным проявлениям, потому что люди считали эти молитвы законными и обоснованными требованиями тварного мира, в начале времен побудившего Бога к своему сотворению и ныне своим вечным самоповторением поддерживающего существование всей Вселенной.

Повествование о Грехопадении предлагает нам древнеиудейскую версию толкования великой нравственной тайны существования в мире Зла и явного удаления человека от Небес; практически та же самая идея, пусть и претерпевшая многочисленные и многократные изменения, встречается почти во всех верованиях древних народов. Практически повсеместно считалось, что человек изначально был чист и счастлив, а затем в силу собственной слабости или внешнего искушения пал, то есть вышел из первичного состояния. Так человек объяснял для себя связь увеличения знаний человека с полнейшим его ничтожеством, и в особенности оказался способным истолковать и совместить между собой страшное наказание Смерти с беспредельной Господней справедливостью. Вторичными по отношению к этим основополагающим вопросам были следующие: почему земля покрыта терниями и сорняками; каково происхождение одежды, стыдливости в связи с различиями полов и полового влечения; почему человек обречен на тяжкий труд; как объяснить униженное положение женщины на древнем Востоке; почему почти все народы ненавидят и боятся змей и вообще пресмыкающихся.

Гипотеза Грехопадения, в той или иной форме встречающаяся во всех без исключения вероучительных системах, чтобы хотя бы как-то объяснить несовершенство сотворенного Совершенным Существом, в философиях Востока неизбежно сопровождала и являлась непременным условием любого ограниченного, то есть индивидуального, бытия, поскольку человеческая душа считалась частицей Вселенского Разума, павшей и утратившей былое величие лишь в силу разрыва со своим Истоком, перестав быть Его составляющей частью. Теория о ее воссоединении со своим Истоком неизбежно

вытекает из теории ее падения. Дабы возвратиться в изначальное состояние счастья и величия, она должна утратить индивидуальность; она должна возвыситься до полного поглощения Бесконечностью, единством всех вещей в Боге, однако достигается это только путем применения человеком определенных усилий, например духовных размышлений и умерщвления плоти, а также совершения всех необходимых магических таинств, связанных с физической смертью.

Считалось, что как пал человек, так пали и многие ангелы, ставшие, таким образом, злыми духами, утратившие изначальное состояние единения с Богом или близости к Нему, подобной близости к Нему человека; однако они в конце времен также возвратятся к Богу и тогда царство Зла на Земле прекратится навеки. На эту великую конечную цель указывают все теологии древних народов, потому что так они пытаются «примирить» существование в мире Зла и греха с совершенной и неоспоримой мудростью и вселенским благом Бога.

С развитием человеческой мысли и постоянными упражнениями в мышлении неразрывно связаны понятия свободы и ответственности. Человек с достоинством принимает свой статус как нравственного агенса, как только вместе с чувством ограниченности собственной природы его посещает также и сознание собственной свободы, равно как и обязательств, которые необходимо на себя принять, упражняясь в ней, как чувство долга и осознание способности его исполнить. Предположить, что человек не считал себя свободным агенсом, пока сам себя в этом не убедил, – значит думать о человеке гораздо хуже, чем он того заслуживает, считать его духовно ниже бессловесных зверей, потому что даже они *сознают* свою свободу действовать так или иначе. Только опыт, однако, способен убедить человека в том, что свобода эта ограниченна и подвержена внешнему контролю, и, осознавая, что нечто внешнее по отношению к нему ограничивает его свободу действия, он инстинктивно восстает против этих ограничений как против несправедливости. Осознание долга и данные опыта проистекают от ознакомления человека с условиями существования во внешнем мире, и, таким образом, оказывается, что проблемы человека неразрывно связаны с проблемами Природы и Бога. Опыт говорит нам, что наша свобода определяется действием, проистекающим извне, и счастье наше напрямую зависит от связей и взаимоотношений во внешнем мире, от нравственной природы верховного Управителя.

И здесь возникает еще один неразрешимый вопрос. Бог Природы един, иначе и быть не может, и природа Его может быть только благой, – это также аксиома. Откуда же, в таком случае, происходит зло, вечно сопровождающее нравственное развитие человека, о чем он отлично знает? В рассуждениях об этом человеческий разум блуждает между взаимоисключающими крайними точками зрения, первая из которых вступает в противоречие с понятием всемогущества Бога, а вторая – с понятием Его блага. Если Бог абсолютно мудр и благ, говорят сторонники первой точки зрения, то, значит, зло проистекает из некоего *иного, независимого* от Него и *враждебного* Ему источника; а если, говорят сторонники второй, все действия и все агенсы подчинены Ему одному, то, значит, коль скоро Зло все же существует, оно не может проистекать ни от кого иного, кроме Самого Бога.

Признание материального и духовного дуализма в Природе было противно положению о Божественном Единстве. Многие мудрецы древности считали абсурдом представление о том, что Верховное Существо, подобно гомеровскому Зевсу, рассеивает в мире добро и зло из двух стоящих перед Ним сосудов. Для разрешения данного противоречия, как мы уже имели возможность видеть, они создали учение о двух противостоящих друг другу вечных принципах; одни приписывали происхождение зла врожденному внутреннему несовершенству материи и плоти, не вдаваясь в тонкости толкования вопроса, как так случилось, что Бог не является его первопричиной; другие просто создавали в своих умозрительных построениях воплощения Первопринципа Зла, вопрос самого происхождения которого опять же вызывал к жизни изначальную проблему во всей ее полноте и сложности, но учение о котором, однако, могло служить временным решением этой проблемы, по крайней мере, для основной массы непосвященного народа; вообще же именно так люди часто избавлялись от трудноразрешимых вопросов: например, стремясь разрешить неразрешимую загадку – на чем покоится этот мир, человек решил, что Земля покоится на трех слонах, а потом, когда задался вопросом, на чем стоит этот слон, просто убедил себя в том, что слон стоит на гигантской черепахе.

Более простая и определенно более древняя религия полагала Бога единым Творцом всех вещей. «*Я творю Свет*, – говорит Иегова, – *и Я творю Тьму; Я творю благо и Я же творю Зло; Я, Господь, творю все это*». «*Все человечество*, – пишет Максим Тирский, – *согласно*

с тем, что существует только один Царь и Отец Вселенной и что все многочисленные боги суть Его дети». Нет ничего невероятного в мысли о том, что в начале времен человечество было убеждено в существовании Единого Бога. Смутное ощущение единства Природы вместе с не менее смутным представлением о всепроникающей Духовной Сущности было одним из первых известных проявлений человеческой мысли. Повсеместно она была смутным воспоминанием, неопределенным и неявным, об изначальной Истине, преподанной Богом первым людям.

Бог Ветхого Завета повсюду представлен как непосредственный автор и источник всякого Зла, направляющий к людям злых и лживых духов, ожесточающий сердце фараона, навещающий правителя, приносящего зло целым народам. Только жесткое положение учения о превалировании суровости Господа над Его милостью может оправдать несомненно человеческие жертвоприношения, которые, предположительно, если не явно, совершались Авраамом и Иеффаем. Вполне допустимо и широко распространено среди многих и многих народов мира, особенно древнего, признание существования Бога без создания для себя хоть сколь-нибудь достойного Его нравственного облика. Добро и Зло полагались исходящими из единого мистического центра, которому коллективный разум каждого народа приписывал те свойства и качества, которые соответствовали его уму и уровню цивилизации и развития. Отсюда и раздражение богов целительным искусством Эскулапа и похищением Прометеем огня в гуманных целях спасения и процветания человечества. Сам дух природы, воплощенный в Орфее, Тантале или Финии, подвергался убийству, заключению или ослеплению за чересчур вольное, по мнению богов, распространение божественных таинств среди людей. Понятие Божественной ревности существует и до сих пор, принимая в различных обстоятельствах разнообразные формы. У Гесиода она предстает в низшей форме простой человеческой злобы. В случае с Богом Моисея это ревность и гнев как следствие протеста против Его власти и своего рода, иначе говоря, измены в ее политическом и законодательном толковании; и даже кары, которые Он сулит людям за почитание иных богов, часто кажутся вызванными скорее Его ревностью и ощущением унижения Собственной Божественности, нежели беспристрастностью и твердостью в осознании Своей высшей власти. У Геродота и других позднейших авторов это качество приобретает несколько более философский вид: теперь это стремление

Бога к сохранению всеобщего вселенского Равновесия в мироздании, которое подразумевает наказание гордыни, чрезмерных амбиций и заносчивости.

Бог промыслительно воздействует на Природу посредством всеобщих неизменных законов и постоянного образа действия; Он заботится о вещах материального мира, не нарушая их устройство, потому что воздействует на вещи, которые сотворил, исключительно исходя из их природы. Очевидным фактом является то, что в материальном и неодушевленном мире Он действует *в соответствии* с его материальностью и бездушностью, а не *вопреки* им, в то время как в одушевленном мире – *в соответствии* с его одушевленностью, а опять же не *вопреки* ей. Следовательно, промыслительно управляя миром, Он действует в соответствии с неизменными и точно сформулированными законами и постоянным образом действия, а посему Он заботится о людях, не нарушая и не меняя при этом их изначальное устройство, постоянно действуя сообразно человеческой природе, а не вопреки ей, воздействуя на весь живой мир через человеческие совесть и частичную свободу, но отнюдь не вопреки им.

Бог действует в соответствии со всеобщими законами во имя всеобщей цели. Безусловно, благом является сила планетарного притяжения, ибо за счет нее Вселенная является единым целым и не распадается на отдельные элементы; и когда наземь падает столп Силоамский, убивая восемьдесят жителей Иерусалима, это количество кажется нам неизмеримо малым, по сравнению с мириадами миллионов людей, которые живут и здравствуют, благодаря действию этого закона. Именно ради *них* нельзя было отменить этот закон и оставить столп стоять, ибо нельзя было сохранить столп, не отменяя действие закона.

Невозможно представить себе Совершенную *Волю,* не приписывая ей в определенной степени свойств *механизма,* ибо в человеческом языке просто не хватает средств для описания этого идеального сочетания нерушимых законов и высшей Нравственности, которое поэты древности разделяли на образы Ананке, или Эймармене, и Зевса. Так как же человеческому сознанию совместить понятие Совершенной Свободы Верховной и Всемогущей Воли Бога с нерушимым законом необходимости, который является неотъемлемой частью Его природы и просто необходим для того, чтобы Он Сам продолжал существовать в единстве всех Своих Божественных свойств, например справедливости и милости, и оставаться таким же, каким Он был и вечно

пребудет, поскольку Он не способен изменить Свою природу, чтобы стать несправедливым, немилостивым, жестоким, переменчивым, или же напротив – отменить великие нравственные законы природы, чтобы зло в миг единый стало добром, а добродетель – пороком?

Ибо все, что нам известно о свободе воли, – это опыт своевольного пользования ею, наш собственный и окружающих нас людей; а посему понятие Верховной Воли, управляемой, тем не менее, Нерушимым Законом, даже при условии, что Закон этот не навязан сверху, а принят добровольно, всегда уязвимо для неверных толкований, в том ли смысле, что его лишают в принципе неотделимого от него свойства Свободы, в том ли смысле, что его под названием «Необходимости» низводят до гораздо более низменного нравственного и интеллектуального состояния, чем состояние неизменно изменчивых деяний человеческих.

Только когда мы окажемся в состоянии возвысить в собственном разуме понятие Закона над понятиями тирании и пристрастности, сумеем мы осознать, что ограничения, самостоятельно наложенные на Себя самое Верховной Первопричиной, представляют собой набор определенных альтернатив, управляющих нравственным выбором и являющихся истоками и хранителями человеческой свободы; но тогда перед нами снова возникает противоречие, состоящее в невозможности представить себе некий закон, который был бы превыше Самого Бога, закон, который был некогда принят Богом для Себя Самого, но не может таким же простым Его волеизъявлением быть отменен; нам непонятна в таком случае сила, коией он действует.

Зевс предстает у Гомера и Гесиода клубком противоречий, объединяя в себе силу и слабость, мудрость и безумие, статус вселенского Отца и узкую семейственность, всеобщий контроль за происходящим в мире и подчинение высшей необходимости, – то есть *Судьбе*, присвоением какового имени древнейшая проблема снова была отброшена назад, в состояние полной неясности и неразрешенности, непостижимости средствами человеческого разума; так биение мухи в сети паука не только не способствует ее освобождению, но напротив, лишь еще плотнее запутывает ее там.

Древнейшие представления людей о Боге были скорее неопределенными, чем негативными. Постепенное снижение Его образа произошло значительно позднее. Бог природы воплотил в себе смену времен года, равно как и смену дня и ночи. Он был переменчив: то злобен, то добр. Природа кажется нам капризной в силу того, что она

то наделяет нас всеми плодами своими, то снова бессердечно забирает их у нас; и поскольку она видится нам склонной к самоуправству и поверхностности, несмотря на то что все же отвечает высшим требованиям нравственного чувства, способного постигнуть сокрытые истины ее таинств, – для человека становится возможным низвести ее образ до образа Шивы, Сатурна, или Мекситли, покровителя жестоких оргий на залитых кровью алтарях. Все древние воплощения Божественной силы несут в себе следы этого противоречия. Они никогда не бывают совершенно порочны или совершенно благи.

Никогда и никакой народ не делал своих богов абсолютно злыми и порочными. Простая и искренняя набожность заставляла людей во все времена воспринимать Бога как праотца всех вещей этого мира, верить в Него и надеяться на Него. Изначально на Верховного Правителя мира взирали с высшим, безраздельным благоговением. Пока еще в сознании людей не возникало противоречий, сомнений в Его милосердии, несогласия с Его способами управления миром. Страх мог вызвать тревогу, но не мог отбить надежду, а тем более – вызвать неприязнь. Только гораздо позже, когда абстрактные понятия в сознании людей стали приобретать черты реалий, когда новые понятия или уточнение и разделение на составные части старых понятий породили новые слова человеческого языка, для того чтобы обрести выражение, возникла необходимость установить четкий барьер между Добром и Злом.

Для того чтобы как-то оправдать существование в мире зла, потребовалось изобрести какой-то новый логический прием, который не нарушал бы изначальную набожность и одновременно с этим способствовал самоуспокоению изобретателя, и такими уловками стали утверждения об изначальной порочности женщины или о существовании некоего стороннего объекта, отдельного от Первопринципа Добра, – Тифона, Аримана, полученного либо путем разделения изначального Бога на две части, либо путем снижения образа Древнего Бога до простого дэва, или демона, равного в правах со всеми себе подобными. В силу той же необходимости мудрецы древнего Востока разработали теорию изначальной порочности плоти и вообще всякой материи; иудеи передали во владение Сатане все незаконное и безнравственное; древнегреческая мысль, часто приобретавшая вид более древних, а посему более мудрых, заключений, возложила на самого человека ответственность за всех ужасных существ, созданных его воображением, доказывая, что ему стоит благодарить

только самого себя за все неприятности, которые они ему приносят, в то время как все благо приносят ему Небеса, и это их *добровольный дар* ему. Гомер даже заставляет Зевса воскликнуть на олимпийском собрании богов: «*Странно, как люди охотно во всем обвиняют бессмертных! Зло происходит от нас, утверждают они, но не сами ль гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?*»[13]. «*Человек виноват, а не боги, в том,* – пишет Солон, рассуждая о пороках современного ему общества, – *что наступает разрушение*». А Еврипид в конце продолжительной схоластической дискуссии о природе зла приходит к заключению, что люди поступают неправильно не в силу природной нехватки здравых смысла и чувства, а в силу того, что даже зная, что есть благо, они по разнообразным причинам предпочитают отказываться от следования его путями.

И наконец, достигнув понимания высшей истины, Пиндар, Гесиод, Эсхил, Эзоп и Гораций утверждали: добродетель есть постоянная борьба; жизнь беспокойна – это арена непрерывных активных действий. «Страдание» – это лишь иное имя обучения или опыта, назначенных человеку самим Зевсом – дарителем всего и всяческого понимания, отцом наставления, первым учителем в Школе жизни. Да, он положил конец Золотому Веку; он наделил змей ядом, а волка – ненасытным хищничеством; он стряс весь мед с берегов рек и прекратил их истечение молоком и вином; он отнял у людей огонь и заставил их питаться скудными плодами земли, да и то в поте лица своего. Но во всем этом прослеживается его благая высшая цель: он стремился отнюдь не уничтожить жизнь на Земле, но усовершенствовать ее. Для человека все это было благословением, а не проклятием, особенно указание в поте лица своего добывать хлеб свой, ибо ничто достойное достижения не может быть достигнуто без применения определенных усилий; добродетели и благие дела, для свершения которых не требуется никаких усилий, не ценятся ни богами, ни людьми; и кажущаяся скаредность Природы в распределении ее даров оправдывается пробуждением в этой связи в человеке до того спавших многоплановых способностей и изобретением им многочисленных наук и искусств, а следовательно, развитием человеческой мысли и способности к наблюдению.

Древние реформаторы религиозной мысли полагали поклонение «идолам» корнем всех зол; и в мире во все времена не переводились иконоборцы. Эта максима до сих пор так и не опровергнута, поскольку поклонение «идолам», то есть ложным суевериям, пусть и не является

источником *всех* зол, тем не менее, является источником *многих* из них; однако в наше время оно распространено ничуть не менее, чем в древности. Люди испокон веков привержены поклонению красивым плодам своего собственного воображения.

Человеческая мудрость всегда ограниченна и неверна; и даже правильное мнение всегда является чем-то промежуточным между совершенным невежеством и знанием. Прогресс – естественное состояние человека. Философия есть род путешествия, вечного учения, которое, однако, не приводит к овладению идеальными совершенством и истиной. Масон обязан, подобно мудрому Сократу, принять скромный титул «возлюбившего мудрость»; ибо он вечно обязан вожделеть и стремиться к чему-то более совершенному, нежели то, что ему доступно и чем он владеет, чему-то пока недоступному для него, но что он стремится сделать безраздельно своим.

Таким образом, философская мысль стала совершенно отождествляться с мыслью поэтической и религиозной, приняв общепонятное имя Любви. До зарождения Философии Любовь пользовалась у людей недостаточным, не соответствующим ее величию уважением. Присутствие этой могущественнейшей и древнейшей из всех богинь, появившейся в мире одновременно с религиозными воззрениями вообще, подсознательно ощущалось людьми всегда, но все равно никогда не воспевалось и не почиталось ни в гимнах, ни в пэанах. В древности, в дни невежества, с ней вообще не принято было считаться. Дабы она оказала должное влияние на развитие религии и философии, Бог Природы должен был перестать быть богом Ужаса, воплощением грубой Силы и вседовлеющей субъективной Воли, чистым и суровым Разумом, карающей рукой непреклонного Суда. Философия Платона, в которой впервые утвердилась эта концепция, была философией размышлений о Любви. С ее помощью вдохновение Любви впервые затеплилось огнем наук и искусств и поделилось ими с человечеством; и это были не просто науки и искусства земного бытия, а наука высшей Мудрости, на которой покоится и которой управляется Вселенная. Любовь вдохновляет все высокие и великодушные деяния и жертвенные порывы. Без нее ни государство, ни каждый отдельно взятый человек не способны ни на что высокое и достойное. Любовь – наша лучшая проводница, помощница, спутница и спасительница, украшение и управительница всех вещей и явлений в этом мире, людском и божественном; Божественной Гармонией она всегда смиряет умы людей и богов.

Человек способен и на более возвышенную Любовь, сочетающую священным браком разум с разумом и разум со Вселенной, тем самым порождая все самое высокое и достойное в разуме, выводя его за пределы земного мироощущения. Эта возвышенная Любовь не смертна и не бессмертна; это промежуточное звено между человеческим и Божественным, она заполняет разделяющую их огромную пропасть, таким образом, поддерживая единство Вселенной. Она возглавляет могущественных посланцев Небес, доносящих до богов людские молитвы и передающих людям взамен божественные дары. *«Она вечно нища и далеко не так прекрасна, как привыкло думать человечество, ибо жалка и изнурена; она не может встать с земли, на которой лежит, бездомная и разутая; она не имеет крыши над головой, и спит на улице, и настолько сходна по своей природе с Матерью своей, что предстает вечной спутницей нужды. Однако, разделяя также и черты природы своего Отца, она вечно стремится к обретению добра и красоты; она бесстрашна, неутомима и сильна; она всегда строит все новые и новые планы; она всегда осторожна и изобретательна; она – философ на протяжении всей жизни своей, могущественный волхв, тонкий софист».*

Идеальным венцом философии Платона является наблюдение за тем, для чего вся земная природа не создала зримого образа и соответствующего выражения, то есть за Верховным Прототипом всей и всяческой красоты, чистой и лишенной всех людских примесей, вроде плоти и цвета, за самим Божественным Оригиналом. Наделенный даром такого наблюдения обретает привилегию творить не просто обычные тени и отблески истинной добродетели, а саму добродетель, ибо он заключает завет не с тенями, но с Истиной; и, сотворив и отпустив в мир истинную добродетель, он становится другом Бога, то есть, насколько это свойство вообще может быть присуще человеку, бессмертным.

Сократ, как и Гераклит, верил во Вселенский Разум, проникающий повсеместно, во все вещи, в каждый разум, и постоянно воплощающийся в идеях. Поэтому он искал истину в мнениях людей и видел в общении разума с разумом одно из величайших свойств Мудрости и одно из могущественнейших средств человеческого прогресса. Он верил, что истинная мудрость есть достижимая идея и что нравственные устремления разума, извечные инстинкты умеренности, усердия и справедливости, изначально внушенные человеку богами, не могут обмануть его, если будут верно истолкованы.

Это метафизическое направление в философии постепенно привело к развитию визионерского суеверия. Приняв за истину раскрытие Истины в мыслях, философы этого направления пришли в конечном итоге к утверждению, что мысли человека суть Истина сами по себе. Таким образом, они породили совершенно языческое поклонение понятиям, которые именовали или фантомами, порождаемыми вещами, или частицами Божественной изначальной Мысли; они создали свою собственную мифологию; они бежали из тенет мифологии прошлого для того лишь, чтобы запутаться в сотканной ими самими новой сети. Теории и понятия, сотворенные и постоянно оберегаемые только самой теоретической философией, суть ее «идолы». Ведь слово ειδολον означает «образ», а ложный *мысленный* образ Бога ничем не лучше и не хуже, чем Его ложный *деревянный* образ. Это точно такой же идол. Бесстрашно бросаясь в пучину рассуждений о природе Вселенского Бытия, первая философия поставила себе задачу предложить решение или хотя бы какое-то толкование всех могущих возникнуть у человека сомнений. И чтобы достигнуть этой цели, она просто оказалась не в состоянии не создавать мало походящих на истину теоретических построений; и как древняя поэзия еще много веков назад пыталась заполнить духовную пропасть между человеком и Богом, придавая Богу вид человека, так и философия склонила голову пред сотворенным ею же Божественным умозрительным образом, в действительности призывая поклоняться своим собственным понятиям и, таким образом, компрометируя сама себя. Природа попала в плен общеупотребительных понятий, а понятия – и очень скоро – в плен слов.

Сталкивая несовместимые между собой, противоречащие одно другому мнения, первая философия постепенно пала до бессознательного признания собственной немощи и нашла свое последнее и самое неразумное выражение в скептицизме. Ксенофан и Гераклит сетовали на то, что вся умственная борьба философии привела к неутешительному итогу – признанию сомнения основой вселенского устройства; и памятные усилия Сократа, направленные на то, чтобы вселить некую уверенность в сердца ищущих Истину, в конечном итоге привели к тому же результату.

Религиозное поклонение абстракциям явилось продолжением того же заблуждения, которое заставляло людей персонифицировать Зло или обожествлять Удачу; и когда мистическая философия уступила место мистической религии, она, в сущности, сменила не содержание,

а лишь название. Великая задача осталась невыполненной, и огромный окружающий мир так и остался чересчур огромным для того, чтобы быть постигнутым средствами человеческого разума, а концепция верховной неизменной и разумной власти – непримиренной с велениями человеческих страстей.

Общая идея существования в природе регулярности и цели была внушена первым мыслителям самыми обыденными явлениями. Древние своим разумом воспринимали естественный порядок в природе, Божественный Закон, от которого считали, по идее, происходящими людские институты, Закон, записанный огненными буквами на Небесах и уже оттуда сообщенный Земле. Однако Божественный Закон был для них все равно лишь подобием законов, порожденным человеческим разумом, то есть воспринимался он в вульгарном смысле этого слова, как субъективная воля или обусловленный договор. Он скорее неверно истолковывался, чем осознавался, он оставался для людей аморальным, потому что не был понят ими. В силу этих обстоятельств, людям, в принципе, было все равно, управляется мир случайностью или чьим-то разумом, поскольку второе, если достаточно пространно и неверно истолковать его, – все равно что первое. «*Лучше,* – писал Эпикур, – *молча успокоиться, внимая древним сказкам, чем признавать верной их противоположность, то есть отвратительную Необходимость физиков*». Менандр же вообще не разделяет понятия «Бог», «Случайность», или «Удача», и «Разум». Непризнанный закон именуется *Случайностью;* признанный, но непонятый – *Необходимостью*. Мудрость стоиков состояла в повиновении, вопреки собственной воле, довлеющей власти первой; мудрость эпикурейцев – в вырывании, путем более или менее изобретательных уловок, преимуществ у столь же жестокой и тиранствующей второй.

Невежество не видит необходимости ни в чем, но, тем не менее, само оказывается под гнетом некоей власти, тиранической в силу неограниченности никакими правилами и парадоксальной в силу дозволенности Зла, хотя изначально она определяется как всеохватывающая и совершенно благая. Малое знание, предполагающее некое определение Верховной Первопричины, данное посредством неизменно самоуверенного разума, привыкшего анализировать, но не толковать результаты анализа, оставляет сознание в тенетах аскетического фатализма стоиков. Свободная воля в ее священном союзе со вселенским законом Случайности, или фатализм и

Необходимость в сочетании со всеведением и раз и навсегда определенным и неизменным Законом, – вот две противоположности, между которыми вечно блуждает разум человеческий. Сторонники теории Сверхъестественного рассуждали о некоем Существе, действующем в силу побудительного импульса и со сверхчеловеческой мудростью, считающем своим любимцем лучшего из льстецов; тем самым они объединяли две схоластические уловки: смешивали утверждение о свободе действий с, на первый взгляд, противоречащим ему мнением о реальной помощи молитвы, одновременно с этим признавая, говоря устами одного ученого архиепископа, что *«если появление вещей, о которых мы просим, находится в зависимости от предшествующих естественных и необходимых причин, то наши пожелания будут удовлетворяться в не меньшей степени в силу упущений, чем в силу наших молитв, которые посему пусты и бессмысленны»*.

Последней стадией развития мысли в этом направлении является та, в которой религия действия приобретает силу закона через осмысление ее истинных целей и условий. Человек обретает нравственную свободу, только когда оба понятия – Случайности и непостижимой Необходимости – заменяются понятием Закона. Закон в применении ко всей Вселенной приобретает вид вселенского промыслительного предназначения, условия которого могут быть различимы человеческим разумом и разумно претворены в жизнь. Чувство свободы приходит, когда независимость индивидуума самостоятельно развивается в соответствии со своими собственными законами, без всяких внешних воздействий или препятствий, когда ей ничто не угрожает и ничто ее не ограничивает, даже иные природы, даже совокупное воздействие внешних сил, которое, в противном случае, могло бы кардинально изменить направление ее развития. Нравственный выбор не мог бы спокойно, или вообще хотя бы как-то, существовать, если бы не существовало ограничивающих его условий, определяющих приоритеты его развития. Долг предполагает существование правила, разумного и определенного, ибо неопределенное правило было бы неразумно, а если оно неразумно, не может быть и речи о какой-либо ответственности. Никакой закон не может быть обязательным для исполнения, если он не известен; таким образом, совершенно справедливо предан проклятию известный римский император, вывесивший свои законы о преступлениях, каравшихся смертной казнью, на такой высоте, чтобы никто из собравшихся на площади не мог прочесть их.

Человек способен управлять результатами своих предприятий, лишь выбирая из предлагаемых ему вариантов заранее предначертанные результаты, наиболее полно отвечающие его целям. Рассуждая об абсолютной, или Божественной, нравственности, то есть конечной цели осмысления этих законов, которые зачастую кажутся отдельно взятой личности излишне суровыми, ибо они нерушимы в своей справедливости и беспристрастны во вселенском масштабе, – мысль ищет спасения в вере; и непосредственная, явная цель зачастую настолько незначительна по сравнению с более общей и неизвестной целью, что может просто раствориться в ней и исчезнуть. Дождь, льющий как из ведра в неурочное время и, по моему личному мнению, лишающий меня надежды на обильный урожай, льет потому, что своими водами благословляет плоды другого пахаря, на другой стороне земного шара или просто в соседней стране, в соседней области. Непосредственная причина внезапно налетевших шторма на море или снежной бури на суше, внезапной перемены ветра, простудившись на котором, я, например, умираю, принимает во внимание не меня, а те благословенные результаты воздействия этой перемены ветра для природы всего континента. Так всегда из добра и зла, которые изначально были перемешаны между собой и распределялись в мире неразумно и спорадически, одно упрочивает свое положение в той или иной области, а другое снижает интенсивность своего воздействия за счет его истолкования и разъяснения причин его существования. В мире, населенном мириадами индивидуумов, в мире действий и усилий, в мире, допускающем – путем противопоставления одних интересов другим и столкновения различных страстей между собой – любые масштабы практического применения возвышенных и великодушных добродетелей, даже Всемогущий не способен сделать так, чтобы во всяком случае принималось во внимание удобство и благополучие одного лишь человеческого рода.

Посему образованный человек со временем начинает по достоинству оценивать нравственную высоту системы законоуложений, доминирующей над законами Случайности; и по мере того, как в сознании человека начинает выстраиваться более или менее понятная череда причин и следствий, он с радостью отвергает кажущееся, субъективное личное благо во имя обретения вселенского, всеобщего, всемирного блага. Самоограничение совсем не обязательно подразумевает самопожертвование. Истинное значение того, что

обычно называют Необходимостью, состоит не в том, что это некая внешняя субъективно действующая Сила и Власть, но Сила и Мощь на службе у Разума. Бог, сотворив нас, людей, поместив нас на жительство в этом мире вечных перемен и вечного обновления, наделил нас достаточной способностью и изобильными средствами для разумных развлечений, а посему нечего нам роптать на то, что мы не ангелы, обитающие в мире, где неведомы перемены и столкновения интересов и страстей.

Тайна этого мира остается тайной, однако она раскрывается нам в степени, достаточной для того, чтобы испытывать уверенность. Мы вынуждены признать, что, если каждый человек будет делать все то, что в его власти сделать, что, как он знает, он должен сделать, лучшего мира нам будет и не нужно. Человек, со всех сторон окруженный Необходимостью, свободен, но не в смысле непреклонной и неразумной, изолированной своей воли, ибо, неизбежно подчиняясь законам природы, он способен, тем не менее, соответственно своим знаниям, изменять, в том, что касается его самого, условия их действия, сохраняя тем самым среднее равновесие между их силой и своей.

Таковы некоторые противоположные мнения древних мудрецов; так мы представили твоему взору всю Древнюю Мысль в сжатом виде. С той или иной степенью достоверности нарисованная нами картина явно указывает на то, что человеческий Разум извечно стремится преодолеть узкие границы, в которые заключают его ограниченные силы и недальновидность; испокон века мы странствуем вдоль границ этого замкнутого круга, плутая в трех соснах и постоянно встречаясь с одними и теми же неизбежными и непреодолимыми сложностями. Наука со всеми своими приборами, особенно астрономия со своим телескопом, физика – со своим микроскопом, и химия со своими анализами и смесями, значительно расширили сферу наших представлений о Боге, обозначив безбрежный океан Вселенной, распространяющейся от нас во все стороны, ее звездные системы и не видимые глазу мириады микроскопических живых существ на суше и в воде; они познакомили нас с новой величественной и могущественной сущностью под названием «электричество», определенно являющейся промежуточным звеном между материей и духом; но, тем не менее, Бог становится для нас лишь менее и менее постижимым, и мы понимаем, что в своих умозаключениях лишь снова и снова повторяем мысли древних мудрецов.

Где же тогда среди всех этих противоречивых мнений находится Истинное Слово Масона?

Брат мой, на большинство вопросов, так мучивших человеческий разум во все времена, мы с нашим человеческим интеллектом не способны дать ответы, однако, даже не понимая, мы, как я уже говорил, все равно способны *верить*.

Истинное Слово Масона можно обнаружить в сокрытых и глубинных значениях Неизрекаемого Имени Господня, сообщенного Самим Господом Моисею, которое впоследствии было утрачено в силу чрезмерных предосторожностей, предпринятых для сохранения его в тайне. Истинное произношение этого Имени действительно хранилось в глубочайшей тайне, а как бы «внутри» этой тайны хранилась другая, еще более таинственная тайна его истинного смысла. В этот смысл входит вся и всяческая Истина относительно природы Бога, которая только может быть доступна нашему пониманию.

В течение неизмеримо долгого времени Он был известен под именами *Эл, Эль Шаддай, Элохаим, Адонай,* как Предводитель, или Вождь, Небесных Воинств, как совокупность природных сил (*Элохим*), как Могучий Победитель, враг Быка и Осириса, Душа Природы, или сама Природа; этот Бог был своего рода воплощением человека, он обладал человеческими страстями; это был бог неба, просто слегка изменивший имя, которое он сообщил Моисею как יהוה (йхвх), говоря ему: אהיה אשר אהיה (эхье ашер эхье) – «Я Есмь Сущий». Давайте рассмотрим некоторые эзотерические, то есть сокрытые, смыслы Неизрекаемого Имени.

Слово היה (хайя) является несовершенным видом глагола «быть», настоящее время которого формируется как יהיה (йихье); אהיה (эхье) – это личное местоимение первого лица «я», присоединенное к настоящему времени глагола и апокопно сократившееся; а יהי (йехи) – это то же настоящее время глагола, но с присоединенным местоимением третьего лица. Этот глагол имеет следующие формы: היה (хайя) – прошедшее время, мужской род, единственное число, третье лицо: «он был»; היו (хайю) – третье лицо множественного числа: «они были»; יהיה (йихье) – настоящее время, третье лицо, мужской род, единственное число (бывает и יהוא (йехуа)); по апокопе – אהי (эхи) и יהי (йехи); инфинитив: היה (хайя) и היו (хайю); повелительное наклонение, второе лицо, единственное число, мужской род – היה (хайя), женский род – הוי (хуй); причастие, мужской род, единственное число – הוה (хух); общее значение корня: «*ens*, сущность, бытие».

Этот глагол практически никогда не используется сам по себе, в качестве смыслового глагола-связки между словами в предложении, подобно смысловым глаголам в греческом, латинском и нашем, английском (*am, is, are, was*) языках. Он всегда обозначает *существование, бытие, реальность*. В английском языке его настоящее время также подразумевает действие или состояние в будущем, особенно при использовании модальных глаголов долженствования и объективной возможности *shall* и *may*. Слова הוה (ху) и הוא (хуа) являются халдейскими формами прошедшего времени этого глагола, полностью соответствуя древнееврейским הוה (ху) и היה (хи) и означают «был, стал, существовал».

הוה (ху) и היא (хи) – это личные местоимения, соответственно, мужского и женского рода, то есть «он» и «она». В Книге Бытия (4:20) мы встречаем фразу: הוא היה (ху хайя) – «Он был», а в Левите (21:9): את אביה היא (эт абия хи) – «ее отца». Однако это местоимение женского рода часто записывается в форме הוא (хуа), в то время как форма היא (хи) встречается во всем Пятикнижии всего одиннадцать раз. Иногда формой женского рода передается также местоимение «оно», хотя в большинстве случаев это местоимение заменяется формой мужского рода.

Когда слово оканчивается буквами י (йод), ו (вав), ה (хей) или א (алеф), которым не предшествует и за которыми непосредственно не следует никакая гласная, эти буквы обычно просто отбрасываются, например в слове גי (гай) – «долина», которое изначально писалось как גיא (гайя).

Таким образом, оппозиция הוא היא (хуа-хиа) – «он-она» – может обозначаться также и как הו הי (ху-хи), или, путем перестановки букв, широко распространенной среди талмудистов, как יה וה (йихух), то есть, в конечном счете, мы получаем Тетраграмматон – Неизрекаемое Имя.

В Книге Бытия (1:27) сказано: «И сотворил Бог [*Элохим*] человека по образу Своему, по образу Божию [*Элохим*] сотворил его; *мужчину и женщину* сотворил их».

Иногда Священное Слово записывается графически, в форме треугольника:

Нам известно, что древнееврейские мудрецы полагали такое изображение Имени Господня символом Творения. Таинственный союз Господа с Его творением воплощен в литере «хей» (ה), которую они считали агенсом Божественной Силы, почему и полагали, что владеющий истинным произношением Божественного Имени способен творить чудеса.

Личное местоимение הוא (ху) – «он» – часто используется само по себе для обозначения понятия «Бог». Ли, например, пишет, что во многих случаях под ним следует *понимать* слова «Иегова», «Элохим», «Ях» или другие Божественные Имена, однако в этом даже нет необходимости. Чаще всего оно обозначает мужчину, мужской первопринцип, плодородный и творческий первопринцип Силы.

Талмудисты обычно скрывали тайные значения и истинное произношение священных слов путем перестановки букв.

Практически повсеместно в древнем мире встречается практика обратного написания тех или иных слов. Так, слово *Нейта*, имя древнеегипетской богини, греки переписали наоборот, получив имя *Атена* (*Афина*), у римлян превратившееся в имя *Минерва*. По-арабски планета Венера называется *Нагид*, а по-гречески, получается *Диган*, или *Диан*(*а*); на фарси – *Нигад* («природа») – а сэр Уильям Джонс пишет, что это слово встречалось также в форме «*Нагид*». А ведь нам известно, по свидетельству Страбона, что армяне называли Венеру *Анаис*, или *Анаита*.

Небу, по-китайски *Тянь*, поклонялись в египетском Саисе под именем *Нейт*. Перепишите это слово наоборот, с соответствующими изменениями, и у вас получится, как мы уже говорили, имя *Афины*. Древние персы именовали Венеру *Митрой*. Геродот, который пишет об этом, добавляет, что среди скифов ее имя было *Артимпаса*, а «*артим*» – это *Митра* наоборот. Таким образом получилось и греческое имя *Артемиды*, то есть Дианы.

Одно из значений имени *Рама* на санскрите – это *Кама*, бог Любви. Перепишите первое имя наоборот – и получите «амар», а потом измените букву «а» на «о», – и получите «амор» (*amor*), то есть «любовь» по-латыни. Поскольку латинский глагол выглядит как «*amare*», наверное, изначально существительное выглядело все-таки как «*amar*», а не как «*amor*». Точно так же санскритское слово *Дипака* среди своих значений имеет «любовь», и часто его пишут как *Дипук*. Перепишите это слово наоборот – и получите «купид», то есть, с добавлением греческого окончания – «купидон».

Древнеарабский консонантный суффикс «р-х-м» произносился как «раам» и означал «милость, сочувствие, ствол». Стоит переписать его наоборот – и мы получим «м-х-р», что на фарси означает «любовь» или «Солнце». По-древнееврейски «сердце» – это «лэв», а по-халдейски – «бэл», то есть консонантный суффикс состоит из одних и тех же согласных – «б (в)» и «л».

«Голова» на фарси – это «сар». Перепишите это слово наоборот – и получите арабское «рас», то есть древнееврейское «рош», халдейское «реш», самаритянское «раш» и эфиопское «рьяс», – и все эти слова также означают «голова, глава». По-арабски «кид» – это «правило, уложение, закон, обязательство, пункт соглашения»; если переписать это слово наоборот и прибавить в конце букву «е» – получим греческое слово «дике» со значением «справедливость». «Венец» по-коптски, – это «хлом». Перепишем это слово наоборот и получим древнееврейское *Молох,* или *Малх,* то есть «царь, венценосец».

В кунном чтении древнейших китайских иероглифов значок звука «хе» (или «ке») – это иероглиф «Солнце» (☉), на фарси это «гау», а по-турецки – «гью»; «Луна» на санскрите – это «уг», а по-турецки – «ай». Необходимо помнить, что в древнем Египте и вообще практически повсеместно в мире Солнце изначально было женского рода, а Луна – мужского. Древнеегипетское имя *Ио* было именем Луны, а между тем во время вакхических Мистерий посвященные постоянно распевали: «Ευοε Σαυοε! Ιο Βακχε!» (*Эвоэ савоэ! Ио Бакхе!*).

Бунзен приводит следующую таблицу форм местоимений «он» и «она» в разных языках:

Язык	Он	Она
Христианско-арамейский	Ху	Хи
Иудейско-арамейский	Ху	Хи
Древнееврейский	Ху	Хи
Арабский	Хува	Хийа

Таким образом, становится очевидным, что Неизрекаемое Имя Господне не только содержит в себе величайшую философскую идею, что Бог есть *Ens,* Το Ον, Абсолютное Бытие, сущность Которого состоит в том, чтобы Быть, но и подразумевает, что это «Единственная Сущность» Спинозы, *Бытие,* Которое никогда не могло *не существовать,* в противовес всему остальному, которое не *есть,* но *бывает* или *становится;* это не Природа и не Душа Природы, но Творец Природы;

также это идея Мужского и Женского Первопринципов в высшем и глубочайшем смысле. Необходимо осознавать, что Бог изначально вмещал в Себя все, что должно быть сотворено; что материя не *сосуществовала* с Ним и никогда не была независима от Него; что Он не просто сформировал и составил в должном порядке уже существовавший к тому времени Хаос, чтобы создать Вселенную, но вместо этого Его Мысль проявилась вовне в этой Вселенной, которая сим и была *сотворена,* а до того ее просто *не было* нигде, кроме Его Мысли, где она *уже была;* что Творческая Сила, или Дух, и плодородная Материя, практически всеми народами древности считавшаяся женской сущностью, изначально содержались в Господе; что Он Был и Есть Всё, что только есть и будет, и Всё, что только может быть, что именно в Нём всё существует, движется и имеет свое бытие.

Такова величайшая тайна Неизрекаемого Имени; однако истинное расположение его букв, и, конечно, его истинное произношение и истинный смысл со временем были совершенно утрачены практически всеми, кроме тех немногих избранных, которым было доверено сохранение этих тайн; эти тайны скрывали от основной массы народа, ибо Господь, Которого именовали тайным метафизическим Именем, не был тем персонализированным капризным божеством, тем зримым и осязаемым богом, в которого верила основная масса народа, ибо только такой образ Бога был доступен грубому и недалекому народу.

Диодор пишет, что Имя, которое даровал Господь Моисею, было IAΩ. Феодор полагает, что самаритяне называли Бога *IABE,* а иудеи – IAΩ. Филон Библский указывает форму IEYΩ, а Клемент Александрийский – IAOY. Макробий пишет, что для всех язычников общепризнанной аксиомой было именование Верховного Бога трехбуквенным именем IAΩ. И Кларийский Оракул вещал: «*Узнай же, что* IAΩ *есть Бог Великий и Верховный, правящий всем и надо всем*». Литера I означает Единство, а литеры A и Ω – это, соответственно, первая и последняя буквы греческого алфавита.

Отсюда и часто цитируемое выражение: «*Я Есмь Первый и Последний, и нет другого бога рядом со Мной; Я Есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; Я Есмь Альфа и Омега, Начало и Конец; Я Был, Есмь и Пребуду, Всемогущий*»[14]. Здесь мы снова видим отблеск той же великой Истины, что Бог есть *Всё,* Причина и Следствие, начало – то есть Творческий Импульс, или Творческая Сила, – и конец, то есть Результат воздействия этой силы; что в действительности Он есть все, что

только вообще есть в этом мире, что было и чему еще только суждено появиться. В этом смысле законным является также и утверждение, что вне Него ничего никогда не было и не могло быть, ничто не могло *сосуществовать* с Ним, или существовать независимо от Него, или существовать само по себе, или само по себе появиться.

Отсюда происходит и значение слова «Элохим»: это существительное во множественном числе, использующееся в описании акта Творения мира в Книге Бытия с глаголами в единственном числе, а также являющееся составной частью имени *Иегова-Элохим,* впервые встречающегося в четвертом стихе второй главы этой книги, которое теперь становится для нас более ясным. *Элохим* – это совокупное единство проявленных Творческих Сил, или Властей, Бога, Его эманаций, а *Иегова-Элохим* – это Абсолютное Бытие, или Сущность всех этих Сил или Властей, действенными воплощениями, эманациями Которой они являются.

Такова глубочайшая истина, сокрытая в древней аллегории, двойной пеленой укрывающей ее от взоров основной народной массы. Таков эзотерический смысл Творения мира в индийской, халдейской и финикийской космогониях. Образы же активной и пассивной Сил, мужского и женского Первопринципов – оплодотворяющих Небес с их светилами и зачинающей жизнь Земли, – обычно скрывающие от основной массы народа, в силу неспособности большинства людей осознать его во всех полноте, учение о том, что материя не вечна, но что единый Бог есть изначальное и вечное Бытие, Абсолют, от Которого произошло все сущее и к Которому все возвращается в конце времен; что все и всяческие нравственные законы происходят не от взаимоотношений вещей и явлений материального мира, а от Его Мудрости и Высшей Справедливости как Всемогущего и Высшего Законодателя. И практически всеми и во все времена считалось, что Истинное Слово было *утрачено,* поскольку утрачен был его *смысл*, причем даже иудеями, хотя следы истинного Имени еще можно встретить (правда, вне истинного смысла) в боге *Ху* древних кельтских друидов и китайском имени Бога *Фо-Хи*.

Стремясь осознать Абсолютные Истину, Красоту или Благо, мы оказываемся не в состоянии приблизиться к абстрактному пониманию ни одного из этих понятий. Нам каждый раз приходится ссылаться на какие-то совершенно материальные объекты или явления, в которых они воплощаются и для которых являются первым и последним основополагающими принципами.

Нравственная Истина, как любая иная вселенская и необходимая истина, не может вечно оставаться чистой абстракцией. Абстракции – это не реальность. Нравственная Истина постигается нами только в нас самих. В силу закона необходимости, *где-то* обязательно должно находиться некое Существо, которое не только *постигает* ее, но и *образует*. Оно должно обладать следующим качеством: оно диктует нашему нравственному взору не только истину, которая нам видится вселенской и необходимой, но и истину, которая воздействует на нашу волю. Это *закон. Мы сами* этот закон не устанавливаем. Он налагается на нас *помимо нашей воли;* его источник, в силу необходимости, должен пребывать *вне нашей сферы.* А это утверждение подразумевает и наличие *Законодателя*. Он не может быть существом, подпадающим под действие этого закона, – но только обладающим в высшей степени всеми атрибутами нравственной Истины. Нравственный закон, вселенский и необходимый, в силу этой необходимости, должен иметь своего автора – необходимое *существо,* состоящее из справедливости и милосердия, каковыми оно обладает в наивысшей степени.

Поскольку все *красивые* и все *истинные* вещи стремятся: одни – к Единству, которое есть абсолютная Истина, а другие – к Единству, которое есть абсолютная Красота, – все *нравственные* принципы также стремятся к единому центральному принципу, который есть абсолютное Благо. Так мы приходим к осознанию понятия Блага-в-Себе, Абсолютного Блага, высшего по отношению ко всем и всяческим прочим долгам и обязанностям и определяющего их. Это Абсолютное Благо, в силу необходимости, является неотъемлемым свойством Абсолютного Существа. Абсолютных Существ не может быть *несколько;* не может быть так, чтобы Абсолютная Красота, Абсолютная Истина и Абсолютное Благо воплощались в разных существах. Абсолютная Необходимость подразумевает Абсолютное Единство. Истина, Красота и Благо суть не отдельные, независимые одна от другой, сущности, а одна и та же сущность, просто именуемая по-разному, потому что разные ее имена – это имена различных ее основополагающих свойств, различных стадий, которые проходит в своем развитии (и в нашем понимании) Абсолютное и Беспредельное Совершенство. Воплощенные в этом мире конечных и относительных понятий, эти три свойства разделяются между собой, и только так становятся постижимы для нашего ограниченного разума, познающего все только в разделении. Но в Существе,

от Которого они проистекли, они остаются едины, и это Существо, одновременно Единое и Триединое, объединяет, таким образом, в Себе совершенную Красоту, совершенную Истину и совершенное Благо. Это Существо – Бог.

Бог, в силу необходимости, является основой нравственной Истины и личной нравственности человека. Человек – это нравственная личность, то есть он наделен разумом и свободой. Он способен следовать путями добродетели, и добродетель претворяется в нем в две основные формы: уважение к другим людям и любовь к ним, то есть *справедливость* и *милосердие*.

Творение не может обладать какими-либо чертами и свойствами, которыми не обладает *творец*. *Следствие* может осуществиться и начать существовать только в силу некой *причины*. И *причина* обязательно содержит в себе все основные черты и свойства *следствия*. Следствие характеризуется несовершенством, ущербностью и бренностью. Зависимое и производное, оно несет в себе метки и условия зависимости; и его несовершенство подчеркивает совершенство причины, иначе пришлось бы признать, что в следствии содержатся элементы вечности в отсутствие всякой причины.

Бог – это существо не логическое, Природу которого можно было бы объяснить дедуктивным путем, при помощи алгебраических уравнений. Если, взяв за основу какое-либо одно Его основополагающее свойство, постепенно, одно за другим, дедуктивным путем вывести из первого остальные свойства, как это делают геометры и схоласты, у нас получатся одни лишь абстракции. Но нам необходимо преодолеть эту пустую диалектику, чтобы достигнуть понимания истинного Живого Бога. Первое, что мы способны понять о Боге, это то, что Он есть *Беспредельное Существо;* и это понимание приходит к нам не априорно, не отдельно от всего нашего прочего жизненного опыта. Именно самосознание, в первую очередь, осознание собственного бытия и его ограниченности, приводит нас к пониманию того факта, что существует и некое иное Существо, бытие Которого является основой нашего бытия, само по себе не являясь ничем ограниченным. Если бытие, которым мы наделены, заставляет нас неизменно возвращаться к нашему Истоку, обладающему тем же самым бытием, что и у нас, только в неизмеримо большей степени, также и все сущностные свойства нашего бытия должны обладать беспредельными первоисточниками. Посему Бог предстает теперь не Беспредельным, Абстрактным

и Неопределяемым Существом, не доступным для постижения разумом или сердцем, но реальным Существом, определяемым, подобно нам всем, нравственной личностью; и следовательно, изучение наших собственных душ неуклонно ведет, не давая нам уклоняться в сторону абстрактных гипотез, к постижению Бога, одновременно неизмеримо возвышенного и пребывающего в непосредственной связи с нами.

Если предположить, что человек свободен, то свободен и Бог. Странно было бы полагать, что в то время как творение обладает этой чудесной властью распоряжаться самим собой, выбирать и свободно изъявлять свою волю, Существо, сотворившее его, подвержено воздействию некоей необходимости, причина которой, пусть и содержится в Нем Самом, является какой-то отдельной механической или метафизической силой, низшей по отношению к личной, осознанной причине нашего бытия, которую мы отлично осознаем. Бог свободен, *потому что* свободны мы; но Он не свободен *так же*, как свободны мы. Он одновременно есть *всё*, что мы собой представляем, и *ничто* из того, что мы собой представляем. Он обладает всеми теми же свойствами, что и мы, только в беспредельно огромной степени. Таким образом, Он обладает беспредельной свободой и беспредельным разумом; и поскольку Его разум идеален и свободен от неопределенности и предубеждений, поскольку он способен мгновенно определять, что есть высшее Благо, беспредельная свобода Бога позволяет Ему немедленно по осознании это Благо творить, причем без каких бы то ни было усилий.

Поскольку мы приписываем Богу свободу, лежащую в основе нашего бытия, мы также наделяем Его присущими нам справедливостью и милосердием. Для человека это добродетели; для Бога же – неотъемлемые свойства. То, что для нас является усердным следованием долгу, налагаемому на нас нашей свободой, для Него – сама суть Его природы. Само понятие права и то уважение, которым право повсеместно пользуется, наглядно свидетельствуют о высоком предназначении нашего бытия. Поскольку уважение к праву лежит в основании правосудия, Совершенное Существо не может не признавать и не уважать прав даже самого низшего из Своих творений, ведь Оно Само наделило их этими правами. Бог есть высшая справедливость, раздающая каждому должное, причем не по обманчивому внешнему виду, а по самой сути вещей. И поскольку человек, в принципе, довольно ограниченное существо, способен выходить за

пределы своей личности, забывать о себе самом, например, когда он возлюбил ближнего своего, как самого себя, и полностью посвятил себя служению целям его чести, счастья и совершенства, следовательно, Совершенное Существо должно в неизмеримо высшей степени обладать этой беспристрастной милостью ко всем творениям Своим, милостью, которая в человеке почитается высшей добродетелью. Бог обладает беспредельной милостью по отношению ко всем творениям Своим, которая выражается, в первую очередь, в том, что Он даровал всем нам бытие, которое вполне мог нам и не даровать, и каждый день мы можем наблюдать неисчислимые знаки Его Провидения, постоянно являемые нам.

Платон отлично осознавал эту Божественную любовь и выразил ее в следующих великих строках: «*Давайте поговорим о причине, побудившей Великого Устроителя Вселенной сотворить эту Вселенную и управлять ею. Он был благ, а всякий, кто благ, не обладает свойством злой воли. Свободный от нее, Он пожелал, чтобы все сотворенное Им было, насколько возможно, подобно Ему*». Христианство добавило к этой формулировке следующее положение: «*Бог свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками*»[15].

Неверно было бы утверждать, как это часто делается, что христианству принадлежит честь *открытия* этого высокого чувства. Нет необходимости в унижении человеческой природы ради возвышения христианства. В древности милосердие было известно, неоднократно описано и часто практиковалось; его первое, столь трогательное и – слава Богу! – столь часто встречающееся проявление – это доброта, в то время как его высшее проявление – это героизм. Милосердие есть посвящение себя служению ближнему, и невыразимо глупо было бы думать, что в истории человечества был такой период, когда душа человеческая была совершенно лишена части своей внутренней сути, своего наследия, а именно способности к жертвенности. Но совершенно ясно, что именно христианство широко распространило и популяризировало эту добродетель, а также что до Христа никто не произносил: «*Сие есть заповедь Моя, да любите друг друга, как я возлюбил вас*»[16]. *Милосердие* неизменно предполагает *справедливость*. Тот, кто воистину любит ближнего своего, уважает и права ближнего своего; но еще больше любит ближнего своего тот, кто забывает о своих собственных правах. Эгоизм привык продавать и присваивать. Любовь же испытывает удовлетворение, отдавая

и делясь. У Бога любовь та же, что у нас, только в неизмеримо большей степени. Бог неисчерпаем в Своем милосердии точно так же, как неисчерпаем Он Сам по своей природе. Беспредельное Всемогущество и Беспредельное Милосердие, беспредельной Его доброй волей извлекаемые из Его Сущности для того, чтобы беспрестанно даровать всяческие блага миру и человечеству, учат нас тому, что, чем больше мы отдаем, тем богаче становимся.

Поскольку Бог беспредельно благ и справедлив, Он не может желать ничего, что было бы несправедливо или не благо. Будучи всемогущим, Он способен сделать, а следовательно, делает, всё, что пожелает. Мир – творение Божье, а посему он совершенен.

Однако в мире существует беспорядок, ставящий под сомнение справедливость и благо Самого Бога.

Принцип, неразрывно связанный с самой идеей Бога, гласит, что каждый нравственный агенс заслуживает вознаграждения, если действует во благо, и наказания – если действует во зло. Этот принцип – вселенский и необходимый. Он абсолютен. Если он не действует в этом мире, то, значит, он ложен, или мир неупорядочен.

Однако благие деяния не всегда увенчиваются счастьем, как и деяния злые – горем. Хотя зачастую этот факт скорее кажется, нежели является таковым; хотя добродетель, то есть извечная борьба со страстями, исполненная достоинства, но также исполненная и горя и боли, чаще всего ведет именно к ним, к горестям и боли, при условии, что грех ведет к ним же, но еще большим по масштабам; хотя мыслящая совесть, сопутствующая добродетели, порождает внутреннее счастье; хотя общественное мнение обычно справедливо судит о том или ином человеке и свойствах его характера, вознаграждая добродетель уважением и почтением и карая порок презрением и бесчестием; и наконец, хотя справедливость все же правит миром, а самым верным путем к счастью остается путь добродетели, – тем не менее, существуют и исключения из правила. Добродетель в этом мире не всегда вознаграждается, а порок не всегда карается.

В этой теореме нам дано следующее: (1) принцип награды и наказания: каждое благое деяние *должно* быть вознаграждено, а злое – наказано; (2) принцип вселенской справедливости и всемогущества Бога; (3) возможность существования в мире случаев, которые не подпадают под действие всеобщего вселенского закона награды и наказания. Как же нам ее доказывать?

Отвергнуть два принципа, гласящие, что Бог справедлив и всемогущ и что существует абсолютный закон воздаяния, – значит сровнять с землей все здание людской веры.

Принять их – значит принять как должное и то, что нынешняя жизнь может прекратиться здесь и продолжиться в каком-либо ином месте. Нравственная личность, действующая во благо или во зло и ожидающая, соответственно, вознаграждения или кары, неразрывно связана с телом, живет в нем, пользуется им, в некоторой степени зависит от него, но при этом не *есть* оно само. *Тело* состоит из частей и органов. Оно способно увеличиваться или уменьшаться в размерах, оно делимо практически до бесконечности. Но вот это *нечто*, которое обладает собственным сознанием, которое говорит «*я, меня, моё*», которое осознает свои свободу и ответственность, также осознавая, что не подвержено делению, что оно *едино и просто*, что это «*я*» невозможно разделить пополам, что можно вырезать у человека ребро и выбросить, но вместе с ним не будет выброшена никакая частица этого «*я*», – это *нечто* остается неизменным и верным себе во всем разнообразии явлений, в которых оно проявляется. Самосознание, неделимость и абсолютное единство личности определяют ее *духовность*, то есть являются неотъемлемыми составляющими личности. Не будет преувеличением повторить здесь старую как мир мысль, что душа человека совершенно отлична от его тела. Душой мы обычно называем *личность* человека, неотделимую от признанных ее основополагающих свойств, то есть *мысли* и *воли*. Существо, не обладающее самосознанием, – это абстракция, а не личность. Именно личность неделима, обладает самосознанием и является простейшей и единой сущностью. Ее свойства, развиваясь, не приводят ее к делению, то есть распаду. Она неделима и нерушима, а посему может быть бессмертна. В ее бессмертии нуждается Высшая Справедливость, а мы знаем, что она не требует ничего, что было бы невозможно. Духовность души есть условие и необходимое основание ее бессмертия; нагляднее всего это демонстрирует закон воздаяния. Первое доказательство здесь метафизическое, второе – нравственное. Добавьте сюда извечное стремление всех душевных сил к Бесконечности и принцип Первопричины, – и бессмертие души не нуждается более ни в каких доказательствах.

Посему Бог, в соответствии с масонской верой, есть *Беспредельная Истина, Беспредельная Красота* и *Беспредельное Благо*. Он есть Святая Святых, Творец Нравственного Закона как основания Свободы,

Справедливости и Милосердия, Определитель наград и наказаний. Такой Бог совершенно не является абстракцией: это свободная и разумная *личность*. Он сотворил нас по образу и подобию Своему; от Него мы получили закон, управляющий нашими судьбами; Его суда над собой мы ожидаем. Именно Его любовь вдохновляет нас на *наши* милосердные деяния; именно Его справедливость управляет *нашим* правосудием, правосудием нашего общества и справедливостью наших законов. Мы постоянно напоминаем сами себе, что Он бесконечен, иначе мы неизбежно со временем унизили бы Его; вообще, Его все равно что не существовало бы для нас, не создай Он Своего образа и подобия в нас самих, в виде наших души и разума.

Возлюбив Истину, справедливость и высокое достоинство души, мы должны осознавать, что этим мы возлюбили Бога в данных формах Его бытия и нам следует почитать их как искры единого огня священной веры. Мы должны понимать, что постоянно странствуем среди бесчисленных пересекающихся следствий воздействия сил Вселенской Природы, которые суть Силы Бога; что, в ходе своих исследований раскрывая истину, мы тем самым постигаем мысль Бога; когда мы постигаем, что есть благо, мы тем самым постигаем Волю Бога, предначертанную для всей Вселенной в качестве неизменного закона; когда мы испытываем жертвенную любовь, мы приобщаемся к чувству Беспредельного Бога. Следовательно, когда мы выражаем почтение к могущественной космической силе, это для нас не слепая Судьба и не атеистический или пантеистический «Мир», а Беспредельный Бог, Которого мы чувствуем и познаем, с Которым встречаемся лицом к лицу. Следовательно, нам нужно осознавать и разум Бога, и Его чувства, – и тогда наше собственное бытие будет бытием во бытии Божьем.

Мир – это также единое целое, обладающее гармонией, ибо Единый Господь мог сотворить только нечто гармоничное и совершенное. Гармония Вселенной соответствует единству Бога, равно как и неисчислимое количество физических миров соответствует бесконечности Бога. Сказать, что Вселенная – это Бог, значит признать только мир и, в сущности, отвергнуть Бога. Назовите такое представление как хотите – оно все равно останется атеизмом по сути. С другой стороны, если принять за данность, что Вселенная не содержит в себе Бога и что Он существует совершенно отдельно от нее, то мы неизменно придем к недоказуемой и практически невозможной умозрительной конструкции. Различать не значит разделять.

Я различаю себя со своими качествами и последствия своих действий, хотя и не отделяю их от себя. Так и Бог не есть Вселенная, хотя Он присутствует повсюду, в духе и истине.

Для нас, как и для Платона, Абсолютная Истина пребывает у Бога. Это Сам Бог, одна из его форм. В Боге пребывают все неизменные принципы реальности и познания. В Нем все вещи обретают бытие и разум. Именно приобщением к этому Разуму наш разум обретает некоторые свойства Абсолюта. Каждое разумное суждение содержит истину, а каждая истина подразумевает существование Абсолютного Бытия.

Таким образом, с любой точки зрения – метафизической, эстетической и, превыше всего, нравственной, – мы приходим к признанию единого Принципа, общего центра, первоосновы всякой истины, всякой красоты, всякого блага. Истина, красота и благо – это лишь разные откровения одного и того же Беспредельного Существа. Так мы приступаем к порогу религии и вступаем в духовное общение с носителями всех мировых философий, признававших существование Бога, а также всех религий на Земле, которые покоятся на верном основании изначальной естественной религии, той самой религии, которая открывает всем нам свет истинной Веры, не нуждаясь в посредничестве того или иного Откровения. Пока философия не развилась до единения с религией, она остается более приземленной, чем самое несовершенное и грубое религиозное поклонение, потому что любая религия исполняет важнейшую задачу: она наделяет человека Отцом, Свидетелем, Утешителем и Судьей. При помощи религии философия соединяется с человечеством, которое во всех уголках Земли стремится к Богу, верит в Бога, уповает на Бога. Философия изначально содержит в себе основы практически любой человеческой религии, она берет у них основополагающие принципы и возвращает их обогащенными Светом, возвышенными над неопределенностью, защищенными от всякого нападения.

В силу необходимости и Своей Природы, Бесконечное Существо должно творить и сохранять Конечное, передавая ему частицу Своей природы. Невозможно представить себе никакую бренную вещь, которая существовала бы вне Бога и без соответствующих оснований и причин, или Бога, Который бы существовал, не творя бренные вещи. Бог есть необходимая изначальная причина существования этого мира, неотъемлемое условие его существования, а мир, в свою очередь, – это неотъемлемое условие существования Бога, неизбежное

следствие Его существования. В силу Своего Бесконечного Совершенства Он вечно творит, сохраняет и благословляет все сотворенное Им. Таков венец современной метафизической науки, ее окончательный вывод. Река философии течет от Аристотеля до Гегеля, вынося на берега дельты именно этот вывод; но он снова ставит нас перед необходимостью разрешить древнейшее из противоречий. Если Его Природа состоит в том, чтобы творить, если нашему пониманию недоступно Его бытие *в одиночестве*, без сотворенных Им вещей, то, следовательно, все сотворенное Им *сосуществовало* с Ним вечно. Если же Он мог хотя бы в течение одного мига пребывать в одиночестве, не творя, то, следовательно, Он мог пребывать в бездействии и мириады вечностей. Так мы снова возвращаемся к учению о Боге как Душе Вселенной, сосуществующей с нею. Ибо все сотворенное Им имело *начало*, и сколь много времени ни прошло бы с этого начала, целая вечность протекла *до* него. Разница между наличием *какого-то* начала и *безначалием* огромна.

Но кое в чем мы все же можем быть уверены. Мы обладаем самосознанием; мы осознаем себя если не как сущности, то, по крайней мере, как способность существовать, действовать и испытывать на себе действие со стороны. Мы осознаем себя не как вещи самопорожденные или существующие исключительно сами по себе, но лишь как вещи зависимые, как в плане своего появления на свет, так и в плане поддержания своего существования.

Среди первых и основных идей самосознания, среди составляющих наши души атомов мы находим идею Бога. Если тщательно исследовать ее средствами нашего пытливого разума, выяснится, что это идея Бога как бесконечного, совершенного и всемогущего, совершенно мудрого, справедливого, любящего и святого Абсолютного Существа, не имеющего и не могущего иметь никаких пределов ни в чем. Это Существо сотворило нас, сотворило всё, поддерживает наше существование, поддерживает существование всего; Оно сотворило наше тело, но не единым актом творения, а серией действий, занявших много лет (ибо тело человека есть результат развития всех сотворенных вещей), сотворило наш дух, наш разум, совесть, наши страсти, душу, волю, для каждого из нас назначило определенный образ действий, каждому определило цель в жизни. Это самосознание ведет нас к осознанию Бога и наконец к осознанию бесконечности Бога. Это высшее свидетельство нашего собственного бытия, равно как и бытия Бога.

Если Бог существует, Он, в силу необходимости, всемогущ в пространстве Космоса. И за пределами галактик всех самых далеких от нас звезд Он такой же, как здесь. Не может быть ни единой пылинки, мелькающей в солнечном луче, ни малейшей живой клетки, открывающейся нашему взору только под микроскопом в капле морской воды или в частице мха, где не было бы Его.

Он также не может не быть вечен во времени. Не было такой секунды, еще задолго до того, как впервые загорелись звезды, когда бы Его не было. В самых отдаленных частях небесного свода, в районе пояса Ориона, среди невидимых для невооруженного глаза миллионов, населяющих квадратный дюйм известняка, Он был всегда, точно так же, как есть сейчас. Он в каждой мельчайшей, неразличимой и даже невообразимой доле секунды, равно как и во всем необъятном Времени, в вечности *до* и в вечности *после;* Его *Здесь* сорасположено со всем Пространством, и Его *Сейчас* современно всему *Времени*.

Во всем этом пространстве и во все это время Его бытие распространяется повсеместно, оно неделимо и воздействует на всё повсюду и одинаково; Бог беспределен, совершенен, всемогущ, мудр, справедлив, исполнен любви и свят. Его бытие есть непрестанная деятельность, творение, а посему – Его самоотдача этому миру. Бытие этого мира, в сущности, есть *становление,* состояние постоянного творения и поддержания жизни. Так сейчас, и так было неисчислимые и невообразимые миллионы миллиардов лет назад.

Все это философия, неизбежное стремление человеческого разума строить умозаключения. Это не столько *мнение* Кольриджа или Канта, сколько их *учение:* это не то, о чем они *догадывались,* но то, что они *знали*.

В силу того, что Бог пребывает вечно и повсеместно в этом мире, мы и говорим, что этот мир есть Откровение Бога, и его бытие есть отражение Бытия Божия. Бог воплощен для нас в трудах Своих. Многосторонние процессы, протекающие во Вселенной, суть различные образы Его действия, и все материальные вещи пребывают в нерушимой связи с Ним. Все растет, и движется, и существует в Нем, через Него, и только так. Стоит Ему покинуть пространство, занимаемое в материальном мире той или иной вещью – и она перестает существовать. Стоит Ему «забрать» какое-либо одно из Своих свойств из сферы той или иной материальной вещи – и она перестает существовать. В каждом живет Его частица. Он живет во всех и во всем, но Он превыше всех и всего.

Неспособность мифологической религии стать философией не препятствует слиянию философии с религией истинной. Философия, или, скорее, предмет ее исследования – Божественный порядок устройства Вселенной – это разумный указатель, в котором мысль нуждается на пути следования религиозному чувству; исследуя реальные взаимоотношения между вещами конечными, она вырабатывает постоянно совершенствующуюся и исправляемую меру совершенного закона – Евангелия Любви и Свободы, средства практической реализации религиозного духа Откровения. Она устанавливает закон, определяя его условия; она направляет дух на пути улучшения жизни и обретения счастья. Если религия неизменна, наука тоже никак не может продвигаться вперед в полном одиночестве; а если обе они постоянно прогрессируют, их интересы и цели неизменно более или менее совпадают. Аристотель первым показал, что религия может основываться на разуме, однако заложенный им фундамент был чересчур непрочным. Бэкон, даровав философии определенную цель и метод, одновременно заложил ее более прочный, саморасширяющийся фундамент. Мы принуждены смотреть на мир глазами материальных существ, возможности и способности которых ограниченны; и поскольку окружающие нас ограничения постоянны, мы имеем право придавать им практическую силу законов, в исследовании и применении которых, вероятно, и состоит явно бесконечный процесс интеллектуального и нравственного прогресса, вдохновленного и одухотворенного религиозным чувством. Часто святыми провозглашали тех, кто бравировал презрением к философии и философам, однако в тупик заходит любая вера и неправильное направление приобретает всякое чувство, если в их основе не лежит некое знание, по своим количеству и качеству способное очистить первую и придать благое направление второму.

Наука состоит из разумных выводов личного человеческого опыта ученых, подтвержденных опытом всех остальных людей. Это не раз и навсегда установленная система, не могущая быть пересмотренной и исправленной, но вечно развивающееся промежуточное звено между невежеством и мудростью; отчасти это понимал Платон, полагавший непосредственной целью философии обретение счастья, а ее побудительным мотивом – высший тип любви. Наука познавала и объединяла все истинно достойное в обеих старинных школах мыслителей: героической (то есть системе действий и усилий) и мистической (то есть теории духовного созерцания).

«Внимайте мне, – писал Гален, – *как гласу элевсинского Иерофанта, и верьте, что изучение природы есть Мистерия не менее великая, чем его Мистерии, и оно также способно раскрыть мудрость и силу Великого Творца. Их* [Мистерий] *уроки и представления были темны, а наши – ясны и однозначны».*

Именно науке мы обязаны тем, что человек более не считает себя центральной точкой, вокруг которой обращается вся Вселенная жизни и движения, единственно важное для всего мироздания лицо, ради удобства процветания и даже праздности которого все это мироздание, собственно, и было сотворено. С одной стороны, она открыла для нас Вселенную во всем многообразии звезд, солнц и миров, удаленных друг от друга на непреодолимые расстояния, в присутствии которых мы сами и весь наш мир оказываемся мелкими и незначительными; а с другой стороны, изобретенный ею микроскоп установил связь между нами и целым новым организованным миром живых существ, также наделенных чувствами, нервами, пристрастиями и инстинктами, который открывается нам в каждой капле мутной речной воды.

Наука наставляет нас в том, что все мы неизмеримо малые частицы неизмеримо огромного Целого, которое пребывает повсюду вокруг нас, по сторонам от нас, выше нас и ниже нас, и оно беспредельно в своем многообразии, и совершенно постичь его способна лишь Беспредельная Мудрость. Беспредельная Мудрость определила бесконечную череду воплощений, обязательно включающую в себя рождение, разложение и смерть, а также обеспечила воплощение в мире возвышеннейших добродетелей, заставив людей постоянно сталкиваться с конфликтами, противостоянием, испытаниями и тяготами, не будь которых, человек не озаботился бы даже изобретением личных имен.

Знание претворяется в силу, а аксиомы – в законы и правила пользы и долга. Современная наука общественна и общительна. Она нравственна и разумна; она могущественна, но миролюбива и беспристрастна; она устанавливает связи между людьми и между человеком и Вселенной; она подробнейшим образом определяет условия нравственного долга человека и пестует в нем добродетель; представляя явные доказательства сходства и, в сущности, единства всех интересов, противопоставляя соперничеству сотрудничество, мракобесию – свободу мысли, она более всех прочих средств способствует распространению истинного религиозного духа, залечивая

старые раны и примиряя разногласия, причина которых, как выясняется, если ее тщательно исследовать, коренится в древнейшем невежественном предположении о чрезмерной суровости Божественного Провидения и следующем из него стремлении эгоистичных людей как можно меньше делиться чем бы то ни было из дарованного им Богом, а то и позаимствовать часть того, что Он даровал другим людям, вместо того чтобы довольствоваться себе принадлежащим.

Вероятно, нам никогда не суждено достигнуть истинного понимания различия вещей материального мира между собой, что подразумевает полное понимание и умение верно выразить самую их суть. Нам всегда будет не хватать окончательного, самого полного закона, который бы управлял природой одновременно и в самом общем смысле, и во всех ее бесчисленных частных проявлениях. Самые общие наши аксиомы приспособлены лишь для толкования некоторых природных феноменов, но таковы были и древнейшие элементарные принципы, выведенные древнейшими философами и заключенные в систему циклов и эпициклов астрономии. Мы не в состоянии точно определить все условия никакой частной причинно-следственной связи, равно как и не в состоянии мы, даже будучи способны воплотить на практике, умозрительно определить их, поскольку нам неведома природа вещей, вовлеченных в них; посему не должны мы и приписывать качества совершенных истин аксиомам, подобно тому как это делали древние жрецы в отношении своей религии, не должны позволять своему разуму, вечно стремящемуся самоизолироваться и изолировать все свои приобретения, позабыть механизм, посредством которого он заменил понятия общего характера понятиями научными, при условии, что и те, и другие ведут к самообману, если ими пользоваться формально и предвзято.

Сомнение – необходимое условие всякого развития и всякого открытия – должно сопровождать прогресс человечества на всех его стадиях. Его интеллектуальная жизнь – это нескончаемая череда становлений, приуготовлений к новому рождению. Способность сомневаться, задавать вопросы, без которой лишена всякого смысла способность к сравнению и логическому суждению, сама по себе является Богом дарованной привилегией разума. Знание всегда несовершенно, оно может быть совершенно только в смысле завершения очередного этапа своего бесконечного развития, в процессе которого очередное открытие только увеличивает сомнения, а новые сомнения ведут к новым открытиям. Наука по праву гордится не столько

своими материальными достижениями, сколько признанием своего вечного несовершенства и вечного прогресса. Истинная религиозная философия несовершенного существа – это не система вероучения, а, по мысли Сократа, бесконечный поиск путей приближения и приобщения. «Конечность» – это лишь другое название тупика, поражения. Наука поощряет религиозное чувство, не ограничивая его, а наоборот, открывая взору безмерные таинства Единого Верховного Бытия в более явных и постижимых формах, не выражающих совершенно Его сути, которая совершенно за пределами нашего понимания и недоступна нашему познанию, но выражающих Его волю, тем самым питая наши неизменные порывы путем установления для них все новых и новых целей. Мы уже давно осознали, что знания приносят огромную пользу; сейчас мы начинаем осознавать, что знания нравственны; вскоре мы придем к пониманию того, что они также и религиозны.

Бог и Истина неразделимы; познание Бога – это также и познание священных оракулов Истины. В той же степени, в какой мысль и цель отдельной личности учатся приспосабливаться к правам и правилам, утвержденным Высшим Разумом, сама эта личность наделяется счастьем, что позволяет ей исполнить предназначение своего бытия. В ней, таким образом, зарождается новая жизнь; она перестает быть изолированной и органично входит в окружающую ее гармонию. Ее воля, которой свойственно ошибаться, исправляется и направляется высшей волей к ее наивысшему счастью.

Способность человека познавать внешнюю по отношению к нему истину – это его величайшая привилегия; умственное и физическое вдохновение передается ему в несколько «разбавленной», опосредованной форме; и все равно, даже если интуитивно постигнутая им истина одностороння и несовершенна, опьянение ею заставляет человека полагать ее полной, неизменной, нерушимой и божественной. И в то время как слабость человеческая вечно заставляла людей стремиться к истинному Первоисточнику, некогда общепризнанное Его откровение постепенно обретало независимые формы, существуя уже не только само по себе, но и во множестве производных форм уже второго порядка, обретших свои собственные имена и почитавшихся уже под ними. Пелена суеверия сгущалась в тени писаных и неписаных законов, пока свет снова не проливался на вековую тьму, спасая истинное сокровище Знаний от предрассудков, неизменно опутывавших его своими сетями.

Даже варвару Природа представляется обладающей колоссальной мощью и чудесной мудростью; она каждым своим проявлением указует на Бога. Нет посему ничего удивительного в том, что человек искони поклонялся тем или иным элементам Природы. Материальный мир – это откровение страха дикарю Северных широт; он трепещет пред своим божеством, восседающим на престоле изо льда и снега. Молния, буря, землетрясение, – все они пугают грубого человека, и во всем необычном он начинает видеть божественное.

Великие природные явления постоянно заставляют человека думать об их Авторе. Альпы были для древних великим алтарем Европы; ночной небосклон – сводом всемирного храма, усыпанным объектами человеческого почтения, надежды и любви. Истинное Писание рода человеческого начертано на земле и в небесах. Никакие звуки органа, никакое *Miserere*[17] так не трогают сердце человека, как полногрудный вздох могучего океана или гомерический хохот сталкивающихся волн. Каждый год старый мир вновь облачается в подвенечные наряды, чтобы отметить Троицын день, когда среди пышного торжества Весны расцветают каждый куст и каждое дерево. Осень же – это длинный День всех святых, а время урожая для человечества – это его венец, все равно что праздничная месса. Еще до того, как род человеческий спустился со склонов Гималаев, чтобы завладеть Азией, Халдеей и Египтом, люди уже отмечали вершину каждого года, дни солнцестояний и равноденствий религиозными празднествами; и тогда, и всегда с тех пор они использовали в качестве посредников для общения с Богом материальные вещи и явления.

Природа для мыслящего человека всегда полна значимых и важных уроков. Он подвергает мысленному разложению материю Вселенной, оставляя лишь ее силы; он подвергает разложению исторические процессы человечества, оставляя только бессмертный дух; он изучает законы, образ действия этих сил и этого духа, сотворивших материальный мир в целом и мир людей в частности, а посему не может не исполниться глубочайшего почтения, веры, безграничной любви к Беспредельному Богу, создавшему и утвердившему эти законы развития материи и сознания и поддерживающему существование этой Вселенной вещей и людей. В науке существует свой собственный Новый Завет; красоты философии не могут не трогать сердце. Неверующий астроном попросту безумен. Знакомство с обстоятельствами жизни трав и деревьев преподает нам гораздо более глубокие уроки веры и любви, чем все писания Фенелона и Августина.

Великая Библия Бога всегда открыта для всего человечества. Вечные цветы небесные постоянно изливают свое благоухание на смертные земные бутоны. Великая проповедь Иисуса была произнесена на горе, которая также, в свою очередь, проповедовала Ему, как Он проповедовал людям, и образы Его проповеди были теми же, что и в изначальной проповеди Мира человеку.

Если мне суждено завтра умереть и совершенно исчезнуть с лица Земли, я не приму никакого наставления в своих действиях сроком более чем до завтра, и мне не нужны будут какие-то свойства, существование которых не ограничивается завтрашним днем. Отцы мои, в таком случае, – это для меня всего лишь плодородная почва, из которой произрастают злаки, питающие меня сегодня; они давно умерли, сгнили в земле, обратились в землю, и память о них для меня не представляет ровным счетом никакого интереса. Ха, будущее! Мне дела нет ни до будущего, ни до грядущих поколений, ни до человечества в его развитии вообще! Я всего лишь один-единственный атом древесной коры: мне дела нет ни до его корней – они слишком глубоко, ни до верхних его ветвей – они слишком высоко. Я буду сеять только те семена, которые принесут мне плоды именно сегодня. Страсти определяют сегодня мои деяния, чтобы завтра мои же собственные амбиции свели их к нулю и отвергли. И другого закона для меня не существует. Для меня не существует нравственности: ее место занимает понятие целесообразности. Мне не присущ героизм; его успешно заменяют волчья жестокость, грубая лисья хитрость, ненасытность грифа и тупое упрямство быка, – что угодно, только не хладнокровная, спокойная отвага, которая во имя истины или любви заставляет твердо взглянуть в лицо смерти, а затем продолжить делать свое дело, пусть это и последние минуты перед погибелью. Привязанность, дружба, человеколюбие представляются мне всего лишь дикими фантазиями безумца, предметами насмешек или сочувствия.

Но, зная, что мы бессмертны и что Беспредельный Бог любит нас всех, мы просто не можем не видеть всего зла этого мира, причем мы считаем его глубокой тьмой, неизменно предшествующей рассвету, мы ждем света с минуты на минуту; мы осознаем, что мы сами, даже мы можем зажечь тонкую свечу, чтобы осветить мир хотя бы на то недолгое время, что она горит, и тем самым как-то помочь миру перетерпеть тьму до восхода Солнца. Вечное утро следует за продолжительной ночью; радугой окутаны небесные облака, роняющие на землю дождь для того, чтобы породить среди травы цветы

и жемчуга – на дне морском; жизнь восстает из могилы, и душу не может в себе удержать разлагающаяся плоть. Никакие сумерки не могут помешать нам ожидать рассвета, и любое страдание есть лишь предвестник грядущего счастья.

Над великим всеобъемлющим хаосом человеческих проступков и заблуждений сияет прекрасный, чистый, ясный свет естественной, природной человеческой религии, раскрывающей всем нам Бога как Беспредельного Всеотца, совершенного, могущественного, мудрого, справедливого, любящего и абсолютно святого. Повсюду во Вселенной распространена прекрасная Великая Библия Бога. Материальная природа – это ее Ветхий Завет, которому миллионы лет, это тяжеленный том, содержащий в себе вечные истины, которые просто лежат у нас под ногами или сияют вечным неугасимым светом прямо у нас над головами, в то время как человеческая природа – это Новый Завет Бога Вечного, раскрывающий нам день ото дня все новые страницы, перелистываемые перстами Времени. Пред нами сияет Вечность, готовая немедленно вознаградить каждую доселе невознагражденную добродетель в нас, каждую неосушенную слезу, каждое незаслуженное страдание, каждую молитву, каждое чистое намерение или сердечное чувство. И над всем: над Природой, материальной и человеческой, над всей этой материальной жизнью и над вечными Прошлым и Будущим, – неизменно разливается беспредельная любовь Бога Отца, благословляющая все сущее, что было, есть и пребудет вечно.

Все сущее есть мысль Беспредельного Бога. Природа – это Его проза, а человек – Его поэзия. Не существует ни Случая, ни Судьбы, – лишь Всевышнее Божественное Провидение, заключающее в объятия всю Вселенную и поддерживающее в ней вечную жизнь. В прошлом существовало зло, природу которого мы бессильны понять; и ныне существует зло, с которым мы бессильны справиться или хотя бы как-то сопоставить его с совершенным благом Бога, в силу несовершенства любых теорий, которые может выдумать наш несовершенный разум. Существуют страдания, глупость и пороки всего человечества в целом; они характерны для всех народов, для каждого мужчины, для каждой женщины. Все их предвидела Беспредельная Божественная Мудрость, их существование определено Его беспредельными могуществом и справедливостью, и все они отлично соотносятся с Его беспредельной любовью. Думать иначе – значит полагать, что Он сотворил этот мир, только чтобы

развлечь Себя Самого в минуты и часы бездействия наблюдением за глупостью и страданиями человечества, как, например, Домициан развлекался наблюдением за предсмертными корчами насекомых. Действительно, в таком случае нам не остается практически ничего, кроме как присоединиться к трагическому плачу Гейне: «*Увы, ирония Бога подавляет меня! Великий Творец Вселенной, этакий небесный Аристофан, намерен вечно, и с сокрушительной силой, демонстрировать мне, маленькому, земному, немецкому Аристофану, что все мои остроумнейшие сарказмы суть лишь жалкие фокусы, по сравнению с Его сарказмами, и насколько я ниже Его в юморе, в колоссальном всеосмеянии*».

Но нет, нет! Бог совсем не так радуется непомерным человеческим страданиям. Мир – это отнюдь не Сейчас, лишенное будущего, и не тело, лишенное души, и не Хаос, лишенный Бога; однако это и не тело, распираемое душой, не Здесь, предшествующее ужасающему будущему, не мир во главе с богом, ненавидящим более половины своих творений. Не существует и не может существовать злого, мстительного и невежественного бога; напротив, Бог беспределен и зрим для всех как Истинная Первопричина, Совершенное Провидение, Которое превыше всего и вся, но, тем не менее, пребывает во всем и повсюду в Своих совершенных мудрости, силе, справедливости, святости и любви, обеспечивая благо и процветание всего и всех, предвидя и заранее заботясь о каждом мельчайшем пузырьке, возникающем на поверхности великого бурного потока жизни человеческой и людской истории.

Цель человека и всего его существования в этом мире состоит не только в обретении счастья вообще, но счастья именно в добродетели и через добродетель; добродетель в этой жизни является условием счастья в Жизни Грядущей, в то время как непременное условие следования добродетели в этом мире – это страдания, более или менее интенсивные, более или менее продолжительные, более или менее частые. Удалите из жизни страдания – и нет больше самоотверженности людской, нет больше жертвенности, нет больше самоотречения, героических добродетелей, нет больше высшей нравственности. Мы подвержены страданиям не только потому, что мы чувственны, но потому еще, что мы должны быть добродетельны. Не будь материального зла, не было бы и нравственной добродетели, и мир был бы совершенно неприспособлен для бытия человеческого. Явная неупорядоченность зримого мира и проистекающее от нее зло

проявляются отнюдь не вопреки благости и могуществу Бога. Бог не только допускает, но и желает их. Такова Его воля, чтобы в этом материальном мире человек достаточно страдал, чтобы иметь возможность проявлять самопожертвование и отвагу.

Все, что благоприятствует проявлениям добродетели, что придает большую силу нравственной свободе, все, что может служить дальнейшему нравственному развитию рода человеческого, – есть благо. Страдания – не самое плачевное состояние человека в его земной жизни. Самое плачевное его состояние – это нравственное огрубение, которое могло быть порождено отсутствием вокруг него внешнего зла.

Внешнее и внутреннее физическое зло неизменно связано с целью своего существования, каковая цель состоит в торжестве нравственного закона в материальном мире, вне зависимости от последствий, в твердом уповании на то, что подвергающаяся в этой жизни унижению добродетель будет вознаграждена в Жизни Грядущей. Нравственный закон обладает собственными властью и разумом. Он никак не зависит от неизменно сопутствующего ему закона воздаяния и не лежит в его основе. Однако, несмотря на то что закон воздаяния не является и не должен являться определяющим принципом добродетельного деяния, он здесь совпадает с нравственным законом, ибо предоставляет добродетели законные основания для успокоения и надежды.

Нравственность есть признание своего долга и необходимости исполнять его, вне зависимости от возможных последствий этого.

Религия есть признание своего долга и его неизменной гармонии с благом, гармонии, которая в силу необходимости должна реализовываться в Жизни Грядущей через справедливость и всемогущество Бога.

Религия столь же истинна, сколь истинна нравственность, ибо, признавая нравственность, необходимо признавать и все ее следствия.

Все нравственное бытие укладывается в два слова, идеально сочетающиеся между собой: *долг* и *надежда*.

Масонство учит, что Бог беспредельно благ. Какое побуждение, какой разум и, философски говоря, какая вероятность может заставить Беспредельные Силу и Мудрость быть *не* благими? Все наши горести в связи с утратой чего-либо или кого-либо невыразимо дорогого для нас суть свидетельства Его милости. Существо, сотворившее нас разумными, не может быть неразумным Само; сотворившее нас

любящими и переживающими за то и тех, кого мы любим, не может не иметь среди Своих неисчислимых свойств неизмеримой любви ко всем Своим творениям. Во всех страданиях наших мы ищем утешения в вере в то, что Он любит нас, что Он не по капризу Своему, не по безразличию к нашей судьбе и уж тем более не по злобе заставляет нас страдать и тяготиться бытием; что Он таким образом очищает нас, что путем этих Им дарованных очистительных церемоний, которые, в соответствии со вселенским законом, в действительности суть лишь последствия наших собственных деяний, мы ничего не потеряем, но напротив, многое обретем; что Он лишь больше нас любит, когда заставляет очищаться, обучаться и преодолевать испытания. Мы веруем в Беспредельное; мы верим в беспредельную любовь Господню, и этою верой мы спасемся.

Никакое деяние Божественного Провидения, никакое людское страдание, никакие тяготы не являются знаками Его гнева; никакие признаки не могут указывать на то, что Бог, якобы, зол на нас. Он не способен гневаться; Он настолько же выше этих приземленных чувств, насколько далекие звезды выше земли. Плохие люди умирают не потому, что Бог их не любит. Они умирают потому, что смерть для них лучше всего; коль скоро они так плохи, лучше всего им пребывать в объятиях непостижимо благого и доброго Бога, чем где бы то ни было еще.

Темны и туманны пути человеческие. Люди спотыкаются о труднопреодолимые препятствия, падают в волчьи ямы искушений и впадают в отчаяние под грузом страданий. Им тревожно, обидно и страшно. Боль и горести сопровождают каждый шаг в странствии по материальному миру. Каждый шаг этого странствия запечатлен нестираемыми знаками на скрижалях человеческого сердца. Они не сотрутся никогда, но только масонство видит их в совершенно ином, новом свете. Оно не стремится и не ждет, что все эти страдания и тяготы исчезнут из людской жизни; оно верит, что рано или поздно все человечество познает и уверует в старую как мир нерушимую истину, гласящую, что все они суть средства, избранные Совершенной Мудростью для очищения людских сердец и вдохновления душ наследием Бессмертия, школой которого является вся земная жизнь.

Масонство не проповедует никакой веры, кроме самой чистой, высшей и изначальной, той самой вселенской религии, в положениях которой наставляют всех людей Природа и Разум. Его ложи – это не иудейские, мусульманские или христианские храмы. Оно выделяет

из всех религий нравственную сторону. Оно почитает нравственные черты и посвящает себя изучению нравственных учений всех веков и всех стран. Оно выделяет из всех мировых религий добро, не выделяя зло, истину – не выделяя заблуждений, признавая, что во всех них много доброго и истинного.

Превыше всех остальных великих учителей нравственности и добродетели оно почитает Великого Учителя, Который волею Своей и Отца Своего умер на кресте. Все должны признать, что, будь мир наполнен существами, подобными Ему, он немедленно бы исцелился от всех страшных общественных пороков. Ибо немедленно в мире бесследно исчезли бы горе, принуждение, эгоизм и месть, все основные страдания и тяготы. Человек стал бы совершенно счастлив; века вечные он купался бы в счастье и свете; и тихие грустные напевы людские, то отголоски горя, то мрачные ноты размышления о бытии, сменились бы торжествующими гимнами, созвучными поступи Времени и вырывающимися из самого сердца земли.

Будь в душе каждого человека в свое время образ этого великого, мудрого Учителя во всей вере Его и всех добродетелях Его, насколько сузился бы круг испытаний на протяжении жизненного цикла! Чувственные страсти обломали бы зубы и когти о твердыни человеческого сердца. Нужда более не побуждала бы его к неверным поступкам, любопытство – к поспешным. Самолюбование более не разворачивало бы пред его мысленным взором картины царств и престолов земных, почестей и славы, заставляя сворачивать с пути истинного своего предназначения. Обиды и раны были бы побеждены всепрощением. «*Отче*, – говорили бы все и по любому случаю, – *Отче, прости им, ибо не ведают, что творят*». Никто не искал бы богатства через обнищание ближнего своего. Каждый бы считал весь род человеческий своими братьями. Всякое горе, всякая боль, всякое страдание немедленно излечивались бы совершенной верой и полной убежденностью в беспредельной милости Бога. И обновились бы Земля и Небо, потому что тут и там, и повсюду, во всех многообразных красотах и благодатях Вселенной, все люди стали бы признавать и ощущать милостивую заботу любящего Отца.

Во что бы ни веровал масон в том, что касается его конкретной конфессии, церкви, таинств и чудес, понятия о небесной Миссии и пр., он неизменно должен признавать, что образ Того, Кто учил в Галилее, и определенные стороны его учения, дарованного нам всем, достойны всяческого изучения и подражания. Например, что

жизнь есть неоспоренное и неоспоримое Евангелие Истины. И мимо учения этого Евангелия нельзя пройти и не заметить его. Всякий обязан признать, что счастье может быть достигнуто в стараниях подражать Ему и совершенствовании в уподоблении Ему. Никто и никогда не испытывал к Нему явной привязанности или презрения, никто гневно не обвинял Его в пустой софистике, никто не узрел в Его учении безнравственности; но многие судили тех, кто пришел за Ним, заявляя о своем апостольском чине. Бог Он был или человек, был ли Он воистину вдохновен свыше или просто реформировал учение ессеев, нельзя не согласиться с тем, что учение Его гораздо возвышеннее, чище, гораздо свободнее от заблуждений и суеверий, гораздо менее приземленно, чем учения Сократа, Платона, Сенеки и Магомета, чем вообще все учения всех предыдущих и последующих великих нравственных учителей и религиозных реформаторов этого мира.

Если бы все наши цели так же совершенно превышали все личные заботы и собственные радости, если бы все наши мысли, слова и дела так же совершенно соединялись во имя процветания всего человеческого рода, – то есть если бы мы так же совершенно исполняли истинный свой долг на протяжении всей жизни нашей в этом мире, как это делал Он, – если бы мы были так же милостивы и добры, как Он; и если бы общество, семья, страна, род, дружба и дом были бы нам так же дороги, как они были дороги Ему, – мы немедленно лишились бы половины всех известных жизненных печалей, горестей и болезненных страстей. Простое служение ближнему вместо служения собственной выгоде; простое самосовершенствование вместо постоянного стремления заработать популярность в глазах окружающих; единство цели и действий вместо недостойных себялюбивых устремлений, достижимых только низкими средствами и извилистыми путями, – все это немедленно избавило бы разум наш от мириадов бессмысленных и лишних вопросов.

Ни отвергнуть лучшие, возвышенные стремления своей природы, возможность счастья, справедливый долг любви и чести по отношению ко всем людям; ни порочить самих себя, ни унижать, ни забывать о самоуважении, ни упускать из виду ни достоинства свои, ни недостатки, ни свою личную добродетель, – ничего из этого не требует от своих посвященных масонство, ничто из этого не является предварительным условием для посвящения в наши таинства; посвященному необходимо лишь отринуть все пороки, все грехи

и страсти, все тенета самообмана и самолюбования; отринуть все возможные внешние достижения, достигнуть которых возможно только путем утраты внутренней целостности или тревожным и неверным путем бесчестия и разнообразных уловок; избрать сторону добра и неизменно следовать ему, – поступай так, и будь что будет. Верь своей совести – и пусть различные мнения рождаются вокруг тебя, живут и умирают. Сохраняй высокое уважение к своей личности – и да сгинет низменное потакание собственным страстям. Храни счастье внутри себя – и пусть низменные внешние радости и увеселения знают свое место. Оставь самолюбование и постоянные заботы о том, что ты имеешь или хочешь иметь и что другие думают о тебе. Удовлетворяйся великими дарами Господними во всей их полноте – и так обретешь счастье. Ибо именно безудержное самолюбование и самопотакание являются главными препятствиями на пути; они порождают все окружающие нас вопросы, сомнения и горести, за их счет сгущаются сумерки над дорогой, открытой для нас Провидением, а мир становится гораздо хуже, чем он мог бы быть в их отсутствие.

Чему учил Он, тому учит и масонство: любви к своим ближним, нежности к друзьям, снисходительности и милосердию к низшим, прощению врагов, ношению на плечах своих любящей природы и нежного расположения, свойственных человеку, как тонкотканного убора всей жизни нашей, облачению в боль, и горе, и страдание со спокойствием, как в прекрасное платье. Оно не учит нас заворачиваться в мантии самоудовлетворенности и гордыни, оставить заботы о мире потому только, что он никак не заботится о нас, перестать мыслить об обществе в силу его несправедливости к нам, наслаждаясь неизменным спокойствием бытия-в-себе или тихим обменом мыслями с великими мертвецами через их книги. Никто и никогда не обретал так мира и света. Любые ненависть, презрение или пренебрежение к обществу связаны с раздорами и страданиями. Людей приходится только любить, восхищаться их добродетелями, мириться с их проступками и сочувствовать им, прощать нанесенные ими обиды. Ненависть к врагу никак не поможет тебе; его убийство – еще менее; ничто вообще во Вселенной не поможет тебе, кроме сочувствия, прощения и любви к нему.

Будь мы так же любящи и нежны, как Он, люби мы так же сильно, как Он, всех заблуждающихся и всех обидевших нас, от скольких сложностей, и во внешнем мире, и внутри себя, мы сумели бы

избавиться! Сколь многие отчаявшиеся умы успокоились бы! Сколько общественных пороков стало бы возможно искоренить! Сколько узлов недоговоренностей и недопонимания стало бы возможно распутать одним лишь словом простой и убедительной истины! Сколько неторeных дорог стали бы ровными и гладкими, а извилистых – прямыми! Сколь многие ныне пустующие селения стали бы живыми и многолюдными, а темные – исполнились бы светом!

В морали, как и в других науках, есть свои собственные аксиомы, и на всех языках эти аксиомы называются одинаково – нравственными истинами. Нравственные истины, рассматриваемые сами по себе, столь же нерушимы, сколь и истины материальные. Идее вклада неизменно сопутствует идея надежного его хранения, равно как идее треугольника неизменно сопутствует идея равенства суммы его трех углов сумме двух прямых углов. Вы можете нарушить обязанности хранителя вклада, но не думайте, что тем самым изменили природу вещей и сделали этот вклад своей законной собственностью. Эти две идеи взаимоисключающи. Ваше чувство собственности в вышеупомянутом случае – ложно; и все усилия ваших страстей, все порождаемые заинтересованным разумом софизмы не смогут свести на нет очевидные различия. Именно поэтому нравственные истины считаются совершенно нерушимыми; как и все истины, они существуют сами по себе и не стремятся измениться для того лишь, чтобы кому-то понравиться. Они всегда неизменны и всегда присутствуют здесь и сейчас, нравится это нам или нет, они выносят свое суждение слышным повсюду голосом, хотя и не всегда их принимают во внимание нежелающие их знать бесчувственные умы, которые скорее бы желали, чтобы их не было вовсе, а потому отрицают, точнее, притворяются, что отрицают, их бытие.

Нравственные истины отличает от всех остальных истин следующий единственный признак: стоит нам только узнать их, как они немедленно становятся для нас обязательным для соблюдения правилом поведения. Если вклад делается для того, чтобы впоследствии быть возвращенным своему законному владельцу, то его и следует ему возвратить. К необходимости *верить* в эту истину неизменно добавляется необходимость *следовать* ей.

Необходимость следовать нравственной истине – это долг. Нравственные истины, необходимые, с точки зрения разума, налагают обязательства на нашу волю. Нравственные обязательства, как и нравственные истины, лежащие в их основе, абсолютны. Как

необходимые истины не могут быть *более* или *менее* необходимы, так и обязательства не могут быть *более* или *менее* обязательны для соблюдения. Обязательства подразделяются по принципу важности; но не существует никакого их подразделения по собственно *обязательности*. Если и существовала до принятия обязательства какая-либо возможность избежать ее, пойти на попятный, она исчезает сразу после его принятия.

Если обязательство *абсолютно*, значит, оно *неизменно* и *универсально*. Ибо если то, что является обязательством *сегодня*, перестанет быть таковым *завтра*, если *мое* обязательство не является в точно такой же степени и *твоим* обязательством, оно относительно и непрочно. Однако явным и выраженным является факт существования именно абсолютного, неизменного и универсального обязательства. В основе всякого обязательства лежит *благо*. Будь это не так, обязательство было бы *безосновательным*, а такое обязательство не может существовать. Если одно действие должно быть совершено, а другое, наоборот, *не* совершено ни под каким видом, следовательно, существуют непреодолимые различия между этими двумя действиями. И если одно из них не благо, а второе – не зло, значит, налагаемое на нас обязательство авторитарно и субъективно.

Сделать Бога следствием чего-либо – значит полностью отрицать Его бытие. Он или Первый из Первых, или Его нет вовсе. Если мы спросим честного человека, почему он соблюл неприкосновенность доверенного ему вклада, несмотря на собственную очевидную нужду, он просто ответит нам, что таков был его *долг*. А спроси мы его, *почему* таков был его долг, он ответит нам: потому что это *благо*, что это *правильно* и *справедливо*. Не может быть никакого другого ответа, да и вопроса такого не должно возникать. Никто не позволит налагать на себя обязательство, как-то не объяснив его для самого себя; но коль скоро мы признаем, что долг налагается справедливостью, разум удовлетворяется этим объяснением, ибо здесь мы имеем первопричину, то есть причину, за которой не стоит более никакой другой причины: справедливость есть принцип самодостаточный. Нравственные истины являются причинами для самих себя, а справедливость – первое существенное различие между благом и злом – есть первая нравственная истина.

Справедливость не есть *следствие*; нам не суждено подняться до осознания какого-либо принципа превыше нее. Нравственные истины *силой налагают* на человека обязательство, а отнюдь не *проис-*

текают от человека. Справедливость не становится субъективной, представая перед нами обязательной, как и истина не становится субъективной от того, что предстает необходимой. Сама природа истины и блага состоит в том, что нам необходимо искать разумное начало в необходимости и долге. Обязательство, или долг, основано на необходимых различиях между добром и злом; и само по себе оно служит основанием свободы. Если человек должен исполнить свой долг, у него должны быть способности это сделать, способность сопротивляться страстям, личной заинтересованности во имя следования закону. Он должен быть свободен, а значит, он действительно свободен, иначе природа человеческая находилась бы в противоречии с самой собой. Реальность существования *долга* неопровержимо доказывает реальность существования *свободы воли*.

Наша воля свободна, пусть и временами недейственна. Власть *сделать или не сделать* что-либо не следует путать с властью *пожелать или не пожелать*. Первая может быть ограничена; вторая обладает верховной властью. Внешнее воздействие может быть ограничено или предотвращено вообще – но не само стремление. Мы отлично осознаем эту верховную власть волевого устремления. Внутри себя, еще до какого-либо материального воплощения, мы ощущаем некую силу, которая в той или иной степени определяет себя сама. В то же время, осознавая, что я хочу того или этого, я понимаю, что с тем же успехом мог бы желать и диаметрально противоположного. Я знаю, что я хозяин своему решению: я могу настаивать на нем, могу отменить его, могу повторно его принять. С прекращением самого *действия* никоим образом не прекращается действие моей *власти* совершить или не совершить его. Сознание этой власти остается у меня, и оно все так же обладает верховной и нерушимой властью. Посему свобода воли является основным и неизменным свойством самой воли.

Одновременно с тем, как в нашем разуме складывается суждение относительно благого или злого деяния некоего свободного деятеля (агенса), мы формируем и второе суждение, столь же необходимое, сколь необходимо первое: этот свободный деятель совершил благое дело и посему заслуживает поощрения, или он совершил злое дело и посему заслуживает наказания. Это суждение должно обретать более или менее зримое выражение, в зависимости от того, какие – более или менее пламенные – к нему примешиваются чувства. В некоторых случаях это просто теплое чувство к добродетельному деятелю и умеренно неприязненное – к порочному; иногда это

пламенное приветствие или, напротив, гнев. Суждение о заслугах или проступках неразрывно связано с суждением о нормах добра и зла. Заслуги – это то, за что мы имеем законное право быть вознаграждены, согласно естественному праву; проступки – это, согласно естественному праву, нечто, за что окружающие должны наказать нас. Однако, вне всякой зависимости от того, получили мы вознаграждение за заслуги или наказание за проступки, или нет, они все равно остаются нашими заслугами и проступками. Вознаграждение и наказание венчают, соответственно, заслуги и проступки, но никоим образом не являются их необходимыми составляющими. Заберите их – и заслуги и проступки продолжат существовать. Если порочный человек присвоил себе общественную благодарность за совершенное нами благое деяние, он обрел лишь видимость вознаграждения, всего лишь некое материальное преимущество. Вознаграждение же носит исключительно нравственный характер; ценность его независима от его материального воплощения. Простой дубовый венок, которым увенчивали героев древние римляне, значил для них гораздо больше, чем все богатства мира, коль скоро он был знаком благодарности и восхищения народа. Заслуженное вознаграждение – это долг; незаслуженное – милостыня или воровство.

Благо есть благо, несмотря ни на что, и оно должно быть совершено вне зависимости от возможных последствий. Последствия творения блага не могут не быть положительными. Счастье, отделенное от блага, есть лишь факт, разлученный со всякими нравственными идеями. В качестве следствия творения блага оно занимает назначенное ему место в нравственном порядке мироустройства, завершает и венчает его.

Добродетель без счастья и преступление без несчастья суть непорядок и противоречия-в-себе. Если добродетель предполагает жертву (то есть страдание), высшая вечная справедливость требует, чтобы эта жертва была с благодарностью принята и отважно вынесена, а впоследствии вознаграждена тем самым счастьем, которое и было, собственно, принесено в жертву; также она требует, чтобы преступление было наказано несчастьем за то счастье, которого агенс стремился добиться безнравственными способами.

Таким образом, этот закон соотносит счастье с благом, а несчастье – со злом, свершаясь и торжествуя даже здесь, на Земле. В мире царит порядок, коль скоро этот мир вообще существует. Нарушается ли этот порядок время от времени? Всегда ли счастье и несчастье

справедливо распределяются между добродетелью и пороком? Абсолютный суд Бога, абсолютный суд долга, абсолютный суд воздаяния продолжают существовать, нерушимые и никому не подвластные; нам ничего не остается, кроме веры в то, что Тот, Кто даровал нам саму идею порядка, Сам не может испытывать в нем недостатка, что Его воля рано или поздно восстановит всеми доступными Ему средствами полную гармонию добродетели и счастья.

Суд Бога, решение, что вот это – хорошо, а вот то – плохо, есть изначальный факт, основывающийся сам на себе. Тесным внутренним своим сходством с судом Истины и Красоты он наставляет нас в тайной связи нравственных, метафизических и эстетических отношений. Благо, нерушимо соединенное с истиной, отличается от нее лишь тем, что оно есть истина, претворенная в практику. Благо обязательно для исполнения. Существуют две неразделимые, однако не совершенно идентичные, идеи. Идея долга покоится на идее Блага. В этой неразрывной связи вторая заимствует у первой вселенскую и абсолютную природу.

Долг творить благо – это нравственный закон. Это основа всей нравственности. Им мы отделяем себя от нравственности личного интереса и от нравственности чувственности. Мы признаем существование этих факторов и их влияния на нас; однако мы не считаем их явлениями одного порядка.

Нравственному закону в разуме человека соответствует свобода действия. Свобода исключается из долга и сама по себе является фактором реальности. Человек как существо свободное и подверженное влиянию долга есть нравственная личность, что неизменно подразумевает идею его прав. Сюда же относится и закон воздаяния, который подразумевает наличие понятий добра и зла, долга и свободы, а также идею вознаграждения и наказания.

Чувства не играют существенной роли в нравственности. Все нравственные суждения сопровождаются чувствами, отвечающими им. Воля человеческая из таинственных источников добывает те таинственные добродетели, которые порождают героев. Истина освещает и просвещает. Чувства греют и побуждают к действиям. Личная заинтересованность также играет свою собственную роль; надежда на счастье есть плод трудов Господних и одна из движущих сил человеческих поступков.

Таково поразительное нравственное устройство человека. Его высшая цель есть Благо, его закон есть добродетель, часто заставляющая

его страдать, тем самым совершенствуясь превыше всех прочих известных нам тварей земных. Однако этот закон суров и часто противоречит нашему инстинктивному стремлению к счастью. Поэтому милостивый Творец нашего бытия в Своей душе совместил понятие долга с присущими Его детищам нежными и радостными чувствами. В общем, Он соединил добродетель со счастьем, а в качестве исключения, ибо и такое тоже возможно, Он сотворил надежду, свет в конце туннеля, озаряющий долгий и трудный путь.

В этом нравственность соприкасается с религией. Человечество неоспоримо нуждается в идее Бога как совершенно мудрого Законодателя, вездесущего Наблюдателя, совершенно справедливого Судьи добродетели. Разум человеческий, вечно стремясь к Богу, наверное, счел бы основания нравственности слишком уж непрочными, если бы не полагал Бога Первопринципом любого нравственного закона. Желая придать нравственному закону *религиозный* характер, мы рискуем лишить его собственно *нравственной* природы. Мы можем настолько соотнести его с идеей Бога, что сочтем его исключительно Божественной авторитарной волей. Однако Божественная воля, если исключить из нее понятие нравственности, не будет обладать никакой нравственной властью по определению, – но только в том смысле, что она справедлива. Благо проистекает от Бога ровно настолько, насколько оно является следствием Его мудрости и справедливости. Предвечная Справедливость Бога лежит в основании любого правосудия, как его представляет себе и практикует человечество. Благо, долг, заслуги и проступки соотносятся с понятием Бога, как и вообще все в мире; однако это не уменьшает и не принижает их самостоятельной власти. Религия – это венец нравственности, а не ее фундамент. Фундамент ее – она сама.

Нравственный кодекс масонства еще более пространен, чем тот, который был выработан мировыми философиями. К требованиям природного и Божественного законов в нем добавляется необходимое условие вхождения в отношения договора. Вступая в Орден, посвященный связывает себя нерушимыми узами со всеми масонами мира. Как только он оказывается среди Сынов Света, каждый масон в мире становится его братом, и он принимает на себя все братские обязательства доброты и благотворения по отношению к каждому масону в мире. К каждому масону в мире он теперь имеет право обратиться с просьбой о помощи в нужде, о защите в опасности, о сочувствии в горе, внимании в болезни, даже о достойных похоронах

после смерти. Нет в мире такого масона, который не был бы обязан в случае опасности броситься ему на помощь, если существует большая вероятность спасти его жизнь, чем лишиться собственной. Нет такого масона в мире, который мог бы осознанно сотворить ему зло, а также позволить, чтобы в его присутствии это сделал кто-либо другой. Нет в мире такого масона, который оговорил бы его, в лицо или за спиной. Всякий масон, храня свои личные тайны при себе, тем не менее, должен неизменно помогать ему в его делах, защищать от незаконных посягательств на его жизнь или имущество, а в случае необходимости, защищать его вдову и сирот, помогать им делом и добрым советом. Долг тысяч масонов по отношению к нему есть и его долг по отношению к ним всем. Принятым им торжественным обязательством он возложил на себя обязанность в любой миг исполнить свой священный долг. Если он не может этого сделать – он клятвопреступник и бесчестный человек; беспрецедентной низостью с его стороны стало бы обретение общественного положения, людского сочувствия и доброго к себе отношения путем неприкрытой лжи, в то время как даются они ему другими людьми в ожидании, что в нужный час он точно так же поделится ими с другими людьми, а он, напротив, не отвечает этим высоким справедливым ожиданиям.

Масонство также ведет его – в силу принятого им торжественного обязательства – к новой, более чистой жизни, к большему великодушию, большей свободе совести и действия, к терпимости, всеобщей любви к роду человеческому, к горению священными целями всех людей, к прогрессу и процветанию человечества в целом.

Таковы, по нашему мнению, истинные философия и нравственность; таково истинное Слово Мастера.

В древности люди полагали, что мир управляется Семью Вторичными Причинами; это были природные силы, которые древние иудеи собирательно называли *Элохим*. Эти силы, аналогичные одна другой и противоположные одна другой по направлению действия, в совокупности порождают равновесие противоположностей и тем самым управляют движением сфер. Древние иудеи называли их архангелами и давали им имена, каждое из которых, будучи сочетанием какого-то слова с именем *Эл* – именем древнейшего финикийского бога Природы, считавшегося Первопринципом Света, – являлось, в сущности, описанием того или иного Его проявления в материальном мире. Другие народы приписывали этим духам управление

семью известными им планетами и давали этим планетам имена своих старших богов.

Так и в Каббале семь низших сефирот составляют *Атик Йомин* – Ветхого Днями; как и семь планет, они также соответствуют семи цветам спектра, на которые разделяет солнечный луч оптическая призма, а также семи нотам музыкальной октавы.

Число 7 было священным во всех известных теогониях и философиях, потому что оно состоит из 3 и 4. Оно воплощает магическую силу во всей ее полноте. Это дух, которому сопутствуют все природные силы; это душа, сопутствуемая Природой; это Священная Империя, о которой говорится в «Ключе Соломона» и которая воплощается в образе Венценосного Воина, несущего на своем панцире изображение треугольника и стоящего на кубе, в который впряжены двое сфинксов, черный и белый, тянущие его в разные стороны, обратив головы назад.

Грехов, как и добродетелей, семь; последние в древности символизировали семь в то время известных людям небесных тел. *Вера* как противоположность самовлюбленной Уверенности воплощалась в *Солнце; Надежда* – враг Алчности – в *Луне; Милосердие* – противоположность Роскошества – в *Венере*; *Сила* – враг Гнева – в *Марсе; Благоразумие* – противоположность Лености – в *Меркурии; Умеренность* – антитеза Обжорства – в *Сатурне;* а *Справедливость* – противоположность Зависти – в *Юпитере*.

Каббалистическая Книга Откровения представлена запечатанной семью печатями. Именно в ней мы встречаемся с семерыми гениями античной мифологии, и скрывающееся за их образами учение и есть чистая Каббала, уже утраченная фарисеями в год пришествия Спасителя. Последующие образы Откровения суть удивительные пентакли, ключами к пониманию которых служат числа 3, 4, 7 и 12.

Херувим, или символический Бык, который, по Моисею, был помещен у входа в Эдем с «пламенеющим мечом обращающимся» в руках, – это в действительности *сфинкс* с телом быка и человеческой головой, древний ассирийский сфинкс, иероглифическими значениями которого были вечная битва и торжество Митры. Этот вооруженный сфинкс воплощает закон Мистерий, охраняющий врата Посвящения от профанов. Он также воплощает сами Мистерии Магов, все таинства которых так или иначе символизируются числом 7, не раскрывающим их, тем не менее, до конца. «Неизреченное слово» мудрецов Александрийской школы, Слово, которое

древнеиудейские каббалисты записывали как יהוה – «йхвх» и произносили как אראריתא – «Арарита», таким образом выражая троичность Вторичного Принципа, двойственность среднего мира и единство Первопринципа и Цели, равно как и сочетание числа 3 с числом 4 в Слове, состоящем из четырех букв, однако сформированном утроенной единицей и удвоенной парой, – это слово действительно есть *Арарита*.

Гласных в греческом языке было также *семь*, и их использовали как знаки семи известных планет.

Цадок (Садок, Садык) был верховным богом финикиян. Его семеро сыновей, вероятно, и были семерыми кабирами; он же был Гептаксисом – богом Семи Лучей.

У Крона, греческого Сатурна, как говорит Платон устами Санхониафона, было от Реи семеро сыновей, а от Астарты – семь дочерей Титанид. Персы в древности поклонялись Ахура Мазде (Ормузду) и шестерым Амешаспента, первые трое из которых были властителями царств Света, Огня и Сияния; вавилоняне почитали Ваала и его спутников-богов; китайцы – Шан-ди и шестерых старших духов; греки – Крона и шестерых старших богов, его детей: Зевса, Посейдона, Аполлона, Ареса, Гефеста и Гермеса, – в то время как старших богинь было также семь: Рея (супруга Крона), Гера, Афина, Артемида, Афродита, Гестия и Деметра. В соответствии с орфической теогонией, Гея породила четырнадцать Титанов – семерых мужчин, из которых самым могущественным был Крон, и семь женщин. Здесь снова встречается число 7, равно как и число 9, то есть три, умноженное на три, тройной треугольник: его можно обнаружить и в трех Мойрах, богинях судьбы, и в троих сторуких великанах Гекатонхейрах, и в троих Киклопах – отпрысках Урана и Геи, то есть Неба и Земли.

Считалось, что металлов, как и основных цветов спектра, также семь; каждый цвет и каждый металл приписывались определенной планете. Например, с Солнцем соотносилось золото, а с Луной – серебро.

Свод Храма Дайока в Эктабане поддерживали семь концентрических круглых стен разного цвета, причем две внутренние были, соответственно, одна посеребрена, а вторая – позолочена.

Семь сфер Борсиппы были воплощены в семи ярусах усеченной пирамиды бога Бэла в Вавилоне, каждый своего цвета.

Фараон видел во сне, истолкованном Иосифом, что *«на одном стебле поднялись семь колосьев, тучных и хороших, но вот, после*

них выросло семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром, и пожрали тощие колосья семь колосьев тучных и полных»; и Иосиф сказал, что это означает в будущем последовательно семь лет процветания и семь лет голода[18].

В связи с этим необходимо вспомнить также, что Ибн Ишам сообщает о некоем наводнении, которое размыло в Йемене берег реки и открыло гробницу, в которой лежала женщина с *семью* нитями жемчуга на шее, а на руках и ногах ее были ручные и ножные браслеты – по семь на каждой руке и ноге. А на табличке, помещенной там же в гробнице, было начертано, что она, Тая, дочь Дзу Шафара, умерла от голода, получив от Иосифа отказ, когда обратилась к нему с просьбой продать хлеба.

Услышьте же снова слова адепта, тщательнейшим образом изучившего таинства науки и писавшего притчами, как вещали и древнейшие оракулы, но знавшего, что теоретически механистические природные силы и самые могущественные орудия Божьего промысла ничего не объясняют и не могут удовлетворить ищущего истинное Знание!

Сквозь пелену иератических письмен и таинственных аллегорий древних учений, за печатями всех священных писаний, в руинах Ниневии и Фив, на овеваемых всеми ветрами камнях древних храмов, на почерневших ликах ассирийских и египетских сфинксов, в чудовищных и поразительных образах, сообщаемых верующему индуисту страницами священных Вед, в непонятных эмблемах наших старинных алхимических трудов, в церемониях и посвятительных ритуалах тайных обществ мы видим наследие учения, которое неизменно и повсеместно сокровенно. Оккультная философия определенно была нянькой или крестной матерью всех мировых религий, тайным рычагом всех интеллектуальных сил, ключом ко всем Божественным сокровенным тайнам и верховной царицей общества в те века, когда ей обучались исключительно жрецы и цари.

Она правила в древней Персии руками магов, которые однажды погибли как властители мира потому, что воспользовались своей властью во зло. Она наделила Индию великолепной и невероятно богатой поэтической традицией, поражающей воображение своими символами; она открыла Греции звуки лиры Орфея; она сокрыла основы всех наук, всего развития человеческого духа в потаенной символике Пифагорейской философской школы; она была в сказках, полнящихся чудесами, в истории, которая вступала в спор со

сказками и мифами, присваивая себе право толкования чудес; она сотрясла царства мира сего громогласными оракулами; она заставляла всех правителей на их престолах бледнеть при одном лишь своем виде и сама управляла народами, пользуясь их любопытством и страхом. Для этой науки, говорили в невежественной толпе, нет ничего невозможного: она управляет стихиями, ей ведом язык далеких планет, она правит движением звезд; Луна при звуке ее гневного голоса, окровавленная, падает на землю; мертвецы при звуках ее голоса встают в гробах и претворяют в ужасающие слова ветры смерти, дующие в их опустевших черепах. Властительница любви и ненависти, эта наука может, по одной только воле своей, в единый миг превратить сердце человеческое в Рай земной или в кромешный Ад; она является единой управительницей любого волеизъявления и в соответствии со своим единоличным решением распределяет в мире красоту и уродство; она способна точно волшебным жезлом Цирцеи обращать людей в низких зверей или наоборот; она вольно распоряжается жизнью и смертью; она способна наделять своих адептов богатством посредством трансмутации металлов и бессмертием – посредством Квинтэссенции, или эликсира бессмертия, созданного из золота и света.

Вот чем была магия от Зороастра до Мани, от Орфея до Аполлония Тианского, когда позитивистское христианство, одержав триумфальную победу над удивительными сказками и великими чаяниями Александрийской школы, публично сокрушило основы этой философии церковными анафемами, заставив ее уйти в еще более глубокое подполье и стать донельзя сокровенной, оккультной, тайной.

В основе основ магии лежит наука, точно так же, как в основе основ христианства лежит любовь; и в евангельских символах мы снова видим Слово, ставшее плотью, Которому в младенчестве пришли поклониться трое волхвов, то есть магов, ведомых звездой (триада и знак Микрокосма), и принесли Ему золото, ладан и миро – то есть еще одну мистическую троицу, в символах которой кроется потаенное учение всей Каббалы.

Христианство не должно было ненавидеть магию, однако человек в невежестве своем постоянно испытывает страх перед неведомым. Наука вынуждена была скрываться, дабы обезопасить себя от агрессивной страстности слепой любви. Она скрылась за новыми иероглифами, спрятала результаты своих трудов, скрыла свои устремления. Она создала обиходный жаргон алхимиков для того,

чтобы на протяжении веков постоянно обманывать грубую толпу, алчную до золота. Это был живой язык только и исключительно учеников Герметической школы.

Бежав под сень масонства, алхимики привнесли в него систему градусов и поделились некоторыми своими тайнами с посвященными; не языком посвящения, а в ходе последующих наставлений, ибо даже для прошедшего ритуал посвящения, не владеющего, однако, ключом к его пониманию, весь язык церемонии остается бессмысленным жаргоном.

Среди священных книг христианства есть две, которые «непогрешимая» Церковь не понимает и даже не силится понять и истолковать, – это пророчество Иезекииля и Откровение Иоанна; это, вне всякого сомнения, каббалистические ключи, составленные в Небесах для наставления царей-магов, запечатанные семью печатями для всех истинно верующих, однако «совершенно ясные и однозначные» для всякого непосвященного в оккультные таинства.

Для христиан, по их мнению, магические ключи Соломона утрачены безвозвратно. Однако не вызывает никаких сомнений то, что в мире, которым правит Слово, ничто из того, что было однажды написано, не может быть совершенно утрачено. Только то, что люди перестают понимать, перестает существовать для них, по крайней мере, в форме Слова; но даже тогда оно просто переходит в область таинств и загадок.

Таинственный основатель христианской Церкви был благословлен в колыбели троими магами, то есть иератическими посланцами всех трех частей известного в то время света, всех трех аналогических миров оккультной философии.

В Александрийской философской школе магия и христианство шли рука об руку, по крайней мере, насколько это отражает философия Аммония Сакка и Платона. Синезий выводит условия этого союза из снов; впоследствии о них сообщал грядущим поколениям Кардан, сочинявший гимны, которые могли лечь в основу литургии церкви Сведенборга, если бы церковь иллюминатов вообще могла иметь собственную литургию.

Эта эпоха страстных умозрений и бесстрастных логических споров совпала по времени с правлением императора-философа Юлиана, просвещенного и посвященного первого порядка, веровавшего в Единого Бога и проповедовавшего вселенское учение о Троице; в связи с гибелью старого мира он не жалел ни о чем, кроме его

величественных символов и волшебных образов. Он был не язычником, но гностиком, испытавшим определенное влияние эмблематики греческого язычества; единственная его беда состояла в том, что он счел имя Иисуса Христа менее благозвучным, чем имя Орфея.

Можно быть совершенно уверенными в том, что как только религия и философия занимают каждая собственную, независимую от другой, нишу, умственные способности народа в этот период неизмеримо опережают его же веру; и, хотя привычка некоторое время может поддерживать последнюю на плаву, от ее жизненной силы вскоре не останется и следа.

Темные люди, уведшие изначальное чистое христианство далеко в сторону от истинного пути, заменяя науку верой, опыт – мечтами, реальность – мифами, равно как и инквизиторы, многие века ведшие с магами войну на полное истребление, значительно преуспели на пути окутывания непроницаемой пеленой таинственности и секретности древнейших открытий разума человеческого; теперь нам приходится снова блуждать в темноте, дабы на ощупь попытаться найти ключи к основополагающим таинствам природы. Однако все природные явления зависят от одного, единого и неизменного, закона, воплощенного в Философском камне и его эмблеме – кубе. Этот закон, в Каббале выраженный числом 4, и снабдил древних иудеев всеми их таинствами во главе с Тетраграмматоном.

В этом слове из четырех букв есть всё. Это и *азот* алхимиков, и *Тот* богемиан, и *Таро* каббалистов. Оно сообщает адепту последнее слово в людской науке и ключ к Божественной Силе; но лишь тот способен обрести всю полноту знания этого Слова, кто вполне осознает необходимость никогда не раскрывать Его непосвященному. Если бы Эдип, вместо того чтобы *убивать* Сфинкса, *пленил* его и в ярме привел в Фивы впряженным в свою колесницу, он и так немедленно стал бы царем, без всякого кровосмешения, горестей и изгнания. Если бы Психея любовью и смирением убедила Амура открыться ей, она никогда не потеряла бы его навек. Амур, то есть Любовь, – это один из мифологических образов великого таинства, великий нравственный агенс, ибо он одновременно воплощает и действие, и страсть, пустоту и полноту, стрелу и рану. Посвященные должны четко понимать это, и посему, чтобы профаны не услышали ничего не предназначенного для их ушей, масонство никогда не говорит слишком много.

Когда наука в Александрии потерпела поражение от фанатиков, умертвивших Ипатию, она стала христианской, точнее, она скрылась

под христианской оболочкой в трудах Аммония, Синезия и автора произведений Дионисия Ареопагита. Тогда ей просто необходимо было творить «чудеса», то есть создавать их зримые видения, и скрывать глубину истинного познания посредством использования непонятного аллегорического языка. Возродилось иероглифическое письмо, были изобретены таинственные пентакли и прочие значки, в одном символе содержавшие целые учения, целые совокупности вещей и явлений – в одном слове. Что же было пределом устремлений всех этих искателей истины? Они искали ключ к таинству Великого Делания, то есть Философский камень, или вечное движение, или квадратуру круга, или панацею; маловразумительные формулы и определения часто спасали их от преследований и вообще злой воли, но для того лишь, чтобы сделать предметами насмешек и издевательств; тем не менее, каждая из этих идей выражала ту или иную сторону великой магической тайны. Так продолжалось вплоть до времени «Романа о розе», который также был призван выразить таинственное, магическое значение поэмы Данте, позаимствованное из высшей Каббалы – этого необъятного скрытого источника вселенской философии.

Нет ничего странного в том, что людям крайне мало известно о силе человеческой воли, в силу чего они совершенно неверно оценивают их; ведь они совершенно ничего не знают о происхождении воли и образе ее действия. Воля человека способна заставить его руку двигаться или другого человека – повиноваться первому человеку; его мысль, нашедшая символическое выражение в начертанном знаке, может оказывать влияние на других людей и вести их за собой, – и все это тайны, человеку неведомые настолько же, насколько неведома ему тайна влияния Божественной Воли на сотворение Вселенной.

Силы человеческой воли по сей день остаются для человека неясными и неопределенными. Следует ли приписать многочисленные хорошо известные явления одной лишь силе воли, или же магнетизму какого-либо иного природного элемента, – до сих пор не ясно; однако все согласны с тем, что концентрированное усилие воли обречено на успех, вне зависимости от направления этой воли.

Не подлежит сомнению, что природные явления реальны, если только сомнению не подвергаются свидетельства людей; а если они реальны, то нет никаких причин сомневаться во владении многими посвященными во все времена силами, которые могут называться магическими. Мало что в мире настолько подробно

задокументировано, как невероятные волшебные представления индийских браминов. Никакая другая религия не подкреплена столь многочисленными свидетельствами; никто и никогда, правда, не предпринимал попыток объяснить то, что с полным правом можно назвать творимыми ими чудесами.

Никто не знает, насколько разум и душа могут в этой жизни действовать вне и независимо от тела. Способность воли к действию совершенно вне телесного влияния, реальность сновидений, – все это тайны, ставившие в тупик мудрейших и образованнейших людей, толкования которых представляют собой просто бессмысленное вавилонское смешение языков.

Человек в настоящее время крайне мало знает о природных силах. Окруженный, ограниченный и управляемый ими, ошибочно убежденный в собственной независимости, не только от своего народа, но и от вселенской природы и ее беспредельно многочисленных сил, он, по сути, является рабом этих сил, если только ему не удается стать их властелином. Он не в состоянии не только игнорировать их, но и просто независимо сосуществовать с ними.

Однако в его природе есть некая невероятно могущественная сила, за счет которой один отдельно взятый человек, овладевший ею и знающий, куда и как направить ее, может изменить весь окружающий его мир.

Эта сила была известна древним. Это вселенский агенс, верховный закон действия которого есть равновесие; узнай его и научись управлению им наука, она оказалась бы способна изменять порядок следования времен года, превращать ночь в сияние дня, отправлять мысль в путешествие вокруг всего света за единый миг, лечить или убивать на расстоянии, сообщать свои идеи одновременно всему миру.

Этот агенс, частично раскрывающийся в слепых догадках учеников Месмера, и есть то, что посвященные Средневековья именовали Первичной Материей, или Великим Деланием. Гностики считали, что из этой материи состоит огненное тело Святого Духа; ей поклонялись адепты тайных саббатианских или тамплиерских ритуалов под видом аллегорического Бафомета, или андрогинного козла Мендеса.

В мире существует некий Жизненный Принцип, деятельной основой которого является принцип двойственной природы, или двойного течения, любви и ненависти. Это двойное течение проникает повсюду. Это луч, проистекший от солнечной короны и зафиксированный в одной точке силой атмосферного давления и центростремительной

силой. Это тело Святого Духа, Вселенский Агенс, Змей, пожирающий собственный хвост. Алхимики были отлично знакомы с электромагнетическим эфиром, с этой живой и сияющей теплотой. Та разновидность современного человеческого невежества, которая именует себя физической наукой, совершенно ничего не знает о природе эфира, лишь анализируя некоторые его внешние эффекты, в то время как теология, с другой стороны, поочередно применяет к нему все вновь изобретаемые ею определения Духа. Обычный здравый смысл человеческий молчаливо признает его существование и почитает его; все осознают его воздействие на мир, но никто не в состоянии описать его природу или образ действия; его называют *флюидом*, его описывают как *поток*, – но это всего лишь попытки скрыть под словесной шелухой собственное невежество.

Сила притягивает силу; жизнь притягивает жизнь; здоровье притягивает здоровье. Это закон природы.

Если двое детей живут вместе, или, что важнее, спят в одной кровати, и один из них слаб, а другой – силен, сильный поглотит жизненную энергию слабого, и тот умрет.

В школе некоторые дети поглощают интеллектуальную энергию своих одноклассников, а в каждом коллективе рано или поздно обязательно выявляется человек, овладевший волей остальных.

Обычно течение поглощает и увлекает за собой; толпа точно так же увлекает человека, и физически, и духовно. Воля обладает практически абсолютной властью над действиями человека; и всякое внешнее проявление воли непременно влияет на предметы и явления внешнего мира.

Тиссо приписывал возникновение большинства болезней различным расстройствам воли или негативному воздействию воли окружающих. Мы становимся субъектами волеизъявления других людей в соответствии с законом аналогии своих устремлений, и в еще большей степени – своих недостатков. Потакать слабостям другого человека – это, в сущности, постепенно овладевать его волей, его действиями, с тем чтобы впоследствии заставить его самого потакать как своим слабостям и заблуждениям, так и слабостям и заблуждениям навязавшего ему свою волю. Однако при встрече двух личностей, обладающих практически идентичными слабостями и пороками, это приводит к столкновению двух личностей, из которых более сильная непременно поглощает более слабую, и более сильный разум пленяет и ограничивает более слабый. Часто более слабый

разум сопротивляется плену и втуне восстает против него, после чего неизменно падает еще ниже, попадая в еще более позорный плен.

У каждого из нас есть тот или иной основной недостаток, за который может уцепиться враг. У кого-то это суетность, у кого-то – леность, у большинства – эгоизм. Стоит только злому и хитрому духу наложить лапу на эти недостатки – и пиши пропало. Ты превратишься не в глупца, не в умственно отсталого, – нет, в совершенного безумца, раба внешнего волевого импульса. В сердце твое вселится непередаваемый ужас пред всем, что может возвратить тебя к изначальному состоянию пребывания в своем уме; ты окажешься не способен внимать никаким, даже самым неопровержимым, доказательствам необходимости вернуть себе разум.

Чудеса – это естественные следствия исключительных причин.

Непосредственное воздействие человеческой воли на тела, по крайней мере, если это воздействие не выражено зримо, является настоящим чудом в понятиях физической природы.

Воздействие же, оказанное на волю или интеллект, внезапно или без определенного временного ограничения, способно овладеть человеческими мыслями, изменить самые, казалось бы, непоколебимые представления, парализовать самые неистовые страсти, – и это чудо в понятиях нравственного мира.

Самая распространенная ошибка человека в восприятии чудес – это считать их следствиями без причин, противоречащими природному порядку вещей, внезапными вспышками Божественной фантазии; люди просто не понимают, или не желают понимать, что одна-единственная такая вспышка разрушила бы вселенскую гармонию и вновь ввергла бы весь мир в хаос.

Существуют чудеса, на которые не способен Сам Бог, – это абсурдные чудеса. Будь Бог способен хотя бы на один миг стать абсурдным, всего лишь миг спустя не стало бы ни Его, ни Вселенной. Ожидать от Божественной Свободной Воли следствия, причина которой была бы неясна или совершенно отсутствовала бы, – именно это называлось бы искушать Господа своего. Это означало бы очертя голову броситься в пустоту.

Бог действует на Небесах через ангелов, а на Земле – через людей.

В мире людских представлений именно человеческий разум творит Бога; и люди думают, что Бог сотворил их по образу и подобию Своему в силу того лишь, что они создали Его по своим образу и подобию.

Власть человека распространяется на всю материальную, зримую земную природу, и даже не способный управлять движением звезд и планет, он, по крайней мере, может вычислить пути их передвижения, измерить расстояние между ними и таким образом отождествить свою волю с их влиянием; он оказывается способен менять их атмосферу, до некоторой степени изменять порядок следования времен года друг за другом, лечить других людей или напротив – навлекать на них болезни, возвращать жизнь или наоборот – убивать.

Абсолют, воплощенный в разуме и воле, – это величайший дар, доступный человеку; именно этой силой творится то, что толпы считают чудесами.

Сила есть разумное использование воли, которым саму Судьбу становится возможным заставить служить претворению в жизнь идеи истинного мудреца.

Всемогущество – это абсолютная свобода; а абсолютная свобода не может существовать вне совершенного равновесия; колонны Яхин и Боаз – это также безграничные Сила и Величие Совершенного Бога, соответственно, седьмая и восьмая сефирот Каббалы, равновесие которых порождает постоянство и неизменность Его планов и трудов, а от этих постоянства и неизменности проистекают Успех и неделимая и неограниченная Власть, которые суть девятая и десятая сефирот, символом которых является для нас Храм Царя Соломона во всей его величественной соразмерности, во время возведения которого не было слышно ни единого звука металлического орудия в стенах его. «*Ибо Твое есть Царство,* – гласит самая совершенная из известных человечеству молитв, – *и сила, и слава во веки. Аминь*»[19].

Абсолют – это *необходимость* бытия, неизменный закон Разума и Истины. *Он есть то, что есть.* Но это *то, что* есть, предшествует *Тому, Кто* Есть. Сам Бог не лишен *разумного бытия*. Он существует не *случайно*. Его *не могло* не быть. Его бытие, следовательно, необходимо, оно *вызвано* необходимостью. Он *может* существовать только в силу существования Высшего и неизбежного Разума, того Разума, Который и есть *Истинный Абсолют,* в Который и лишь в Который следует нам веровать, если мы хотим, чтобы вера наша покоилась на прочном разумном основании. В наше время возникло мнение, что Бог – это Гипотеза; но Абсолютный Разум гипотезой не является; он жизненно необходим для всего бытия.

Св. Фома[20] писал: «*Вещи существуют не потому, что такова воля Бога, но воля Его такова потому, что так справедливо*». Отбрось он

все абсурдные последующие выводы и оставь эту мысль в таком виде, он мог бы гордиться открытием истинного Философского камня, волшебного эликсира, способного обратить все потоки мира в золотые жилы. Насколько Богу необходимо *существовать,* настолько же Ему необходимо быть справедливым, любящим и милостивым. Он *не может* быть несправедлив, враждебен и немилостив. Он не может лишить силы закон, определяющий, что правильно, а что неправильно, закон заслуг и проступков, ибо нравственные законы носят абсолютный физический характер. Бывают вещи и явления, которые невозможны. Дважды два не могут перестать равняться четырем и стать пятью; нельзя заставить вещь одновременно существовать и не существовать; точно так же Бог не может в единый миг превратить преступление в благодетель, а любовь и благодарность – в преступление. Невозможно также было сотворить человека совершенным, несмотря на все его телесные свойства и пристрастия, равно как невозможно было приспособить его нервную систему воспринимать ласку и вместе с тем не воспринимать также и боль.

Посему, в соответствии с теорией св. Фомы, нравственные законы являются *претворениями* Божественной *Воли* лишь настолько, насколько они являются *решениями* Божественной *Мудрости* и Абсолютного *Разума,* а также *откровениями* Божественной *Природы.* Лишь этим объясняется *право* Бога на их претворение, и лишь так мы обретаем твердую Веру во вселенскую Гармонию.

Верить в Разум Бога и в Бога Разума – значит совершенно исключить атеизм, сделать его существование невозможным. Вообще, атеизм – это изобретение идолопоклонников.

Закон аналогии наделяет мудреца всеми силами Природы. Это ключ ко всем Великим Арканам, путь к корню Древа Жизни, Науке Добра и Зла.

Абсолют – это Разум. Разум существует Сам по Себе. Он существует потому, что Он существует, а не потому, что мы предполагаем Его существование. Он Есть там, где нет ничего, и ничто не может существовать вне Него и без Него. Разум есть Необходимость, Закон, Правило всякой Свободы, путеуказатель для любого посвященного. Если Бог существует, Он существует в силу существования Разума. Понятие Абсолютного Бога, независимого от или существующего вне Разума, превращается в идола черной магии, в фантом, в демона.

Высший Разум, в силу необходимости, является *рациональным.* В философии Бог не может быть ничем, кроме гипотезы; но это

гипотеза, внушенная человеческому разуму здравым смыслом. Персонифицировать Абсолютный Разум – значит определить Божественный Идеал.

Необходимость, Свобода и Разум! Узнай же и запомни эту великую верховную Троицу каббалистов!

Неизбежность, Воля и Сила! Это священная троица, которая соответствует Божественному Треугольнику в мире человеческих представлений.

Неизбежность, или *Судьба,* – это предначертанный свыше и неизменный порядок связывания между собой причин и следствий.

Воля – это способность управлять силами Разума во имя примирения свободы человека с необходимостью как основой миро-устройства.

Исходя из этих посылок, ты сам сможешь сформулировать довод. Каждый из нас делает это раньше или позже в течение жизни. «*Ищите,* – гласит Писание, – *и обрящете*». Но ведь нигде не содержится запрета на обсуждение этого положения, и, без сомнения, в ушах твоих все время звучит этот призыв, побуждая к тем или иным размышлениям. Утверждение, отрицание, спор – именно так становится возможно обрести истину.

Дабы исследовать великие таинства Вселенной и пытаться разрешить многочисленные ее загадки, во главу угла человек должен ставить свою возвышенную Мысль – главное его отличие от животного. Точно так же во все времена человеческий разум стремился осознать и объяснить самому себе природу Верховного Бога.

То, что Вселенная была сотворена единым Разумом и единой Волей, слишком очевидно, чтобы не быть фактом, признанным практически всеми *философами* во все времена. Только *религии* древности стремились множить своих богов. Природа Верховного Бога и способ возникновения Вселенной суть вопросы, вечно терзавшие человеческий разум, и именно ими вплотную занимались каббалисты.

Действительно, мы, в некотором смысле, не способны обрести никакого определенного знания о Самом Абсолюте, то есть о Самом Боге. Единственными средствами обретения нами того, что мы именуем *настоящими знаниями,* являются наши чувства. Если бы знания включали в себя только то, что мы *видим* и *чувствуем,* то значит, мы не обладали бы никакими знаниями о собственной душе, об электричестве, магнетизме... Мы видим, чувствуем и ощущаем вкус кислоты или щелочи, мы кое-что знаем о *свойствах* этих

веществ, но лишь используя их в сочетании с другими веществами, мы начинаем наблюдать некоторые *результаты* их применения, а следовательно, постигать их *природу*. Химические опыты даруют нам знания о природе и силах большинства животных и растительных субстанций. Поскольку все они в той или иной степени могут быть изучены при помощи наших пяти чувств, мы отчасти можем постигнуть их лишь при помощи чувств; но душа, наша или чья-либо другая, непостижимая при помощи чувств, может быть постигнута только через познание действий и слов, являющихся следствиями ее существования. Магнетизм и электричество, особенно в состоянии покоя и уравновешенности, также пребывают за пределами нашего чувственного познания, но когда они начинают действовать, мы видим, слышим, осязаем, воспринимаем запах и вкус их следствий. Мы не знаем, что они такое *есть;* мы только наблюдаем их *проявления*. Свойства Бога мы также можем воспринять только через познание Его проявлений. Требовать большего – значит требовать не *знания,* а чего-то совершенно иного, для чего мы еще не придумали названия. Бог есть Сила, а нам ничего не ведомо о сути какой бы то ни было Силы – только ее проявления, действие и результаты этого действия, которые способен постигнуть наш разум.

В наше время, стремясь исключить из сферы своих рассуждений все *материалистические* идеи в связи с понятием Бога, мы настолько отшлифовали определения Верховного Бога, что совершенно утратили всякое реальное представление о Нем. Стремясь почитать Его как чистый нематериальный Дух, мы отождествили слова «Дух» и «ничто», и теперь мы говорим, что Он – это *Нечто,* обладающее определенными свойствами, такими как Всемогущество, Мудрость и Разум. Сравнить Его со Светом – значит в наше время не просто выйти за рамки философии, но и просто-напросто вплотную приблизиться к атеизму; мы полагаем необходимым выражать сочувствие к древним грубым и неадекватным понятиям о Боге, сводившимся к почитанию Его как Первопринципа Света, незримой субстанции, или сущности, от Которой проистекает весь и всяческий Свет.

Но, тем не менее, наши Священные писания постоянно говорят о Нем как о Свете, так что и сабеян, и каббалистов вполне можно простить за то, что они поступали так же, особенно если принимать во внимание, что они не считали Его *видимым* светом – но Предвечным Эфирным Океаном, источником всякого Света.

Пребывал ли одинокий Бог во тьме или в Свете до момента Творения? Сосуществовал ли с Ним сам Свет, или же он был сотворен позднее, после эонов и эонов полной тьмы? И если он сосуществовал с Богом, проистекал ли он от Бога, заполняя собой все пространство, уже заполненное Самим Богом, тем самым подтверждая, что и Свет и Бог заполняли собой одно и то же пространство, то есть все пространство вообще?

Мильтон так перефразирует древнеиудейское учение:

О, Свет святой! О, первенец Небес!
Хвала тебе! Дерзну ль неосужденно
Лучом совечным Вечному назвать
Тебя, когда Господь есть Свет,
От века сущий в неподступном свете,
А стало быть, о, излученный блеск
Субстанции несозданной, – в тебе![21]

«*Свет*, – говорится в древней книге „Хамишим“, или „Введении в Каббалу“, – *высшее из всех понятий, самое возвышенное и беспредельное, именуется Бесконечным, и не может быть обретен никакими размышлениями или умозрительными построениями; и САМА ЕГО ПРИРОДА находится совершенно вне сферы всего постижимого силами разума. Он существовал прежде всего остального, сотворенного, порожденного, сформированного или проистекшего (эманации); и в нем не было начала, открытия или головы, ибо он существовал всегда и всегда же пребудет, без начала и без конца*».

«*До того как произошло первое проистечение эманаций и были сотворены все тварные вещи, Верховный Свет распространился беспредельно и заполнил всё ГДЕ, посему в соседстве со Светом не может существовать никакого вакуума, никакой пустоты; ВСЁ было заполнено этим Светом Беспредельного, так распространившегося, что у него нигде не было никаких пределов, ибо не существовало ничего, кроме этого бесконечного Света, пребывавшего равно и одинаково пребывавшего повсюду и во всем, и повсюду был неизменен и сам по себе*».

Эйн-Соф также именуется Светом, по утверждению автора Введения к Книге Зогар, ибо никакое иное слово во всей полноте не отражает Его сущности.

Дабы воспринимать Бога как *реальность*, а не просто как некое *небытие* или одно лишь *имя*, подразумевающее *не-существование*, каббалисты, подобно египетским жрецам, именовали Его «сокро-

веннейшим Светом» – Ором, или Ауром, отличным от известного нам материального и зримого света, субстанцией, от которой проистекает весь и всякий Свет, Огнем, в смысле Его отношения к жару и пламени. Солнце для сабеян служило лишь внешним проявлением этого Света, или Эфира, его сиянием в материальном мире, и именно как таковому они поклонялись ему, а не как носителю некоей собственной Силы и Власти. Бог был для них Φος Νοέτον, Светом, постижимым лишь средствами разума, Первопринципом Света, Светлым Эфиром, от которого проистекают души и к которому они впоследствии возвращаются.

Свет, Огонь и Пламя полагались финикийцами сынами Крона. Они были также Троицей халдейских оракулов, Ором Всевышнего Бога, проявленным в зримом *пламени* – отблеске *Пламени Незримого*.

В первых троих персидских Амешаспента – Господах Света, Огня и Сияния – мы узнаем Ор, Зогар и Зайон – Свет, Сияние и Блеск каббалистов. Первое из этих понятий также именуется «Ор Мупала» – *Чудесный*, или *Сокровенный Свет,* Свет непроявленный, неявный, который есть *Кетер*, первая эманация, или сефира – *Воля* Бога; второе из них – это «Нестар» – *Сокровенность*, то есть *Хохма* – вторая сефира, *Разумная Сила* Бога; а третье – это «Метаноцац» – *Блистание*, то есть *Бина*, третья сефира, разумная *Творческая Сила* Бога. Иными словами, сама Суть Света пребывает в Боге; *огонь*, который и есть этот Свет, ограниченный и наделенный определенными свойствами, дабы оказаться в состоянии проявляться в материальном мире, остается, однако, неявленным, и *сияние* его материального проявления также является *светом*, проистекающим от этого огня.

Масонство есть вечный поиск Света. И этот поиск, как ты видишь, неизменно возвращает нас к Каббале. В этой древней и мало кем понятой смеси высокой философии и вымысла посвященный может обнаружить основы и истоки многих учений; со временем он может даже обрести понимание философии герметиков, алхимиков, протестантских мыслителей Средневековья и даже Эммануила Сведенборга.

В «Хансавати Риши», известном поэтическом произведении на санскрите, говорится: «*Он – это Хамса* [Солнце], *пребывающий в свете; Васу – атмосфера, пребывающая на тверди; призывающий богов* [Агни]; *живущий на жертвенниках* [т. е. в огне жертвенных воскурений]; *гость* [в доме верующего], *пребывающий в доме* [т. е. на домашнем жертвеннике]; *обитающий среди людей* [в качестве их

совести]; *обитающий в Истине, обитающий в небесах* [т. е. в воздухе]; *рожденный в водах, в лучах света, в реальном мире* [в проявлениях], *в Восточных горах; он есть* [сама] *Истина*».

«*Вначале*, – говорится в древнем ведическом гимне, – *возник Источник золотого света. И был он единственным рожденным Господом всего сущего. Он сотворил небо и землю. Кто же тот Бог, Которому мы принесем жертвы?*»

«*Тот, Кто дарует жизнь, Тот, Кто дарует силу; Тот, Чьего благословения жаждут все светлые боги; Чья тень – бессмертие; Чья тень – смерть, кто же есть Бог?..*»

«*Тот, Чьей волей сияют небеса и существует Земля, Тот, Чьей волей установились небеса, и не только, но еще и Высшие Небеса; Тот, Кто измерил свет в воздухе, кто же есть Бог?..*»

«*Тот, на Кого Небеса и Земля, твердо установленные Его волей, взирают с неизменным трепетом; Тот, над Кем вечно сияет восходящее Солнце, кто есть Бог?..*»

«*Куда бы ни плыли могучие грозовые тучи, где бы семя ни прорастало в земле, где бы ни возгорался огонь, – там Он, единственная основа жизни светлых богов, кто есть Бог?..*»

Слово Божье, как учит древнеиндийская философия, является вселенским незримым Светом, постижимым при помощи пяти человеческих чувств и проявляющимся в Солнце, Луне, планетах и других звездах. Филон называет его «Вселенским Светом», утратившим часть своих чистоты и сияния при нисхождении из мира интеллектуального в мир чувственный и в процессе обретения проявлений, внешних для Бога; Каббала же утверждает, что в определенную Богом в беспредельном Свете для Творения мира сферическую пустоту проникло ровно столько этого беспредельного Света, сколько могло попасть туда по тонкому каналу, уподобляемому нити. Сефирот, Божественные эманации, были лучами Его сияния.

Халдейские оракулы учили: «Разум Творца, побужденный к действию, произнес Слово во внешнем мире, сформировав внутри Себя силой Своей мысли универсалии всех возможных форм и видов, которые, во всем своем многообразии, перешли во внешний мир, проистекая, тем не менее, из единого Источника… Ибо Бог, воплощенный во Всемогуществе, прежде чем сотворить Вселенную во всем ее многообразии, сотворил неизменные разумные универсалии, отражения и отзвуки которых пронизывают весь сотворенный мир, и за их счет соответственно сотворенная и сформированная Вселенная

обретает зримую красоту во всем многообразии проявлений своих видов и форм, Источник которых остается единым... Разумные умопостроения, проистекающие из единого творческого Источника, следуют одно за другим, в соответствии с неизменными законами Времени, каждое воспринимая некую долю Изначального Эфира, или Огня; но, тем не менее, все универсалии, архетипы и идеи проистекают от и являются частями Первоисточника Творческой Силы, совершенного по своей сути».

Халдеи называли Верховного Бога *Араором* – «Отцом Света». От него, как они считали, проистекал свет над материальным миром, озарявший все небесные области. Этот Свет, или Огонь, почитался ими как символ Божественной Сущности, распространяющийся также на низшие духовные сущности. Поэтому их оракулы утверждали: «Отец взял от Себя, но не запер Свой истинный Огонь внутри своей разумной власти... Все вещи проистекли от одного Источника Огня...»

Сабеяне полагали, что все низшие духовные сущности являются эманациями Верховного Бога, и поэтому Прокл писал: «*Последовательность проявления богов едина и непрерывна, она берет свое начало в неявленных разумных единствах и нисходит до последнего разделения Божественной Первопричины*».

О Боге невозможно рассуждать простым и понятным языком. Всякий стремящийся описать все многочисленные Его свойства абстрактными понятиями неизменно приходит к сплошному отрицанию и совершенно теряет из виду все идеи, бесконечно плутая в лабиринтах бессмысленных слов. Нагромождать превосходные степени на превосходные степени, называть Его «лучшим», «мудрейшим», «величайшим», – это всего лишь доводить до высшей точки развития свойства человека. Разум справедливо наставляет нас в существовании Единого Бога, Совершенного и Милостивого Существа, но вот обрести хотя бы относительное понимание Божественной Природы, Его Сущности, способа Его существования и творения Вселенной человеческий разум не способен. Мы не способны сформировать для себя ясные идеи всемогущества, всеведущести, беспредельности и вечности; и посему мы не имеем морального права приписывать Ему разум в большей степени, чем все остальные собственные нравственные качества, развитые до беспредельно огромной степени; но в таком случае нам следует приписывать Ему также свои чувства и телесные органы, как поступали авторы древних иудейских трактатов.

Мы удовлетворяемся тем, что отрицаем в Боге все свойства тварного бытия, насколько они доступны нашему пониманию и постижению. Таким образом, с точки зрения формальной логики, Он превращается для нас в *Ничто – Non-Ens*. Древние не видели различий между этой концепцией и атеизмом, а поэтому стремились обрести понимание Его как некой реальной сущности. Этого требует человеческая природа. Теологическая идея, или, скорее, не-идея, Бога не находила признания и почтения среди необразованной толпы. Для нее Бог всегда был и останется Отцом, Сущим на Небесах, Правителем, восседающим на Своем престоле, Существом, обладающим совершенно человеческими чувствами и привязанностями, гневающимся на людей, когда они совершают проступки против Его воли, снисходительным к их прегрешениям, если они вовремя каются, доступным для их молитв и жертвоприношений. Именно человечность, а отнюдь не божественность Христа заставляет основную массу христиан поклоняться Ему гораздо более, чем Его Отцу.

«Свет Сущности Беспредельного» – гласит каббалистическое определение. Как писал св. Иоанн, Христос был «*жизнь, и жизнь была свет человеков, и свет во тьме светит, и тьма не объяла его*»[22].

Древние, вероятно, понимали сущность света ничуть не хуже нас. Ничто не свидетельствует в пользу того, что они приписывали Свету те или иные материальные свойства. Однако современная наука считает его потоком частиц *материи*, проистекающим от Солнца и звезд и направленным от них к нам через бесконечные пространства Космоса. В соответствии с этой механистической теорией, остается, однако, неясным, какая именно сила земного притяжения или отталкивания – со стороны Солнца или невероятно отдаленных звезд – заставляет эти частицы, неосязаемые, невесомые, беспредельно малые, воспринимаемые только нашим зрением, преодолевать столь огромные расстояния в Космосе. Что произошло с неизмеримо огромными количествами этих частиц, которые успели попасть на Землю с момента Творения? Увеличили ли они общий вес Земли? Почему они недоступны химическому определению и анализу? Если они материальны, почему они в таком случае перемещаются только по прямой?

Никакие материальные свойства не присущи свету, огню, жару, гальванизму, электричеству и магнетизму. Электрическая искра есть свет; и такая же искра получается при ударе о кремень стальным кресалом. Расплавленное или просто нагретое железо порождает

свет, равно как и некоторые насекомые, инфузории и гниющее дерево. Тепло рождается при трении или давлении, для истолкования какового явления наука вводит понятие *латентного*, внутреннего тепла, представляя его существующим внутри тел вне каких бы то ни было материально проявленных свойств. Какое свойство материи позволяет молнии, сверкнувшей в небесах, воспламенить древесный ствол? Какое свойство материи позволяет ей замкнуть электрическую цепь земли за считанные доли секунды?

Не имея ровным счетом никакого представления о природе этих могущественных агенсов Божественной Силы, мы пытаемся скрыть свое невежество под покровом лишенных смысла слов; нам просто следовало бы задаться вопросом, *почему* Свет не может быть эманацией Божественной Силы, с чем соглашались приверженцы всех религий во все времена и у всех народов.

Все истинно догматические религии проистекли от Каббалы и к ней же возвращаются; все истинно научное и величественное в религиозных мечтах всех Детей Света – Якоба Бёме, Сведенборга, Сен-Мартена и других – было позаимствовано из Каббалы; все масонские аллегории связаны с ее таинствами и ее символами.

Только в Каббале освящается союз Вселенского Разума и Божественного Слова; в ней устанавливается – посредством противопоставления двух определенно противоположных сил – вечное равновесие бытия; только в ней Разум примиряется с Верой, Власть – со Свободой, Наука – с Таинством; в ней содержатся ключи к Настоящему, Прошлому и Будущему.

Библия, во всем многообразии содержащихся в ней иносказаний, отражает, пусть неполно и сокровенно, положения священной науки древних иудеев. Учение Моисея и Пророков, в основе своей идентичное доктринам египетских жрецов, также имело собственную внешнюю сторону и средства сокрытия потаенного глубинного смысла. Книги древних иудеев призваны лишь вызывать в памяти воспоминания о древних устных традициях; они были написаны аллегориями, непонятными для непосвященного. Пятикнижие и поэтические произведения Пророков в действительности являются иносказательно составленными наставлениями в религиозном учении, нравственности и обрядах; а основы истинной философской традиции были записаны лишь гораздо позднее и сокрыты еще более непроницаемыми покровами иносказаний. Так родилась вторая Библия, не известная христианам, а точнее – не понятая ими,

считающаяся *ими* сборником чудовищных суеверий и несуразиц, в то время как посвященные говорят, что эта книга является памятником всему, что философский и религиозный гений человечества когда-либо предполагал и чувствовал в отношении высших материй, сокровищем среди терний, алмазом, заключенным в грубой каменной породе.

Человек не может не преисполниться восхищения, проникнув в святилище Каббалы, узрев сияние этого учения, такого стройного и логически выдержанного, такого простого и в то же время такого всеохватного. Необходимое единство идей и знаков, освящение самых фундаментальных положений простыми изначальными знаками; триединство слов, букв и цифр; простая, как азбука, философия, глубокая и беспредельная, как Слово; теоремы, более универсальные и блистательные, чем теоремы Пифагора; теология, положения которой возможно перечислить по пальцам на руках; Беспредельность, умещающаяся в ладони младенца; десять цифр, двадцать две буквы, треугольник, квадрат и круг, – вот что такое Каббала. Таковы элементарные принципы писаного Слова – отображения Слова Изреченного, Которым был сотворен этот мир.

Таково учение Каббалы, с которым ты, вне всякого сомнения, пожелаешь ознакомиться, дабы совершенно постигнуть идею Творения.

Абсолютное Божество в Каббале не имеет имени. Оно описывается терминами אור פסוט – «Ор-Пасот» – *Простейший,* или *Чистый,* Свет, или אין סוף – «Эйн-Соф» – *Беспредельный,* предшествующий всем и всяким эманациям. Ибо вначале не было пространства и не было пустоты – лишь беспредельный Свет.

До того как Бог сотворил какую-либо Идею, какую-либо ограниченную и постижимую Сущность, какую-либо Форму, Он пребывал в одиночестве, вне формы и вида, и не мог быть познан или постигнут каким бы то ни было способом. Он существовал вне Идей и Форм, и посему строжайше запрещается выражать Его сущность какой-либо идеей или формой, даже литерами ה («хей») и י («йод»), хотя они и содержатся в Священном Имени, равно как и какими-либо иными буквами или знаками.

Но впоследствии Он сотворил Идею (ограниченную и существующую лишь умозрительно Природу, лучами которой являются десять сефирот, или счислений), Посредника, Адама Кадмона, и снизошел в него, дабы в этом воплощении именоваться Тетраграмматоном,

чтобы вещи тварного мира обрели знание о Нем через Его образ и подобие.

Когда Беспредельный Бог возжелал излить во внешний мир то, чему суждено было излиться, Он сконцентрировался в центре Своего Сияния, дабы концентрированный Его Свет разошелся по определенной окружности во все стороны от Центра. И это первое сжатие получило название צמצם – «Цимцум».

Адам Кадмон (אדם קדמון) – Изначальный, или Первый, Человек, является первой эманацией Беспредельного Света в мире Ацилут, внесенной в доселе пустое пространство и впоследствии породившей все прочие системы и степени. Она именуется Адамом в ознаменование ее предшествования всему и вся. В ней были воплощены десять сферических чисел; а затем в ней же воссияла линейная фигура человека в его сефиротической декаде, в качестве диаметра вышеупомянутых кругов; это была ось всех этих сфер, соединяющая их высшие точки с низшими, и на ней покоились все системы.

Затем, поскольку этот Беспредельный Свет чересчур совершенен и величественен, чтобы выносить его сияние без преломления через Адама Кадмона, в силу его потаенной природы, этот свет снова проистек отдельными потоками из себя самого через некие отверстия, наподобие окон, которые получили названия ушей, глаз, ноздрей и рта.

От слова אצל «ацил» – «проистекать» – происходит слово אצילות «Ацилут» – Мир Эманаций, система Воплощений. Когда изначальное пространство было опорожнено, окружающий Свет Беспредельного и Свет, пролившийся в пустоту, не соприкасались между собой; но Свет беспредельного пролился в пустоту через некий тончайший канал; и этот Свет был Первопринципом Эманаций, их истоком, в то время как Свет, уже пребывавший в пустоте, являлся по отношению к нему вторичным, *производным;* между собой их соединяла только вышеупомянутая нить, или канал.

Ацилут – это, по сути, первая из систем четырех каббалистических Оламот (עלמות) – миров, или систем.

Десять сефирот в системе Ацилут предстают как десять некудот, или точек.

Эйн-Соф – это название Причины Причин, буквально означающее «беспредельный», ибо нет пределов Его возвышенности и никто не способен постигнуть Его. Иногда это название также применяют

к *Кетер,* или Венцу, первой эманации, потому что она является престолом Беспредельного, то есть Его первым и главным местом обитания, выше которого не может быть ничего, в котором сокровенно пребывает Эйн-Соф, – посему применение к ней этого названия видится оправданным.

Прежде, нежели появилось что-либо, гласит трактат «Амех Хамелех», Он, по воле Своей, предложил Себе сотворить миры… но в то время для миров не было места, ибо все пространство заполнял Свет Его бытия, запертый им в некоей ограниченной центральной области Своей Сущности, чтобы впоследствии распространиться, по Его воле, вовне.

Что же сделал затем Господь Воли, этот свободнейший из всех возможных агенсов? Своей Волей Он отмерил внутри Своей Сущности ширину и длину сферического пространства, которое освободил, дабы поместить в него вышеупомянутые миры, от содержавшегося там Божественного Света. Он сжал его часть и возвысил, тем самым освобождая некоторое пространство от этого Изначального Света.

Однако это пространство не вполне лишилось этого света, ибо следы Света остались там, где ранее пребывал он сам; и они остались там навечно.

Перед тем как проистекли все эманации и были сотворены все сотворенные вещи, повсюду был бесконечно распространен Высший Свет, заполнявший всё Великое Где; и более ничего не *было,* кроме этого распространившегося Света, именовавшегося *Ор ха-Эйн-Соф*[23] – «Свет Беспредельного».

Когда сознание Распространившегося посетила мысль пожелать сотворить миры и позволить эманациям проистечь от Себя, с тем чтобы утратить некоторую часть Своей активной силы в качестве Предвечного Света, равно как и часть Своих свойств и аспектов, что было неразрывно связано с творением миров и необходимо для их творения; тогда этот Свет до некоторой степени сжался, границы его отступили от некоей ранее существовавшей окружности в направлении некоей центральной точки, и в результате в месте его отступления от прежних границ образовался некий вакуум, в дальнейшем именуемый Пустотой, или Пустым Пространством, границы которого представляют собой окружность, в каждой своей точке равноудаленную от центра всего пространства. Это пустое пространство, таким образом, образовалось в центре Беспредельности: там создалось свое собственное *Где,* в котором нашлось место

для эманаций, равно как и для всего сотворенного, произведенного, рожденного и сформированного.

Этот мир *оболочек* – свободное сферическое пространство, все еще содержащее в себе остатки, оболочки Беспредельного Света, в целом удаленного оттуда, является внутренней оболочкой, ближе всего расположенной к самой Его Сущности, и именуется *Ор Пнай-Эл* – «Свет Божественного Лика».

Промежуточное пространство окружает великую окружность, отделяющую *свет сущности* – с внешней стороны – от *самой сущности* – с внутренней стороны. Оно называется *Splendor Excelsus*[24] в противовес простому Сиянию.

Этот «свет оболочки оболочки» считается, по отношению к оболочке сущности, точкой в центре круга. Этот свет, эта точка в центре Великого Света, именуется «Ауир», «Ор», «Эфир», или «Космос».

Этот эфир иногда обладает несколько более приземленной природой, чем Свет – он не так тонок, *хотя и не воспринимается человеческими чувствами,* и называется Изначальным Эфиром; он распространяется повсеместно, и философы называют его также *Душой Мира*.

Свет, таким образом проистекший от Бога, не может считаться отделенным от Бога и лишенным Его. «Он проистек от Него, но они продолжают оставаться в совершенном единстве... Сефирот, иногда именуемые *ликами* Бога, суть Его лучи, позволяющие Ему наиболее действенно проявляться в низших мирах...»

Во Введении в Книгу Зогар говорится, что первое сжатие было совершено для того, чтобы возвысить Изначальный Свет и освободить некоторое пространство. Второе сжатие произошло, когда оболочки удаленного Света, остававшиеся в освобожденном пространстве, были сжаты в точки; и произошло это сжатие при помощи чувства радости, ибо Бог возрадовался, как уже говорилось ранее, Святым Мудрецам Своим, пришествие которых в отдаленном будущем Он прозрел; и радость Бога была столь велика, что вызвала буйное Его веселье, побудившее Его излиться в пространство Своими эманациями; из этого активного движения Бога, в свою очередь, родилась сила абстрактного суждения, которая является совокупностью букв, составленных из точек, в которые обратились оболочки Света, оставшегося в освобожденном пространстве. *Ибо Он записывает конечные выражения, или ограниченные проявления Себя Самого, в Книге отдельными буквами.*

Далее, точно так же, как огонь или вода, вечно движимые и побуждаемые к дальнейшему движению ветром, как молния, слепящая глаза и вспыхивающая то тут, то там, Беспредельный постоянно двигался внутри Себя Самого, и сиял, и блистал в этом круге, от центра к периферии и снова от периферии к центру; это движение мы называем Его оживлением; и именно посредством этого оживления внутри Его Природы были определены способы и способности начертания священных букв.

Через это оживление также была рождена способность определения *форм*, использовав которую, Он определил все многообразные формы в Самом Себе, точно провозгласив: «*Да станет сия сфера назначенным местом, в котором да сотворятся все миры!*»

Сияя и блистая, Он воплотил точки, дабы они слепили глаза своим сиянием. Затем он по-разному соединил отдельные точки, тем самым сформировав *буквы*, напоминающие по внешнему виду те знаки, которыми *Благословенные* впоследствии записали законы Его Мудрости для людей.

Таинство сотворения человека невозможно понять, не проникнувшись пониманием таинства букв; и в этих мирах Беспредельного не существует ничего, кроме букв алфавита и различных их сочетаний. Все миры суть буквы и имена, но Тот, Кто сотворил их все, не имеет имени.

Этот мир оболочек (то есть круговое свободное пространство, в котором остались оболочки удаленного оттуда во время первого сжатия, или сокращения, Света Беспредельного) является внутренней оболочкой, расположенной наиболее близко к Его сущности, и именно этой оболочке принадлежит общее имя *Ор Пнай-Эл* – Свет Божественного Лика, под каковым названием следует понимать Свет Сущности.

И после того, как была проявлена эта оболочка, Он сжал ее, дабы возвысить нижнюю долю, – и это было третье сжатие; так Он освободил пространство для миров, не способных воспользоваться великим Светом оболочек, и так конец сделался столь же совершенным, сколь совершенно было начало. Сотворив нижнюю половину и вторую половину букв, Он сотворил *мужчину и женщину,* то есть прошлое и будущее, неразрывно связанные между собой.

Свободное пространство, образовавшееся в результате этого сжатия, называется *Ор Кадмон*, то есть Первичное Пространство, ибо

оно было первым из всех пространств; его нельзя назвать оболочкой, каковой является *Ор Пнай-Эл* – Свет Божественного Лика.

Остатки Света оболочек остались в пространстве. И этот мир оболочек получил имя, *включающее в себя всё и вся,* и это имя – «йхвх». Перед тем как был сотворен мир свободного пространства, существовали лишь Он и Его Имя, то есть Эйн-Соф и Его оболочка.

В «Амех Хамелех» говорится, что нижняя часть оболочки посредством третьего сжатия была освобождена от Света оболочек. Однако остатки этого Света все же сохранились в таким образом освобожденном пространстве – и именно *эти* остатки оболочек называются *Шхиной,* то есть Божественным Присутствием, или Обитанием, именно тем местом, в котором пребывают буквосочетания יה («Йод-Хей») предыдущего (то есть мужчина) и וה («Вав-Хей») последующего (то есть женщина).

Это освобожденное пространство было квадратной формы и называлось *Первичным Пространством*; в Каббале оно также называется «*Аура Кадма*» или «*Расимут Эйла*» – «Первичное Пространство», или «Высшая Оболочка». Это остатки Света оболочки с некоторой примесью остатков Самой Сущности. Они называются Первичным Эфиром, но не являются совершенно свободным пространством... Свет остатков оболочек остается в месте, которое ранее занимал полностью и пребывает там в виде духовной субстанции непостижимой тонкости.

В этом Эфире сияют два Света: Свет Сущности, который ранее был удален, и Свет оболочки. Между этими видами света существует огромное различие: Свет остатков оболочек или самих оболочек является по отношению к Свету Сущности тем же, чем является точка в центре круга по отношению к самому кругу. И поскольку единственным подходящим названием для Света оболочки Эйн-Софа является «Ор», то есть, собственно, «Свет», Свет остатков оболочки не может именоваться точно так же; мы вместо этого называем его «точкой» – «Йод» (י), символизирующей ту самую точку в центре Света. И *этот* Свет, который есть точка в центре Великого Света, называется «Ор», «Эфир», или «Космос».

Этот эфир обладает несколько более грубой природой, чем Свет; он не так тонок, хотя и не воспринимается нашими чувствами; он называется Первичным Эфиром и распространен повсеместно; философы именуют его Мировой Душой. Свет зрим, хотя и не ощутим. *Эфир же незрим и неощутим.*

Раздел о букве «Йод» Введения в Книгу Зогар гласит, что миры не могли сформироваться в этом Первичном Эфире, потому что он чересчур тонок и слишком озарен Светом, а также потому, что в нем остались живой Дух остатков Света Эйн-Софа и Дух остатков Света оболочки, а посему проявленное бытие в нем было невозможно.

Посему Он повелел букве Йод (ибо она менее сиятельна, чем Первичный Эфир) опуститься и забрать себе Свет, оставшийся в Первичном Эфире, а затем возвратиться наверх вместе с оболочкой, препятствующей проявлению; и Йод так и поступила.

Она нисходила в Эфир пятикратно, дабы удалить оттуда Дух оболочки Света Эйн-Софа, а также остатки Света и живой Дух оболочки Сферы Сияния, а затем создать из них Адама, прозванного Кадмоном. После ее возвращения наверх в нижнем пространстве произошло проявление, но остатки Высшего Сияния продолжают оставаться в нем, существуя там в виде Сферы, именуемой в Книге Зогар попросту «Техирут», то есть «Сияние»; иначе ее называют «Первоматерией». Она представляет собой пар или дым. И как дым не обладает формой, то есть не воспринимается в какой-либо определенной форме, так и эта Сфера в некотором роде бесформенна, поскольку она представляется чем-то сферическим, в то же время будучи безграничной.

Буква Йод (мужская буква), пребывая со Шхиной, присваивает себе Свет Шхины, хотя ее свет не так велик как собственно Свет Шхины. Но, снизойдя в Эфир, она оставила свой собственный свет внизу, и именно из него и состоит Сияние. После нисхождения у буквы Йод остались только остатки ее света, поскольку ей не удалось снова возвыситься к Шхине и воссоединиться с ней. Посему Святой и Благословенный повелел букве Хей (женской букве) передать букве Йод часть ее света; Он отправил ее вниз и повелел ей передать эту часть *своего вновь обретенного* света в вышеупомянутом мире Сияния; и вновь снизойдя в Сферу Сияния, она отдала часть так переданного ей буквой Хей нового света вовне.

И когда буква Йод снова вознеслась наверх, она оставила внизу плодородный свет буквы Хей, и из него возникла новая сфера – *внутри* Сферы Сияния; эта меньшая сфера именуется в Книге Зогар «Кетер Эйла», то есть «*Corona Summa*», «Высшим Венцом», а также «Атика ха-Атиким», то есть «*Antiquus Antiquum*», «Древнейшей из Древних», и даже «Эйлит ха-Эйлит», то есть «*Causa Causarum*», «Причиной Причин». Однако Венец гораздо меньше по размерам, чем

Сфера Сияния, так что в последней все равно остается достаточно свободного пространства.

В трактате «Бейт Элохим» говорится, что перед тем, как Беспредельный, Верховный и Первый Бог объективно сформировал внутри Самого Себя определенную концепцию, ясную, четко ограниченную и доступную исследованию средствами разума, прежде чем Он придал вид и форму разумным понятиям и образам, Он пребывал в одиночестве, не имея никого рядом с Собой, вне формы и вида, вне всяких идей и понятий. Посему Его запрещено представлять в виде какой-либо фигуры, в виде какого-либо образа, в виде буквы Хей, в виде буквы Йод, в виде какой-либо иной буквы или даже точки.

Но после того как Он сотворил идею, определенное понятие, ограниченное и доступное разумному толкованию, каковой идеей являются десять Счислений, или Сефирот, посредники Его проявления, и Адам Кадмон – Первичный, или Высший, Человек, – Он снизошел в этих посредников и, проявленный в этой идее, стал именоваться ЙХВХ, а затем сотворил по Своему образу и подобию вещи, отныне вечно сохраняющие в своем облике Его подобие.

Горе тому, кто представляет себе Бога в той или иной форме или в совокупности тех или иных свойств, даже в действительности Ему принадлежащих; и еще большее горе ему, если он представляет Его себе, уподобляя сынам человеческим, сотворенным из земной материи, а посему подверженным разложению и смерти!

О Нем вообще не может быть никакого представления, кроме такого, которое отражало бы лишь Его проявления, в которых Он через те или иные Свои свойства являет Свои Силу и Власть. Отдельно от Его проявлений не может быть никаких Его свойств, описаний, представлений или понятий. Его возможно сравнить лишь с морем, заполняющим некое огромное вместилище – свой временный бассейн на Земле, например, только что образовавшуюся скальную трещину или впадину, позволяя людям хотя бы на некоторое время составить для себя более или менее четкое представление о размерах этого моря.

Например, исток океана можно проследить, и окажется, что это нечто *единое*. Если из этого истока выходит некий поток, то относительно истинного пространства, занимаемого морем на территории целого полушария, он будет подобен букве Йод, которая является единым первоисточником, а также первым потоком. Это первый и второй элементы. А теперь представим себе, что искусственным

путем была создана огромная впадина в земле, названная Океаном. Это третий элемент – Сосуд. Теперь представим себе, что эта впадина разделена на семь русел, то есть на семь продолговатых меньших по размеру резервуаров; и вода из Океана вытекает по семи руслам рек; вместе Исток, Поток, Океан и семь Рек составляют число 10.

Причина Причин сотворила Десять Счислений, и Исток был назван *Кетер*, то есть «*Corona*», «Венец», в каковое понятие неизменно включается идея круга, ибо истечение Света не имеет начала и конца; и посему Он назвал его *беспредельным*, как Он Сам; подобно Ему, Венец не имеет вида и формы, не имеет сосуда или вместилища, в котором мог бы пребывать неизменно или который мог бы придать ему ту или иную временную, видимую форму.

Таким образом сотворив Венец, Он сотворил некое меньшее по размерам вместилище, букву Йод, и заполнил ее Светом из Истока, назвав «Потоком Мудрости»; проявившись в ней, Он Сам именовал Себя *Мудрым*, а само вместилище – *Хохмой*, то есть «*Sapientia*», «Мудростью».

После этого Он сотворил большее по размерам вместилище, которое назвал Океаном; ему Он присвоил имя *Бина*, то есть «*Intelligentia*», «Разум». В этом Океане Он проявился, именуя Себя *Разумным*, или *Понимающим*. Он действительно является Всеведущим и Мудрейшим, но Хохма не есть сама по себе Абсолютная Мудрость: она обретает Мудрость *через Бину*, которая заполняет ею Его Самого; а иссякни этот источник, Хохма осталась бы пуста и неразумна.

Отсюда вытекают семь драгоценных потоков, которым были присвоены следующие имена: *Гедула* – «Величие», или «Благоволение» (иначе *Хесед* – «Милость»), *Гевура* – «Суровость», «Недвижимость», или «Строгость», *Тиферет* – «Красота», *Нецах* – «Победа», *Ход* – «Слава», *Йесод* – «Основа» и *Малхут* – «Царство», «Власть», или «Мощь». В Гедуле Он именовал Себя *Великим* и *Милостивым*, в Гевуре – *Суровым*, в Тиферет – *Прекрасным*, в Нецах – *Победителем*, в Ход – *Нашим Славным Творцом*, в Йесод – *Справедливым* (именно Йесод поддерживает существование всех сосудов и всех миров), и в Малхут Он именовал Себя *Царем*.

В Каббале говорится, что изначально все эти счисления, или сефирот, содержались одна в другой; то есть Кетер включала в себя девять остальных, Хохма содержала в себе Бину, а Бина – семь остальных.

Все вещи в мире, как достаточно туманно и иносказательно пишет в своем комментарии рав Исаак Лурия, пребывают, содержатся и

состоят в Бине, а она, в свою очередь, изливает и отражает их вниз, вид за видом и род за родом, в миры Эманаций, Творения, Составления и Формирования; все вещи нижнего мира, таким образом, отражаются от вещей мира верхнего, а посему называются его истечениями, поскольку из верхнего мира потенциальных способностей они перешли в нижний мир реальных явлений.

Во «Введении...» говорится, что во многих местах Книги Зогар утверждается, что все проистекшие и сотворенные вещи имеют свои корни в верхнем мире. Точно так же свои корни в верхнем мире, в мире оболочек, в самой Его Сущности, имеют и десять сефирот. Эйн-Соф обладает совершенным знанием и провидением, еще задолго до их реального появления, всех будущих степеней и воплощений, сокровенно существующих внутри Его Сущности с начала времен, об их сути, свойствах и потенциальных способностях. Когда Он вошел в сефиру Воплощения, Малхут, которая ранее сокровенно существовала внутри Него, Он пришел к решению, что именно там должны быть сотворены миры; ибо схема первых девяти сефирот была так составлена, что не подходила и не требовала формирования миров на ее основе; поскольку все свойства этих девяти высших сефирот были также и Его свойствами, даже при условии отсутствия всякого Его действия вне Себя Самого; только Малхут, то есть Царство, не была его свойством, если Он не правил сущностями вне Себя Самого, – а поэтому именно в Малхут Он сформировал все миры и проявил их в реальности.

Всего существует десять кругов. Изначально будучи точками, они впоследствии приобрели вид кругов. Десять кругов, в соответствии с таинством десяти сефирот, разделены десятью пространствами; Сфера Сияния расположена в центре пространства Малхут первого сокровенного Адама.

Первый Адам именуется *в десяти кругах над Сиянием* Первым *Сокровенным* Адамом; и в каждом из этих пространств формируются многие тысячи миров. Первый Адам *облачен* в Первичный Эфир и аналогичен миру Бины.

Во «Введении...» снова описываются первое и второе нисхождение буквы Йод в освободившееся пространство, дабы сделать Свет, пребывающий там, менее величественным и тонким; создание Техирут (Сияния) из Света, оставшегося после этих нисхождений; передача света Йоду буквой Хей; дальнейшая передача этого света Йодом в Сферу Сияния, а также формирование там, в этой сфере,

«другой сферы, именуемой Высшим Венцом, *Corona Summa*, то есть Кетер, в которой содержатся во всей своей неявленной мощи все остальные Счисления, остающиеся, таким образом, неотличимыми от нее. Точно так же, как в человеке сосуществуют четыре стихии, во всей своей неявленной мощи и не разделенные между собой, так и в Венце во всей своей неявленной мощи сосуществуют все десять Счислений, не разделенные между собой». Также там говорится, что Венец после восстановления именуется «Причиной Причин» и «Древнейшим из Древних».

Далее во «Введении...» утверждается, что точка, или Кетер, является совокупностью всех десяти Счислений; когда она была сотворена, она состояла из всех них вместе, и Свет, проистекший из Первопринципа Эманаций, немедленно проник в *нее* и узрел две Универсалии (то есть Единства, из которых проистекает множественность, например, порожденная Богом и содержащаяся в Нем идея человечества как единого целого, из которой проистекают идеи всех отдельно взятых людей): Сосуд Восприемлющий, содержащий в себе привнесенный Свет, и сам этот Свет. И этот Свет *есть Сущность точки Кетер, ибо Воля Бога есть Душа всего сущего.*

Свет Эйн-Софа был безграничен и во всех направлениях не имел начала, конца и пределов. Дабы он не проник в ранее освобожденное от него пространство, ныне наполненное гораздо менее величественным сиянием, и не заполнил его снова, было необходимо установить границу между великим и малым Сияниями; и это разделение воплотилось в Сфере Сияния и точно такой же сфере Кетер, которые были названы *Сосудом Восприемлющим,* содержащим в себе и включающим в себя Свет сферы. Представим себе море, заполненное прозрачной водой, а в центре его – сферическую массу более густой и темной воды. Внешняя поверхность этой сферы, то есть ее внешняя граница во всех направлениях, является содержащим ее сосудом. Каббала именует сосуды «по природе своей, менее прозрачными и не такими сияющими, как содержащийся в них Свет».

Содержащийся в сосудах Свет является их душой; он не теряет в них своей активности, подобно человеческой душе в человеческом теле. Свет Первопринципа Эманаций (Эйн-Софа) *свойствен* сосудам, пребывая в них в качестве Света, являющегося их внутренним светом и их душой. Кетер вместе со своей Сущностью проистекла от Первоисточника одновременно с Самой Сущностью и Сосудом, подобно тому как пламя неразрывно связано с горящим углем и как

душа существует внутри тела и присутствует в нем повсеместно. Все Счисления изначально неявленно существовали в ней.

Неявленность их истолковывается следующим образом. Когда женщина зачинает дитя во чреве своем, в эмбрион, которому суждено стать ребенком, немедленно отправляется душа, и в этой душе неявленно существуют все органы, сосуды и элементы тела, которое впоследствии из этого неявленного, внутридушевного состояния, перейдет в состояние обычного человеческого тела новорожденного ребенка.

Затем Мудрость Господа повелела, чтобы все эти Счисления из состояния неявленности в Кетер перешли в состояние явленности, реальности, дабы тем самым сотворились миры; и тогда Он снова направил букву Йод вниз, дабы она вошла в Кетер и воссияла там, а затем снова вознеслась, – что и было сделано. Через это повторное сияние и вознесение буквы Йод проявились и открылись все остальные Счисления, неявленно пребывавшие в Кетер; однако, все еще не разделенные, они оставались в Кетер, формируя круг.

Когда Бог пожелал сотворить из Кетер остальные эманации, или Счисления, Он снова отправил Йод вниз, в верхнюю часть Кетер, так, чтобы одна половина Йода проникла в сферу Кетер, а вторая его половина оставалась снаружи. Затем он отправил в Сферу Сияния букву Вав, чтобы она излила на Йод свой свет.

Таким образом, Йод обрел свет от Вава и так повернул свой лик, чтобы поделиться излишками отраженного великого света с Хохмой, все еще пребывавшей в Кетер; тем самым Йод даровал ей способность порождать другие Счисления, собирать в себе, содержать внутри себя и там же открывать и проявлять все остальные восемь Счислений, до сих пор содержавшиеся в Кетер.

Сфера Кетер раскрылась, и оттуда проистекла Хохма, которая с тех пор пребывает несколько ниже Кетер, содержа в себе все остальные сефирот.

Точно так же Бина, после пребывания в Хохме в состоянии озарения светом второго Йода, проистекла из Хохмы, содержа в себе семь низших сефирот.

И поскольку сосуд Бины был совершенен и воссиял сапфировыми лучами, столь сходными по цвету с лучами Хохмы, между ними не существовало практически никаких различий, а посему Бина не осталась под Хохмой, но поднялась и расположилась слева от нее.

И поскольку Свет свыше обильно проистек в сосуд Хохмы и собрался там в таком количестве, что в конце концов переполнил ее,

он, сияя, проистек из нее вовне и направился налево, сообщая силу и изобилие сосуду Бины, ибо Бина *женского рода*.

Посему Бина, преисполнившись энергией, проистекшей в нее с правой стороны, от Хохмы, посредством второго Йода обрела добродетели и силы, позволяющие ей поочередно породить вовне семь оставшихся сосудов, до поры содержавшиеся в ней. Все они появились на свет, соединенные между собой и следующие один за другим, подобно звеньям одной цепи.

Прежде остальных появились три сефирот: Кетер, Хохма и Бина; и тогда еще не существовало соития. Но затем взаимное расположение Хохмы и Бины изменилось, и они оказались бок о бок друг с другом, а Кетер пребывала над ними; а уже после этого произошло соитие Мужского и Женского принципов, *Аббы* и *Имы,* Отца и Матери, еще как точек.

Тот, от Кого проистекли все принципы и вещи, сотворил Адама Кадмона, состоявшего из всех миров, чтобы вложить в него нечто свойственное высшим мирам, равно как и нечто свойственное мирам низшим. Поэтому в нем жили *Нефеш* (*psyche, anima infima,* низший духовный элемент человека, Душа), принадлежавшая к миру Асия – литере Хей Тетраграмматона; *Руах* (*spiritus, anima media,* более высокий духовный элемент, Дух), принадлежащий к миру Йецира – литере Вав Тетраграмматона; *Нешама* (*mens, anima superior*, высший духовный элемент), принадлежащая миру Бриа – второй литере Хей Тетраграмматона; и *Нешама ле-Нешама,* принадлежащая миру Ацилут – литере Йод Тетраграмматона.

Тогда же эти литеры, или сефирот, утратили сферическую форму и обрели вид личности, символом которой стали *весы*, потому что эта личность была *и мужчиной, и женщиной*. С одной стороны от нее была Хохма, с другой – Бина, а над ними – Кетер; и точно так же, с одной стороны была Гедула, с другой – Гевура, а под ними – Тиферет.

В книге «Хамишим» говорится, что некоторые исследователи полагают, будто десять сефирот следуют одна за другой постепенно, в десять шагов, пребывают одна прямо над другой, связаны между собой, от высшей до низшей. Другие же исследователи считают, что сефирот проистекли тремя параллельными лучами: направо, налево и в центр; поэтому, по мере убывания значения, Хохма, Хесед (или Гедула) и Нецах располагаются одна над другой на правом перпендикуляре; Бина, Гевура и Ход – на левом; а Кетер, Тиферет, Йесод и Малхут – на среднем; многие также полагают, что все десять

сефирот имеют вид сфер, одна внутри другой, при едином, общем для всех них, центре.

Также следует отметить, что таблицы сефирот содержат и еще одно счисление, иногда также именуемое сефирой, которое называется *Даат* – «Познание». Оно располагается в середине между Хохмой и Биной и является продуктом их слияния.

Адаму Кадмону, идее Вселенной, Каббала приписывает обладание формой человека. Кетер – это его череп, Хохма и Бина – лобные доли головного мозга, Гедула и Гевура – руки, Тиферет – тело, Нецах и Ход – бедра, Йесод – мужской половой орган, и Малхут – женский половой орган.

Йод – это Хохма, а Хей – Бина; Вав – это Тиферет, а вторая Хей – Малхут.

Всё, как говорится в Книге Мистерий, или Сокровенного, собирается вместе так: намерение Господа Благословенного состояло в том, чтобы сотворить Свои Воплощения и тем самым уменьшить излияние Света. Посему он сотворил в Макропрософосе Адама Кадмона, или трехглавый Великий Лик – *Арик Анпин*. Первая голова именуется «Головой вне познания», вторая – «Головой вне бытия», а третья – «Головой Самого Макропрософоса»; и эти три головы суть *Corona*, *Sapientia* и *Informatio* – Кетер, Хохма и Бина, существующие в Венце мира Эманаций, или в Макропрософосе; эти три головы именуются в Книге Зогар «Атика Кдоша» – *Senex Sanctissimus* – Святейший Старец. А семь низших царственных сущностей первого Адама именуются Ветхим Днями – *Атик Йомин;* и именно Ветхий Днями является внутренней частью, или Душой, Макропрософоса.

Никогда еще разум человеческий так активно не стремился понять и истолковать для самого себя процесс Творения и Божественного проявления *и в то же время скрыть все результаты этих размышлений от всех, кроме узкого круга посвященных,* как в Каббале. Поэтому большая часть каббалистических текстов выглядит для простого, неискушенного читателя совершеннейшей бессмыслицей. Макропрософос, или Адам Кадмон, как мы уже говорили, является единой идеей всеобщего единства Вселенной, включенной в явленного Бога и неявно содержащейся в Нем, в то время как Он Сам неявно пребывает в Абсолюте. Голова, Кетер, пребывающая «вне познания», – это *Воля* Бога, или Сам Бог как Воля. Хохма, Голова, пребывающая «вне бытия», – это Творческая Сила жизнепорождения, или творческая Мысль, которая пока еще пребывает *во* Боге, то есть не явлена, не

действует вне Его, а посему фактически не имеет бытия. Бина, Голова, которая является истинной Головой Макропросопоса, – это творческая разумная способность, которая, оплодотворенная Хохмой, *производит* на свет Мысль. Эта Мысль есть Даат, или, скорее, результатом действия Мысли является Размышление, Мыслительный процесс, единство, многочисленными руслами истечения которого являются отдельные мысли.

Это положение можно проиллюстрировать следующим примером. Боль, испытываемая человеком, является чувством, или ощущением. Оно должно быть *произведено*. Для того чтобы оно было произведено, должна существовать не только *способность* нервов его произвести, но также и *средство* его произведения в них за счет вышеупомянутой способности. Эта творческая Сила, или, в нашем случае, творческое Средство, производящая пассивная Причина и сама произведенная в конечном результате боль подобны Хохме, Бине и Даат.

Четыре мира, или Вселенные: Ацилут, Бриа, Йецира и Асия, – то есть, соответственно, миры Эманаций, Творения, Произведения и Формирования, – вот еще одна великая загадка Каббалы. Первые три мира постоянно пребывают *во* Боге. Первый – это Вселенная как она потенциально существует во Боге, определенная и воображенная, но все еще совершенно бесформенная и безвидная, не развитая нигде, кроме как в Его эманациях. Второй мир – это Вселенная в Идее, определенно пребывающей во Боге, но отдельной от Его Сущности и все еще не наделенной какой-либо определенной формой, – это простое единство. Третий мир – это та же Вселенная, потенциально существующая во Боге, неявленная, но наделенная формами, – это Идея, развившаяся во множество и индивидуальность, последовательность видов и личностей; в то время как в четвертом мире потенциальность превращается в реальность, сформированную Вселенную; этот мир существует в пространстве точно в том же виде, в котором он существует для нас.

Сефирот, говорится в «*Porta Cœlorum*»[25], волей своего Беспредельного Источника, пользующегося ими, как мастеровой пользуется орудиями своего труда, действующего ими и через них, являются причиной существования всего сотворенного, произведенного и сформированного и в своих действиях, в свою очередь, применяют определенные *средства*. Этими сефирот *Свет* и *Личности* производятся не *per se*, а посредством предварительного сотворения *идей* и *Лучей Беспредельного*, которые, в различной степени нисходя от

Высшего Источника, тем не менее, неотделимы от Него, в то время как Он через них распространяется в пространстве для того, чтобы творить все прочие вещи, и таким образом является вселенской Единой и Совершенной Первопричиной всего сущего, хотя для выполнения той или иной задачи Он воплощается в той или иной сефире, или в том или ином *виде*.

Бог произвел на свет все вещи Своими Разумом, Волей и свободным Расположением. Он пожелал сотворить их посредством Своих сефирот и Ликов, ибо именно посредством них Он счел наилучшим явить Себя, и творение было тем более совершенным, ибо Он пожелал сотворить и сами причины, и Причины Причин, а не только низкие следствия.

В первом Порождении Бог сотворил все остальные причины и источники. Ибо, поскольку Сам Он является простейшим Единством, от этого простейшего Единства *не*посредственно может проистечь только Единый, а посему ясно, что из этого Первого и Высшего Беспредельного Единства одновременно проистекает Всё и Единый. Этот Единый, следовательно, проистекая из Простейшего Единства, уподобляется Ему; но в то же время Всё, проистекающее из этого Совершенного Единства, не могущего быть измеренным посредством никакого иного Единства, становится в некоторой степени проявленным, оставаясь, тем не менее, Абсолютным и Совершенным.

Эманация, утверждается в той же книге, – это Истечение, являемое Неистекающим, Конечное, проистекающее от Бесконечного, Множественное и Сложное, проистекающее от Совершенного Простейшего Единства, Потенциал, проистекающий от Беспредельных Мощи *и* Действия, Движущееся, проистекающее от Совершенно Покоящегося и Постоянного, а следовательно, это нечто несколько низшее и меньшее, по сравнению с Беспредельным Совершенством Бога. Первопричина является всеми вещами в мире в их непроявленной беспредельной форме, так что все вещи, проистекающие от Него, являются Первопричинами в конечном и несовершенном виде.

Необходимое Бытие, существующее в Себе, ибо Оно не может быть разделено на множество, тем не менее, Само по Себе разделяется на Первопричины, в зависимости от их природы, или образа существования, или сосуда, – и каждой выделяется соответствующее вместилище; поэтому Единая Беспредельная Сущность, заключенная в эти пределы, границы, или внешности, и постижимая в них,

принимает на Себя определенность размеров и Сама становится множественной за счет множественности этих оболочек.

Человек (единица Человечества) – это микрокосм, в то время как Адам Кадмон – это макрокосм, содержащий в себе все Причины, проистекшие от Первопричины, точно так же, как материальный человек представляет собой конечный результат и завершение всего Творения, начало которого пребывает в Божественном Человеке. Как низший Адам получает всё от Всего, так высший Адам снабжает Всё всем. Как первый является принципом *отраженного* света, так второй является принципом *Прямого* Света. Как первый является конечной точкой Света Нисходящего, так второй является конечной точкой Света Восходящего. Как низменный человек восходит из низшей материи даже к Первопричине, так и Высший Адам нисходит из Простейшего и Беспредельного Действия даже в низшие и слабейшие потенциалы.

Триада – это возвращение двойственности к единству.

Триада – это принцип Числа, потому что, возвращая двойственность к единству, она восстанавливает в ней то же количество, за счет которого она покинула единство. Это первое нечетное число, содержащее в себе первое четное число и единство, которые суть Отец и Мать всех чисел; то есть, таким образом, оно содержит в себе начало, середину и конец.

Адам Кадмон проистек из Абсолютного Единства, а поэтому сам является единством; но также он проистекает и нисходит в свою собственную Природу, а потому является также и двойственностью. Потом он снова возвращается к Единству, которое содержит в себе, к Высшему, а следовательно, является Триадой и Тетрадой.

Поэтому Главное Имя состоит из четырех букв – двух одинарных и одной, повторенной дважды; ибо первая Хей – это супруга Йода, а вторая Хей – супруга Вава.

Эти *средства* проявления Первопричины, непостижимо сокрытые в Нем Самом, суть сефирот, проистекающие непосредственно от Первопричины и волей Ее Природы производящие на свет и управляющие всем остальным.

Сефирот проистекли от Первого и Простейшего Единства, так проявляющего Свое Беспредельное Благо. Они являются зерцалами Его Истины и аналогами Его Высшей Сущности, идеями, порожденными Его Мудростью, и выражениями Его Воли, вместилищами Его Потенциала и орудиями Его Действия, сокровищами Его Счастья и

дародателями Его Милости, судьями Его Царства и откровениями Его Закона, а также, наконец, Названиями, Свойствами и Именами Того, Кто превыше всего и всему является Первопричиной, десятью категориями, включающими в себя все сущее, вселенскими родами, включающими в себя все вещи и проявляющими их вовне, вторичными причинами, посредством которых Первопричина порождает следствия, действует и управляет всем сущим; лучами Божества, освещающими и являющими все сущее; формами и идеями всех родов, из которых проистекло все сущее; душами и потенциалами, через которые всему сущему даруются сущность, жизнь и движение; временными стандартами, посредством которых измеряется все сущее; бестелесными пространствами, содержащими в самих себе и включающими в себя Вселенную; Высшими Монадами, из которых проистекают все множества, через них проистекающие из Простейшего Единства, и, наконец, формальными Совершенствами, проистекающими из и неразрывно связанными Единым Беспредельным Высшим Царственным Совершенством, то есть Причинами всех обусловленных Совершенств, озаряющими элементарные Разумы, не соединенными с материей, и разумными Душами, равно как и Небесными, Стихийными и Стихиями Порожденными телами.

В «Идра Сута»[26] говорится, что Он, Священнейший Сокровенный Старейший, отделил Себя от всего сущего и с тех пор все больше и больше удаляется от него; но Он отделил Себя от сущего не в действительности, ибо все вещи все равно остаются с Ним в неразрывном единстве, а Он – со всеми вещами. Он есть Всё сущее, Священнейший Старец Всего Сущего, сокрытый всеми средствами сокрытия.

Принимая форму, Он порождает девять Светочей, сияющих от Него вовне как Его проистечения во внешнем для Него мире. Эти светочи сияют от Него вовне, исторгая пламя и распространяясь повсюду от единого центра; подобно тому, как лучи от поднятой вверх лампы распространяются от нее во все стороны; но всякий увидевший их и приближающийся к их источнику раньше или позже постигает, что все они проистекают от одной и той же лампы.

Пространство, в котором предстоит осуществить Творение, определяется Священнейшим Старцем и освещается проистекающим от Него Светом Мудрости – Началом, от которого проистекают все воплощения.

Он предстает в виде трех голов, которые суть одна Голова; они распространяются в Микропросопоса и от них проистекает все сущее.

Затем Мудрость сотворила Покров, наделенный формой, посредством которого проявились ранее не явленные и бесформенные сущности, обретшие тем самым форму, в свою очередь, произведя из себя некие истечения.

Когда Его Мудрость распространяется таким образом, проистекая вовне, она обретает имя Отца Отцов, ибо в Ней пребывает и ею воспринимается вся вещественная Вселенная. Эта Мудрость является Первопринципом всех вещей, и в ней – начало и конец.

«Книга Сокрытия» («*Сифра ди-цниута*»)[27] посвящена описанию Равновесия. Прежде чем возникло Равновесие, говорится там, лик не взирал на лик.

А в Комментарии на это произведение говорится, что Весы, или Равновесие, обладают одновременно мужской и женской природой. В духовном мире Зло и Добро пребывают в *равновесии,* которое восстановится, когда все Зло преобразуется в Добро и Добро пребудет повсеместно. Ибо как Весы пребывают в равновесии своих чаш, соединенных между собой рычагом, так в равновесии пребывают и Счисления, воплощенные в различных личностях в этом возрожденном мире. Хохма пребывает справа, на стороне Гедулы, а Бина – слева, на стороне Гевуры, в то время как Кетер служит для них рычагом-перемычкой и находится посредине и над ними. Так Гедула, или Хесед, находится по одну сторону, а Гевура – по другую, а под ними пребывает Тиферет; Нецах по одну сторону, Ход – по другую, а под ними – Йесод.

Высший Венец, то есть Святейший Старец, Сокровеннейший из Сокровенных, формируется *внутри* сокровенной Мудрости, которая обоепола, то есть является одновременно и мужчиной, и женщиной.

Хохма и Бина, или Мать, которую Хохма оплодотворяет, количественно равны. Мудрость и Матерь Размышлений проистекают одновременно и живут вместе, ибо, когда проистекает Разумная Сила, творческий *Источник* мышления обычно бывает включен в нее.

Перед тем как Адаму Кадмону был придан вид Мужчины и Женщины и утвердилось состояние Равновесия, Отец и Мать не смотрели друг другу в лицо, ибо Отец – это совершеннейшая Любовь, а Мать – совершеннейшая Неподвижность, а поэтому она неизменно отворачивала от него свой лик.

В «Идра Рабба» говорится, что в Древнейшем Сокрытом Едином нет *левой* (женской) стороны, но весь Он состоит из *правой* (мужской)

стороны. Вся общность всего сущего сводится к *Ху* – то есть понятию «Он», и Он пребывает по обе стороны.

Макропрософос (Адам Кадмон) не настолько близок к нам, чтобы говорить с нами от первого лица; он чаще определяется в третьем лице, как Ху, то есть «Он».

О буквах там же говорится, что Йод – мужского пола, Хей – женского, а Вав – обоего.

В Йоде в действительности содержатся три Йода, в верхней и нижней точках, и Вав – в середине. Верхней его точкой определяется высшая Кетер, Вавом в середине – Хохма, нижней точкой – Бина.

В «Идра Сута» говорится, что Вселенная была сформирована изначально посредством придания ей вида мужчины и женщины. Мудрость, беременная всем сущим, проистекши и воссияв, также проистекла и воссияла в форме мужчины и женщины. Хохма – это Отец, Бина – Мать; эти две сефирот пребывают в равновесии, как в равновесии пребывают мужское и женское начала, и поэтому все вообще вещи в мире существуют в двух формах – мужской и женской; *и будь это не так, они вовсе не существовали бы.*

Первопринцип Хохма является Творцом всех вещей, и он соединяется с Биной, и она изливает свое сияние внутрь его. Когда они сливаются таким образом, она зачинает во чреве, и в конечном итоге в свет изливается Истина.

Йод оплодотворяет Хей, и она зачинает во чреве Сына, которого впоследствии и порождает. Первопринцип под именем Отца (Мужчины, или Творческого Принципа) постигается в Йоде, который сам нисходит потоками вниз от источника энергии Священного Абсолюта.

Йод – это начало и конец всего сущего. Поток, проистекающий из него, есть вся вещественная Вселенная, которая вечно *становится* и никогда не прекращает быть. Весь этот *становящийся* мир творится Йодом, ибо Йод включает в себя две буквы. Все вещи содержатся в Йоде, и поэтому он именуется Всеотцом.

Все возможные категории проистекают из Хохмы; в ней содержатся все вещи в неявленном виде; совокупность всех вещей, или Единство, содержащее *в* себе множество, *из* которого проистекает все сущее, есть Священное Имя – йхвх.

С точки зрения каббалистов, все личности *содержатся* в видах, все виды – в родах, и все частности – в универсалии, которая есть идея, абстрагированная от всех суждений отдельных личностей;

это не *совокупность* отдельных личностей, но, скорее, некий *Ens*, Бытие, или Существо, идеал или интеллектуальное построение, тем не менее, совершенно реальное, предшествующее большинству личностей, *содержащее* их все в Себе, откуда все они впоследствии развились или проистекли.

Если данное положение противоречит твоим суждениям, думай о нем, как о подразумевающем, что, в случае если данная теория действительно справедлива, изначально *всё* содержалось и пребывало во Боге, а затем Вселенная проистекла от Него, а не была *сотворена* Им из ничего; имеется в виду *идея* Вселенной, существовавшая во Боге до того, как она, собственно, проистекла, и она была столь же реальна, сколь реален Сам Бог. Весь людской род, или человечество, например, существовал тогда во Боге, не разделенный на отдельные человеческие личности, но как единое целое, из которого суждено было проистечь всему результирующему множеству.

Всё *реальное* изначально обязательно должно быть *возможным,* чтобы лишь затем обрести реальное воплощение или претворение; и именно эта изначальная возможность, или потенциал, была для каббалистов истинным Бытием. Перед тем как Вселенная явилась и развилась, она непременно должна была существовать потенциально в совокупности всех своих отдельных элементов и личностей, заключенных в Единство. Это была Идея, или План, Беспредельного Бога, и ему еще только предстояло придать *форму.* Он должен был проистечь от Беспредельного Бога и быть Его *частью,* хотя и не Самой Его Сущностью.

Гевура, Строгость, сефира, противоположная по значению Гедуле и состоящая с последней в половой связи, производит на свет Тиферет, Гармонию, или Красоту. Также Гевура именуется в Каббале *Правосудием,* или *Суждением,* в каковое определение включаются идеи *ограничения* и *обусловливания,* часто видящиеся ее действительным изначальным смыслом; точно так же *Милость* часто именуется еще и *Беспредельным*. Так Каббала аллегорически наставляет нас в том, что во всем сущем присутствует в той или иной степени не только Конечное, но и Бесконечное; что нерушимость сурового закона ограничения, оказывающего неизменное ограничивающее, связывающее и обусловливающее влияние на всё ниже и рядом с Беспредельным Абсолютом, все же смиряется и изменяется *милостью,* настолько облегчающей его бремя, чтобы Беспредельный, Неограниченный, Необусловленный также присутствовал повсюду и чтобы, таким

образом, духовная и материальная природы пребывали в *равновесии*, Добро повсюду уравновешивало Зло, Свет повсюду уравновешивал Тьму, – из чего, в конечном итоге, проистекает Вселенская Всеобщая Гармония. В свободном пространстве, созданном для осуществления в нем Творения, все же остались следы оболочек, или следы следов Света Эйн-Софа, или Света Сущности Беспредельного. Человек, следовательно, обладает как собственно людской, так и Божественной природой, и *видимое* противоречие его природы в действительности, напротив, является еще одним примером *равновесия,* по крайней мере, *так будет, если он сам того захочет;* из этого равновесия проистекает Гармония, не только жизни и действия, но и добродетели и совершенства.

Для того чтобы полностью понять каббалистическую идею сефирот, необходимо помнить, что они считались пребывающими не только в мире Эманаций – Ацилут, но также и в каждом из остальных миров – Бриа, Йецира и Асия. Они не только были свойствами Неявленного Бога, не только Он Сам в свете наложенных Им Самим на Себя ограничений, но и Его истинными проявлениями, то есть Его свойствами, явленными как средства действия; также они считались свойствами Вселенской Природы – духовной, умственной и материальной, произведенной и осуществленной потоком истечения Его Самого.

С точки зрения Каббалы, Бог и Вселенная суть одно; и в этом изначальном Единстве как Источнике, или Архетипе, содержались, будучи включенным в него, а также из него потом проистекли, изверглись и воссияли вовне все многочисленные составные частицы. Где же начинается индивидуальность? Изливает ли из Себя индивидуальность сокрытый Источник и Поток, то есть Единство, или же индивидуальности – это волны, или капли, или парообразные частицы? Море и река сами по себе суть единства, но капли воды в каждом из этих единств многочисленны. Дерево едино, но листья его многочисленны; с наступлением зимы они падают к его корням, и дерево продолжает жить, и весной на его ветвях распускаются новые листья. Разве род людской – не дерево, а отдельные люди на лице Земли – не его листья? Как еще объяснить силу воли и сочувствия, зависимость жизни каждого человека в каждую ее минуту от жизни всех остальных людей, кроме как через единство всего людского рода? Узы, связующие воедино все сотворенные в мире вещи, суть узы совершенного Единства, и вся Вселенная – это одно единое Целое, развивающееся и изливающееся во множество.

Бестолковые комментаторы утверждают, что Каббала приписывает половые свойства Самому Богу. Для такого утверждения в Каббале нет никаких оснований, будь то в самой Книге Зогар или в каких-либо комментариях на нее. Напротив, вся каббалистическая доктрина основывается на фундаментальной посылке, что Сам Бог беспределен, распространен повсюду вне всяких ограничений и определений, а посему Ему не может быть никаких соответствий или соотношений. Для того чтобы начать процесс Творения, Ему сначала было необходимо освободить внутри Себя некое пространство. Для достижения этой цели Бог, Чья природа может быть с некоторой степенью приближенности к достоверности описана как Свет, пребывающий одновременно во всем пространстве, бесформенный, безвидный и ничем не ограниченный, сократил Сам Себя повсюду вокруг некоей центральной точки внутри Самого Себя, таким образом создав некое квазипустующее внешнее пространство, в котором остались только оболочки Его Света; и в это сферическое пространство Он излил Свои Эманации, частицы Своего Света и Своей Природы, а уже некоторым из этих последних символически приписываются половые свойства.

Сначала Беспредельный ограничивает Сам Себя, проистекая вовне в виде *Воли*, решения приступить к действию. Эта Воля Бога, или Бог *как* Волеизъявление, есть Кетер, или Венец, первая сефира. В ней заключаются все остальные эманации. Также это философская необходимость. Беспредельный не *сначала* изъявляет Свою Волю, а только *потом*, вследствие этого волеизъявления или в результате действия Своей Воли, творит. Изъявлять волю и творить Ему не только свойственно одновременно, но, в сущности, эти два процесса суть для Него *одно и то же*. Точно так же Он не *узнаёт* в силу Своей Всеведущести, что то или иное Его действие будет мудрым, а только *потом*, в силу такой Своей уверенности сперва принимает решение поступить так или иначе, а затем так или иначе поступает. Его Мудрость и Его Воля также действуют одновременно, и для Него *определить*, что то или иное Его действие будет мудрым, – фактически значит *осуществить* это действие, в частности, сотворить то или это. Таким образом, Его Воля содержит в себе все сефирот. Эта Воля, определяющая для Него необходимость действовать разумным суждением, мыслить, формировать Идею Вселенной, эта Воля побудила Его Силу побудить Разумную Способность к действию, а посему сама стала этой Силой. Его Сущность, проистекшая из Эйн-

Софа как Воля, теперь проистекает далее как Творческая Сила для того, чтобы в Разумной Способности зародился Разум – Бина. Само *Действие*, Мысль, Размышление, порождение Идеи – это *Даат;* и, как говорится в «*Сифра ди-цениута*», Сила и Способность, творческая и производящая, активная и пассивная, Воля и Возможность, объединяющиеся для порождения Действия, или отражения Мысли, или Размышления, *всегда* пребывают в союзе. Как утверждается и в других текстах Каббалы, и то, и другое изначально *содержатся* и, в сущности, *включены* в конечный результат. И Воля как Мудрость, или Разумная Способность, и Возможность как Действенная Способность являются Отцом и Матерью всего сущего, ибо для того чтобы было сотворено *все сущее,* необходимо было, чтобы Беспредельный сформировал *для* Себя и *внутри* Себя идею того, что Он желал бы произвести или сотворить; и поскольку Он существует вне Времени, *желать* для Него – значит *творить; замыслить* – значит *пожелать* и *сотворить;* и в Идею, потенциальную Вселенную, была заранее включена последовательность всех вещей и явлений в ней. Из нее проистекают все возможные вещи в их развитии.

Нецах и Ход, соответственно, седьмая и восьмая сефирот, обычно именуются в Каббале *Победой* и *Славой*. Нецах – это совершенный Успех, *пребывающий* у Бога, для Которого будущее – это настоящее, и, следовательно, в конечном результате, *свойственный* всем Его тварям в силу неизменного закона Равновесия, повсеместно утвержденного Им для них. Это взаимное примирение Света и Тьмы, Добра и Зла, Свободы Воли и Необходимости, Всемогущества Бога и свободы человека, гармонический результат развития всего сущего, не будь которого, все развитие Вселенной нужно было бы признать ошибочным. Это изначальное Совершенство Бога, проявленное в Его идее Вселенной и во всех ее отделениях, или мирах: духовном, умственном и материальном; именно это Совершенство считается успешным *результатом,* который одновременно производит, или порождает, его и сам им является; ибо само совершенство Плана и есть успех. Это власть Необходимости над Случайностью; и она, в свою очередь, производит, или порождает, и одновременно сама является Славой и Восхвалением Великого Беспредельного Изобретателя, План Которого успешно претворяем в жизнь и победоносен.

Из этих двух сефирот, которые суть одно, то есть из совершенства Божественной Природы и Мудрости, которое считается Успехом и Славой, то есть противоположностями Неудачи и Позора, проистекает

то, что Каббала называет *Йесод,* или Основание, и определяет как детородный орган символической фигуры человека, воплощающей в себе все десять сефирот; из Йесода, в свою очередь, проистекает Малхут – Власть, Владычество, Правление. Йесод – это Постоянство и Неизменность, которые, говоря языком непосвященного, *проистекают* из совершенства идеи Разумной Универсалии, из которой впоследствии развиваются все частные идеи, из *успеха* этой схемы и результирующих Славы и Удовлетворенности Бога Собой; однако в действительности эти Постоянство и Неизменность *сами суть* Совершенство, Успех и Слава, ибо беспредельно мудрый Бог, для Которого прошлое, настоящее и будущее едины и являются одним непрерывным величественным *Сейчас*, в то время как все пространство – единым и беспредельным *Здесь*, не нуждался в том, чтобы ожидать результатов претворения в жизнь Своего плана, как человек вынужден ждать результатов того или иного своего действия или предприятия, дабы увидеть, несет оно успех или поражение, и лишь затем определить, стоит ли сделать это действие или предприятие постоянным и неизменным, или же оно привело к неудаче, а потому является временным и не имеет будущего. Его *Совершенство* и является *Успехом* Его плана; Его *Слава* – это *Постоянство* и *Неизменность* Его плана; свойства Постоянства и Неизменности, как и прочие, принадлежат Вселенной, материальной, умственной, духовной и реальной *постольку,* поскольку они принадлежат Самому Беспредельному.

Эти Постоянство и Неизменность создают стабильность и порождают последовательности. Именно за счет Постоянства, или неизменно и бесконечно повторяющихся явлений, за счет неизменности последовательностей, очередная смерть порождает новую жизнь, а разложение – возрождение; Необходимость и Судьба также действуют в соответствии с законом неизменной последовательности, а значит, ему подчинены и совершенная власть и правление (Малхут) Беспредельного Бога над всем сотворенным Им, равно как и над случайностью и судьбой; и не существует и не может существовать никакой Вселенной во времени и пространстве, кроме как в единстве сил, проистекающих от Него и не действующих и не способных действовать иначе как в соответствии с Его Волей. Это утверждение, профански говоря, *вытекает* из предыдущего; однако в действительности Совершенство Его Плана, которое есть также и Успех, Его Слава, и сама по себе неизменность этого Плана

суть также Его Совершенная Власть и полное отрицание Случая, Судьбы и Перипетии. И поскольку Беспредельная Мудрость, или Абсолютный Разум, правит в Самой Божественной Природе, точно так же он правит и в мире Его Эманаций и в мирах, или системах, Духа, Души и Материи, в каждом из которых наблюдается некоторое присутствие Случая, Судьбы или Неразумной Веры, как и в самой неявленной Божественной Природе.

Такова каббалистическая теория относительно каждого из четырех известных миров: (1) Божественная Природа, или Само Божество, количественно ограниченное и определенное, но не явленное в сущностях, – это мир *Эманаций;* (2) первые сущности, то есть духи, или ангелы, – это мир *Творения;* (3) первые *формы,* то есть души, или психические природы, – это мир *Порождения,* или *Составления;* (4) материя, или тела, – это мир *Формирования,* или *Производства.* В каждом из этих миров Бог присутствует *как* десять сефирот и *через* них. Первой в каждом из них является Кетер, Венец, Кольцо, или Обод, Голова. Далее, в этой Голове определены два полушария головного мозга – это Хохма и Бина, которые в своем союзе порождают Даат. Эти три сефирот также можно обнаружить и в Духовном мире; они также являются универсалиями душевного и материального миров, производя на свет остальные, низшие сефирот. Затем в полном Равновесии следуют Закон и Равенство, Справедливость и Милость, Божественная Беспредельная Природа и Человеческая Ограниченная Природа, Добро и Зло, Свет и Тьма, Милосердие и Суровость, снова Мужчина и Женщина как Хохма и Бина, которые смиряют друг друга и в своем семейном союзе порождают остальные сефирот.

Вся Вселенная и все последовательности всех вещей и явлений в ней изначально содержались в Беспредельном, то есть еще задолго до Творения; и его Милосердие и Снисходительность, смиряющие и ограничивающие закон суровой Справедливости и неизменного Воздаяния позволили Ему собственно творить; ибо будь это не так, если бы Он только установил повсеместно суровый и неизменный Закон Справедливости, это непременно заставило бы Его немедленно по сотворении уничтожить Вселенную, задуманную и сотворенную Им, а следовательно, *предупредило* бы ее сотворение вообще. Это Милосердие, в сущности, было и есть суть и квинтэссенция Неизменности и Постоянства высшего Плана Творения, а также составная часть Самой Божественной Природы. Каббала поэтому определяет ее как *Свет* и *Белизну* – символ Самой Сущности Бога. С этой идеей,

оказывается, согласен и св. Павел, рассуждающий о Законе и Милости, и в этом нет ничего удивительного, поскольку известно, что Павел изучал Каббалу, сидя «при ногах» Гамалиила Законоучителя[28].

Высшая Власть Бога переплетается с Милостью и укрепляется за ее счет. Милость, *изливаемая* во Власть, является ее неотъемлемой составляющей частью и заставляет ее порождать последовательности и постоянства Вселенной. Ибо Малхут в Каббале *женского* рода. Это матрица, или лоно, из которого появляется на свет все сущее.

Каббала – одна из изначальных, древнейших традиций, и ее основание покоится на едином положении учения магов: «Видимое нами является пропорциональной мерой изучения Незримого». Древние, наблюдая за действием на физическом плане вселенского закона Равновесия как результата одновременного действия противоположно направленных сил, из физического равновесия выводили равновесие метафизическое и полагали, что Бог является первой активной Причиной, признавая при этом равновесие противоположных по значению основополагающих свойств всех вещей: постоянства и движения, необходимости и свободы, разумного порядка и самоуправления Высшей Воли, справедливости и любви, а следовательно, суровости и милости, милосердия, или снисходительности.

Идея равновесия во всех воплощениях, о том, что мужской принцип пребывает с одной стороны, женский – с другой, и над тем и другим пребывает Высшая Воля, Которая также есть и Абсолютный Разум, удерживающий их в равновесии. В соответствии с учением Каббалы в этом – основание всех религий и всех наук, изначальная и неизменная идея всех вещей. Сефирот – это тройной треугольник и круг, идея Триады, истолкованная через образ Весов и умноженная сама на себя в царстве Идей, а затем – реализация этой идеи в формах.

Единство способно проявляться только в Двойственности. Само Единство и Идея Единства – это уже пара.

Единство человеческой природы становится совершенным в двойственности правой и левой сторон. Изначальный человек был обоеполым.

Божество, Единое в Своей Сущности, имеет два основополагающих условия, служащие фундаментом Его бытия, – Необходимость и Свободу.

Законы Высшего Разума обусловливают Свободу и управляют ею во Боге, Который, в силу необходимости, мудр и разумен.

Знание предполагает двойственность. Объект познания необходим для субъекта, то есть того, кто, собственно, знает.

Двойственность порождает общество и законы. Число 2 – это также число *гносиса* (это слово обычно используется вместо слова «наука» и выражает идею познания посредством интуитивного озарения). Это Единство, умножающееся Само на Себя во имя творения; именно поэтому, в соответствии со священной аллегорией, Ева родилась из груди Адама.

Адам – это Тетраграмматон в человеческом обличье, образ которого сводится к мистическому Йоду Каббалы – символу каббалистического фаллоса. Прибавьте к Йоду трехбуквенное имя Евы – и вы получите имя Иеговы, то есть Божественный Тетраграмматон, трансцендентальное и каббалистическое Великое Слово: יהוה.

Таким образом, Единство достигает апогея в оплодотворенной Триаде, соединяясь с ней, и формирует Тетраду, которая есть ключ ко всем числам, движениям и формам.

Квадрат, вращаясь вокруг своей оси, порождает круг, равный себе, ведь посредством вращения четырех равных углов вокруг некоей центральной точки получается квадратура круга.

Двойственность служит мерилом Единства, а равенство между тем, что наверху, и тем, что внизу, формирует из них, вместе взятых, Тройственность.

Для нас Творение – это своего рода механический процесс; для древних он был своего рода процессом рождения. Образ Миропорождающего Яйца присутствует в космогониях всех народов; современная наука установила, что практически все животные в той или иной мере являются, в сущности, яйцекладущими. Из этой идеи зарождения жизни развилось распространенное по всему миру почитание образов животворящей силы, в образе ли Ставроса гностиков, в образе ли Философского Креста масонов.

Алеф – это мужчина; Бет – женщина. Один – это Принцип; два – это Мир. «А» активна, а «Б» – пассивна. Единство – это Боаз, а двойственность – это Яхин.

Две колонны – Боаз и Яхин – в соответствии с учением Каббалы, служат объяснением всех таинств природных, политических и религиозных противоречий.

Женщина сотворена Мужчиной, в то время как весь тварный мир, соответственно, является женской ипостасью Первопринципа. Когда Принцип Бытия стал Своею Волей Творцом, Он путем эманации,

истечения, произвел на свет Идеальный Йод, и, дабы создать для него необходимое пространство среди полноты несотворенного Света, Он должен был освободить и погрузить в тень часть пространства, равную по размерам мирам, которые Он планировал сотворить; в это освободившееся пространство Он и излил идеальный Йод несотворенного Света.

Природа Активного Принципа состоит в постоянном рассеянии; а природа Пассивного Принципа – в постоянном собирании и оплодотворении.

Сотворенный мир – обиталище Творящего Слова. Для того чтобы осуществлять творение, Творческая Сила и Животворящая Способность должны соединиться, и тогда, в силу этого союза, Двойственность снова превратится в Единство. *Слово* – это *Первенец*, то есть *перворожденный*, а не первый *сотворенный* Сын Бога.

Повторим снова: «*Sancta sanctis*», то есть «Святое – святому», – и только для того, кто свят, священными будут таинства Каббалы. «Ищите, и обрящете, – гласит Писание, – стучите, и откроется вам». Если ты желаешь и ищешь быть допущенным в Святилище, мы уже достаточно сказали, чтобы указать тебе путь к нему. Если нет, бесполезно было бы говорить тебе что-либо еще, как бесполезно было бы говорить и все то, что мы уже успели сказать.

Философы-герметики также выводили свои учения из положений Каббалы, а в особенности из трактата «Бейт Элохим», то есть «*Domus Dei*»[29], также известного под названием «*Pneumatica Kabalistica*»[30] и принадлежащего перу рава Авраама Коэна Эрейра, а также трактата «*De Revolutionibus Animarum*»[31] рава Исаака Лурия.

Алхимики скрывали эту философию за своими символами и за терминологией грубой материалистической химии; этот профессиональный жаргон был практически совершенно не понятен никому, кроме истинных посвященных; однако ключ к его пониманию доступен и тебе, и эта философия вполне достойна изучения тобой. Труды разума человеческого всегда интересны и поучительны.

Быть вечно богатым, вечно молодым, бессмертным, – вот о чем во все времена мечтали алхимики.

Превращение в золото свинца, ртути и всех остальных металлов, создание панацеи, то есть лекарства от всех болезней, и эликсира бессмертия, – вот какими вопросами они занимались для того, чтобы удовлетворить свои устремления и реализовать мечты.

Как и все Мистерии Магии, таинства «Великого Делания» имеют в основе своего символизма тройственность: они носят одновременно религиозный, философский и природный характер.

В религии философское золото – это Абсолютный Верховный Разум; в философии это Истина; в зримой природе – Солнце; в подземном мире минералов – совершеннейшее и чистейшее золото.

Именно поэтому Великое Делание во все времена считалось стремлением к обретению Абсолюта, а сам этот труд считался аналогичным действию Солнца.

Все мастера тайной Науки признают, что невозможно добиться материального результата, если в двух высших градусах не обретаются все соответствия вселенской панацеи и философского камня.

Затем, утверждают они, работа становится легкой, необременительной и не требует особых затрат; в противном случае она не приносит плодов, поглощая при этом все сбережения и даже саму жизнь ученого.

Вселенская панацея для души – это Высший Разум и Абсолютная Справедливость; для ума – математическая и практическая Истина; для тела – Квинтэссенция, сочетание света и золота.

Materia Prima[32] Великого Делания в Высшем Мире – это порыв и деятельность; в среднем мире – разум и трудолюбие; в нижнем мире – труд; в науке это сера, ртуть и соль, которые, попеременно выпаренные и сконденсированные, составляют *Азот* древних мудрецов.

Сера соотносится со стихией Огня; ртуть – с Воздухом и Водой; соль – с Землей.

Великое Делание – это, превыше всего прочего, творение человеком себя самого, то есть совершеннейшее и полнейшее овладение им своими способностями и своим будущим. Превыше всего прочего, это совершенное самоопределение его воли, дарующее ему власть над царством Азота, власть над магнетизмом, а именно совершенную власть над вселенским магическим агенсом.

Этот магический агенс, который древние философы скрывали под туманным термином «*Prima Materia*», определяет формы подверженной изменениям Сущности; алхимики утверждали, что посредством нее они могли обрести власть над превращением металлов и вселенским лекарством.

Существуют два взаимозависимых герметических действия: духовное и материальное.

Вся герметическая наука содержится в учении Гермеса, запечатленном, как говорят, на изумрудной скрижали. Например, аспекты Великого Делания в этом тексте описываются так:

«*Отдели землю от огня, тонкое – от грубого, отдели мягко и искусно.*

Эта субстанция восходит от Земли к Небу и снова нисходит на Землю, и принимает в себя силу того, что наверху, и того, что внизу.

Так овладеешь славой всего мира, и всякая тьма устранится от тебя.

Эта сила превыше всех сил, ибо она преодолеет все тонкое и проникнет во все твердое.

Так был сотворен мир».

Все Мастера Алхимии, писавшие о Великом Делании, пользовались языком символов и аллегорий; они были вынуждены поступать так и отказывать в допуске к своим трудам профанам, для которых эти священные труды могли просто оказаться опасны, ограничивая участие в них только адептами, обладающими достаточными знаниями для того, чтобы открыть для себя весь мир соответствий, управляемый единым высшим учением Гермеса.

Так, например, на их языке, золото и серебро – это Царь и Царица, или Солнце и Луна; сера – летящий Орел; ртуть – Мужежена, крылатая, бородатая, восседающая на кубе и увенчанная языками пламени; материя, или соль,– крылатый Дракон; расплавленные металлы – Львы различных цветов; наконец, все Делание целиком символизировали Пеликан или Феникс.

Герметическое Искусство, таким образом, было одновременно религией, философией и естественной наукой. Как религия оно – религия древних магов и посвященных всех времен и народов; как философия оно основано на принципах Александрийской школы и теориях Пифагора; как наука оно основано на исследованиях природных процессов в трудах Парацельса, Николя Фламеля и Раймонда Луллия.

Наука реальна только для тех, кто признает и понимает философию и религию; и ее поиск приведет к успеху в том только случае, если ее адепт обрел свободу и самоопределение воли и тем самым стал Царем мира стихий, ибо великий посвященный в процессы деятельности Солнца осознает также и силу, о которой свидетельствуют символы учения Гермеса, запечатленного на Изумрудной скрижали;

это универсальная магическая сила, духовная, огненная, движущая; это древнеиудейский Ор, астральный Свет иных исследователей.

Это тайный огонь, живой и философский, о котором все философы-герметики говорят как о великом сокровенном таинстве; это Вселенское Семя, тайну которого они хранили и эмблемой которого служил кадуцей в руке Гермеса.

Это великий герметический Аркан. То, что посвященные называли мертвой материей, – это тела как они представлены в зримой природе; живая же материя – это сущности, ассимилированные и намагнетизированные знаниями и волей Делателя.

Дабы Великое Делание не превратилось в простую химическую процедуру, в Силу Божественного Слова должно излиться сотворенное в реальности простое человеческое слово.

Сотворение золота в процессе Великого Делания осуществляется путем перевоплощения и умножения.

Раймонд Луллий пишет, что для того, чтобы сотворить золото, нужно взять золото и ртуть; а для того, чтобы сотворить серебро, – серебро и ртуть. Он добавляет: «*Под ртутью я разумею минеральный дух, столь тонкий и чистый, что он золотит крупицу золота и серебрит крупицу серебра*». То есть в действительности под ртутью он подразумевает или, говоря современным языком, электричество, или Ор – астральный Свет.

Соль и сера в процессе этого труда служат только для приготовления ртути, и именно ртути нам следует приписывать (и, собственно, включать в нее) магнетическое действие. Видимо, только Парацельсу, Луллию и Фламелю удалось в совершенстве постигнуть это таинство.

Великое Делание Гермеса поэтому, в сущности, – магическое действо, причем наивысшее из всех возможных, поскольку оно предполагает достижение Абсолюта в науке и в воле. Свет существует в золоте, золото – в свете, а свет – во всем.

Ученики Гермеса, прежде чем пообещать своим адептам Эликсир жизни или Порошок претворения, советовали им посвятить себя поискам Философского камня.

Древние поклонялись Солнцу в виде черного Камня, именовавшегося *Элагабалом,* или *Гелиогабалом*. Верным Апокалипсис обещает обретение белого Камня[33].

Этот камень, утверждали Мастера Алхимии, и есть истинная Соль Философов, являющаяся составной частью, одной третью, Азота. Но,

как мы знаем, «Азот» – это название великого Герметического Агенса, иначе говоря, истинного философского Агенса; поэтому алхимики изображали Азот в виде кубического камня.

Философский камень лежит в основании Абсолютной философии, Верховного и неизменного Разума. Прежде чем начать размышлять о работе с металлами, мы должны твердо сфокусировать внимание на Абсолютных первопринципах Мудрости; мы должны овладеть Разумом, который является пробирным камнем Истины. Человек, подверженный воздействию суеверий, никогда не станет Царем природы и Властелином трансмутаций. Следовательно, Философский камень ему нужнее всего в мире. Но как же его найти? Гермес пишет в своей «Изумрудной Скрижали», что мы должны отделить тонкое от грубого и неподвижного, мягко и искусно. Следовательно, мы должны отделить свои убеждения от своей веры, таким образом точно определив и разграничив в своей собственной природе области царства веры и царства науки; мы должны осознать, что мы не верим ни во что из того, что знаем, и не знаем ничего, во что верим; а посему суть веры состоит в том, что она занимается вопросами непознаваемого, неизвестного и неопределенного, в то время как ее диаметральная противоположность в том, что касается предмета рассмотрения, называется наукой. Из чего мы делаем вывод о том, что наука основывается на Разуме и опыте, а вера – на чувствах и опять-таки Разуме.

Солнце и Луна алхимиков соперничают в совершенствовании и укреплении Философского камня. Они также соответствуют двум колоннам Храма – Яхину и Боазу. Солнце служит иероглифической эмблемой Истины, ибо оно источник Света, а Грубый камень – символ неизменности, стабильности. Отсюда средневековые алхимики делали вывод о том, что Философский камень – это первое средство для производства Философского золота, то есть средство изменения всех жизненных сил шести металлов, представленных в Солнце, то есть в Истине и Свете; это первый необходимый процесс Великого Делания, ведущий к вторичному усвоению и позволяющий создателям духовного, живого золота, обладателям истинных Философских соли, ртути и серы, обнаружить при помощи природных аналогий природное, зримое и осязаемое золото.

Найти Философский камень – значит открыть Абсолют, говорили все Мастера Алхимии. Но Абсолют не признает никаких ошибок и заблуждений, это Неизменное в Изменчивом, это Закон Воображения,

это сама Необходимость Бытия, это неизменный Закон Разума и Истины. Абсолют – это Сущий.

Открыть Абсолют в Беспредельном, в Неопределенном, равно как и в Конечном, – вот в чем состоит *Magnum Opus* – Великое Делание мудрецов древности, которое Гермес называл «Деланием Солнца».

Обнаружить неизменную основу истинной религиозной Веры, философской Истины и перевоплощения металлов, – вот в чем состоит истинное таинство Гермеса во всей его полноте, Философский камень.

Камень этот одновременно един и множествен; он разлагается анализом и вновь составляется синтезом. В состоянии анализа это порошок – алхимический Порошок претворения; до анализа и после синтеза это твердый камень.

Камень Философов, говорят древние Мастера, никогда не должен испытывать воздействие воздуха или быть увиденным профаном; он должен храниться в полной тайне и под надежной охраной в потаеннейшем месте лаборатории, и только обладатель его должен иметь и постоянно носить с собой ключ от этого тайника.

Владыка Великого Аркана и есть настоящий Царь, и более чем просто царь, ибо ему совершенно чужды страх и несбыточные надежды. При любой болезни тела или души одной частицы священного камня, одной-единственной крупицы Божественного порошка ему хватит для того, чтобы не только совершенно излечиться, но и для гораздо большего. «*Имеющий ухо слышать да слышит*», – говорят Мастера древности.

Сера, соль и ртуть – это всего лишь вспомогательные элементы, пассивные орудия Великого Делания. Как уже говорилось, все зависит от внутреннего Магнита Парацельса. Все Делание состоит в *проекции;* и эта проекция становится совершенной и завершенной, если достигнуто действенное и совершенное понимание одного-единственного Слова.

В Делании есть одна только наиболее важная операция: это *сублимация*, или *возгонка*, состоящая лишь в том, как пишет Гебер, что сухая материя посредством огня поднимается в соответствующий ей сосуд.

Всякий стремящийся приблизиться к пониманию Великого Слова и овладению Великой Тайной должен внимательно штудировать труды философов-герметиков, и тогда, вне всякого сомнения, он обретет истинное посвящение, как это ранее удавалось другим;

однако в качестве ключа ко всем таинствам он должен пользоваться лишь одной-единственной аксиомой герметической философии, запечатленной на Изумрудной скрижали, а затем следовать пути постепенного обретения Знания и управления всеми своими действиями, предначертанному каббалистической азбукой Таро.

Раймонд Луллий писал, что для того, чтобы получить золото, нужно вначале уже иметь золото. Ничто не создается из ничего; мы не умеем *создавать* богатство из ничего; мы способны только множить и увеличивать уже имеющееся. Следовательно, всякий изучающий священные науки должен хорошо понимать, что от истинного посвященного нельзя требовать ни фокусов ярмарочного фигляра, ни зрелищных чудес. Герметическая наука, как все *настоящие* науки, проверяется математикой. Ее выводы, даже материальные, так же точны и неумолимы, как выводы классических точных наук.

Герметическое золото – это не только истинное учение, Свет вне всякой тени, Истина без примесей лжи; это также и совершенно материальное золото, чистое, гораздо более драгоценное, чем можно найти во всех реках и шахтах Земли.

Однако живое золото, живую серу или живой огонь философов следует искать в Доме Меркурия, или Ртути. Этот огонь питается воздухом; для объяснения его притягивающей и расширительной сил лучше всего было бы использовать сравнение с молнией, изначально представляющей собой сухое дыхание Земли, которое затем соединяется с водяным паром, путем испарения обретающим огненную природу, которая воздействует на его внутреннюю влажность, притягивая ее и преобразуя в свою собственную природу; после этого он вновь изливается на землю в форме осадков, ибо его притягивает твердая земная природа, не менее сильная, чем его собственная.

Эти отчасти загадочные слова, по сути, совершенно ясны и просты, они выражают все, что философы подразумевали, говоря о «ртути, оплодотворенной серой, становящейся владыкой и восстановительницей соли». Это Азот, вселенская магнетическая сила, великий магический агенс, астральный Свет, Свет Жизни, оплодотворенный силой Разума, интеллектуальной энергией, которую они обычно сравнивают с серой в силу ее неразрывной связи с Божественным огнем.

Соль же – это Абсолютная Материя. Все материальное содержит в себе соль, и всякая соль (*nitrum*) может быть обращена в золото объединенным воздействием серы и ртути, действующих зачастую

столь быстро, что всю трансмутацию возможно совершить за час, за миг, совершенно при этом не утомившись и не потратив ни гроша. В другое время, если атмосферные агенсы обретают отражающую природу, Делание отнимает несколько дней, несколько месяцев или даже несколько лет.

В Природе существуют два изначальных закона, два основополагающих закона, которые, уравновешивая один другой, порождают вселенское равновесие всего сущего. Это законы неподвижности и движения, философски тождественные Истине и Вымыслу, а с точки зрения понятия Абсолюта, – законы Необходимости и Свободы, которые суть две стороны Божественной Сущности. Философы-герметики называли *связанным* все обладающее весом, то есть, по природе своей, стремящееся к уравновешенности в состоянии покоя; *летучим* же они называли все скорее подчиняющееся закону движения; свой камень они получают путем анализа, то есть путем выпаривания связанного вещества, а затем – синтеза, то есть связывания летучей субстанции; этого они достигали путем применения к связанному веществу, которое они именовали своей солью, сернистой ртути, или Света Жизни, направляемого всемогущей Божественной Волей. Так они обретали власть над всей Природой, и их Камень был для них везде, где была соль, и именно поэтому они утверждали, что нет такого вещества, которое не могло бы стать компонентом Великого Делания, и что даже самая, на первый взгляд, грубая и низменная материя может быть претворена в золото, – это верно в том смысле, что в любом веществе содержится принцип первичной соли, в нашей символике представленный в виде Кубического камня.

Знать, как из любого существующего в мире вещества извлекается чистая соль, – значит владеть тайной Камня. Это Салический камень, разлагаемый и вновь созидаемый Ором – вселенским астральным Светом; он одновременно един и множествен, ибо он может быть подвергнут разложению, подобно обычной соли, или включен в состав иных веществ. Обретя его путем анализа, мы должны называть его *Вселенским Сублиматом;* обретя же его путем синтеза, мы получаем не что иное, как *Панацею* древних мудрецов, способную излечить все болезни тела и души, именуемую *par excellence*[34] «природным лекарством». Когда некто, обретя полное и совершенное посвящение, получает власть над силами вселенского агенса, он также обретает и этот камень, извлечение которого представляет собой исключительно простую операцию, совершенно отличную от проекции или

выделения металлов. Этот камень в сублимированном состоянии ни в коем случае нельзя подвергать воздействию атмосферного воздуха, способного частично разложить его и в любом случае лишить чистоты; испарения его вдыхать также нельзя, ибо это крайне опасно. Настоящий мудрец хранит его в нетронутых природных оболочках, осознавая, что способен выделить из него необходимое количество вещества одним лишь усилием воли и одним лишь применением к этим природным оболочкам, которые каббалисты называют «клипот» (раковинами, корой или скорлупой) Вселенского Агенса.

Для того чтобы иероглифически выразить Закон благоразумия, они изображали свою ртуть, воплощенную в древнем Египте в боге Германубисе, с собачьей головой, а свою серу, воплощенную в Бафомете храмовников, – с козлиной головой, что, собственно, и послужило причиной столь дурной славы, которой пользовались оккультные философы в Средние века.

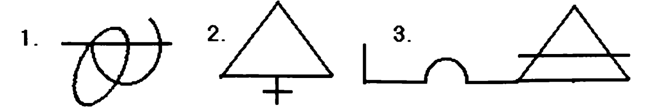
Давайте вслушаемся, что говорили сами алхимики, в надежде усвоить скрытый смысл их загадочных наставлений.

Ритуал степени Шотландского Мастера-Мудреца и Рыцаря св. Андрея, четвертый градус Устава Рамзая, или Исправленного и Усовершенствованного Дрезденского Устава, как указано на его титульном листе, учит: «О, сколь величественно и сколь славно *присутствие* Всемогущего Бога, во славе своей *сияющего* меж херувимами!

Сколь восхитительны и изумительны *лучи* славного *Света* сего, бросающего сиятельные и блистающие отблески свои от Священного Ковчега Завета и Союза!

Преклоним же смиренно головы наши с почтением и преданностью пред великим сим Истоком Жизни, сим Славным Духом, Который есть Милостивейший и Всеблагой Правитель Вселенной и всего сущего в ней!

Тайное знание Великого Шотландского Мастера состоит в постижении сочетаний и превращений различных веществ; обретя точное понимание и истинный смысл этого учения, ты узнаешь, что вся материя и все материальные сущности суть различные сочетания трех основных субстанций, извлеченных из четырех стихий, каковые суть (1) Соль, (2) Сера и (3) Дух. Первая из них порождает *твердое,* вторая – *мягкое,* а третья – *взвешенное,* например частицы водяного пара. Эти три основополагающие субстанции могущественны в своем сочетании, – и в этом состоит истинный процесс преображения металлов.

Этим трем основным субстанциям соответствуют три золотые купели, на первой из которых была выгравирована древнееврейская буква מ («М»), на второй – буква ג («Г»), а на третьей не было никакого знака. Буква «М» – это первая буква древнееврейского слова «мэлах» – «соль», буква «Г» – это первая буква слова «гефэрет» – «сера», и, поскольку в древнееврейском языке не было слова для обозначения неосязаемого пара, или Духа, на третьей купели не было изображено никакой буквы.

При помощи этих трех основных субстанций ты сможешь осуществлять превращение металлов, неизменно руководствуясь при этом пятью пунктами, или наставлениями, древнего Шотландского Мастерства.

В первом наставлении Мастера нам показывают медное море, в котором всегда должно быть достаточно дождевой воды; из дождевой воды Шотландский Мастер извлекает первое вещество, которое есть *соль;* впоследствии эта соль претерпевает семикратную переработку и очистку, и только после этого она становится совершенной и вполне готовой. Это семикратное очищение символизируют семь ступеней Соломонова Храма, – таково первое наставление, предлагаемое нам в степени Шотландского Мастера.

По приготовлении первого вещества ты должен извлечь и второе, которое есть *сера,* из чистейшего золота, к которому для этого примешивается чистейшая, или небесная, соль. Их следует смешать в соответствии с наставлениями Царственного Искусства, а затем поместить в сосуд в форме *корабля,* в котором они должны пребывать сто пятьдесят дней, то есть ровно столько, сколько плавал по водам Потопа Ноев ковчег, чтобы они достигли состояния влажности, теплой степени огня, дабы сгнить, разложиться и тем самым положить начало минеральному брожению. Таково второе наставление, предлагаемое нам в степени Шотландского Мастера.

Помысли о том, брат мой, что никто не возьмется утверждать, будто возможно извлечь из дождевой воды обычную соль, *nitrum,* или серу – из чистого золота, – и ты обязательно придешь к выводу, что наставления сии обладают неким потаенным, сокровенным смыслом.

Каббала учит нас, что человеческое существо тройственно и состоит из *Нефеш, Руах* и *Нешама – Psyche, Spiritus* и *Mens* – Души, Духа и Разума. Существуют семь священных дворцов, семь небес и семь престолов; души обретают очищение, проходя через семь сфер. «Корабль» же, по-древнееврейски, – это «ани», и тем же самым словом обозначается понятие «я».

Умножение таким образом полученного вещества – это третье превращение, достигаемое путем присовокупления к изначальным веществам одушевленного неосязаемого Духа; для этого к ним добавляется вода небесной соли и сама соль, и следует делать это крайне осторожно, в соответствии с наставлениями, тщательно следя за тем, чтобы не добавлять ни слишком много, ни слишком мало, ибо если добавишь слишком много – уничтожишь образующееся и растущее там желанное вещество, а если добавишь слишком мало – это вещество поглотит само себя и также будет уничтожено, растает, ибо в нем не будет достаточной силы для поддержания собственного существования. Таково третье наставление, предлагаемое нам в степени Шотландского Мастера. Оно символизирует возведение Вавилонской башни – древнейшей эмблемы Шотландских Мастеров, пользовавшихся ею как символом непропорциональности и несовершенства, в силу каковых ее строительство так и не было завершено, и работники не могли продолжать его.

Далее приступай к четвертому превращению, воплощенному в Кубическом камне, все стороны и углы которого равны между собой. Как только желанное вещество достигнет необходимого уровня умножения, его следует подвергнуть воздействию третьей степени огня, дарующей ему должное количество силы и вещественности металлических частиц Кубического камня, – таково четвертое наставление, предлагаемое нам в степени Шотландского Мастера.

И наконец, приступай к пятому и последнему превращению, воплощенному в Пламенеющей Звезде. После того как желанное вещество обрело должный пропорциональный состав, его следует подвергнуть воздействию четвертой, наивысшей, степени огня, в котором оно должно находиться трижды двадцать семь часов, в результате чего превратится в сияющую светлую тинктуру, способную преобразовывать более легкие металлы, из расчета одна часть тинктуры на тысячу частей металла. Сия Пламенеющая Звезда есть пятое и последнее наставление, предлагаемое нам в степени Шотландского Мастера.

Соверши же последовательно все пять превращений, предписанные истинному Шотландскому Мастеру, и одной частью к тысяче ты сможешь превращать и очищать металлы. Тогда лишь сможешь ты открыто говорить, что твой возраст – тысяча лет и более».

Наставление того же градуса следующим образом толкует потаенный смысл некоторых аспектов ритуала: «Три помещения Храма – внешний двор, святилище и Святая Святых – воплощают три принципа построения нашего священного Ордена, наставляющего своих посвященных в изучении нравственности и простейших изначальных добродетелях, которым обязано следовать человечество. Посему семь ступеней, ведущие к внешнему двору Храма, – это эмблема семеричного Света, который мы должны обрести для того, чтобы добраться до верхней ступени Знания, которое есть высший предел стремлений нашего Ордена.

В медном море мы должны символически очиститься от всякой скверны, всех своих пороков и прегрешений, сотворенных по ошибке ли, вследствие ли следования ошибочному мнению, намеренно ли, – ибо все они одинаково препятствуют достижению нами вершин истинной Мудрости. Мы должны тщательнейшим образом очистить все потаенные глубины сердец своих для того, чтобы посредством этого обрести право созерцать Пламенеющую Звезду – эмблему Божественной Блистающей Шхины, то есть Божественного Присутствия, – и впоследствии заслужить право приблизиться к престолу Высшей Мудрости».

В степени Истинного Каменщика (*Le Vrai Maçon*), которая определяется на титульном листе ритуала как 23-й градус, или 12-й градус 5-го класса, Ордена Вольных Каменщиков, на табеле изображается Лучезарный Треугольник с великой литерой Йод в центре.

«Треугольник, – гласит ритуал, – воплощает Бога, единого в трех лицах, а Йод – это первая буква Последнего Имени.

Темный Круг воплощает Хаос, сотворенный в начале времен Богом.

Крест в круге воплощает Свет, посредством которого Бог преобразовал Хаос.

Квадрат воплощает четыре стихии, в которые Хаос впоследствии преобразовался.

Треугольник также воплощает три первопринципа – Соль, Серу и Ртуть, – порожденные смешением четырех стихий.

Бог *творит;* Природа *производит;* Искусство *множит*. Бог сотворил Хаос; Природа произвела его; вместе Бог, Природа и Искусство придали ему совершенство.

Алтарь Воскурений воплощает огонь, преобразующий Природу. Две *башни* – это два кузнечных горна – влажный и сухой, – в которых надлежит трудиться посвященному. Чаша в дубовой форме заключает в себе Философское яйцо.

Две фигуры, увенчанные крестом, суть два сосуда – Природа и Искусство, – в которых свершается и увенчивается двойной брачный союз Белой дамы и Красного пажа, от которого рождается Могущественный Царь.

Хаос – это вселенская материя, бесформенная сама по себе, но приобретающая любую форму. Форма – это Свет, заключенный в семени любого живого существа; исток и дом ее – во Вселенском Духе.

Трудясь над вселенской материей, пользуйся внутренним и внешним огнем, – тогда получишь четыре стихии – *Principia Principiorum* и *Inmediata*[35] – Огонь, Воздух, Воду и Землю. Четыре качества этих стихий суть теплота и сухость, холод и влажность. Каждая стихия характеризуется двумя из этих качеств: сухая и холодная стихия – Земля; холодная и влажная – Вода; влажная и теплая – Воздух; теплая и сухая – Огонь. Посему Огонь, например, связан с Землей, и вообще все стихии связаны между собой и движутся по кругу, как учит Гермес.

Соединение четырех стихий и четырех их качеств порождает три основные Принципа – Серу, Соль и Ртуть, – философские, а не обычные.

Философская Ртуть – это Вода и Дух, разлагающие и возгоняющие Солнце; философская Сера – это Огонь и Душа, смягчающие и окрашивающие его; философская Соль – это Земля и Тело, сгущающие и связывающие его, – и все вместе свершается в области Воздуха.

Эти три Первопринципа порождают дубликаты четырех стихий, или великие Элементы: Ртуть, Серу, Соль и Стекло, два из которых летучи: Вода (Ртуть) и Воздух (Сера), который есть масло, – ибо все жидкие вещества избегают воздействия огня, который забирает у одних (вода) некоторую часть в виде пара, а другие (масло) сжигает; другие же два связанны и тверды: Соль (содержащая огонь в себе) и чистая Земля (Стекло), – на них огонь способен воздействовать, только вызывая их частичное таяние и полное очищение и совершенствование (при условии, что не используется жидкая щелочь);

ибо как каждая стихия состоит в совокупности двух изначальных качеств, так и каждый из вторичных Элементов в большей или меньшей степени усваивает доли качеств двух, точнее, всех четырех стихий, – Ртуть усваивает больше качеств Воды, с которой традиционно соотносится; Масло, или Сера, – больше качеств Воздуха; Соль – Огня; Стекло – Земли, которая в своем чистом и беспримесном состоянии находится в центре всех элементарных составляющих и отделяется от остальных в последнюю очередь.

Четыре стихии и три первоэлемента пребывают во всех составных веществах – животных, растительных и минеральных, в одних – в большей степени, в других – в меньшей.

Огонь наделяет их движением; Воздух – чувствами; Вода – пищей; Земля – жизненной силой.

Четыре вторичных Элемента порождают *Камень*, при условии, что ученый каждый из них поместит в должную степень огня, а также затем смешает в должной пропорции, в зависимости от их природного веса. Из десяти частей Воздуха получается одна часть Воды; из десяти частей Воды – одна часть Земли; из десяти частей Земли – одна часть Огня; все вместе является Активным Символом одного и Пассивным Символом другого, – и сим свершается превращение Элементов».

Здесь ритуал определенно намекает на четыре каббалистических мира. Десять сефирот мира Бриа проистекают из Малхут, последней из десяти эманаций мира Ацилут; десять сефирот мира Йецира – из Малхут мира Бриа; десять сефирот мира Асия – из Малхут мира Йецира. Проходное слово этого градуса приводится в ритуале как «Метралон», что определенно является искажением имени «Метатрон», то есть имени херувима, который в Каббале наряду с Сандалфоном именуется предводителем небесных ангельских воинств. Активным и Пассивным Символами являются Мужчина и Женщина.

Далее в ритуале говорится: «Посему очевидно, что в Великом Делании нам следует применять десять частей философской Ртути на одну часть Солнца или Луны.

Это достигается посредством *растворения* и *сгущения,* и это значит, что следует растворять тело и сгущать дух, каковые действия производятся на влажной и сухой банях.

Из цветов *черный* символизирует Землю; *белый* – Воду; *синий* – Воздух; *красный* – Огонь; и эти цвета также содержат в себе и скрывают великие таинства.

Метод Великого Делания состоит в последовательном и своевременном применении влажной бани, сухой бани, сосудов Природы и Искусства, дубовой чаши, *lutum sapientiæ*[36], печати Гермеса, пробирки, физической лампы и железного стержня.

Делание совершается за семнадцать философских месяцев, по числу смешений составляющих веществ. Достижения по его осуществлении бывают двух родов: воздействующие на душу и воздействующие на тело. *Первое достижение состоит в познании Бога, Природы и самого себя; второе – в обретении здоровья и богатства.*

Посвященный проходит сквозь Небо и Землю. Небо есть мир, явленный разуму и разделенный на Рай и Ад; Земля есть мир, явленный чувствам и разделенный на миры небесный и стихийный.

Каждую из этих двух сфер изучают соответствующие им науки. *Первая из них проста и ясна; другая потаенна и сокровенна.* В мире, постижимом для разума, существуют герметическая теология и Каббала, небесная астрология; в стихийном же мире существует химия, которая посредством разложения и разделения огнем открывает потаеннейшие тайны Природы, содержащиеся во всех трех составляющих всех веществ. Эта наука также называется герметической наукой, или наукой Великого Делания».

Ритуал степени Рыцаря Каббалистических и Герметических Розы и Креста гласит: «Истинная философия, известная Соломону и практиковавшаяся им, – это основа всего масонства.

Наши братья, древние масоны, скрыли от нас самое важное из положений Божественного и Царственного Искусства в символических иероглифах, которые суть всего лишь аллегории и энигмы, совершенно бессмысленные для всех невежественных, порочных и честолюбивых людей.

В высшей степени счастлив будет тот, кто путем усердного труда найдет тот потаенный дворец, или укрытие, в котором пребывает поныне обнаженная высшая Истина. Ибо это будет означать, что он обрел Истинный Свет, Истинное Счастье, истинное Небесное Благо. Лишь тогда справедливо будет сказать, что он принадлежит к числу Истинных Избранников, ибо *лишь здесь пребывает единственная настоящая Высшая Наука, к постижению которой только способен стремиться смертный;* и продлятся его дни, и душа освободится от всякой скверны и всякого порока, в кои[37] столь часто вовлекает людской род нужда».

Поскольку символика зала собраний и язык ритуала поясняют друг друга, нам остается здесь добавить, что в данном градусе двенадцать колонн Храма – белые с черным и красным. Занавеси – черные с пурпуром.

Над престолом председательствующего офицера располагается большой золотой орел на черном фоне. В центре потолка помещается золотая Пламенеющая Звезда с литерой Йод в центре. Справа и слева от престола располагаются золотое Солнце и серебряная Луна. К престолу ведут *три* ступеньки. Зал собраний освещен десятью светильниками, и еще десять освещают его преддверие; у входа – один светильник. Облачения степени также выполнены в черном, белом и пурпурном цветах; основными его символами являются ключ и весы.

Ритуал гласит, что в обязанности Второго Великого Приора входит надзор за тем, чтобы «капитул был должным образом герметически запечатан, все материи и стихии должным образом приуготовлены, а также черное вовремя уступало белому, а белое – красному».

«Будь усерден, – также говорится там, – подобно Звезде, и дари свет мудрецам, но скрывайся от взора глупых профанов и честолюбцев, и будь в этом подобен Сове, зрячей лишь по ночам, но днем скрывающейся от пустого людского любопытства.

Солнце, вступая в каждый из своих домов, бывает встречаемо там четырьмя стихиями, которые тебе необходимо со всей осторожностью призвать себе на помощь, дабы они споспешествовали тебе в твоем предприятии, ведь без них дом твой станет домом грусти; радость ты возвратишь в него, лишь призвав на помощь четыре стихии.

Поочередно посетив все свои двенадцать домов, видя в каждом из них твою готовность принять его, оно возлюбит тебя как ближайшего своего посвященного и позволит тебе насладиться его дарами. Более материя не будет иметь никакой власти над тобой; более ты не будешь простым жителем Земли; через некоторое время ты возвратишь ей тело, принадлежащее ей, а вместо него обретешь новое, совершенно духовное тело. Тогда материя совершенно умрет для мира.

Посему нужно будет вновь оживить ее, чтобы она возродилась из пепла, и сие ты осуществишь, вырастив Древо Жизни, воплощенное для нас в акациевой ветви. Всякий усвоивший, как постигать и исполнять сие Великое Делание, познает великие истины, учат мудрецы Царственного Искусства; но стоит тебе уклониться от

центра переплетенных Наугольника и Циркуля, успех более не будет сопутствовать тебе в твоих трудах.

В других предприятиях тебе будет необходим и еще один талисман, не имея которого, не обретешь успеха. Его называют каббалистическим пентаклем... В нем содержится сила управления стихийными духами. Ты должен знать, как пользоваться им, и учиться с усердием, дабы усвоить эту науку наших дальних предков-мудрецов.

Великий черный Орел – царь птиц. Лишь он один способен воплощать Солнце, свет которого, материальный, по своей природе, не имеет формы, хотя его формы образуют цвета радуги. Черный цвет – истинный предвестник Великого Делания; он преобразует все цвета и обретает материальные формы, из которых возникает сиятельное Солнце.

Рождение Солнца всегда предвещает его Звезда, воплощенная в Пламенеющей Звезде, которую ты узнаешь по ее огненному цвету; следует же за ним повсюду блистающая серебром Луна.

Грубый Камень лишен формы, и его следует должным образом приуготовить для того, чтобы возможным стало приступить к философскому деланию; его следует обрабатывать, дабы изменить его форму с треугольной на кубическую, отделив от него все соль, серу и ртуть при помощи Наугольника, Отвеса, Уровня и Весов, а также всех прочих масонских орудий, *которыми мы пользуемся лишь символически*.

Здесь мы также применяем их символически, дабы возвести здание с совершенными пропорциями, через которое тебе предстоит провести грубую материю, здесь могущую быть уподобленной кандидату, лишь начинающему посвящение в наши таинства. Возводя сие здание, мы должны учитывать все пропорции и все строительные правила, иначе Дух Жизни не сможет жить там. Итак, ты сначала возведешь величественную башню, в которой предстоит гореть огню мудрецов, или, другими словами, Небесному Огню; также в ней будет место для Моря мудрецов, в котором будут купаться Солнце и Луна. Это купель очищения, наполненная водой Небесной Милости, которая не пачкает рук, но напротив – очищает тело от всех язв.

Давайте же потрудимся над тем, чтобы просветить нашего брата, дабы трудами своими он преуспел в постижении принципа Жизни, содержащегося в глубинах материи и известного под названием „Алкагест“.

Могущественнейшее из имен Господних – *Адонай*. Властью Своей Он движет Вселенной, и Рыцари, удачливые настолько, чтобы овладеть этим Именем в полных мере и весе, возобладают всей силой его, всеми стихиями, и познают все науки и добродетели, которые вообще способен познать смертный человек. Его властью они добьются получения первичного солнечного металла, внутри себя содержащего Первопринцип эмбриона, при помощи которого возможно станет установить связи со всеми остальными шестью металлами, каждый из которых, в свою очередь, содержит в себе принципы и изначальное семя великого философского Делания.

Прочие шесть металлов – это Сатурн, Юпитер, Марс, Венера, Меркурий и Луна, более широко известные как Свинец, Олово, Железо, Медь, Ртуть и Серебро. Золото не включается в их число, потому что оно не является металлом по своей природе; это чистый нетленный дух, и именно поэтому оно служит эмблемой Солнца, управляющего Светом.

Животворящий Дух, именуемый *Алкагестом*, содержит в себе добродетель творения треугольного Кубического Камня, равно как и добродетельную способность сделать всех людей счастливыми в этом мире и в Мире Грядущем. Дабы в конечном итоге обрести этот Алкагест, мы начинаем с изучения науки о единении четырех стихий, извлекаемых из трех природных царств: минерального, растительного и животного, – ключами от которых для нас являются правило, мера, вес и равновесие. В своей работе, на разных ее этапах, мы пользуемся, соответственно, минералами, растениями и животными, при помощи которых создается пространство Дома Солнца – вместилища всех добродетелей.

Определенные свойства всех трех природных царств соответствуют каждому небесному Дому, дабы все творимое творилось в соответствии с нерушимыми философскими правилами, чтобы все претерпевало должное очищение в отведенное для этого время и в определенном для этого месте, чтобы в конечном итоге оказаться за пиршественным столом брачного торжества Жены и шести дев, держащих в руках мистическую лопату не с обычным огнем, но с огнем стихийным, порожденным силами *притяжения* и разложением философского ложа, освещенного четырьмя Элементами.

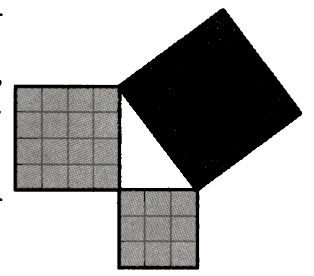
На пиршестве Жены яства, будучи предварительно должным образом очищены, подаются в Соли, Сере, Духе и Масле; достаточное их количество затем принимается ежемесячно, и из них при помощи

весов Соломона составляется Алкагест, которому суждено прислуживать Женам, когда они улягутся на брачное ложе, дабы там зачать эмбрион, сулящий роду человеческому неизмеримые и непреходящие, сколь долго ни существовал бы сей мир, богатства.

Мало кто способен осуществить это великое Делание. Только истинные Вольные Каменщики могут по праву рассчитывать на успех, и даже из их числа лишь немногие достойны его, ибо большинство из них не имеют ровным счетом никакого представления о Ключах (*Claviculi*) и их содержимом, а также о Пентакле Соломона, наставляющем в исполнении Великого Делания.

Вес, поднятый весами Соломона, равен 1, 2, 3, 4, 5,– и в нем содержатся число 25, умноженное на единицу; 2, умноженное на 2; 3, умноженное на 3; 4, умноженное на 4; 5, умноженное на 5; а также единожды 9; таким образом, эти числа также содержат в себе квадраты чисел 5 и 2, куб числа 2, квадрат квадрата числа 2 и куб числа 3».

До сих пор этот ритуал, судя по числам, упоминающимся в нем, рассуждал о 47-й проблеме Эвклида, аллегории символического масонства, которая совершенно не имеет отношения к данным материям, а поэтому ее символизм здесь не поддается истолкованию. Основание приведенного здесь прямоугольного треугольника составляет 3 единицы, опущенного на него перпендикуляра – 4 единицы; длина гипотенузы составляет, соответственно, 5 единиц, по правилу, гласящему, что сумма квадратов катетов в прямоугольном треугольнике равна квадрату гипотенузы: 3 × 3 = 9, 4 × 4 = 16, а 5 × 5 = 25, каковое число является квадратом числа 5. Стороны треугольника содержат числа 1, 2 и 3. Перпендикуляр в нем символически воплощает Мужчину; основание – Женщину, а гипотенуза – их отпрыска.

«Связать летучее» на герметическом языке означает материализовать дух, в то время как «возогнать твердое» – значит одухотворить материю.

Отделить тонкое от грубого во время первого превращения, которое является совершенно внутренним, – значит освободить свои души от всех и всяческих суеверий и пороков. Это превращение осуществляется при помощи философской Соли, то есть Мудрости,

философской Ртути, то есть личных способностей и усердия, и философской Серы, то есть жизненной энергии и волевого рвения. Так становится возможным претворить в философское золото даже самые незначительные и низменные, даже грубые земные материи.

Именно в этом смысле мы склонны толковать притчи философов-герметиков и пророков искусства Алхимии; но в их трудах, как и в Великом Делании, также необходимо тщательно отделять тонкие материи от грубых, мистическое – от позитивистского, аллегорию – от теории. Если читать их работы с удовольствием и пониманием, сначала рождается их общее аллегорическое понимание, а только затем происходит нисхождение от аллегорий к реалиям при помощи закона аналогий, который можно свести к одной-единственной великой аксиоме: «Что наверху – то и внизу, и что внизу – то и наверху».

Трактат «*Minerva Mundi*»[38], приписываемый Гермесу Трисмегисту, содержит в себе пусть и сокрытое под пеленой многочисленных поэтических аллегорий, но достаточно подробно описанное учение о самосотворении вещей, или закона творения, порожденного союзом двух противоположных по своему воздействию сил, которые алхимики называли Принципами Летучести и Связанности и которые, исходя из понятия Абсолюта, суть Необходимость и Свобода.

Когда мастера алхимии говорят, что Делание не требует больших затрат времени и средств; когда они, кроме того, утверждают, что для него необходим лишь один сосуд; когда они говорят о едином великом горне, доступном для всех в мире, которым все люди мира уже владеют, не подозревая об этом, – они в действительности рассуждают о понятиях нравственной, или философской, алхимии. Действительно, сильная и целеустремленная воля может за весьма незначительное время обеспечить человеку совершенную независимость; и все мы действительно владеем химическим орудием, великим и единственным *атанором,* или горном, служащим для отделения тонких материй от грубых и связанных – от летучих. Это орудие, совершенное, как весь этот мир, и точное, как сама математика, описывается древними мудрецами как Пентаграмма, или Звезда о пяти лучах – совершенная эмблема человеческого разума.

Цель и результат Великого Делания в алхимии обычно представляется в виде треугольника, увенчанного крестом, или в виде буквы Тав (ת) – последней буквы священного алфавита.

«Стихийный огонь», нисходящий к нам за счет действия закона притяжения, – это определенно электричество, или электродинамическая

сила, проистекающая из явления магнетизма. Именно в ней, скорее всего, заключается разгадка великой тайны жизни и жизненной силы.

Парацельс, великий реформатор медицинской науки, открыл явление магнетизма задолго до Месмера и развил учение об этом блистательном природном феномене, или, точнее, обрел полное посвящение в таинственную магию древних мудрецов, которые осознавали действие этого великого волшебного агенса гораздо лучше нас. Он считал астральный Свет, Азот, не источником вселенского магнетизма древних, но животным элементарным флюидом, проистекающим только от определенных живых существ, круг которых ограничен.

Четыре стихии, четыре символических животных, вторичные Элементы, – все они соотносятся одни с другими, и общая схема, по мнению масонов-герметиков, выглядит следующим образом:

Азот – Орел – Воздух;

Сера – Лев – Огонь;

Ртуть – Человек – Вода;

Соль – Бык – Земля.

Воздух и Земля воплощают Мужской принцип, в то время как Огонь и Вода относятся к Женскому принципу.

Этим четырем формам соответствуют следующие философские идеи: Дух, Материя, Движение, Покой.

В алхимии эти четыре формы сводятся к трем: Абсолют, Связанное, Летучее.

Синонимами этих трех слов являются: Разум, Необходимость, Свобода.

Как все великие Мистерии Бога и Вселенной бывают сокрыты в понятии Тройственности, так и в масонстве и герметической философии (скрывающейся под маской алхимии) повсюду встречается это понятие. Оно проявляется даже там, где масоны менее всего могли бы ожидать его встретить, и неизменно наставляет их в законе равновесия противоположностей и проистекающего из этого равновесия вселенской гармонии.

Двойной треугольник Соломона толкуется св. Иоанном следующим довольно примечательным образом: он говорит, что в Небесах есть трое свидетелей – Отец, Слово и Святой Дух, и трое свидетелей на Земле – дыхание, кровь и вода. Таким образом, он выражает свое согласие с догмами герметической философии, в которой философская

Сера носит название Эфира, философская Ртуть – философской Воды, а философская Соль – крови Дракона, или менструальной крови Земли. Кровь, или Соль, в соответствии с законом противоположностей, соотносится с Отцом; азотистая, или ртутная, вода – со Словом, или Логосом; дыхание – со Святым Духом. Однако высокий символизм может быть понят и истолкован лишь адептами высшей Науки.

Главной священной троицей алхимии является союз Соли, Серы и Ртути. Философы-герметики учили, что человек состоит из тела, души и духа. Голубь, ворон и феникс являются удивительными символами понятий Добра и Зла, Света и Тьмы, равно как и Красоты, порожденной равновесием этих двух противоположных первопринципов.

Если ты желаешь добиться совершенного понимания истинных таинств алхимии, тебе следует тщательно, терпеливо и усердно изучать труды древних мастеров. Каждое слово в них – это отдельная и самостоятельная загадка, и всякому читающему в спешке, невнимательно, эти тексты представятся полным абсурдом. Даже когда нам кажется, что в них утверждается, что Великое Делание состоит в науке очищения собственной нашей души, а следовательно, они являются трудами исключительно по нравственной философии, в действительности мы видим только их первый, поверхностный смысл, а смысл потаенный остается сокрытым от нас.

Йод (י) именуется в Каббале *opifex – Работником* Бога. В «*Porta Cœlorum*» говорится, что он един и изначален, как число 1, первое из всех чисел, как точка, первое из всех тел и первая из всех фигур. Если заставить его двигаться сверху вниз, на свет появится *линия,* то есть Вав (ו), а если, в свою очередь, начнет двигаться Вав (по горизонтали), появится Далет (ד). Вав превращается в Далет потому, что изначальное самостоятельное движение протекает справа налево и сверху вниз. Таким образом, *полнота* Йода состоит в полном написании его имени (יוד) – Йод-Вав-Далет. Вав (числовое значение 6) в сочетании с Далетом (числовое значение 4) дает число 10, что соответствует числовому значению Йода – их основы и истока.

В «*Сифра ди-цениута*» говорится, что Йод – это символ Мудрости и Отца.

Первопринцип, именуемый Отцом, воплощается в Йоде, который изливается свыше в этот мир, а следовательно, Йод является самой сокровенной из всех букв, ибо он есть начало и конец всех вещей. Йод – это Всевышняя Мудрость; Йод содержит в себе все сущее, в силу этого именуясь Отцом Отцов и Творцом Вселенной. Первопринцип

всего сущего также именуется Домом всего сущего, а посему Йод – это начало и конец всего сущего, ибо сказано: «*Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих*»[39]. Ибо великое Всё также именуется Мудростью, ведь в ней действительно содержится всё, и квинтэссенцией Всего является Святое Имя.

В «*Сифра ди-цениута*» также говорится, что Йод, воплощающий Отца, входит к Хей, то есть Матери, и их брачный союз порождает всепроникающее сияние, которое заставляет Бину проникаться Божественной Мудростью.

В имени Йаху (יהו), утверждается в этом труде, содержатся Отец, Мать и Микропросопос – их отпрыск. Хей, оплодотворенная Йодом, производит на свет Микропросопоса, или Зеир Анпин.

Мудрость (Хохма) есть Первопринцип всего сущего; она есть Отец Отцов, и в ней – начало и конец всех вещей. Микропросопос – вторая Универсалия – является отпрыском Мудрости-Отца и Бины-Матери. Он состоит из шести счислений: Гевуры, Гедулы, Тиферет, Нецах, Ход и Йесод. Он обычно изображается в виде человека, и считается, что именно он изначально занимал пространство, впоследствии заполненное миром Бриа (миром Творения), но затем был возвышен в сферу Ацилут и там обрел от Верховной Мудрости и Разума собственные Мудрость, Разум и Познание (Даат).

Вав – это трехстороннее слово, которым обозначаются шесть составных частей Микропросопоса. Последний сформирован по тому же принципу, что и Макропросопос, но в отсутствие Кетер, Воли, которая остается в сфере первого Прототипа, или Универсалии, – хотя он и наделен частью Божественной разумной Силы и Способности. В первой Универсалии отсутствует первое лицо, и она именуется в третьем лице – הוא (Ху, «Он»); но во второй Универсалии первое лицо уже присутствует, и она именуется אני (Ани, «Я»).

«Идра Рабба», или «*Synodus Magnum*»[40], один из трактатов Книги Зогар, гласит, что Старец Старцев (Бог как Абсолют) пребывает в Микропросопосе. Все вещи суть одно, которое было, есть и пребудет; и ни в чем не было, нет и не будет никаких изменений.

Однако впоследствии Он посредством формирования претворил Себя в некую форму, содержащую в себе все формы, включающую в себя все роды и виды. Эта форма напоминает Его форму; но она есть не Его форма, а лишь ее подобие; посему форма человека подобна всем формам, как наверху, так и внизу, ибо все они входят

в нее и она охватывает их все. Так Священный обрел форму, и так сформировался Микропрософос. Все сущее – одно, и все состоит из двух Универсалий; но во второй Универсалии пути Его разделяются, и Воля Его пребывает на нашей стороне; но на противоположной от нас стороне пути Его также разделены.

Таинства эти раскрываются лишь жнецам полей Господних.

Священнейшего Старца не называют «Ата» – «Ты», но только «Ху» – «Он». Однако в Микропрософосе, из которого проистекает все сущее, Он именуется *Ата*, а также *Аб* – «Отец». От Него проистекает все сущее, и посему к Нему обращаются со словом «Ты», ибо Он есть Отец Отцов. Он проистекает из Небытия, а посему непостижим.

Мудрость есть Первопринцип Вселенной, и из нее выходят тридцать два пути: в них содержится Закон, выраженный в двадцати двух буквах и десяти словах. Мудрость – это Отец Отцов, и в этой Мудрости – начало и конец, а следовательно, Мудрость пребывает в обеих Универсалиях – и в верхней, и в нижней.

В комментариях на «Сифра ди-цениута» рава Хаима Виталя говорится, что в начале процесса эманации Микропрософос проистек от Отца и пребывал в единении с Матерью в силу таинства явления буквы Хей в среде Далет-Вав; Вав определяется как Микропрософос, потому что Вав также определяется числом 6 и состоит из шести составляющих, следующих за Хохмой и Биной. В соответствии с этим представлением, Отец именуется Отцом Отцов, ибо от Него происходят все Отцы, равно как и Милость, Суровость и Красота. Таким образом, Микропрософос уподобляется Ваву в среде Хей, ибо у Хей нет головы, но когда она только была рождена, для нее были сотворены три мозга, являющиеся плодами проистечения свыше Божественного Света.

И как мир Возмещения (мир после того, как сосуды сефирот ниже Бины растрескались, дабы из их осколков образовалась злая сила) устроен по образу Весов, точно так же он создается по образу человеческому. Но Малхут – Царство – является совершенным и независимым лицом, пребывающим за Микропрософосом и в соединении с ним, и вместе они именуются Человеком.

Первое Слово, проистекшее из Пустоты, не могло продолжать существовать и не поддерживать иное бытие, ибо оно еще не имело образа ни человека, ни весов, а сефирот представляли собой точки, расположенные одна под другой. Первый явный Адам (Микропрософос, в отличие от Макропрософоса – первого *сокровенного* Адама) был тем

истоком, из которого проистекли все десять счислений, перешедших из области потенциальной возможности в область действия.

Микропросопос – это вторичная оболочка, или привнесенный посредник, относительно Священнейшего Старца, Имя Которого – Тетраграмматон; Он зовется Элохим, ибо Микропросопос – это Абсолютное Милосердие, в то время как в Макропросопосе светочи Его обладают природой Суровости, относительно старшей Универсалии, хотя, по сути своей, они также являются и Милосердием, относительно светочей Малхут и трех нижних миров.

Все последующие формирования Макропросопоса проистекают из первого Адама, который, дабы создать вторичную оболочку, заставил сферу Суровости исторгнуть искру единую, в свою очередь, породившую пять букв слова «Элохим». Одновременно с этим из Мозга проистек тонкий воздух, занимающий место по правую руку, в то время как сама искра оказывается по левую руку. Посему красный и белый цвета, то есть воздух и огонь, или Милость и Правосудие, не смешиваются.

Микропросопос – это Древо Познания Добра и Зла, причем Суровость его – это сторона Зла.

Царство, также именуемое Словом Господним, является облачением Небес, равно как и шесть составляющих Тиферет, ибо они состоят и включают в себя высшие оболочки. Ибо всякое созидание и формирование происходит посредством облачения в силу того, что сокрытие здесь аналогично проявлению; избыточный свет скрывается, то есть снижает интенсивность и степень, дабы нижний мир оказался способен его воспринять. Эти шесть составляющих, которые считают содержащимися в Бине, пребывают в мире Творения; содержащиеся в Тиферет – в мире Созидания; пребывающие в Малхут – в мире Формирования.

Прежде, нежели установилось равновесие, лик не был обращен к другому лику; Микропросопос и его супруга пребывали спина к спине, но, тем не менее, в брачном единении. Так и наверху прежде, нежели первый Адам был разделен на мужскую и женскую части и тем самым установилось равновесие, Отец и Мать не пребывали лицом к лицу. Ибо Отец – это совершеннейшая Любовь, а Мать – совершеннейший Покой. Семеро высших сынов, порожденных ею, Биной, от которой проистекли все семеро, суть высшие состояния покоя, никоим образом не связанные со своим корнем в Святейшем Старце; это означает, что все они были *мертвы*, уничтожены, сметены;

однако затем они были приведены в равновесие, им была дарована способность уравновешивать сокровенную Мудрость, когда она обрела форму Мужчины и Женщины, Покоя и Любви; тогда они возродились к жизни, и им был дарован исток в верхнем мире.

Отец есть Любовь и Милость; Он оплодотворяет Мать, которая есть Покой и Суровость, или Правосудие, тонким Ором, или Милосердием; и отпрыском их союза является мозг Микропросопоса.

Во введении в Книгу Зогар говорится, что Богом было предопределено сотворить Добро и Зло в мире в соответствии со словами Исайи: «*Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это*»[41]. Зло, однако, изначально пребывало в сокровенности и не могло быть порождено или проистечь иначе, как за счет грехопадения первого Адама. Поэтому Он решил сначала позволить Счислениям, проистекшим вниз из Милосердия, быть уничтоженными Его избыточным Светом, ибо именно из них Он собирался начать творить миры Зла. Но первые три из них должны были выжить и продолжить существование, дабы среди остатков разрушенного не было места Воле, Разумной Силе и Способности к познанию Бога средствами разума. Последние семь Счислений пребывали в форме *точек*, как и первые три, причем каждое из них существовало независимо от остальных и не поддерживалось остальными, – и именно в этом коренится причина их уничтожения и смерти.

Меж ними не было Любви, но лишь двойственный Страх; Мудрость, например, боялась повторного восхождения к своему Истоку в Кетер, а также нисхождения в Бину. Посему между каждыми двумя из Счислений не было союза, за исключением Хохмы и Бины, между которыми единство существовало, хотя также было несовершенно, ибо они не поворачивались ликами друг к другу. Таков смысл высказывания о том, что мир был сотворен Правосудием, которое также есть Страх. В такой форме этот мир не мог существовать, и семеро Царей были свергнуты с престолов до тех пор, пока свойство Сострадания не соединилось с Правосудием, вследствие чего и произошло возрождение. От него проистекли Любовь, Союз и шесть составляющих воссоединились в одном лице, ибо Любовь есть свойство Сострадания, или Милости.

Бина произвела на свет семерых Царей не поочередно, а всех вместе. Седьмой из них – это Царство, иначе именуемое Камнем, краеугольным камнем, ибо с него начиналось строительство трех нижних миров.

Первые шесть растрескались на отдельные фрагменты; Царство же было размозжено в бесформенную массу, дабы злые демоны, порожденные осколками остальных Счислений, не обрели от него тела, ибо именно Царство производит тела и жизненную силу (Нефеш).

Из осколков сосудов появились на свет все виды Зла: ошибочные суждения, бурные волны Океана, нечистота, Змей, Адам Велиал (Ваал)… Но их внутренний свет все же повторно вознесся в Бину, а затем повторно излился в миры Бриа и Йецира, дабы в них сформировать оболочки семи Счислений. Искры великого Света растрескавшихся сосудов, проникшие в четыре духовные стихии – Огонь, Воздух, Воду и Землю, а оттуда – в неодушевленные растительные формы бытия, равно как и в наделенные речью царства, обратились в души.

Выбирая подходящий из всего множества неподходящих светочей, отделяя добро от зла, Бог сначала восстановил Универсалию Семерых Царей мира Ацилут, и только после этого – остальных миров.

И хотя в них одновременно существовали добро и зло, зло, тем не менее, не претворялось в действие, ибо Суровость оставалась умеренной и смягченной, ведь некоторая ее часть была необходима для того, чтобы удерживать осколки оболочек от вознесения. Также они были оставлены для того, чтобы осуществлять плодотворный союз, для которого всегда необходимы два порождающих элемента. И эта необходимость существования Суровости является причиной удовольствия и тепла детородного влечения, супружеской любви между мужем и женой.

Если Бог, гласит «Введение…», не сотворил бы миры и затем немедленно не уничтожил бы их, в мире сейчас вообще не существовало бы зла, и все сущее было бы благим. В мире не существовало бы ни поощрения, ни наказания. Праведники не имели бы заслуг перед остальными в силу своей праведности; но Бог познается через мировое зло, а в противном случае в мире не могло бы осуществляться никакое приумножение, в нем не было бы известно плодородие. Если бы все плотские вожделения на три дня оказались в плену великой бездны, больному потребовалось бы Яйцо одного из дней. В Мире Грядущем оно получит имя Лаван (Белый), ибо оно будет обелено от всякой нечистоты и возвратится в царство Израиля, который будет молить Господа даровать ему плотские вожделения во имя деторождения в будущем.

Бог намеревался, творя мир, создать все сущее верующим в Его Бытие. Посему Он сотворил и Зло, призванное карать всех впавших

в грех, и Свет и Благословение, призванные вознаграждать праведников. Поэтому человек, в силу необходимости, обладает свободой воли и выбора, коль скоро в мире сосуществуют Бог и Зло.

Также в «Комментарии…» говорится, что Семеро Царей умерли, ибо тогда еще не существовало равновесия, а Адам Кадмон еще не был сформирован как Мужчина и Женщина. Они не были связаны ни с чем живым; не было у них и корней в Адаме Кадмоне; Мудрость, проистекающая от Бога, также не была их истоком, и они вообще никак не были с ней связаны. Все они были изначальными милостями, изначальной, чистой Любовью; но также это были и суровые акты правосудия. Поэтому лик не взирал на лик, и Отец и Мать не поворачивались лицом друг к другу, ибо от Матери проистекало Правосудие. Точно так же и Макропрософос не обращал свой лик к Микропрософосу. Царство – последнее Счисление – было пусто и бессодержательно. В нем не было ничего своего; по сути, оно было ничем и ничего ни от кого не получало. Оно нуждалось в Любви, дарованной Мужским принципом, потому что само по себе являлось лишь Покоем, суровостью и Правосудием, а Правосудие должно соединиться с Любовью для того, чтобы начать творение всего сущего и наверху, и внизу. Царство было сотворено для того, чтобы стать обитаемым, но когда в нем единолично правит суровое Правосудие, оно остается пустым, ибо животворящие процессы не могут начаться в нем.

Посему необходимо установление равновесия, чтобы в верхнем мире образовался исток и правосудие было восстановлено и смирено, и жило, и никогда не умирало. Тогда в миры смогут снизойти семь форм, за счет чего будет уравновешено все сущее, а стрелка вселенских Весов будет указывать на Исток в верхнем мире.

В «*Pneumatica Kabalistica*» говорится, что в мире Йецира Йод обозначает Кетер; Йод-Хей – Хохму и Бину; Йод-Хей-Вав – Гедулу, Гевуру и Тиферет, а значит, сам по себе Вав означает Красоту и Гармонию. Хохме соответствует Человек; Бине – Орел; Гедуле – Лев; Гевуре – Бык. Так авторами Книги Зогар и всеми прочими каббалистами формируется мистический круг: Михаил и лик Льва пребывают на Юге, которому соответствуют движение вправо, буква Йод Тетраграмматона и Вода; Гавриил и лик Быка располагаются на Севере, которому соответствуют движение влево, буква Хей и Огонь; Уриил и лик Орла – на Востоке, соответствующем движению вперед, букве Вав и Воздуху; в то время как Рафаил и лик Человека – на Западе,

соответствующем движению назад, второй букве Хей и Земле. Точно таким же образом четыре буквы Тетраграмматона символизируют четыре каббалистических мира.

Рав Шимон бар Йохайи говорит, что четыре зверя, влекущие священную колесницу, колеса которой – это Ход и Нецах, суть Гедула с ликом Льва, Гевура с ликом Быка, Тиферет с ликом Орла и Малхут с ликом Человека.

Семь низших сефирот, гласит трактат «*Эш Мецареф*», соответствуют семи металлам: Гедула и Гевура – серебру и золоту; Тиферет – железу; Нецах и Ход – олову и меди; Йесод – свинцу; Малхут же отведена роль Жены Металлов и Утра Мудрецов, поля, на котором им предстоит посеять семена тайных минералов, иными словами, Золотой Воды; однако здесь сокрыты такие таинства, что о них просто не поворачивается язык рассуждать.

Слово – אמש (Эмеш) состоит из трех первых букв древнееврейских слов со значением «Воздух», «Вода» и «Огонь», в соответствии с каббалистическим учением, также обозначающих Милосердие, Суровое Правосудие и Милость, или Сострадание, примиряющее их между собой.

Малхут, гласит трактат «*Apparatus*», иначе именуется «Хайкаль», то есть «Храм», или «Дворец», потому что она – Дворец градуса Тиферет, сокрытого и содержащегося в ней; вообще именем «Хайкаль» определяется вместилище всех вещей.

Для лучшего понимания Каббалы вообще необходимо помнить, что Кетер, или Венец, рассматривается в ней как личность, состоящая из десяти Счислений и как таковая именуемая Арик Анпин, или Макропросопос. Хохма – это также личность, именуемая Абба, то есть Отец. Бина – это личность, именуемая Има, то есть Мать. Тиферет как сефира, включающая в себя все Счисления от Хесед, или Гедулы, до Йесод, – это личность, именуемая Зеир Анпин, или Микропросопос. Этих Счислений шесть, и аллегорически они изображаются в виде сдвоенного треугольника Печати Соломона. Малхут – это также личность, именуемая супругой Микропросопоса. Вав воплощает Красоту и Гармонию, состоящую из шести составляющих, входящих также в Зеир Анпин.

Считается, что супруга, то есть Малхут, располагается *за* своим мужем, Зеиром Анпином, и поэтому не познала его. Это толкуется следующим образом: познание любого познаваемого объекта должно быть двусторонним – *a priori,* то есть когда объект познается по

своим причинам, и *a posteriori,* то есть когда он познается по своим следствиям. Наиболее приближенным к идеалу является метод познания, позволяющий разуму познать объект *как таковой,* в *себе самом* и *сам по себе.* Но если он познает объект по аналогии или ее идее, или по роду объектов, не относящихся к нему, или по его следствиям и воздействиям, познание это гораздо менее эффективно и совершенно. Но только так жена, Царство, познает своего супруга, Зеира, пока они еще не обернулись лицом к лицу, объединившись в брачном союзе, когда она наконец обретет более совершенное его познание. Ибо тогда Бог, ограниченный и явленный в Зеире, станет един со Вселенной.

Вав – это Тиферет, определяемая как единство шести составляющих, одной из которых является он сам. Тиферет, Красота, – это колонна, на которой покоится мир. В символической ложе ее воплощает колонна Второго Стража. Мир изначально был сотворен Правосудием, но, поскольку он не мог так продолжать существование, с Правосудием соединилась Милость, и теперь вся Вселенная покоится на явленном Милосердии Господнем.

Бог, гласит «*Идра Сута*», сформировал все вещи по образу мужчины и женщины, в противном случае просто невозможным стало бы воспроизведение всего сущего. Всеохватывающая Мудрость, проистекающая и сияющая от Священнейшего Старца, проистекает в действительности только в форме мужского и женского начал. Мудрость как Отец и Разум как Мать пребывают в равновесии в качестве мужчины и женщины; они соединяются в брачном союзе и сияют внутри друг друга. После этого они зачинают потомство и распространяются вовне уже как Истина. Тогда эти два начала, вступив в брачный союз, становятся Совершенством всего сущего; и когда в их среде появляется Сын, суть всех вещей сводится к единству.

Эти таинства обычно доверяются только высшим святым посвященным, которые вошли и вышли, и постигли пути Святейшего Бога, дабы не ошибиться, следуя ими, не оступиться вправо или влево. Ибо это материи сокровенные, и высшая святость сияет в них, как свет проистекает от центра огня в светильнике.

Эти таинства поверяются только тем, кто вошел и не отступился, ибо тому, кто так сделал, лучше было бы и не родиться.

Все сущее содержится в буквах Вав и Хей; все сущее есть одна великая система, имя которой – תבונה – Твуна, то есть Прозорливость.

29

Grand Scottish Knight of St Andrew

Великий Шотландский Рыцарь Св. Андрея

Восхитительная традиция, некоторым образом связанная с *лабарумом* Константина, почитает древний крест св. Андрея. Легенда гласит, что Ангус, в IX в. правивший шотландскими пиктами, удостоился в ночь перед битвой видения, в котором апостол Андрей обещал ему победу. В знак нерушимости своего обетования он пообещал явить в небе над войсками пиктов крест, на котором в свое время претерпел страсти и погиб. Проснувшись, Ангус взглянул на небо и увидел там обетованный крест, который узрели и оба войска, готовые вступить в сражение; Ангус и его пикты, возблагодарив апостола за обетование победы, смиренно помолясь и воскурив фимиам, поклялись в том, что отныне они и потомки их на поле боя будут носить на своем знамени крест св. Андрея.

Джон Лесли, епископ Росский, пишет, что этот крест являлся в свое время Ахею, королю скоттов, и Ангусу, королю пиктов, в ночь перед битвой их племен с войсками короля Англии Ательстана, – и те преклонили пред ним колени.

Любой рыцарский крест является эмблемой девяти качеств Святого Андрея Шотландского, ибо любой рыцарский орден требовал от своих членов следования одним и тем же добродетелям и путям совершенства.

Смирение, терпение и самоотречение, – вот три основных качества рыцаря св. Андрея Шотландского. Крест, освященный кровью погибших на нем святых мучеников; крест, который, спотыкаясь, нес по улицам Иерусалима к Лысой горе на Своих плечах Иисус из

Назарета; крест, на котором Он воскликнул: «*Отче мой! не как я хочу, но как Ты!*»[1] – тем самым красноречиво и безошибочно указав именно на эти три добродетели. Он умер на кресте потому, что жил среди слабых сих, учил их и нашел Себе учеников среди галилейских рыбаков и всеми отверженных мытарей. Вся жизнь Его была высшим образцом смирения, терпения и самоотречения.

Госпитальеры и тамплиеры приняли на свои плечи обеты бедности, послушания и безбрачия. Агнец, изображенный на печати Ордена Бедных Собратьев-Воинов Храма Соломона, преподавал своим толкователям уроки тех же самых смирения и бедности, потому что с ним соседствовало изображение двух рыцарей на одном коне. Великий Командор, посвящая в рыцари очередного кандидата, всякий раз предупреждал его о том, что не следует вступать в этот Орден в ожидании обрести земные богатства и почести. Он сообщал кандидату, что тому придется претерпеть многочисленные ограничения в личной свободе и намерениях, совершенно отказаться от собственного волеизъявления и полностью отдаться на милость старших собратьев.

Дома религиозного Ордена Тамплиеров, разграбленные войсками достойной дочери английского короля Генриха VIII Елизаветы потому, что рыцари отказались признать за ней верховную церковную власть, были центрами сбора милостыни, ее распределителями и приютами для многих тысяч бездомных детей и сирот, от забот о которых они, таким образом, освобождали государство; это были своего рода вóроны Господа, денно и нощно сбиравшие свою дань отринутых обществом и оставленных в пустыне. Они были странноприимными домами для всех путников, которые в ночной тьме, издалека услышав звон колокола, зовущего рыцарей к вечерне, шли на него и обретали в доме рыцарей покой и хороший уход, а утром, при свете утренней звезды, пели с ними вместе на заутрене и потом, радостные, продолжали свой путь. Рыцари Храма были известны во всем мире не только поразительной отвагой в битве, но и неизмеримыми нежностью и заботой к сирым и убогим, к больным и умирающим.

Рыцари святого Андрея клялись защищать сирот, дев и вдов благородного происхождения, а также, лишь услышав о том, что где-то хозяйничают, принося вред людям, убийцы, грабители или воры, немедленно использовать все свои силы и способности, дабы привлечь их к суду.

«Коли тебе выпадет удача, – гласит текст клятвы Рыцарей Красного Креста (*Rouge-Croix*), – в любой земле и каждой стране, куда бы ты ни отправился, конно или пеше, ты найдешь человека доброго имени, благородного и служилого, истратившего свои сбережения на исполнение долга веры или долга рыцарственного служения, на службе королю, или на какую-либо еще богоугодную цель, и впавшего в нищету; и ты поможешь ему, поддержишь его и утешишь его всем, чем сможешь; и ежели он попросит у тебя твое добро, чтобы поддержать свою плоть, ты дашь ему такую часть ниспосланного тебе Богом, какую позволят тебе дать обстоятельства и соображения собственного благополучия».

Милосердие, великодушие и *доброта* – это даже *более* значимые добродетели истинного и совершенного Рыцаря; и так было во все века. Воистину благородный человек никогда не добивает поверженного. Отвага бывает смирена лучше всего, когда жестокая и суровая смелость превращается в нежную жалость и истинное милосердие, которые никогда не сияют таким невыразимым светом, как будучи закованы в стальные доспехи. Милосердный воин одинаково побеждает и в битве, и в мирной жизни; следуя двумя указанными путями, он с честью выходит из любого положения. Славнейшие люди мира сего обладали одновременно и смелостью, и милосердием. Один воистину смирённый враг значит во много раз больше целой колонны пленников, возглавлявшей шествие древнеримского триумфатора.

Добродетель, Истина и Честь суть три основных качества Рыцаря Святого Андрея. «*Ты обязуешься возлюбить Господа превыше всего в мире и быть тверд в своей вере*, – гласило обязательство Рыцаря, – *ты будешь верен Всевышнему Господу, своему слову и своему обязательству. И ты не воссядешь ни в каком месте, где кого бы то ни было осудили несправедливо*».

Закон не имеет силы поразить добродетельного человека, и судьба не поразит своим ударом человека мудрого. Только Добродетель и Мудрость суть совершенные хранительницы человека. Ризы Добродетели так святы и так непорочны, что и князья мира сего не осмелятся ударить человека, облаченного в них. Это орденское облачение Царя Небесного. Они защищают нас, когда мы безоружны; они сами по себе суть оружие, которое нельзя потерять, если только мы остаемся верны себе. Они в нашем владении потому, что через них мы способны устанавливать связь с Царствием Небесным, вне влияния которого мы всего лишь парии, изгнанники, не имеющие

права претендовать на его защиту. Нет и не может быть мудрости вне добродетели; без нее мудрость – всего лишь хитроумное средство оправдания собственных проступков.

«...настанет час,
Когда глас мудрости внимающую душу
Найдет средь завываний зимних бурь,
Как песня зимородка в мглистом небе
Уж возвещает близкую весну...»

Сэр Ланселот считал, что никакое рыцарственное служение не может сравниться с рыцарством Добродетели. Это слово здесь обозначает не столько умение владеть собой, сколько мужество, то есть включает в себя значение, передававшееся в древнеанглийском языке словом «*souffrance*» со значением «терпение, стойкость», каковые качества подобны изумруду, вечнозеленому и цветущему, и еще одно – по-древнеанглийски, «*droicture*» – то есть «честность», качество столь могущественное и величественное, что именно оно чуть ли не силком заставляет все вещи в этом мире оставаться неизменными. Даже наши мечи выкованы такими, чтобы неизменно напоминать нам о знаке Креста, дабы ты, и любой другой из наших братьев, жил и всей своей жизнью доказывал, что, живя по законам добродетели, человек становится бессмертным; мир сей есть обитель слез и горя, великих зол и постоянных несчастий, и если мы стремимся жить в нем по законам чести, мы должны тщательно ознакомиться со всеми рыцарскими добродетелями и следовать им, сделать их своими близкими друзьями, причем необходимо помнить при этом, что если последними мы просто холодно пользуемся и не всегда им доверяем, они превращаются в приятелей, то есть как друзей мы их фактически теряем.

Нам не следует с нетерпимостью или гневом взирать на приносящих нам вред; это было бы совершенно несовместимо со всей философией, а особенно с Божественной Мудростью, управляющими истинным Князем Адептом, не придающим ровным счетом никакого значения всему злу, которое мир и невежественные люди – будь они облачены в рясы или кольчуги – могут принести ему. Благословение Господа и любовь наших братьев покоятся на фундаменте, который не сотрясет сила наших зложелателей; с ними и с великодушием и достойным хладнокровием мы достигнем всего. Дабы соответствовать своему званию как Вольных Каменщиков, дабы сохранить свое природное достоинство, уверенность в собственной непорочности

и дух высокого рыцарства, которым мы законно гордимся, мы должны презреть всякое телесное, материальное зло; для нас оно должно стать своего рода фантомной болью, раной, нанесенной во сне.

Обрати свой взор в далекое прошлое, сэр [имярек] – и ты узришь там чудные примеры Добродетели, Истины и Чести и, достойно усовершенствовав, сам претворишь в жизнь добродетели рыцарей древности, первых госпитальеров и тамплиеров, Баярда, Сиднея и Святого Людовика; говоря словами Плиния (в его письме к Максиму), «почитай славу древних и те незапамятные времена, которые в жизни человека достойны, в жизни городов – святы». Почитай древность и великие свершения и ни у кого не отнимай ни самой малой частицы свободы и достоинства. Если ныне те, кто претендует на звание великих и могущественных, мудрых и ученейших людей в этом мире, порешат опорочить память героических деяний рыцарей прошедших дней и осудят нас за то, что мы полагаем, что память их следует, напротив, хранить вечно, вспомни, что если бы те, кто ныне тщится управлять миром и учить его, начали бы порицать или осмеивать твою скромную лепту верности, ты все равно должен смиренно следовать своей стезе и не стыдиться, ибо настанет день, когда все порицающие и стыдящие тех, кто неизмеримо выше и достойнее их, будут опорочены как прожившие пустую и сострадания достойную жизнь, и мир с радостью мгновенно забудет о них.

Но также не должен ты верить и в то, что в наш совершенно иной век, век торговли и коммерции, обширных возможностей для многих, нищеты тысяч и тысяч, процветающих городов и ночлежек, полнящихся бездомными, церквей с взятыми напрокат скамьями, век театров, опер, таможен и банков, век пара и телеграфа, магазинов и настоящих дворцов коммерции, мануфакторий и профсоюзов, век золотого запаса и фондовой биржи, газет, выборов, Конгресса и прочих законодательных органов, жестокой и безжалостной борьбы за богатство и постоянного соперничества из-за престижного места во власти, век религиозной веры, выраженной в конкретной денежной сумме, регулярно выплачиваемой детям Маммоны, алчности власть имущих, – что в этот век нет людей древнего высокого образца, который тебе следует почитать, нет героических, рыцарственных душ, сохраняющих понятия о равенстве и чести даже в хаосе противоборствующих страстей и амбиций окружающих их беспорядочных столкновений.

По правде говоря, любое государство со временем превращается в заговор против свободы, или, где общественный пост обеспечивает должное число поданных за кандидата голосов, впадает в такое состояние, когда крайне немногих обладающих достойными рыцарскими добродетелями можно найти среди правящих народом и указывающих ему, как жить. Правда также и то, что в наш век люди становятся славными и знаменитыми совершенно не за счет добродетелей и многие славные и знаменитые люди в действительности суть лакеи и льстецы, между тем как в рыцарский век их жертвоприношение лести осталось бы без всякого вознаграждения, ибо в таких людях нет ни рыцарственности, ни чести; а ведь за таких людей, равно как и за всех остальных, легко отдает голоса толпа, редко любящая, редко воспринимающая истину и редко делящаяся ею, вечно устремленная за удачей и ненавидящая все публично порицаемое, вечно готовая поклоняться всему официально почитаемому, обожающая обвинения и ненавидящая оправдания, вечно ожидающая и готовая немедленно уверовать во все плохое, что говорится о тех, кто не заботится о своей славе в глазах толпы и не ищет ее одобрения.

Однако ни в какой стране не могут совершенно отсутствовать люди старой героической закалки, чье слово никто не осмелится подвергнуть сомнению, чья добродетель сияет неугасимым светом среди всех потрясений и неурядиц, отвергая все искушения, чья честь блистает и сверкает, подобно совершенному ограненному бриллианту; это люди, которые не продались в рабство материальным благам и удовольствиям жизни сей, которые полностью не погрязли в торговле, разведении скота, составлении и применении законов о налогах, попытках обойти закон, политических склоках, низменной торговле безнравственной литературой или бессердечных, пустых суетах вечных легкомысленных развлечений. Каждое поколение жителей любой страны тянется к тем, кто преуспел в воспроизведении великих деяний прошлого, чтобы обрести от них знания и истинное посвящение; такие люди были и среди римлян, даже в годы правления самых низменных императоров, в Англии – даже во время правления Долгого Парламента, во Франции – в годы сатурналий атеизма и смертоубийства; даже в историю блистательной Америки вошли несколько таких людей.

Когда в любой стране под Солнцем жизненные обстоятельства начинают складываться таким образом, что все управление этой страной и все обычаи и нравы проживающего в ней народа побуждают

стороннего наблюдателя совершенно разувериться в добродетели и чести тех, кто, по долгу своему, должен создавать законы и надзирать за их соблюдением; когда всякий житель этой страны, занявший высокий общественный пост или накопивший значительные материальные средства, с презрением и подозрительностью взирает на всех прочих; когда бесчестие более не позорит человека на всю оставшуюся жизнь и честное слово более не является гарантом исполнения принятого на себя обязательства; когда житель этой страны не ожидает ни от кого из окружающих веры своему честному слову; когда никто в этой стране не способен открыто выражать свои чувства и пристрастия или сохранять верность одной политической партии, или одной социальной группе, или одной цели, особенно если ему предлагается солидная взятка; когда всякий общественный деятель, говоря что-то, заранее предполагает, что в прессе его слова появятся в искаженном, «дополненном» и неверно перетолкованном виде; когда для кого-то трагедия всей своей страны обращается личной выгодой; когда пресса превращается в рассадник разврата и сводничества; когда с церковной кафедры раздаются политические обвинения и призывы к Богу покарать политических противников, излагающиеся со всем красноречием, на которое оказывается способен проповедник, а потом публикующиеся в печати, точно стихи или программы политических партий; когда повсеместно подвергается сомнению беспристрастность судей и честь законодателей, – тогда народ, конечно, задумается о том, насколько в старину было лучше, чем сейчас, насколько монастыри лучше опер-буфф, маленькие часовни – лучше пропитанных алкогольными парами салунов, а церковные подворья – лучше современных зданий заводов, огромных, как древние соборы, но совершенно лишенных их красоты и святости, этих «храмов» Ахерона, из которых прохожий слышит раздающийся там неумолчный шум, звяканье и рев станков, начинающийся рано поутру, когда пронзительным звоном несчастных смертных призывают в цеха, а не на молитву, этих «храмов», в которых, как писал некий обладавший живым воображением поэт, «ведется вечная служба во славу Сатаны при свете пламени неугасимых кузнечных горнов».

Справедливо было сказано в свое время, что все уводящее в сторону от чувственного восприятия, все заставляющее предпочесть прошлое или неизмеримо отдаленное будущее настоящему возвышает нас как мыслящих существ. Современные соперники модных в свое время немецких курортов, со всеми их расточительством и

дешевой утонченностью, роскошью и мелочностью, тщеславием и легкомыслием, причудами, хрониками балов и безвкусных пиров, бюллетенями самых модных женских имен и фасонов одежды, – вряд ли являются достойной заменой монастырям и церквям, которые наши предки строили в уединенных долинах и на пустырях, зажатых между скалистыми горами и мрачными кипарисовыми рощами; и человек, склонный к размышлениям, образованный и поэтически вдохновенный, был бы рад сменить шикарный отель со всей его показной роскошью, шум и суету большого города, аляповатую сельскую таверну на один лишь маленький, скромный монастырь на перекрестке проселочных дорог, где его и его коня накормили бы и предоставили бы место для отдыха, где ему не пришлось бы опасаться гордыни, подлости и неучтивости окружающих, не пришлось бы платить за сусальное золото интерьеров, блеск и помпу, где он мог бы спокойно вознести свои молитвы в церкви, своды которой отзывались бы гласом Божественной гармонии и в которой не было бы отдельных скамей для богатых, желающих молиться отдельно от всех остальных; где он мог бы увидеть простых нищих веселыми, ободренными и вдохновленными помыслами о Небесах; где он смог бы после церковной службы побеседовать с мудрыми, праведными и обходительными людьми, а прежде, нежели отправиться в дальнейшее странствие, насладиться чудными звуками вечернего песнопения.

За последнее время масонство настолько широко распространилось и настолько возросло количество его членов, что масонские обязательства постепенно стали для людей значительно менее святы, чем простые обещания, которые как масоны, так и профаны дают друг другу в быту – на улицах и рынках. Масонство требует к себе внимания общества и старается завоевать популярность недостойными методами, включая публикации в бульварных журналах; оно принимает участие в общественных процессах и даже зачастую выносит свои внутренние противоречия на рассмотрение общественных судов. В некоторых Востоках выборы проходят точно так же, как в политической жизни страны – со всем накалом, с использованием всех недостойных методов, с жесткой борьбой за власть и высокие посты. Пустая помпа, полувоенные форма и замашки мирных обывателей, разворачивающих в Храмах разукрашенные знамена, их яркие и красочные плюмажи и ленты, – все это должно, по идее, принести общественное признание и восхищение дам нашему Ордену, столь

самонадеянно ищущему уподобления достойным рыцарям, героям и воинам, закованным в стальную броню и кольчуги, презиравшим опасность и саму смерть, оставившим по себе вечную память, освободившим Иерусалим от неверных, сражавшимся при Акре и Аскалоне, бывшим оплотом христианского мира против сарацинских полчищ, выступавших под зеленым знаменем пророка Мухаммеда.

Если ты, сэр [имярек], желаешь заслужить уважение как рыцарь, а не быть просто самовлюбленным ряженым с картонным мечом, ты должен постоянно, со всеми рвением и ответственностью, практиковать добродетели, в следовании которым ты поклялся при посвящении в этот градус. Как может масон клясться в терпимости, а потом порицать своего ближнего за исповедуемые им политические взгляды? Как можно клясться в рвении и постоянном служении Ордену – и оказаться для него не полезнее мертвого и давно похороненного тела? Какую пользу такой человек может извлечь из символики Циркуля и Наугольника, если его чувственные пристрастия и низменные страсти не управляемы, а наоборот – правят нравственным чувством и здравым смыслом, животное начало – Божественным, а земное – духовным, то есть если оба конца его Циркуля остаются *скрытыми* под углами Наугольника? Какое низкое коварство со стороны такого человека – называть братом того, кого он порочит в профанском мире перед другими людьми, кому он одалживает деньги под проценты, кого он обманывает в деловой жизни, против кого он ведет неправедную тяжбу в суде!

Добродетель, Истина, Честь! Исповедуя их и никогда не уклоняясь от исполнения принятых на себя обязательств, ты будешь воистину достоин именоваться рыцарем, и тогда, будь жив сэр Джон Кандос, он протянул бы тебе руку, а достойные св. Людовик, Фолкленд, Танкред и Валтасар Кастильский сочли бы тебя достойным своей дружбы.

Рыцарство, как говорил один достойный испанец, подобно религиозному Ордену, и рыцари суть собратья по сонму Господних святых. А посему раз и навсегда отринь всякие злобу и ропот, стань оплотом войны с неуправляемыми страстями и нечестивым рвением, научись ненавидеть грех – но не грешников, смирись с долгом, налагаемым на тебя масонским и рыцарским посвящением, руководствуйся древними принципами чести и рыцарской доблести и со всем постоянством души почитай ту Истину, которая неизменна и свята, как Сам Бог. И превыше всего прочего, памятуй о том, что жизнь наша – не в зависти, цель наша – не в раздорах, здоровье наше – не

в разъединении, счастье наше – не в мести; но все это – в любви и доброте, которые величественнее надежды и веры, которые способны сдвинуть горы, которые в действительности суть всё, чего требует и ждет от нас Бог, и в овладении и источении которых и состоит исполнение всех наших обязательств.

[Дополнение Дсл.·. Бр.·. Преп.·. В.В. Лорда, 32°][2]

Нам ничего не остается, кроме как признать истиной, что люди в наш Железный век поклоняются железным, деревянным и бронзовым божкам – плодам труда их собственных рук. Паровой двигатель стал в XIX веке «всевышним богом», которому поклоняются во всем мире, а всякий научившийся пользоваться для своей собственной выгоды его огромной силой вскоре начинает и себя самого считать богом, – и так повсюду в цивилизованном мире.

Многие признают, и нам также следует признать, как это ни горестно, что век, в котором мы живем, лишь сокращается, а отнюдь не продлевается за счет всех сделанных в течение него открытий, что вообще за счет них мы утратили гораздо бо́льше, чем обрели. Если даже не преувеличивать, утверждая словами известного сатирика, что мы «*широкою спиною неуклюжей самовлюбленно застим звездный свет*», с ним вполне можно согласиться в следующем:

Себя вознесли мы превыше богов, теперь можно церкви повсюду закрыть,
В дыму воскурений, в наш век из веков, моторы машин в алтаре заводить,
Любуясь собой и себя лишь хваля, молиться, крича и бия себя в грудь:
– Быстрее крутись, вековая Земля! Вперед, век, лети, чтоб уже не вернуть! –
Одно забывая – чтоб души в трудах свои уподобить Небес вышине
И так жизнь прожить, чтобы Страж при Вратах
С улыбкой шагнул и к тебе, и ко мне.

Обманутые своими расширившимися, но все равно остающимися крайне несовершенными, знаниями, своими ограниченными способностями смирять грубые и жестокие природные силы, люди воображают, что раскрыли тайны Божественной Мудрости, и внутренне ничтоже сумняшеся ставят людскую дальновидность превыше Божественной. Пророки предсказывали падение Сидона и Тира,

Вавилона и Дамаска, даже Иерусалима, – и все из-за грехов их жителей; но в наше время, если пожар пожрет, или землетрясение разрушит, или вихрь сметет с лица земли большой город, тех, кто верит и проповедует, и говорит окружающим о том, что все это суть воздаяния Господнего Суда и разрушения, причиненные Его всесокрушающей Силой, обычно презирают как фанатиков, над ними насмехаются как над чинушами и отвергают их как закосневших в догмах фарисеев.

Наука, блуждая во тьме суеверий, стремится «устранить» Божественное Провидение из жизни человека и всей материальной Вселенной, «заменить» Его своими заблуждениями, предрассудками и ошибками, которые горделиво именует «материальными силами», «силами природы»... Она не видит, или не желает видеть, что все эти «силы природы» суть в действительности различные проявления Божественной деятельности. Вследствие этого, наука рано или поздно оказывается в жесткой оппозиции по отношению к любой религии и любой вере, испокон века освещавшей и просвещавшей души людские и внушавшей им понимание их высокого предназначения, их Божественного происхождения и бессмертия, – даже к такой вере, которая есть *Свет,* позволяющий душе человеческой узреть и познать самое себя.

Это не просто одна из религий – это основа вообще всех религий в мире, та самая Истина, которая содержится во всех религиях, даже в религиозной концепции масонства, которая ныне в большой опасности. Ибо все религии, как в период зарождения, так и в наше время – вообще на протяжении всего своего существования – основываются на неких неколебимых принципах, приведших в свое время к их появлению, на неких частях учений, которые общепризнаны как нерушимые и неоспоримые аксиомы, установленные непосредственно Божественным Провидением и не подверженные изменениям или уточнениям в силу по-разному складывающихся обстоятельств окружающего материального мира. Наука нашего времени раздвинула колонны Храма, угрожая разрушить его до основания. С другой стороны, ее разрушительные порывы способствовали очищению древнего учения Ордена от многих изъеденных червями и насквозь прогнивших суеверий, позволили ему сбросить узы многих ненужных дополнений и сторонних привнесений – этих населенных лишь совами пещер невежества, этих ничего не подпирающих, фальшивых колонн.

В область науки входят одни лишь феномены, и пустым шарлатанством было бы с ее стороны самозабвенно болтать о том, что ей ведомы силы, причины, порождающие их, что ей известна суть вещей, которым она лишь присваивает имена. Она не больше знает об истинной природе света, звука и запаха, чем было известно древнему арийскому пастуху, почитавшему зарю и огонь, свет и тепло как богов. Эта атеистическая наука в действительности не является наукой и наполовину, когда приписывает существование Вселенной в единстве всех ее сил влиянию системы неких «законов природы», или некоей «внутренней энергии», или вообще неведомым иным причинам, существующим вне и независимо от Божественных и сверхъестественных сил.

Теория эта была бы хотя бы отчасти оправданна, если бы науке всегда удавалось защитить жизнь и материальное благополучие человека, если бы она была в состоянии похвастаться – не только на словах, но и на деле – некоей *определенностью,* способностью защитить интересы человека в его борьбе с теми разрушительными силами, которые он сам пробуждает и к которым, пытаясь подчинить себе, наоборот, попадает в зависимость. Философы древности полагали огонь – четвертую стихию – самым полезным и самым покорным слугой человека. Почему человек не способен предотвратить нарушение огнем такого положения вещей – древнего, как Прометей, древнего, как Адам? Почему так до сих пор и нельзя чувствовать себя в полной безопасности, осознавая, что в любую секунду этот слуга может вырваться на свободу, мгновенно превратившись в могучего и жестокого разрушителя? Потому что это тоже природная сила, в конечном счете, всегда высшая по отношению к силам человеческим. И еще потому, что он является, хотя и в несколько ином смысле, чем человеку, таким же слугой и Тому, Кто отправляет на Землю Своих посланников в виде огненных столпов и искр, Кто царит над всей Природой, как Природа – над человеком.

Существуют природные силы, которые человек даже не стремится познать и подчинить своей воле. Жители Неаполя ничего не могут поделать с Везувием. Вальпараисо сотрясается вместе со всей землей при подземных толчках. Шестьдесят тысяч жителей Лиссабона, погребенные под руинами города, разрушенного совместно землей и водой, ничего не знали о причинах и никак не могли подчинить себе процессы, повлекшие разрушение их города и их собственную гибель.

Слуга и, в некотором смысле, творение человека – пламя кухонного очага или заводского горна, безответный раб лампы, неусыпно трудящийся в ней, крошечная искра – внезапно вырывается из своей темницы, разорвав цепи, и начинает бушевать в неудержимом гневе, точно принесясь из глубин самого Ада, среди обреченных на смерть десятков тысяч людей, каждый из которых лишь несколько мгновений назад считал себя его господином и повелителем. А отважные бригады пожарных со своими водяными пушками, по идее, властители огня, стоят, словно громом пораженные, и не знают, что делать с этим грозным разрушителем или куда бежать от него.

И в других вопросах, касающихся безопасности и интересов человека, мы часто имели возможность наблюдать, как самоуверенная наука приписывает себе совершенно незаслуженную славу победительницы в извечной войне человека с природой, как она стремится занять в умах людей место Провидения, которое и есть, по самому определению, единственно возможная Абсолютная Наука. В начале нашего века, например, огромный и поражающий воображение скачок вперед был всего за пару лет сделан медициной и смежными с ней науками. Смертоносная чума, практически опустошившая Европу в четырнадцатом и пятнадцатом веках и возвратившаяся в нее в веке семнадцатом, была изучена и сопоставлена с теми случаями заболевания, которые поддавались лечению; ее неизлечимость в прошлом была отнесена на счет отсутствия в грубые и непросвещенные прошлые времена у людей всяких понятий о гигиене. Другое смертоносное заболевание стало значительно менее широко распространенным и опасным благодаря повсеместному введению практики вакцинации. От времен Саградо до времен Сайденгейма, от Парацельса до Дженнера целительское искусство действительно прошло долгий и плодотворный путь. И врачей вполне можно было бы простить, скажи они: «Человек смертен, многие заболевания смертельны, но инфекционные болезни более не будут, как прежде, уносить сотни и сотни людей, которых можно было спасти; больше не будет пандемий, не будет больше пиров во время чумы и карнавалов среди ужасов повального вымирания».

Но не успеет это самодовольное заявление затихнуть на их устах, из таинственных глубин далекой Индии к нам шагнет ужасный призрак, настоящее чудовище, страшнее которого не видел глаз человека. И не менее чутко, чем тигр из непролазных джунглей, где и зародилась эта страшная болезнь, улавливает запах крови,

растекшийся в воздухе, этот незримый убийца, это кошмарное орудие Всевышней Силы, это неотвратимое последствие некоей достаточной и соответствующей причины, нащупает в атмосфере воздушные потоки, устремленные на Запад, и вместе с ними начнет триумфальное и смертоносное шествие по Европе. За собой эта болезнь оставляет тысячи и тысячи трупов азиатов. Они были безоружны, невежественны, беспомощны, и наука не помогла им, и искусство ничего не сделало, чтобы защитить их. Холера оказалась для них неожиданной, неизвестной и необоримой, подобно самому Азраилу – ангелу Смерти.

И вот она вторглась в Европу и сотрясла академии наук точно так же, как крошечные индийские деревушки и престол персидского хана. Она бесшумно проникла в атмосферу многих застроенных высотными домами, тщательно вымощенных, дезинфицированных городов Запада и дождем выпала на их улицы, как в свое время выпадала на хижины парий в Танжере и узкие зловонные переулки Стамбула. В Вене, Париже, Лондоне вновь разгорелась вакханалия давно уже позабытой Черной Смерти.

«Ты дрожи, больной на койке,
Ты, сиделка, поживей
Выноси-ка лучше мертвых:
Уж телега у дверей».

Была ли это кара, назначенная нам Всемогущим Богом? Отчаянной смелости должен быть тот человек, кто взялся бы утверждать это; еще большей смелости должен был бы набраться собирающийся отстаивать ту точку зрения, что это не так. Как часто следующие слова пророка, обращенные к «дочери Халдеев», Царице Царей, сбывались в Париже, этом европейском Вавилоне: «*Мудрость твоя и знание твое – они сбили тебя с пути; и ты говорила в сердце твоем: „я, и никто, кроме меня". И придет на тебя бедствие; ты не узнаешь, откуда оно поднимется, и нападет на тебя беда, которой ты не в силах будешь отвратить, и внезапно придет на тебя пагуба, о которой ты и не думаешь*»[3]!

А если говорить о Лондоне, то, скорее всего, это действительно было заслуженной карой, если вспомнить, что одним из важнейших источников азиатской холеры были английская алчность и жестокость, как полагают те исследователи, которые связывают распространение этой болезни с именем тогдашнего генерал-губернатора Индии Уоррена Гастингса, введшего налог на соль, тем самым лишив этого

продукта многие сугубо вегетарианские регионы Востока; и точно так же другое смертоносное заболевание, вечно грозящее Америке с границ, коренится в алчности и жестокости работорговцев, способствующих переносу африканской лихорадки в благоприятствующий ей климат Вест-Индии и Южной Америки. Здесь я, в первом случае, говорю о желтой лихорадке, а во втором – о *vomito negro*[4].

Однако не следует нам, с нашей несовершенной человеческой логикой, делать поспешные выводы об этике деяний Всевышнего. Как бы ни были жестоки сами по себе работорговля или эксплуатация рабов на континенте и островах Америки, нам следует тщательно анализировать все возможные их последствия, ибо мудрее, на наш взгляд, было бы сказать то же, что уже однажды сказал Великий Казуист, даровавший миру христианскую религию: «*Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете*»[5].

Воздаяние свыше отвергает и осуждает месть, даже на словах. Сотрясенный и сожженный город, уничтоженный, опустошенный, обращенный в пустыню, овеваемую всеми ветрами, и униженный, увенчанный терновым венцом покорения жестоким врагом, тоже достоин священного достоинства и воинских почестей достойно погибшего в бою. Низменная людская мстительность при виде его плачевного падения должна в страхе попятиться, ибо пред ней открылась картина беспредельного очищения Самим Господом. «*Прощать достойнее, чем мстить*, – учит нас масонство. – *Любить лучше, чем ненавидеть*». Да промолчит всякий видящий в великих потрясениях перст Божий и да убоится сам Божьего Суда!

Люди рождаются высокими или низкорослыми по Божьей милости и по Его выбору. Но внутренняя их природа может быть низменной или возвышенной в зависимости от того, как они ее воспитают сами и как им самим удобнее. Люди не рождаются одни – с возвышенными душами, а другие – с низменными. Мысля, человек не вырастет физически, но вполне может возвысить свою душу. Одним усилием воли он способен или вырасти в титана нравственности, или пасть до положения нравственного пигмея.

В человеке соседствуют две природы: высшая и низшая, возвышенная и низменная, достойная и недостойная, – и он может

и должен усилием собственной воли соотнести свое «я» с первой или со второй, то есть сделать выбор. Масонство в своем извечном стремлении возвысить достойную человеческую природу над недостойной, духовную – над материальной, то есть Божественную сторону человеческой сущности – над ее животной стороной. В стремлении к достижению этой великой цели рыцарские градусы одновременно соперничают и сотрудничают с остальными степенями, наставляющими в величественных истинах нравственности и философии. Великодушие, милосердие, доброта, умение прощать и смирять свои страсти, – вот неизменные и незаменимые добродетели каждого истинного и совершенного рыцаря. Когда низменная и злая сторона нашей природы нашептывает вам: «Не отдавайте! Лучше сохраните свои милости для погрязших в бедности друзей или просто достойных незнакомцев, – только не даруйте их богатым и знатным врагам, которым вы нравитесь, только когда вас постигают удары судьбы», – Божественная сторона нашей природы неизменно вмешивается: «*Благотворите ненавидящим вас... ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Разве не то же ли делают и мытари?*»[6] – то есть, в данном случае, не только сборщики податей, но также и злые гонители, и вооруженные римские легионеры, и жестоковыйные иудеи, считающие вас своими врагами.

30

Knight Kadosh

Рыцарь Кадош

Зачастую враги приносят нам гораздо больше пользы, чем друзья. Жизненной силой лучше питаться из неиссякаемого источника, и таковым для нас стало противостояние нам в обществе. Лучшими друзьями масонства в Америке стали в 1826 г. активисты антимасонского движения, стремившиеся стать его страшнейшими и злейшими врагами. Люди – всего лишь автоматы, орудия Провидения, часто пользующегося мужланами, демагогами и фанатиками – извечной порочной троицей практически всякой республики – как средствами достижения цели, о которой никто из этих трех групп не имеет ровным счетом никакого представления и окончательное достижение которой они сами стремятся, по собственному мнению, предотвратить.

Антимасонское движение, особенно некоторые входящие в него предатели и вероломцы, а также откровенные жулики-политики, своими преследованиями способствовали очищению масонства, то есть творили ему благо, ибо преследования всегда способствуют духовному росту. Но также масонство обязано им своей нынешней популярностью, дешевизной своих степеней, вторжением в его ложи, более не являющиеся святилищами в истинном смысле этого слова, низменных толп, чрезмерным вниманием к внешней стороне обрядов, излишней помпезностью и сусальным золотом декораций.

Около сотни лет назад выяснилось, что Рыцари Кадош – это одна из масок, под которой выступали тамплиеры, а посему этот градус был запрещен, работы в нем прекратились, и он превратился в одну-

единственную краткую и, признаться, довольно бессмысленную церемонию, да еще и под другим названием[1]. Даже в наше время Клемент v вопиет из могилы, в которой уже давно сгнили его кости, призывая к преследованию своих давних жертв, – например, устами Пия ix в его энциклике против франкмасонства. Призраки тамплиеров не дают спокойно спать Ватикану, вечно нарушают покой закоченевшего в догматизме папства, которое в неизбывном страхе перед давно умершими истерически выкрикивает свои отлучения и бессильные анафемы живым. Это было объявление войны, призванное побудить к действию всех дремлющих в покое и апатии.

Враг тамплиеров сам поведает нам о причине ненависти папства к Ордену, существовавшему многие века, смеясь над проклятиями Святого престола и разбивая свои станы повсюду, даже в Риме, в Асиле.

Читая нижеследующий текст, легко будет отделить истину от лжи, а самонадеянные гипотезы – от простых фактов.

«Неограниченная власть, правление в отсутствие противостояния достойной силе, вне здоровой конкуренции, а посему вне всякого контроля, оказалась губительной для святотатственных монархий мира, в то время как республики, с другой стороны, губил конфликт свобод и привилегий в отсутствие иерархически определенной и установленной, должным образом соблюдаемой системы обязанностей, который привел в конечном итоге к тому, что практически все они превратились в соперничающие между собой тирании. С целью найти разумную середину между этими двумя нравственными пропастями христианские иерофанты стремились создать общество на основе самоотречения, закрепленного священными клятвами и обеспеченного строгими правилами, члены которого должны были пройти через ритуал посвящения, а само это общество – единственный истинный хранитель древних духовных и светских тайн – должно было стать своего рода питомником, воспитательным домом царей и первосвященников мира сего, нуждающихся в обучении, прежде чем очутиться у власти. В этом состоит истинное таинство царства Иисуса Христа, которое, пусть и не от мира сего, тем не менее, управляет всем величием этого мира.

Вышеупомянутая идея лежала в основании всех религиозных орденов, столь часто противостоявших светским и церковным властям. Она же легла в основание древних раскольничьих религиозных сект гностиков и иллюминатов, претендовавших на звание хранителей

традиции раннего христианства св. Иоанна. Вскоре они превратились в настоящий бич официальной Церкви и общества в целом, например, когда богатый и распутный Орден посвященных в таинства древнего учения Каббалы противопоставил законным властям исконный и священный принцип иерархии и угрожал всему свету неминуемой мировой революцией.

Именно тамплиеры, чья история мало кому известна, были этими злобными заговорщиками. В 1118 г. на Востоке девять рыцарей-крестоносцев, среди которых были Жоффруа де Сент-Омер и Гуго де Пайен, решили посвятить себя служению вере и принесли клятву меж ладоней Патриарха Константинопольского, еще со времен Фотия враждебного Риму. Открыто тамплиеры поклялись защищать паломников, приходивших в Святую Землю, чтобы посетить святые места; тайной же их целью было восстановление Храма Соломонова в соответствии с пророчеством Иезекииля.

Восстановление Храма, предсказанное иудействующими мистиками начала христианской эры, стало тайной мечтой всех патриархов Восточной церкви. Храм Соломонов, заново отстроенный и освященный по католическому обряду, стал бы центром всего христианского мира; Восток, таким образом, возобладал бы над Западом, а Патриархи Константинопольские – над Папами Римскими.

Тамплиеры, или Бедные Собратья-Воины Святого Дома Храма Соломонова, стремились уподобиться описанным в Библии воинам-каменщикам Зоровавеля, трудившимся с мечом в одной руке и мастерком – в другой. Поэтому меч и мастерок стали символами тамплиеров, впоследствии скрывшихся под именем Ордена Братьев-Каменщиков. [Это название, Братья-Каменщики (по-французски, *Frères Maçons*), действительно принятое в силу скрытой связи со строителями Второго Храма, в английском языке было искажено до *Free Masons,* как в свое время Пифагор Кротонский превратился в „Питера Говера из Гроттона, что в Англии", а Хайрум, или Хурум (впоследствии „Хирам") – из мастера резьбы по меди и бронзе превратился в главного архитектора Хаикаль Кадош, то есть Святого Дома (Ιερος Δομος), или Храма, между тем как слова „бонэ" и „банаим" со значением „строитель", „строители" и в наше время упоминаются в некоторых масонских степенях.]

Мастерок тамплиеров состоял из четырех частей, и его треугольные пластины были перекрещены, составляя каббалистический пентакль, также известный под названием Восточного креста. Звания

Рыцаря Востока и Рыцаря Востока и Запада также неразрывно связаны с тамплиерской традицией, потому что изначально рассматривались как наследие Ордена Храма.

Основывая свой Орден, Гуго де Пайен втайне совершенно не собирался способствовать претворению в жизнь амбиций Константинопольского Патриарха. В те времена на Востоке существовала секта христиан-иоаннитов, считавших себя единственными истинными посвященными во все совершенные таинства религии Спасителя. Они утверждали, что лишь им одним известна истинная история Иисуса Помазанника и, в свое время восприняв иудейские традиции и талмудическую мудрость, учили тому, что факты, описанные в Евангелии, являются всего лишь аллегориями, ключ к толкованию которых предлагает св. Иоанн, говоря, что весь мир можно было заполнить книгами о жизни Иисуса Христа; эти слова, говорили они, можно было бы счесть поэтическим преувеличением, если бы в действительности они не могли быть истолкованы в свете разнообразных легенд неописуемой древности.

Иоанниты приписывали основание своей секты св. Иоанну и именовали своих первосвященников „христами", „помазанниками" или „рукоположенными", утверждая при этом, что те наследуют первосвященническую власть по прямой непрерывной линии от Иоанна. Во времена основания Ордена тамплиеров этой иллюзорной властью обладал некто по имени Феоклет, знакомый Гуго де Пайена, посвятивший последнего в таинства и тайные чаяния своей секты, соблазнивший его мечтами о верховной церковной и светской власти и, наконец, назвавший его своим преемником.

Таким образом, с самого основания Орден Рыцарей Храма имел своей целью противостояние римской тиаре и венцам светских властителей, а его правители были носителями идей каббалистического гностицизма. Св. Иоанн был отцом гностицизма, в то время как современные переводы его полемики с еретиками и язычниками, отрицавшими, что Христос есть Слово, являются неверными, бестолковыми и совершенно противоречащими самому евангельскому духу.

Учение и обряды Ордена были покрыты непроницаемой пеленой тайны, в то время как внешне он исповедовал официальную строгую веру. Только главам его была известна истинная цель Ордена, а остальные были связаны клятвой безоговорочного и бездумного повиновения высшим иерархам.

Обрести влияние и богатство, а затем интриговать и сражаться, дабы повсеместно утвердить владычество иоаннитского, гностического, каббалистического учения, – вот каковы были цели Ордена, раскрывавшиеся только высшим посвященным братьям Ордена. Им внушали, что папство и противоборствующие светские монархии и сейчас легко покупаются и продаются, что они насквозь прогнили, а скоро вообще уничтожат друг друга. И тогда мир унаследует Орден Храма, к которому все народы придут с мольбами стать их правителями и первосвященниками. Тогда посвященные восстановят утраченное миром равновесие и воцарятся на всей Земле.

Тамплиеры, как и все прочие тайные ордена и сообщества, имели два учения: первое, тайное, доступное только Мастерам и высоким посвященным – иоаннизм, и второе, общедоступное – римско-католическое исповедание. Так они обманывали своих противников, смерти которых желали. Поэтому и франкмасонство, полагавшееся основной массой народа происходящим от гильдий архитекторов-дионисийцев или немецких оперативных каменщиков, приняло как своего покровителя св. Иоанна Богослова, дабы не вызывать подозрений со стороны Рима, в то время как в действительности под этим именем они подразумевали св. Иоанна Крестителя, тайно провозглашая тем самым свое родство с каббалистами и ессеями.

[Ибо иоаннизм адептов в действительности был каббализмом ранних гностиков, впоследствии деградировавшим до стадии настолько еретической, что даже Мани насчитывал нескольких последователей в их рядах. Многие из них восприняли учение о двух Первопрнципах, о котором им постоянно напоминала символика рукояти меча и мозаичного (*tesselated*) пола из белых и черных клеток с зазубренной (*indented*) каймой – от латинского слова „*tessera*“[2], а отнюдь не от свисающих с занавесей кистей (*tassels*); именно таково значение ритуального термина „мозаичный пол“ (*Indented Tessel*). Где бы в символике высших градусов ни встречались нам различные сочетания черного и белого цветов, они всегда подразумевают идею вечной борьбы Первопринципов Тьмы и Света, взятую из религии Зороастра и Мани. Эта идея пришла к нам из пантеистического учения браминов древней Индии; многих она сподвигла на обожествление материальной природы и открытую ненависть к любому учению Откровения.

К этому абсурду зачастую прямо ведут учения официальной Церкви, буквально толкующей аллегорический, образный мифологический

язык священных писаний седой древности различных стран Востока. Практически к тому же самому результату привело ложное представление, что Священное Писание древней Иудеи было написано такими же лишенными воображения, практичными и холодными людьми, какими были его переводчики в годы правления английского короля Иакова I, или такими же твердокаменными фанатиками, какими были несколько позднее шотландские пресвитериане.]

Дабы быстрее набрать как можно больше сторонников, тамплиеры всячески сочувствовали приверженцам старых и свергнутых с престола, равно как и новых и еще слабых, религиозных конфессий и групп, обещая им по установлении их власти полной свободы вероисповедания и царства новой веры, которая станет синтезом всех существующих ныне и преследуемых религий.

[Нелепо было бы предполагать, что высокообразованные и разумные люди поклонялись идолу Бафомету или признавали Магомета вдохновенным Богом пророком. Символика их Ордена, изобретенная и разработанная за много веков до его образования с целью сокрыть то, что было бы опасно или неосмотрительно признать и раскрыть для всех и каждого, определенно рассматривалась как еретическая и пантеистическая непосвященными, а особенно врагами Ордена. Золотой Телец, отлитый для народа Израиля по приказанию Аарона в пустыне, был в действительности таким же точно волом, дюжина каковых поддерживали Медное море в Храме и, вместе с львами, украшали подпоры жертвенника, – только этот символ впоследствии неверно истолковали. Аллегориям мудрецов практически всегда суждено становиться идолами невежественных толп. На то, чему в действительности учили владыки и высшие посвященные Ордена, косвенно указывает нам символика высших градусов масонского Ордена, однако эти символы тоже становятся до конца понятными только истинным посвященным.

Градусы Символической Ложи – это всего лишь внешний двор, притвор Ордена Вольных Каменщиков. Посвященному показывают в них некоторые символы, однако зачастую ему целенаправленно предлагают ложные их толкования. Орден не предполагает, что он полностью поймет и осознает их; он, однако, должен *думать*, что понял их. Их истинное толкование – удел истинных адептов, князей масонства. Самая суть Священного и Царственного Искусства столь много веков назад столь тщательно была сокрыта в символике высших градусов, что до сих пор остаются неразгаданными некоторые

из их священных аллегорий. Для основной массы тех, кто именует себя масонами, вполне достаточно полагать, что все таинства и все символы содержатся в трех первых градусах; адепт высших градусов, решивший переубедить их в этом, только нарушит свои обязательства как адепта, не достигнув при этом ровным счетом никакого успеха в своем предприятии и не обретя никакого вознаграждения за труды. Масонство – это настоящий сфинкс, по самую макушку засыпанный веками нанесенными пустынными ветрами песками.]

Семена разложения были посеяны в Ордене тамплиеров еще при его основании. Лицемерие – нравственная болезнь. Он предпринял великое начинание, труд, который был не в состоянии завершить, ибо не обладал ни состраданием, ни жертвенностью, ибо Рим в те времена был несокрушимой твердыней, а позднейшие главы Ордена не вполне осознавали его истинную миссию. Более того, в основной своей массе тамплиеры были необразованными; они умели только махать мечом, но совершенно не представляли себе, как овладеть и, в случае необходимости, заковать в цепи Царицу Мира, именуемую „общественным мнением“. [В действительности же, если бы главы и предводители Ордена попытались растолковать основы его истинного учения основной массе членов, те сочли бы их объяснения невнятицей и несуразицей. Символы мудрецов становятся идолами толпы, точно такими же пустыми и ничего не значащими для нее, как иероглифы древнего Египта – для ныне населяющих эту страну диких арабских племен. Всегда должно существовать некое общепринятое, «официальное» толкование красноречивых символов высших адептов, предназначенное для основной массы посвященных.]

Сам Гуго де Пайен не обладал ни проницательным и дальновидным умом, ни сознанием величия цели, позднее отличавшими основателя другого воинства, которое осмелилось угрожать даже владыкам мира сего. Тамплиеры были всего лишь необразованными и глуповатыми предтечами иезуитов.

Они стремились к богатству, мечтая купить весь мир. Они обрели богатство, и к 1312 г. уже владели в одной только Европе более чем девяноста земельными уделами. Но богатство и стало тем подводным камнем, на который напоролся их корабль. Они стали заносчивы и открыто выражали глубочайшее презрение к религиозным и общественным институтам, которые собирались низвергнуть. В тщеславии была их смерть. Об их планах узнали, и их осуществление предотвратили. [Рим, более нетерпимый к ереси, чем к грехам

и преступлениям, убоялся Ордена, а страх всегда жесток. Он всегда считал философскую Истину величайшей из ересей и во все века без колебаний выдвигал самые нелепые обвинения с одной только целью – сокрушить ее.] Папа Клемент v и король Филипп Красивый подали всей Европе сигнал, и тамплиеров повсюду точно накрыли гигантской сетью: арестовали, обезоружили и бросили в темницы. Никогда еще фактически настоящий государственный переворот не совершался столь быстро, слаженно и эффективно. Весь мир замер, потрясенный, в ожидании ужасных откровений последовавшего за арестами судебного процесса, которому суждено было эхом отозваться в грядущих веках.

Всем народам мира просто нельзя было сообщить всю правду о глобальном заговоре тамплиеров против королевских тронов и папской тиары. Им просто нельзя было сообщить дикие подробности вероучения владык Ордена. [Это означало бы фактически посвятить огромные массы народа в таинства, доступные только высшим адептам Ордена, сорвать покровы с Исиды. Поэтому Орден обвинили в волхвовании, а лжесвидетели быстро и легко нашлись. Когда светская и церковная тирании объединяются для того, чтобы сокрушить новую жертву, средства у них находятся всегда быстро и без всякого труда с их стороны.] Тамплиеров обвинили в том, что они плевали на изображение Христа, во время посвящения в Орден отрекались от веры в Него как Спасителя, совершали прочие ужасные кощунства, общались с суккубами и почитали ужасного идола.

Исход этой драмы хорошо известен: Жак де Моле и его сторонники погибли в пламени костра. Однако незадолго до казни магистр Ордена успел создать то, что впоследствии стало известно как оккультное, герметическое, или шотландское, масонство. Во тьме тюремного подземелья Великий Мастер учредил четыре ложи-метрополии: на Востоке – в Неаполе, на Западе – в Эдинбурге, на Севере – в Стокгольме и на Юге – в Париже. [Инициалы Великого Мастера – *J.·.B.·.M.·.* – встречаются в измененном порядке в трех первых, или символических, градусах масонства, лишний раз подтверждая, что именно от Ордена тамплиеров оно ведет свою родословную. Масонский Орден оживил и принял в качестве основы своего учения древнюю легенду об Осирисе, о воскресении Хурума, умерщвленного во плоти в Храме Иерусалимском, того самого Мастера *Хурума Абаи,* павшего жертвой принятого им на себя обязательства, мученика Истины и

Веры, предвещающего своим воскресением восстановление некогда похороненного гонителями священного сообщества.]

Папа и король вскоре странным и необъяснимым образом встретили свою смерть. Сквен де Флориан, главный обвинитель Ордена, был убит. Сломав меч тамплиеров, они превратили его в кинжал, и своими мастерками Рыцари Храма с тех пор возводили только гробницы.

[Орден исчез в одночасье. Его земли и прочие богатства были конфискованы, и казалось, что его больше нет на Земле. Однако, несмотря ни на что, он продолжал существовать под иными названиями, управляемый незримыми руководителями и доверяющий свои опасные таинства лишь тем, кто сумел во время многочисленных и продолжительных испытаний и посвящений доказать, что достоин владения ими. Современные же ордена, горделиво именующие себя тамплиерскими, не имеют и тени права на этот титул.]

Последователи адептов Древнего Ордена Розы и Креста постепенно отринули аскетичную иерархическую науку своих предшественников по посвящению и превратились в мистическую секту, тесно связанную со многими тамплиерами; учения этих сообществ переплетались между собой; их посвященные считали себя единственными наследниками всех тайн Евангелия от Иоанна, в чтении которого вслух они видели руководство к совершению мистических обрядов, необходимых для завершения посвящения.

В XVIII веке посвященные посчитали, что настало время одним из них основать новую иерархию, другим – свергнуть все светские и церковные власти и уничтожить все вершины общественного устройства, дабы повсюду воцарилось абсолютное и вечное социальное равенство.

Таинственный смысл символа розы следует искать в каббалистических толкованиях на Песнь Песней.

Для посвященных роза всегда была живым и цветущим символом Откровения и вселенской гармонии бытия. Она служила эмблемой красоты, любви и удовольствия. Фламель и автор „Книги Авраама Иудея“ рассматривали ее как иероглифическую эмблему завершения Великого Делания. Это может служить ключом к пониманию также и „Романа о Розе“. Завоевание Розы было темой и истинной целью посвятительного научного поиска, в то время как религия вечно стремилась приуготовить мир к окончательному и вечному вселенскому торжеству Креста.

Объединить Розу с Крестом – вот в чем была задача высшего посвящения; в действительности оккультная философия, являясь синтезом вообще всех философий мира, призвана была объяснить и истолковать все феномены бытия. Религия, в буквальном понимании этого слова, является откровением, служащим лишь для удовлетворения насущных потребностей человеческой души. Ее существование – научный факт; отрицать его – значило бы отрицать существование человечества.

Адепты Розы и Креста были посвящены в таинства вселенской иерархической религии Откровения. Следовательно, они не могли противостоять папству, а значит, и законным монархиям; если они и вступали с ними в конфликт, то только потому, что полагали их отступниками, клятвопреступниками и провозвестниками анархии.

Кто такой деспот – светский или церковный, – если не венценосный анархист?

Один из величественных пентаклей, использующийся для воплощения эзотерической, неизрекаемой части Священной Науки, – это Роза Света, в центре которой помещено изображение человека, крестообразно распростершего руки.

Существует множество комментариев на «Божественную комедию» Данте; продолжают появляться все новые и новые, однако ни один из них не затрагивает некоей особенной стороны этого произведения. Этот труд великого гибеллина в действительности является декларацией об объявлении войны папству, смелым Откровением Мистерий. Эпическое произведение Данте является, по сути, иоаннитским и гностическим; это смелое применение, как и в Откровении Иоанна Богослова, каббалистических чисел и образов к христианскому учению и тайное отрицание наличия в последнем абсолютных истин и явных догм. Путешествие автора по сверхъестественным мирам явно воспроизводит церемонии посвящения в Элевсинские и Фиванские Мистерии. Он вырывается из адова пекла через врата с начертанным на них приговором неотвратимого отчаяния, *перевернувшись с ног на голову*, то есть *приняв учение, прямо противоположное догматам Католической Церкви;* после этого он, как по гигантской лестнице, восходит к Свету по самому дьяволу. Фауст восходит на Небеса, ступив на темя коленопреклоненного Мефистофеля. Ад не отпускает из своего плена лишь тех, кто не умеет повернуться к нему спиной. Отвага избавляет от его уз.

Дантовский Ад – это своего рода Чистилище со знаком минус. Дантовские Небеса состоят из нескольких концентрических каббалистических сфер, разделенных Крестом, подобно пентаклю Иезекииля. В центре этого Креста цветет Роза, то есть присутствует символ адептов Розы и Креста, впервые открытый народам мира и практически досконально разъясненный.

Впервые, потому что Гийом де Лорре, умерший в 1260 г., за пять лет до рождения Алигьери, не сумел завершить свой „Роман о Розе", который полвека спустя дописал Шопенель. Поразительно, насколько всякий занимавшийся исследованием этих двух произведений бывает поражен тем фактом, что в действительности „*Roman de la Rose*" и „*Divina Commedia*" являются двумя сторонами одного и того же труда по посвящению читателей в таинства свободы и независимости духа, осмеянию всех современных общественных институтов и аллегорическому воплощению великих таинств Общества Розы и Креста.

Это важное откровение оккультной философии совпадает по времени с крушением Ордена тамплиеров, а между тем нам известно, что Жан де Менг, писавший под псевдонимом „Шопенель", родившийся, когда Данте был уже глубоким стариком, лучшие годы своей жизни провел в роскоши при дворе Филиппа Красивого. „Роман о Розе" – это эпическое повествование о французской старине. Этот толстый том под пеленой показной легкости жанра скрывает не менее глубокие истины, чем содержатся в трудах Апулея и оккультных Мистериях. Розы Менга, Фламеля и Данте выросли на одном стебле.

Система Сведенборга – это не что иное, как Каббала минус принцип иерархии, то есть Храм без краеугольного камня фундамента.

Калиостро был агентом тамплиеров, почему и писал лондонским масонам о том, что настало время восстановить Храм Предвечного. Он создал в масонстве новый Устав, получивший название Египетского, в стремлении вдохнуть новую жизнь в поклонение Исиде. Три буквы – *L.:.P.:.D.:.* – на его печати были первыми буквами слов „*Lilia pedibus destrue*", что по-латыни означает „*Лилии да будут попраны ногами*" (лилия – символ королевского дома Франции), между тем как на одной масонской печати XVI в. также изображен меч, перерубающий стебель лилии, и девиз: „*Talem dabit ultio messem*", – то есть „*Се да будет урожай мести*".

Ложа, учрежденная женевским фанатиком Руссо, стала центром революционного движения во Франции, и даже один из принцев

крови вступил туда, дабы поклясться у гробницы Жака де Моле в стремлении свергнуть наследника Филиппа Красивого. Списки Ордена тамплиеров свидетельствуют о том, что сам всевластный регент, герцог Орлеанский, был Великим мастером этого огромного тайного общества, и ему наследовали герцог Мэнский, принц Бурбон-Конде и герцог де Коссе-Бриссак.

Тамплиеры пошли на уступки королю; они спасли его от народного гнева, но с той лишь целью, чтобы усилить этот гнев и обратить его на службу своей цели – осуществлению катастрофы, которую они готовили многие века; тамплиеры готовили королю плаху. Тайные руководители Французской революции поклялись перевернуть престолы и алтари во имя торжества дела Жака де Моле. Казнью Людовика XVI они наполовину достигли осуществления своих планов, и теперь воинство Храма направило все силы на борьбу с папством.

Жак де Моле и его соратники, возможно, действительно были мучениками, но мстители за них опорочили их память. Монархия вновь расцвела на плахе Людовика XVI, Церковь торжествовала победу, захватив в плен Пия VI, увезенного в цепях в Валенсию и впоследствии умершего от голода и горя, и потомков древних рыцарей Храма пожрали ужасные порождения их кровавой победы».

Consistory

Консистория

Grand Inspector Inquisitor Commander 31

Великий Командор Инспектор Инквизитор

Терпеливо выслушивать, тщательно взвешивать и беспристрастно выносить вердикт, – вот основные обязанности судьи. Поскольку вы уже выслушали наставление сего градуса, нет необходимости более рассуждать о них. Впредь тебе постоянно и красноречиво будет о них напоминать убранство наших алтаря и всего Трибунала.

Священное Писание да напоминает тебе вечно о твоих обязательствах; и как ты будешь судить здесь, внизу, так и тебя самого будет судить по твоей смерти Тот, Кому нет нужды подчиняться печальной необходимости, которой подчиняются все земные судьи, а именно: судить о мотивах, побуждениях и целях людей (которые и являются сутью их преступлений) по путаным и зачастую неверным показаниям живых свидетелей и обнаруженных улик, по их собственным деяниям или словам, при этом точно наощупь шаря во тьме, – Тот, для Которого каждая мысль, каждое чувство, каждое намерение и побуждение каждой живой души – живущей ли ныне, жившей ли когда-либо в прошлом, только ли собирающейся жить на Земле, – и сейчас, и всегда, на протяжении всей необозримой Вечности, ясны и зримы.

Циркуль и наугольник, отвес и уровень уже достаточно хорошо известны тебе как орудия труда Вольного Каменщика. Однако для тебя как Судьи они, в первую очередь, должны служить символами праведности, беспристрастия, тщательного изучения всех фактов и обстоятельств, верного суждения и равного для всех решения при равных условиях. Как Судья ты обязан судить праведно и только

праведно. Как храм, возведенный по отвесу, ты не должен склоняться ни в какую сторону. Как здание, построенное по уровню и наугольнику, ты должен твердо стоять на позициях праведности и истины. Как окружность, очерченная циркулем, должен ты быть верен и точен. На весах правосудия ты должен взвешивать только факты и законы – и ничего больше; в особенности же воздерживайся от того, чтобы укладывать на чашу весов личные привязанности, дружеские чувства, страх или желание услужить; и помни, что если не остается надежды на исправление преступника, ты обязан нанести ему разящий удар мечом правосудия.

Особым и крайне важным символом данного градуса является Тетрактис Пифагора на Востоке зала заседаний Трибунала, где обычно ты привык видеть изображение Неизрекаемого Священного Слова или его первой буквы. Он здесь имеет то же самое значение, то есть символизирует Бога. Девять его внешних точек составляют треугольник – основной символ масонства, множество значений которого тебе уже были открыты.

Для нас три его стороны воплощают тройственность Божественных свойств, ибо господь сотворил, вечно сохраняет, предержит и управляет Вселенной в ее вечном движении; или три подпоры масонского Храма – Мудрость, или беспредельный Божественный Разум, Силу, или власть беспредельной Божественной Воли, и Красоту, или беспредельную Божественную Гармонию, – вечный Божественный Закон, за счет которого все неисчислимые мириады солнц и звезд вершат свой бесконечный путь в необозримых просторах Космоса, не сталкиваясь между собой и не пересекаясь своими орбитами, ибо движение и изменение суть законы существования всего тварного мира.

Для нас как масонов и Судей треугольник также является образом великих пирамид, навечно воцарившихся над мертвыми барханами великой пустыни, гениально ориентированных по четырем сторонам света, не поколебленных никаким воздействием сил Природы или человека, которые наставляют нас в стойкости, непоколебимости и твердости, каковые качества мы становимся способны обрести, только стоя на твердой почве истинных убеждений.

Треугольник состоит из нескольких геометрических фигур, каждая из которых исполнена для масонов особого и крайне важного смысла. В особенности священен для нас тройной треугольник, ибо он всегда служил практически всем народам Земли символом Бога. Продолжив за внешние границы все линии шестиугольника,

также входящего в тройной треугольник, мы получим в итоге шесть меньших треугольников, пересекающихся основаниями в центре Тетрактиса, также служащего символом творческой способности Вселенной, Солнца, Брахмана, Осириса, Аполлона и Самого Бога. Девять (3 × 3) из получившихся в итоге наших преобразований двенадцати треугольников составляют сам Тетрактис.

Я не собираюсь сейчас описывать и толковать тебе все геометрические фигуры, содержащиеся в нем, однако одну из них просто не могу обойти вниманием. Шестиугольник частично отражает круг, хотя на первый взгляд это может быть и незаметно, каковой факт заставляет нас рассматривать его как эмблему веры в незримое, каковая, в свою очередь, необходима для того, кто желает обрести Спасение. Это первый правильный многоугольник, напоминающий нам также о кубическом камне, вспотевшем кровью, а также о камне Еноха, и наставляющий в праведности, верности и стойкости.

Возможность треугольника к бесконечному делению, а также свойство исходящих из одной точки лучей бесконечно удаляться друг от друга по мере удаления от центра, должны наставлять тебя в беспредельности Вселенной, времени, пространства и Бога. Как бесконечно может быть количество подобных лучей, так беспредельно и количество Божественных свойств; и как они исходят из единого центра, так и вся Вселенная проистекла от Единого Бога.

Помни также, брат мой, что тебе необходимо выполнять и иные обязанности, кроме судейских. Ты должен тщательно изучать и исследовать работу всех низших по статусу масонских объединений и институтов. Ты обязан следить за тем, чтобы число посвященных в высшие степени не увеличивалось без необходимости, чтобы в это число не входили люди, должным образом к такому посвящению не приуготовленные, чтобы делами и словами своими все масоны всегда подтверждали верность возвышенным принципам нашего учения и самому нашему достославному сообществу. Ты также обязан тщательно следить за собой, дабы самому не оступиться, изучать собственное поведение. Если самого тебя обуяют злая воля или зависть, если в сердце твоем свили гнездо нетерпимость и предрассудки, если в душе твоей нет места нежной и доброй привязанности, если ты открываешь сердце свое одним и закрываешь его для других, – настало время тебе починять свой собственный внутренний Храм, иначе, не обладая истинно масонской душой, ты зря только будешь трепать звание и отличительные знаки Вольного Каменщика.

Повсюду в Природе разлит естественный Закон, иначе говоря, постоянный и неизменный образ действия, присущий природе всех вещей и всему мирозданию в целом. Он носит действительно вселенский, универсальный характер. В различных областях мироздания мы называем его по-разному: закон материи, закон разума, закон нравственности и пр. Этими словами мы описываем определенный образ действия, присущий, соответственно, материальной, разумной и нравственной силам, в соответствии с которым они возникают и, в идеале, действуют впоследствии. Идеальные законы материи известны нам ровно настолько, насколько мы видим, что они неизменно соблюдаются. Собственно факт их *соблюдения* и является для нас единственным критерием познания идеальных законов, поскольку приходится признать, что в материальном мире *идеальное* и *актуальное* совпадают.

Мы постигаем законы природы лишь путем наблюдений и опыта. До обретения соответствующего опыта человек не способен предсказать, что, например, тело, падающее на землю, пролетит шестнадцать футов за первую секунду, вдвое больше – за вторую, вчетверо больше – за третью и в шестнадцать раз больше – за четвертую. Никакое чувство, присущее нам в этом внешнем мире, не может подсказать нам эту прогрессию. Это утверждение верно для вообще всех материальных законов. Идеальный закон постигается за счет того, что он есть факт. Закон обязывает. Ему следует подчиняться немедленно и безропотно. Закон кристаллизации, закон пропорции химических соединений, – ни в этих, ни в каких иных законах материального мира не оставлено ни малейшего места, ни малейшей возможности для неподчинения, несоблюдения или неповиновения. В этом мире действует одна первичная и изначальная Божественная Воля, и ни для какой иной, вторичной, конечной воли просто не остается места.

Не существует исключений из всеобщего закона всемирного тяготения, властью которого один атом тела различимой лишь под микроскопом крошечной коловратки связан с другим таким же атомом, его орбита – с другой такой же орбитой, а система ее организма – с другой такой же системой, властью которого связаны в единую Вселенную все многочисленные вещественные миры. На первый взгляд кажется, что из этого закона, равно как и из закона развития и упадка, и из закона электрического движения, существуют все-таки некоторые исключения, однако, по зрелом размышлении, все эти кажущиеся

исключения оказываются частными случаями великого закона тяготения, просто действующего в различных условиях.

На первый взгляд, разнообразие следствий действия этого закона поражает воображение и необратимо влияет на все чувства исследователя, однако гораздо больше поражает его развитой разум величие первичной Причины. По сравнению с ней землетрясение – это не более чем крошечная трещина, возникающая на садовой дорожке в жаркий летний день. Губка пориста, то есть ее твердые частицы разделены между собой полостями; Солнечная система еще *более* пориста, и полости между орбитами отдельных ее планет гораздо шире; Вселенная же неизмеримо больше, как неизмеримо больше в ней и пространства между отдельными звездными системами, столь же крошечными, по сравнению с *беспредельным* пространством, сколь для нас крошечны расстояния между отдельными атомами, из которых состоит тело мельчайших инфузорий, мириады и мириады которых населяют одну отдельную каплю морской воды. Один и тот же закон тяготения удерживает вместе атомы тела инфузории, губки, Солнечной системы и Вселенной в целом. Каждая материальная частица в этой Вселенной неразрывно связана со всеми остальными частицами материи за счет существования единой удерживающей их вместе силы – силы тяготения.

В духовном мире, мире человеческого сознания, также существует некий закон, то есть идеальный образ действия духовных сил человека. Закон справедливости так же един и так же всеобщ, как закон тяготения, хотя нам сложно бывает объяснить его действием некоторые природные явления. Жаворонок, по нашему мнению, обладает таким же правом жить, петь, летать, где пожелает, в ласковых волнах обтекающего его воздуха, каким обладает ястреб, горделиво расправляющий свои сильные крылья в лучах летнего солнца; но необходимо помнить, что, камнем падая вниз, ястреб пожирает безвредного жаворонка, точно так же, как сам жаворонок пожирает червяка, а червяк, в свою очередь, – крошечную инфузорию; и, насколько нам известно, нигде в Природе и никогда в обозримом времени эта несправедливость не будет ничем скомпенсирована. У пчел правит королева, которой подчиняются те, кто воюет и работает, в то время как трутни не работают и не воюют. У муравьев солдаты кормятся тем, что добывают своим трудом рабочие. Лев долго лежит в засаде, чтобы потом напасть на мирно пасущуюся антилопу и пожрать ее, несмотря на то что, по нашему мнению, она обладает точно таким

же, как у него самого, правом на жизнь. У людей же одни правят, другие – служат им, капитал повелевает, а труд – повинуется, один народ – высший по интеллектуальному развитию – использует мышечную силу другого народа – менее развитого, чем он; однако никто не берется оспаривать законы Господней справедливости.

Вне всякого сомнения, все эти разнообразные явления находятся в полном соответствии с единым великим законом справедливости, и единственная сложность здесь состоит в том, что мы не понимаем, да и, в сущности, не способны понять, этот закон. Какому-нибудь мечтательному теоретику-идеалисту легко было бы предположить, что совершенно несправедливо устроен мир, в котором лев пожирает антилопу, а ястреб разрывает на части беззащитного крапивника; но сложность-то здесь состоит в том, что нам неизвестно ни о каком ином способе, посредством которого эти лев и ястреб – в рамках дарованных им Господом внешней формы, внутренних органов и повадок – могли бы вообще жить, питаться, существовать. Нельзя нашей крошечной мерой мерить Господне правосудие. Он, по справедливости Своей, не требует, чтобы мы избавили миллионы своих собратьев по роду людскому вообще от всего и всяческого физического труда или освободили и наделили всеми правами свободных людей слуг и рабов, которые не созрели еще для обретения полной личной свободы.

Вне всякого сомнения, под всем огромным множеством мыльных пузырей, которые суть наши жизни, стремления, желания и планы всех двух тысяч миллионов, или более, людей, живущих на этой Земле (ибо все они действительно всего лишь мыльные пузыри, как по размерам, так и по продолжительности жизни, по сравнению с неоглядным и вечным великим океаном вселенского человечества), – вне всякого сомнения, под всеми ними пребывает, в их основании лежит одна, единая и всеобщая сила, которой они, в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств, придают ту или иную направленность; а *над* всеми ними пребывает одно и то же всевышнее Провидение, одинаково пристально надзирающее и за великим, и за малым; таким образом, единство первичной силы порождает неисчерпаемое множество следствий.

Совершенно справедливо было бы сказать, что справедливость является фундаментальным, основообразующим законом нравственной Вселенной, законом права, законом деятельности человека (как и любого другого одушевленного существа) во всех его нравственных

взаимоотношениях с другими одушевленными существами. Без сомнения, все дела людские (как и все прочие дела) должны подчиняться этому закону как высшему и обязательному для всех; и то, что *праведно* – находится в соответствии с ним, а поэтому выживает, в то время как то, что *неправедно* – противоречит ему, а поэтому обречено на исчезновение. Наша основная беда на настоящий момент состоит в том, что мы привычно возводим наши *собственные* представления о том, что праведно, а что неправедно, в закон справедливости и воздаяния; мы буквально требуем, чтобы Бог принял наши представления и сделал их Своим законом, – все это вместо того, чтобы путем наблюдений и размышлений постараться понять, в чем же состоит именно *Его* закон, а затем осознать, что этот закон находится в полном соответствии с Его беспредельной справедливостью, вне зависимости от того, соответствует ли он *нашим* ограниченным представлениям о справедливости или, наоборот, им противоречит.

Иногда человеку бывает трудно доказать даже самому себе, что он поступает справедливо, подчиняя себе лошадь и быка, постоянно пользуясь их трудом до седьмого пота, в обмен предлагая им только корм, который и так Господней волей рассеян повсюду на изумрудных пастбищах и в саванне, или убивая ни в чем не повинного оленя, питающегося лишь зеленой травой, древесными почками и молодой листвой, пьющего одну лишь проточную воду рек и ручьев, сотворенную Богом для всех обитателей Земли, или умерщвляя невинного голубя, или крошечного олененка, которые, увы, столь часто тянутся к людям в надежде обрести у них защиту и ласку. Наверное, это так же трудно, как доказать, что ум одного человека, или даже просто его материальное богатство, совершенно справедливо превращают силу рук другого человека в свою служанку, отдавая взамен ровно столько денег, сколько хватает, чтобы поддержать жизнь и силу в этих руках.

Одно дело – обнаружить этот вселенский закон справедливости, но совсем другое – вооружиться нашей коротенькой человеческой рулеткой, измерить нечто и немедленно назвать *это нечто* «Божественным Законом Справедливости». Великий вселенский План, великая вселенская Система, великие всеобщие Законы, сотворенные Богом, постоянно порождают нечто кажущееся нашим ограниченным в пространстве и во времени, несовершенным чувствам несправедливостью и неправедностью, и до сих пор людям удавалось хотя бы отчасти объяснить самим себе существование Зла и несправедливости

только при помощи гипотезы о существовании некоего иного бытия, в котором все несправедливости этой жизни и всё ее зло будут излечены, скомпенсированы. В рамках нашего понятия справедливости крайне несправедливо, например, то, что в расплату за грехи отца ребенок рождается несчастным калекой, с рождения изуродованным и страдающим неизлечимыми недугами, – однако это также одно из проявлений вселенского закона. Древние говорили, что такой ребенок *наказан* за грехи отца. Мы же говорим, что это уродство и эти болезни суть *следствия* грехов его отца, хотя, если признавать существование в мире как справедливости, так и несправедливости, это всего лишь вопрос подбора тех или иных слов.

Легко сформулировать некий всеобщий, всеобъемлющий принцип, включающий в себя наше понимание абсолютной справедливости, и настаивать на том, что все обязаны подчиняться ему, сказать: «Все люди обязаны подчиняться сему как высшему и всеобщему закону, ибо все праведное находится в соответствии с ним и поэтому выживает, а все неправедное противоречит ему и в силу этого уничтожается. Частные связи и взаимоотношения, как то: дружба, самоуважение, патриотизм, – должны подчиняться всеобщему вечному тяготению и стремлению к праведности». Трудность здесь состоит в том, что наша Вселенная Богом сотворенных отношений необходимости, причинно-следственных связей, жизни, проистекающей из смерти, эта беспрерывная и бесконечная последовательность жестокостей, никогда не подчинится никакому подобному субъективному принципу, никакой бесплотной теории такого рода: в этих звучных словах и красиво построенных фразах нет ничего материального.

Непрактичные законы в области нравственности даже вредны, ибо, коль скоро практически никто из людей не оказывается в состоянии следовать им во всей полноте, они со временем начинают превращать даже вполне реальные добродетели в воображаемые нарушения закона, который ложен в своей основе. Справедливость отношений между человеком и человеком и справедливость в отношениях между человеком и животными, стоящими ниже него на лестнице эволюции, должна быть такова – согласно и в соответствии с законом, установленным Богом для подобного рода отношений, а также согласно всем обстоятельствам в то или иное время и в том или ином месте, – чтобы функционировать с наибольшей эффективностью как во вселенских, так и в частных интересах. Ни в коем случае

не следует рассматривать, хвалить, а тем более порицать отношения, сотворенные и установленные Богом для нас и окружающего нас мира, с позиций бесплотной, абстрактной теории.

Бог сотворил эту великую систему Вселенной и учредил вселенские законы для управления ею. Эти законы распространяют свое действие на все многообразие существ, обитающих в сфере необходимости. Он решил сотворить тигра неспособным своими зубами жевать траву, вследствие чего тигру приходится или есть мясо других животных, или умереть от голода. Он сотворил плотоядным также и человека, равно как и некоторых крошечных птичек, которые не менее кровожадны и прожорливы, чем тигры. Каждым вздохом, каждым шагом своим по земле мы уничтожаем тысячи и тысячи микроскопических живых существ, не менее одушевленных – как бы малы они ни были, – чем мы сами. Он сотворил людей неравными по физической силе, уму и уровню нравственного развития. Он сотворил в обществе разнообразные отношения между людьми, включая отношения управления, подчинения и зависимости.

То, что таким образом было сотворено необходимым, не может быть несправедливо, ибо будь это так, Сам Бог – Великий Законодатель – оказался бы несправедлив. Зло, которого следует всячески избегать, в действительности состоит в узаконении несправедливости под *ложным* предлогом ее необходимости. Из всех взаимоотношений в этой жизни вырастают обязанности – точно так же неизбежно и естественно, как листья на деревьях. Если мы обладаем правом, в соответствии с сотворенным и дарованным нам Богом законом необходимости, убить ягненка, чтобы впоследствии съесть его и тем самым поддержать жизнь в своем теле, нам, по крайней мере, не следует мучить его при этом, ибо в этом нет никакой *необходимости*. Мы имеем право, в силу дарованных нам природных способностей, жить упражнениями развитого ума и покупать ручной труд других людей, которые работают на нашей земле, в наших шахтах, на наших фабриках, – но не имеем ровным счетом никакого права заставлять их перерабатывать или недоплачивать им за их труд.

Правда не только то, что мы способны постигнуть закон справедливости и праведности путем наблюдений и размышлений, но также и то, что Бог даровал нам нравственную способность, иначе говоря, совесть, воспринимающую этот закон интуитивно – непосредственно и моментально; правда и то, что в природу человека включено некое правило, которое превыше всего, что он имеет возможность встретить

в своей жизни, некая идеальная природа, гораздо более возвышенная, чем его собственная, окружающей его природы и всех примеров в истории его развития, ибо человек всегда превращал необходимость – свою личную или своего общества – в повод жаловаться на несправедливость. Но ведь это понятие ни в коем случае не следует толковать слишком широко, ибо, если мы подменяем реальность идеальностью, это значит, что истинным становится утверждение, будто внутри нас содержится идеальный закон праведности и неправедности, к которому не сумел прийти Сам Бог, задумывая и творя этот мир и управляя им, и который Он (при всем уважении к Нему) ежедневно преступает. Мы не любим тигра и волка за жестокость и прожорливость, являющиеся неотъемлемыми составляющими их природы; мы восстаем против закона, в соответствии с которым искривленные конечности и искаженное гримасой страдания лицо ребенка являются последствиями совершенных его отцом грехов; мы даже иногда рискуем утверждать, что всемогущий и премудрый Господь не должен допускать существования в мире боли, нищеты и зависимости; наше понятие справедливости возвышеннее, чем его реализация в Господнем мире. И это хорошо, как и вообще все в мире хорошо. Он даровал нам нравственное чувство во имя мудрой и великодушной, с Его стороны, цели. Мы принимаем его в себе как неоспоримое подтверждение изначальной возвышенности человеческой природы, способной иметь столь высокие идеалы; мы должны стремиться к их достижению настолько, насколько позволяют нам это установленные Богом в природе отношения и окружающие нас и держащие нас в плену обстоятельства.

Если мы достойно пользуемся этой дарованной нам способностью – совестью, если, применяя ее в данных свыше обстоятельствах и учрежденных свыше взаимоотношениях, мы развиваем ее и все ее внутренние силы, таким образом ограничивая и сокращая обязанности, которые в этих ограничивающих и стесняющих нас обстоятельствах и при этих ограничивающих и стесняющих нас отношениях возникают и налагаются на нас; таким образом мы познаем справедливость, закон праведности, то есть Божественный закон, учрежденный Богом для всех и каждого в мире людей. Но если только мы начинаем считать себя вправе определять и насаждать образ действия, присущий неизмеримо более совершенной природе Бога, то есть устанавливать некое универсальное правило, недоступное для соблюдения человеку, вскоре мы неизменно приходим

к осуждению Его деяний и отношений, которые Он посчитал приятным для Себя сотворить между вещами тварного мира.

Чувство справедливости присуще человеческой природе, являясь неотъемлемой ее составляющей. Люди находят глубокое, постоянное, инстинктивное удовлетворение в справедливости, не только в силу ее внешних следствий, но и в силу понимания ее внутренней Первопричины; они, по природе своей, горячо и преданно любят закон праведности. Справедливость есть цель предприятий их совести; она настолько же отчетливо воспринимается совестью, как свет – глазами, а истина – разумом.

Справедливостью поддерживаются равные отношения между людьми. Ею поддерживается равновесие между народами, между человеком и его семьей, его племенем, его народом, дабы его и их *абсолютные* права не пересекались и не вступали в противоречия между собой, чтобы никогда не смешивались их *конечные* цели и интересы, дабы чьи-либо врожденные и вечные интересы не оказались изначально противоречащими интересам всех или кого-либо одного. В это мы просто обязаны верить, коль скоро мы признаем справедливость Бога и верим в нее. Мы обязаны поступать со всеми справедливо и того же требовать от всех: это всеобщий для людей закон и вселенское людское устремление. Однако мы также можем допускать грубые ошибки в определении справедливости. *Временные* интересы и то, что люди привыкли считать своими правами, зачастую переплетаются и сталкиваются между собой. Жизненные интересы отдельных людей зачастую вступают в конфликт с интересами безопасности и процветания общества, а то, что одни классы или народы полагают своими интересами, – с кажущимися интересами других классов или народов.

Неправильно было бы сказать, что один человек не может и не должен быть приносим в жертву во имя благосостояния другого человека (как бы велик этот другой человек ни был), или большинства людей, или человечества в целом. Это не просто заблуждение, но одно из опаснейших. Зачастую человек, и даже несколько, и даже множество людей, просто не могут не быть принесены в жертву – в самом простом и обыденном смысле этого слова – во имя благосостояния остальных. Ведь заблуждение это лишь прекрасно успокаивает эгоистов; они считают, что, если, согласно закону всеобщей справедливости, они не могут быть насильно принесены в жертву общественному благу, общество также не имеет права требовать

от них *само*пожертвования, и дурак тот, кто возлагает на алтарь общественного блага жизнь свою, или свое благосостояние, или просто некоторые особые роскошества своей жизни, с которыми решил расстаться ради благосостояния своей страны. Согласно их убеждениям, Курций был дураком, а Леонид – слабоумным. В наше время смерть за свою страну более никому не видится прекрасной и славной, наоборот, многим она кажется нелепой и абсурдной. Более ни от какого солдата нельзя требовать, чтобы он подставил грудь под шпагу или штык, нацеленные в грудь великого полководца, на плечах которого лежит ответственность за судьбу и свободу целой страны, за жизнь и благосостояние миллионов людей, в том числе еще не рожденных на свет.

Напротив, очевидно, что всеми действиями людей правит необходимость, что благосостояние и даже жизни людей зачастую должны приноситься в жертву интересам благосостояния страны. Некоторым приходится оставить всякую надежду: миссионер идет проповедовать слово Божье в дикое племя, и сама жизнь его при этом висит на волоске; врач идет в холерный барак, сам рискуя заразиться; моряк с потерпевшего крушение и горящего корабля хладнокровно прыгает в вечно голодные волны океана, когда в последней шлюпке не хватает места для пассажиров, жизнь которых он может теперь спасти лишь ценой своей собственной жизни, в то время как штурман продолжает нерушимой скалой стоять у штурвала и отводить в сторону горящий остов корабля, чтобы он, не дай бог, не сокрушил утлую шлюпку, в которой спасаются немногие счастливцы, иначе обреченные на смерть.

Людские сообщества постоянно ищут справедливость. Все сложные общественные механизмы, составляющие сущность государства, да и всего современного мира как совокупности многих государств, являются попытками человечества установить повсеместно отнюдь не некую абстрактную идеальную справедливость, бросающую вызов справедливости Господнего суда, но практическую справедливость, правосудие, в той его форме, в которой оно может и должно существовать в реальном мире людей. Все тщательно продуманные и повсеместно распространенные общественные механизмы законодательства и судопроизводства, все чиновники и гражданские акты суть для людей средства претворить теорию праведности на практике. Конституции создаются во имя установления справедливости; постановления судов предназначены для того, чтобы мы

в будущем выносили более мудрые и обоснованные решения по аналогичным или подобным вопросам. Народы избирают наиболее справедливых своих представителей в законодательные собрания, чтобы они вложили в законы и уложения страны свое понимание справедливости и праведности. Народы желают, чтобы их законы были воплощением правосудия, отправляемого беспристрастно. Во все, даже самые отдаленные, времена существовало дикое народное правосудие, пусть и всегда смешанное со страстями и отправлявшееся с ненавистью, ибо правосудие грубых людей всегда грубо и страшно, в то время как правосудие людей более образованных и цивилизованных принимает более утонченные и нравственные формы. Каждое прогрессивное государство время от времени пересматривает свои законы и даже совершенно переписывает уложения гражданского права в стремлении максимально, насколько это только возможно, приблизиться к идеалам практической справедливости и истины; но иногда, идя на поводу у мечтателей и творцов абстрактных теорий идеальной справедливости, в закон возводятся их бесплотные принципы, на практике приводящие к беззаконию, что заставляет общество впоследствии вновь делать шаг назад.

В своих литературных трудах люди тоже постоянно ищут справедливость и желают воздаяния за добродетель, равно как и за грех. Они всегда на стороне праведности и человечности, и большинство людей имеет свой собственный идеал справедливости, который для них лучше всего окружающего, справедливее существующих законов; законы всегда несовершенны, ибо они никогда не приближаются даже к идеалу совершенной *практической* справедливости; никто из людей не способен соответствовать в жизни даже собственным идеалам возможной или практической справедливости. Страсти и необходимость заставляют человека постоянно снижать планку справедливости относительно собственных идеалов. Идеальная справедливость, которой восхищаются и к которой стремятся люди, истинна, но в этом мире ей не суждено быть реализованной. Однако нам следует настолько приблизиться к ней, насколько это практично; нам следует стремиться к повсеместному установлению того идеального народовластия, которое «*ныне проносится перед мысленным взором всех честных и верующих людей – более прекрасное, чем Республика Платона, чем Утопия Мора, чем Золотой век народных преданий*», – при этом постоянно помня, что в стремлении к недостижимому идеалу ни в коем случае не следует пренебрегать

тем, что достижимо и практично. Стремиться к лучшему, но при этом довольствоваться лучшим из достижимого, – вот в чем единственно истинная мудрость. А настаивать на свершении абстрактного правосудия, не принимая во внимание наиважнейший и вседовлеющий фактор необходимости, – причуда пустого мечтателя.

В мире, населенном людьми в их материальных телах, которым присущи телесные же потребности и нужды, никогда не суждено наступить времени, когда не будет больше зависимости, нужды, преследований, страха пред Богом или человеком, и одна лишь любовь будет царить повсеместно. Так не будет никогда, пока в мире существуют неравенство интеллектов, снисходительность к низменному пороку, праздность, расточительство, ужасные волны эпидемий, войн и голода, землетрясения и извержения вулканов, пока необходимость заставляет людей страдать, нуждаться, прислуживаться, бояться и умирать.

Лемех правосудия снова и снова вспахивает почву этого мира, выкорчевывая сорную траву. Нам все чаще удается наблюдать в мире торжество правосудия. Несправедливость Англии привела к утрате ею Америки – истинного бриллианта чистой воды в ее короне. Неправедность Наполеона низвергла его с трона в большей степени, нежели снега России, да так, что он очутился на уединенной голой скале посреди океана, чтобы там страдать и умереть и чтобы жизнь его стала наглядным уроком справедливости для всего человечества.

Мы способны интуитивно распознавать справедливость, даже когда не в состоянии описать ее словами. То, чем она является в определенный момент времени, настолько зависит от сопутствующих обстоятельств, что вводить определения просто бесполезно – они только будут вводить в заблуждение. Зачастую для общества несправедливым оказывается то, что – в отсутствие определенных обстоятельств – могло бы быть провозглашено справедливым для одного отдельно взятого человека. Общие предположения людей о своих правах практически всегда ложны, и нередко совершенно несправедливо поступает тот человек, который делает нечто, что теоретики полагают его неотъемлемым правом, и даже долгом, делать.

Нам следует творить своим ближним то же самое, что бы мы *желали* и считали своим неотъемлемым *правом,* чтобы они творили нам при аналогичных обстоятельствах. Существует множество теоретически вполне прогнозируемых случаев, когда человеку

приходится заботиться о себе в ущерб своему ближнему, например при кораблекрушении, когда двое хватаются за оставшуюся на плаву доску, способную выдержать и спасти лишь одного; в бою, когда раненый может спасти собственную жизнь, лишь убив нападающего на него врага. Следует предпочитать безопасность своей страны ценности жизни ее врагов и даже иногда ценности жизни ее собственных ни в чем не повинных граждан. Полководец во время отступления совершенно справедливо отдает приказ сжечь мост за своей армией, чтобы задержать преследователей, пусть при этом на противоположном берегу остается рота, батальон, даже целый корпус его собственной армии, определенно обреченный теперь на поражение и гибель.

Все это – не отступления от закона справедливости, пускай здесь, как и во всех прочих случаях, когда ранение или смерть одного человека означают спасение многих, когда интересы одного человека, одного класса, одного народа приносятся в жертву общественному благу или благу более совершенного народа, практика способна уязвить какого-нибудь теоретика, мечтающего об идеальной справедливости. Однако каждое отступление от реальной, практической справедливости неизменно сопряжено с исчезновением самого творящего несправедливость, пусть об этом иногда ничего не узнает общественность. Несправедливость, частная или общественная, как любой другой порок, любое другое преступление, неизбежно порождает определенные следствия. Самовлюбленный, алчный и жестокий человек, несправедливый и безжалостный работодатель, жестокий хозяин отвратительны в глазах общественного мнения, в то время как добрый хозяин, щедрый и великодушный, человечный и справедливый работодатель восхваляются общественным мнением, и даже зависть окружающих лишь добавляет им величия. Люди всегда почитают тех, кто стойко защищает истину и справедливость. Мир возводит памятники великим патриотам. Четверо великих государственных деятелей, способствовавших торжеству правосудия, изваянные из камня, ныне молчаливыми глашатаями всенародного стремления к справедливости взирают на французских законодателей, входящих в зал собраний. С каким почтением мы сами взираем на мраморные черты Джея и Маршалла, спокойно взирающих ныне на живых заседателей Верховного суда Соединенных Штатов! Сколь величественный памятник себе возвел Вашингтон в сердце Америки, да и всего мира, не потому, что мечтал о неосуществимой, идеальной

справедливости, но потому что вечно стремился к претворению в жизнь справедливости, практической и реальной!

Только необходимость и соображения наибольшего блага наибольшего возможного числа людей могут пересекаться и вступать в противоречие с идеалом торжества абсолютной справедливости. Государство не должно, не имеет права усиливать сильных, ослабляя слабых, поддерживать капитал, душа налогами труд. Сильный и могущественный ни при каких обстоятельствах не может требовать себе исключительного права на ту или иную разработку или наем рабочей силы; государственные деятели обязаны, принимая решение, учитывать не только соображения осмотрительности и нужд сегодняшнего дня, но и обязательное соблюдение приближенной к идеалу справедливости; о справедливости никогда не следует забывать, даже отстаивая свои интересы; политическая мораль никогда не должна приноситься в жертву политической экономике; не следует предпочитать национальное благосостояние национальной организации на основе закона справедливости и истины.

Все мы различаемся по абстрактным правам: у этого вопроса очень много сторон, а практически все мы склонны рассматривать лишь несколько из них, многие – вообще только одну сторону. Но все мы способны различить жестокость, несправедливость, бесчеловечность, пристрастность, честолюбие, лживость по их знакомым и таким отвратительным внешним проявлениям; чтобы распознавать, ненавидеть и презирать их, нам нет нужды воображать себя судьями великого апелляционного суда, пересматривающего и отменяющего законы Провидения Господня.

В наши дни цивилизация определенно несет в себе множество зол, и многие проблемы человечества позабыты и до сих пор остаются нерешенными. Ужасный лик нищеты, отвратительные пороки наших городов своим красноречивым молчанием или неразборчивым бормотанием сообщают нам, что богатые, знатные, образованные и власть имущие не исполняют свой долг по отношению к бедным, слабым и невежественным; каждая страдалица-нищенка, только Богу ведомо как живущая пошивом рубашек по шесть пенсов за штуку, свидетельствует о вселенской несправедливости и бесчеловечности человека. Люди жестоки к рабам, еще более жестоки к животным, лишены сострадания к оступившимся, сами легко и без зазрения совести преступают законы и правила взаимоотношений, сотворенные и установленные для них Богом.

Всякой несправедливости Богом давно вынесен приговор, который начертан Его перстом повсюду в природе человека и природе Вселенной, ибо он был вынесен Беспредельным Богом. Верность своим способностям, своим убеждениям есть справедливость к себе самому; жизнь в соответствии с этими убеждениями есть верность человечеству. Зло не может вести к успеху. То, что приобретено несправедливостью, в действительности потеряно; приносимые ею удовольствия в действительности являются страданиями. Несправедливость часто кажется нам процветающей, но в действительности ее успех – это ее поражение и позор. Спустя сколь угодно продолжительное время неизменно наступает день отмщения – как для каждого человека, так и для каждого народа. Мошенник обманывает сам себя. Скряга, заставляющий голодать тело ближнего своего, вместе с этим обирает собственную душу, и в миг смерти он покинет свой богатый дворец, сокровища которого были нажиты несправедливостью и преступлениями, голый и босый, нищий и презренный. Всякий избегающий исполнения своего долга вместе с этим теряет возможность многое обрести. Внешнее суждение часто бывает ошибочно, но внутреннее чувство справедливости не ошибается никогда. Стоит человеку лишь на миг возлюбить зло и начать творить зло, хлеб, который он ест, немедленно обращается в камень, справедливость в быстром беге настигает его, следуя по ариадниной нити последствий свершенных им преступлений, – и вот уже он чувствует ее стальную хватку на своем горле. Убежать от нее невозможно, ибо от себя не убежишь. Справедливость – это ангел Господень, пролетающий с Востока на Запад, и где бы она ни распростерла свои широкие крылья, она передает людям Божий совет и окормляет их хлебом ангельским.

Нравственная Вселенная недоступна нашему пониманию. Небесный свод огромен, и наш взгляд не способен проникнуть за его пределы; мы не способны вычислить его дугу и при помощи одного только своего зрения завершить построение его геометрической формы; но совесть наша позволяет нам проникнуть в его суть, и мы знаем, что суть эта – справедливость. Справедливость неуничтожима, пусть пороки зачастую и кажутся невероятно сильными и могущественными, и на их стороне – огромные армии и властные троны, богатства и слава мира сего, в то время как добродетель прозябает в нищете, холоде и голоде. Справедливость никогда не потерпит поражение и не умрет в мире людей, как никогда не добьются окончательного

и всемирного торжества порок и несправедливость, противоречащие Богом сотворенному закону. Могущество, мудрость и справедливость Бога всегда на стороне праведной мысли, а следовательно, она не может умереть, как не может умереть Сам Бог.

В делах людских Господня Справедливость должна осуществляться также через людей. Люди – это орудия претворения в жизнь Господних велений; наша нравственность – это орудие Господней справедливости, непостижимой для нас, а потому зачастую творящей в наших глазах неправедные дела под аккомпанемент счастливого смеха грешника и мерзавца. Справедливость – это всеобщий закон человеческой жизни, записанный в самой природе людей. В повседневной жизни – в поле, дома, в мастерской, в конторе или в суде – мы всегда трудимся во имя грядущего торжества справедливости, которое приближается медленно – часто настолько медленно, что многие теряют всякую надежду, – но верно. Справедливость, воплотившаяся нашими стараниями на Земле, благословляет нас и в этой жизни, и потом, и по смерти своей мы присоединяем ее к запасам общечеловеческой сокровищницы справедливости. Всякий масон, который, творя только то, что возможно и практично, превозносит и претворяет в жизнь справедливость человеческую, тем самым углубляет и расширяет русло реки, в которой текут воды справедливости Господней; а обломки зла, ныне мешающие им свободно и привольно течь, будут его стараниями сметены и унесены прочь. Давай же, брат мой, в этом и во всех прочих случаях стремиться неуклонно исполнять все свои обязанности как масонов и просто как честных людей!

Sublime Prince of the Royal Secret **32**

Верховный Князь Царственной Тайны

Оккультная наука магов древности скрывалась под пеленой античных Мистерий; впоследствии ее приблизительно и несовершенно передавали, немилосердно искажая при этом, своим адептам гностики; ее следы можно обнаружить в туманных отчетах о выдвинутых против тамплиеров ужасных обвинениях; ее же можно отчасти проследить под кажущимися непроницаемыми символами и аллегориями высших степеней масонского Ордена.

Магизм был наукой Авраама и Орфея, Конфуция и Зороастра. Постулаты именно этого учения были вырезаны на каменных скрижалях Хануха и Трисмегиста. Моисей очистил их от позднейших наслоений и заново скрыл (*re-veiled*) от непосвященных, ибо именно таково потаенное значение слова «откровение» (*revelation*). Новый покров тайного учения был сотворен им, когда он сделал священную Каббалу важнейшим наследием исключительно народа Израиля, нерушимой тайной его священства. Мистерии Фив и Элевсина сохранили для народов мира некоторые ее символы, пусть и уже и претерпевшие определенные изменения, а между тем ключ к толкованию их уже к тому времени был утрачен в процессе формирования народной религии и многочисленных иных суеверий. Иерусалим, во все времена пожиравший своих пророков и столь часто постыдно продававшийся богам соседних Вавилона и Сирии, в свое время также утратил Священное Слово, когда новый Пророк, пришествие Которого возвестила явившаяся магам звезда Посвящения, заставил разорваться надвое завесу старого Храма, дабы наделить церковь

новыми покровами символов и легенд, которые с тех пор и доныне скрывают от профанов и открывают только истинным посвященным всё те же древние истины.

Воспоминания именно об этом научном и религиозном Абсолюте, этом учении, основные положения которого сводятся к одному слову, о самом этом Слове то утрачивались, то снова обретались избранными адептами практически всех известных Мистерий древности; именно эти воспоминания сохранялись, пусть и в предельно искаженном виде, в Ордене тамплиеров, превратившемся для всех окружающих в тайное сообщество, в Ордене Розы и Креста, в Ордене иллюминатов, в герметических сообществах франкмасонов; именно эти воспоминания легли в основание их необычных ритуалов, системы их более или менее условных знаков и, в первую очередь, их тесной связи между собой и их могущества.

Гностики спровоцировали запрет учения гнозиса христианской церковью, и святилище официальной Церкви закрылось для жаждущих высшего посвящения. Иерархия носителей истинного Знания была скомпрометирована жестокостью и насилием узурпировавшего престол невежества, и разброд в святилище отразился в общественных беспорядках государства, ибо цари мира сего волей-неволей всегда покоятся на плечах священства, и именно из Святилища Господней проповеди проистекает мощь земных властителей; дабы жизнь ее была долгой, она должна быть освящена и наделена силой святилища.

Герметическая наука первых веков христианства, адептами которой были также Гебер, аль-Фараби и другие великие арабы, получившая развитие в трудах отцов Ордена Храма, воплощенная в некоторых символах высших степеней масонского Ордена, точнее может быть определена как Каббала в ее практическом применении, или как магия труда. Она подразделяется на три аналогичные степени, соответственно, религиозной, философской и физической реализации.

Религиозная реализация – это прочное основание истинного царства и истинного священства, правящих в области человеческого разума; философская реализация состоит в повсеместном установлении некоего абсолютного учения, во все времена известного под названием *Священной Доктрины,* о котором в общих чертах, хотя и несколько неопределенно, пишет Плутарх в своем трактате «*De Iside et Osiride*», равно как и некоей иерархической организации, служащей целям сохранения непрерывной цепи передачи истинного Знания

от адепта к адепту, от посвященного к посвященному; физическая реализация – это открытие и применение в микрокосме, или малом мире, творческого Закона, непрестанно оплодотворяющего необъятную Вселенную.

Измерь угол тварного мира и умножай это пространство в прогрессии, – и вся Бесконечность умножит число своих сфер, наполненных вселенными, которые в соответствующих пропорциях пройдут между идеальной и претворенной, то есть материальной, ветвями твоего циркуля. А теперь предположи, что в некоей точке в беспредельных глубинах Бесконечности некая рука держит другой циркуль или наугольник: исходящие из его концов незримые лучи небесного Треугольника непременно пересекутся с лучами, исходящими из циркуля Науки, таким образом составив мистическую Звезду Соломона.

Все вероятные, с научной точки зрения, гипотезы суть последние отблески сумерек истинного Знания, его последние тени. Вера рождается там, где иссякают силы Разума. Но превыше человеческого разума существует Божественный Разум, снабжающий наши слабые способности к пониманию тайной Великого Беспредельного Абсурда, в который мы начинаем верить. Для истинного Мастера циркуль Веры всегда расположен выше наугольника Разума, но оба они покоятся на Священном Писании и составляют вместе Пламенеющую Звезду Истины.

Глаза всех людей видят окружающее по-разному. Даже зримый мир не обладает одной и той же формой и одним и тем же цветом для всех взирающих на него. Наш мозг – это книга с текстом как внутри, так и снаружи, и оба эти писания остаются путаными и не до конца понятными практически для всех и каждого.

Изначальная традиция единого Откровения была сохранена священством Израиля под именем Каббалы. Каббалистическое учение, аналогичное учению магов и Гермеса, содержится в Книгах Йецира и Зогар и в Талмуде. В соответствии с этим учением, Абсолют есть Бытие, в котором существует Слово, которое есть выражение и претворение бытия и жизни.

Магия есть то, что она есть: она сама по себе, как математика, ибо в сущности она есть точная и абсолютная наука о Природе и ее законах.

Магия – это наука магов древности, а христианская религия, наложившая печать молчания на уста ложных оракулов и положившая

конец поклонению ложным богам, подтверждает величие этих магов – волхвов, пришедших с Востока, ведомых Звездой, поклонившихся Спасителю мира, лежавшему в яслях.

Эти маги, по традиции, именуются еще и «царями», потому что высшее посвящение в таинства магии наделяет человека поистине царским достоинством, и еще потому что сами посвященные называли свою науку «Царственным Искусством» или «Священным Царством» (*Sanctum Regnum*).

Звезда, ставшая для них путеводной, – это наша Пламенеющая Звезда, изображение которой используется практически во всех обрядах посвящения. Для алхимиков она служила эмблемой Квинтэссенции; для магов – Великого Аркана; для каббалистов – Священной Пентаграммы. Исследование этой пентаграммы не могло привести магов к постижению тайны Нового Имени, которому суждено было вознестись над всеми прочими именами и побудить всех людей, способных осознать его величие, преклонить пред ним колени.

Магия объединяет в единый целостный свод все то, что почитается истинным во всех философиях и вечным и неизменным – во всех религиях мира. Она совершенно и бесспорно примиряет между собой два понятия, на первый взгляд, совершенно непримиримые и взаимно противоположные: вера и разум, наука и исповедание, власть и свобода.

Она снабжает человеческий разум орудием превращения философии и религии в точные науки, подобные математике и такие же неизменные и безошибочные, как она сама.

Посему необходимо и в исследовании разума и веры, в первую очередь, вводить и принимать во внимание понятие Абсолюта. Верховный Разум не позволяет человеческому рассудку колебаться и сомневаться, если он в чем-то не уверен. Ибо существует некая бесспорная правда, существует метод постижения этой правды, и, постигая и принимая ее как руководство к действию, люди могут обрести высшую силу воли, позволяющую им стать властителями как низменных материй, так и блуждающих духов, – иначе говоря, Судьями и Царями Мира Сего.

В истории науки были свои восходы и закаты, ибо она вселяет в мир жизнь, течение которой упорядочено и представляет собой последовательную смену определенных фаз. С истинами дело обстоит точно так же, как с сияющими солнечными лучами: даже то, что скрыто от них, не перестает существовать, и ничто, освещенное

ими, не ново. Господь, по воле Своей, сделал Науку, которая есть отражение Славы Его, хранительницей печати Своей Вечности.

Не в книгах знаменитых философов, но в религиозном символизме древних надлежит нам искать следы науки и вновь открывать для себя таинства истинного Знания. Египетские жрецы знали гораздо лучше нас законы движения и жизни вообще. Им было известно, как посредством противодействия ускорять или замедлять действие; они были способны с легкостью предсказывать следствия из причин, которые им удавалось определить. Колонны Сета, Еноха, Соломона и Геркулеса в магической традиции символизировали вселенский закон Равновесия; и наука Равновесия, или баланса сил, привела посвященных к открытию закона вселенского тяготения к Центру Жизни, Тепла и Света.

Фалес и Пифагор усвоили в святилищах Египта, что Земля вращается вокруг Солнца, но они совершенно не стремились сделать это знание доступным для всех, потому что поступить так – означало бы раскрыть одну из величайших тайн храмовых Мистерий, а именно существование в мире вселенского закона притяжения и отталкивания, симпатии и антипатии, то есть фактически раскрыть народу Первопричину существования жизни вообще. Над этой истиной издевался христианский теолог Лактанций, а папский Рим и много веков спустя изо всех сил стремился найти научное обоснование ее ложности.

Во все времена философы размышляли об этом, а жрецы и не думали не только возражать им, но даже смеяться над их заблуждениями; они просто продолжали записывать священными иероглифами тайны обретения высшей Истины, и из их писаний со временем выросли все религиозные учения мира и вся его поэзия.

Когда Истина приходит в мир, на нее указует магам Звезда Познания, – и они спешат воздать царские почести Младенцу, Которому суждено сотворить Будущее. Только разумом Иерарха и неизменным послушанием может человек обрести истинное посвящение. Если правитель правит по Божественному праву, истинный посвященный повинуется ему с радостью.

Авраам перенял традиции правоверия от халдеев. Эти традиции царили в Египте во времена Иосифа, равно как и религия Единого Истинного Бога. Моисей вынес правоверие из Египта, и в тайной каббалистической традиции содержится в полном, целостном и совершенном виде развернутого учения уникальная теология, подобная

христианской в том виде, в котором последняя изложена в трудах Отцов Церкви и докторов теологии, гармоничность и полноту каковых трудов мир так до сих пор и не имел счастья совершенно осознать. Книга Зогар – этот ключ ко всем священным книгам вообще – также раскрывает все глубины и светочи древнейшей мифологии и науки, издревле изучавшейся в святилищах жрецов. Ясно, что для того, чтобы научиться пользоваться этим ключом, его необходимо сначала познать, а между тем даже для самого развитого разума, не посвященного в высшие таинства, Книга Зогар остается совершенно непонятной и даже бессмысленной.

Таинства оккультной науки – это таинства самой Природы, таинства сотворения ангелов и Всемогущества Господа.

«И будете, как Элохим, знающие добро и зло»[1], – сказал Адаму и Еве Змей в Книге Бытия, и Древо Познания Добра и Зла обратилось Древом Смерти.

Вот уже шесть тысячелетий мученики Знания трудятся и погибают у корней этого древа во имя того, чтобы в один прекрасный день оно снова стало Древом Жизни.

Абсолют, который бесплодно искали невежды и обрели лишь мудрецы, есть Истина, Реальность и Разум Вселенского Равновесия!

Равновесие есть гармония, вытекающая из единства противоположностей.

Издавна и до сих пор человечество старается устоять на ногах – то на одной, то на другой.

Многие цивилизации возносились и бывали сокрушены или безумством анархии, или жестокостью деспотии, или деспотической анархией бунта.

Величайшей проблемой, стоявшей ранее и стоящей ныне и навечно перед всеми революционерами мировой истории, является организация анархии и упорядочение ее. Это сизифов камень, который все равно будет постоянно скатываться с горного склона. Дабы просуществовать хотя бы секунду, они вечно будут вынуждены идти на попятный, устанавливая деспотию, единственной причиной существования которой во все времена была жестокая необходимость и которая, так же как и сама необходимость, жестока и слепа. Мы бежим от гармонической монархии Разума для того лишь, чтобы пасть жертвой неуправляемой диктатуры Глупости.

Иногда то порывы энтузиазма суеверия, то низменный расчет материальных инстинктов уводили в сторону от истинного пути

целые народы, но Бог всегда указывал миру путь к вере Разума, к Разумной Вере.

Мы уже достаточно повидали лишенных разума пророков и разумных философов, совершенно лишенных религиозного чувства; слепо верующие и совершенные скептики очень схожи между собой и, как одни, так и другие, ужасно далеки от Вечного Спасения.

Посреди хаоса вселенских сомнений и войны Разума с Верой великие и возвышенные люди во все времена были всего лишь неуверенными в себе, слабыми мастеровыми, вечно ищущими идеал красоты, постоянно рискуя лишиться разума и даже самой жизни.

Живя лишь надеждой на венец в будущем, они первыми предпринимали то, что Пифагор запрещал в своих писаниях, посвященных данной теме, а именно, действительно обретали эти венцы, но, не способные их оценить, попирали их ногами.

Свет есть равновесие освещенности и тени.

Движение есть равновесие активности и инертности.

Власть есть равновесие контроля и свободы.

Мудрость есть равновесие мыслей, которые суть лучи, исходящие от разума.

Добродетель есть равновесие привязанностей, а Красота обретается во взаимной гармонии форм.

Красивая жизнь – это жизнь соразмерная, а величие Природы состоит в алгебре милостей и даров Господа.

Все праведное красиво, а все прекрасное обязательно должно быть праведно.

Во Вселенной не существует понятия «ничто», не существует пустоты. Наука в течение сотен веков полагала, что от верхней, или внешней, поверхности известной нам атмосферы до поверхности Солнца, планет и далеких звезд во все стороны распространяется пустое, ничем не заполненное пространство – Космос. Сравнивая конечное знание с бесконечным, философы понимали, что, в сущности, знают ничуть не больше, чем знают обезьяны! В этом «пустом» пространстве в действительности существуют беспредельные Божественные Силы, действующие в неисчислимых и разнообразных направлениях, там и тут, и ни на мгновение не прерывающие свое действие. В центре этого Всего, вечно активного на протяжении всей Бесконечности, пребывает Свет, который есть зримое воплощение Бога. Земля и любая другая планета или сфера, находящаяся вне

Центра Света, несет с собой и в себе собственные тени, равно как и отблески света, сопутствующие ей в неизменном движении по орбите, но, тем не менее, тьме *нет* места во Вселенной. Осветить сферу с одной стороны – значит бросить тень на другую ее сторону; точно так же и заблуждение есть оборотная сторона Истины, которой Господь освещает души.

В этом якобы пустом пространстве также существуют таинственное вечно активное электричество, тепло и вездесущий эфир. По воле Господа, незримое становится зримым. Два незримых газа, соединенные действием Силы Господней и сжатые, претерпевают превращение и становятся водой, наполняющей титанические резервуары океанов, текущей в реках и ручьях, ниспадающей со склонов водопадов и вырывающейся из-под земли ледяными ключами, падающей на землю каплями дождя и убеляющей ее хлопьями снега, мостящей воды Дуная льдом и собирающейся в гигантских подземных колодцах недалеко от пылающего магмой центра Земли. Воплощенный Бог заполняет Собой все то, что мы в невежестве своем называем пустым пространством, или Космосом.

И повсюду во Вселенной то, что мы называем жизнью и движением, проистекает из постоянного конфликта сил, или импульсов. Где бы и когда бы ни прекратилось вдруг это вечное противостояние, немедленно воцаряются инертность, неподвижность, а следовательно, смерть.

Если, гласит Каббала, Справедливость Господня, которая есть Суровость, женского пола, правила бы единолично, сотворение несовершенных существ, подобных человеку, было бы изначально невозможным: ведь грех изначально свойствен человеку; Беспредельная Справедливость Бога, измерь она прегрешения человечества против Творца мерой Божественной Беспредельности, уже в миг Творения уничтожила бы весь людской род, и не только его, но и ангелов, ибо они, подобно всему сотворенному Богом, не идеальны и не совершенны, а поэтому грешны. Не существовало бы и не могло бы существовать ничто несовершенное. С другой стороны, если бы Милость, или Милосердие Господне, мужского пола, не встречало бы на своем пути должного противодействия, прегрешения людские всегда оставались бы безнаказанными и Вселенная впала бы в хаос разложения.

Если бы Богу было угодно всего лишь на миг единый отменить действие всего лишь одного закона или правила химических связей

в веществе, противоборствующие силы, доселе пребывавшие в материи в состоянии вынужденного равновесия, но теперь выпущенные на волю, немедленно распылили бы то, что мы называем материей, в невидимый и неосязаемый газ, подобный водяному пару, как это происходит, когда мы заключаем последний в железный цилиндр, доводим до предельно допустимой температуры при помощи таинственной Господней Силы, которую мы привычно называем «теплом», а потом выпускаем на волю.

Гигантские потоки воздуха вечно текут, волнуясь и извиваясь, от экватора к покрытым вечными льдами полярным областям, а от них – снова в испепеленные Солнцем области у экватора. В этих великих, беспредельных, уравновешенных и благотворных движениях, вызванных к жизни противостоянием экваториального жара и полярного холода, в силу необходимости существуют тайфуны, торнадо и циклоны, непосредственно проистекающие от столкновений противонаправленных воздушных потоков. И они, и попутные и благотворные ветры являются следствием действия одного и того же великого закона. Бог всемогущ, но даже Он не способен сотворить следствия вне соответствующих причин, а следствия, в свою очередь, не могут быть время от времени неблагоприятными. Огонь способен не только согреть, но и сжечь человеческую плоть. Самые смертоносные яды – это и самые полезные лекарства, и все зависит только от дозы. Зло – это тень Добра, а посему неотделимо от него.

Божественная Мудрость, в свою очередь, уравновешивает всемогущество Божественной Воли, или Силы, порождая Красоту, или Гармонию. Арка не покоится на одной колонне, но вырастает из двух столпов, подобных Божественным Справедливости и Милости и человеческим разуму и вере.

Эта совершенно схоластическая теология, детище философских категорий Аристотеля и сентенций Петра Ломбардского, логика силлогизма, нацеленная скорее на спор, чем на рассуждение, находящая ответы на все вопросы путем одного лишь уточнения бесконечных терминов, отказывалась принимать во внимание каббалистическую доктрину, а поэтому все глубже и глубже погружалась в пугающую тьму вселенской пустоты. В ней было меньше мудрости и собственно философии, чем в популярном в Средние века «философском автомате», подгонявшем ответы к заданным вопросам посредством пружин и колесных передач. Это было не слово уст человеческих, а скорее, монотонный шум машины, бездушный скрежет андроида. Это была

смертоносная точность механизма, заменившая собой свободное практическое применение разумной необходимости. Св. Фома Аквинский одним ударом сокрушил пирамиду нагроможденных друг на друга слов, провозгласив вечное царство Разума одной-единственной великой фразой: «*Вещь праведна не потому, что угодна Богу, но она угодна Богу потому, что праведна*». Непосредственным следствием из этого постулата (в развитии от общего к частному) стало следующее утверждение: «*Слово не истинно потому, что его произнес Аристотель, но Аристотель не мог бы произнести его, пребывая в здравом уме, не будь оно истинно. Посему, в первую очередь, взыскуй Истины и Справедливости, и тогда наука Аристотеля сама придет к тебе*».

Прекрасной мечтой величайших поэтов в истории человечества было «закрытие» Ада, его совершенное исчезновение в ходе постепенного беспредельного расширения Рая; они мечтали о том, чтобы проблема Зла была решена раз и навсегда, дабы необходимое и торжествующее Добро единолично и вечно правило в мире. Точно так же и зороастрийское вероучение Персии предсказывало, что Ариман и подвластные ему вестники Зла властью Спасителя и Посредника примирятся с Богом и Злу в мире придет конец. К сожалению, основоположник этого учения, великий философ, позабыв о существовании закона вечного равновесия, мечтал о Свете без тени и движении вне абсолютного покоя, – а будь это возможным, всюду прекратилась бы всякая жизнь. Повсюду, где существует свет, существует и соразмерная ему тень, и все освещенное также и отбрасывает тень. Покой не может привести к счастью, если он не уравновешен соразмерным ему движением в обе стороны. Это неизменный закон Природы, вечная Воля Справедливости, которая есть Бог.

Обусловливает и делает необходимым существование Зла и страданий в мире людей тот же самый Разум, который сотворил морскую воду горькой. Здесь гармония также является результатом единства противоположностей, и то, что наверху, существует трудами разума, который внизу. Глубины обусловливают существование высот; горы исчезают, если почва или порода заполняют долины; если исчезает тень, вместе с ней сходит на нет и свет, который становится зрим только в противопоставлении сияния и мрака, и вселенская тьма покрыла бы этот мир, будь он озарен чересчур слепящим светом. Даже цвета спектра внутри самого света существуют только в силу существования тени; это тройственный союз дня и ночи, сияющий образ Учения; Свет сотворил тень точно так же, как Спаситель, или Логос,

сотворил человека; и все покоится на одном и том же вселенском законе, первом законе Творения, единственном и абсолютном законе Природы – законе раздельного существования и славного равновесия противодействующих сил, законе вселенского Равновесия.

Две великие колонны Храма, воплощающего Вселенную, – это Необходимость, или всесильная Воля Бога, которой подвластно все, и Свобода, или свободная Воля Господних творений. Противостоящие друг другу, с точки зрения нашего несовершенного человеческого разума, они, тем не менее, пребывают в равновесии, не очевидном для нашего разума. Беспредельные Сила и Мудрость таким образом спланировали устройство Вселенной и беспрерывно сменяющие в ней друг друга явления и процессы, что человек был наделен свободой действия; а поскольку им ведомо все во Вселенной, включая все помыслы и деяния каждого живого существа, они заранее спланировали жизнь каждого живого существа так, чтобы помыслы и деяния его наилучшим образом отвечали интересам единой и общей великой Цели. Ибо если один человек предвидит действие другого человека и бессилен не только противостоять ему, но и просто повлиять на результаты его действий, он все равно в большинстве случаев способен воспользоваться этими результатами для достижения собственных целей.

Беспредельная Мудрость Бога предвидит каждое наше действие и Беспредельной Своей Властью использует его как средство достижения Собственной цели, хотя при этом и не контролирует действия человека настолько, чтобы совершенно аннулировать его свободу. Отсюда проистекает Гармония – третья колонна, поддерживающая свод ложи. Гармония также проистекает из единства Необходимости и Свободы. Воля Бога ни в единый момент времени не может встретить на своем пути сопротивления, а тем более – противодействие: в этом Торжество Господа; вместе с тем, Он никогда не искушает людей и не подталкивает их к творению зла, а посему Его Слава безупречна. Результатом осуществления этого взаимодействия становятся стабильность, постоянство и власть, которые суть последние четыре сефирот Каббалы.

«*Я Есмь,* – сказал Бог Моисею, – *Тот, Кто Есть, Был и Пребудет вечно*». Но Сам Бог в Его неявленной Сущности, еще не сотворивший мир и пребывавший в Божественном Одиночестве, вообще не обладал Именем. Таково было учение всех мудрецов древности, нашедшее столь полное и совершенное отражение в Каббале. יהוה – это Имя

Бога, явленного через свершенное Им единственное действие – акт Творения, Имя Бога, содержащего в Себе, теоретически и практически, всю Вселенную, которую Ему предстояло наделить формой и материально развивать на протяжении всех грядущих сменяющих одно другое тысячелетий. Поскольку никогда не было так, чтобы Бога *не было,* и никогда не было так, чтобы Он *не мыслил,* следовательно, начальной точки существования Вселенной не существует точно так же, как не существует отправной, начальной точки Его Мысли, претворением Которой Вселенная и является, как не существует начальной точки Самого Бытия Божия. Продолжительность существования Вселенной – это всего лишь точка на прямой линии протяженностью в Вечность, и Бог не был и не мог быть бездеятелен до сотворения Вселенной и не будет и не может быть бездеятелен по завершении срока, отведенного для ее существования. Никогда не было так, чтобы архетип Вселенной не существовал в Божественной Мысли. Слово было вначале у Бога, и Оно было Бог. И Неизрекаемое Имя – Имя не Сущности, но Абсолюта, – нашло воплощение в Бытии, или существовании. Ибо Бытие, или существование, писали древние философы, есть ограничение, а Божественная Сущность не ограничена и не определена, но также есть еще и все то, что *теоретически может быть,* кроме всего того, что было, есть и будет.

Изменив порядок букв Неизрекаемого Имени и разделив его на части, можно превратить его в обоеполое имя – Йод-Хей, или Йах (יה), – способное отчасти раскрыть нам потаенный символизм Каббалы и означающее «Высочайший», эмблемой Которого призваны служить наши колонны Яхин и Боаз. «*И сотворил Бог человека по образу Своему,* – гласит Писание, – *по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их*»[2]. Автор текста Писания затем, подразумевая под людским Божественное, пишет, что изначально женщина пребывала внутри мужчины и лишь впоследствии была извлечена из него. Так и Минерва, богиня мудрости в образе вооруженной женщины, родилась из головы Юпитера; Исида, прежде чем стать супругой Осириса, была его сестрой; внутри Брахмана, источника всего на свете, не обладающего ни полом, ни именем, росла и развивалась Майя – Матерь всего сущего. Слово есть первое и единственное детище Отца, и ужас, который испытывали посвященные пред Великими Мистериями, наложил на их уста печать молчания во всем, что касалось известной им истинной природы Святого Духа. Слово есть свет и жизнь человеков.

Только истинным посвященным суждено понять сокровенный смысл священных символов.

Давай теперь вместе со мной на минуту возвратимся к градусам масонства Символической Ложи, чтобы наставить тебя в этой последней лекции в толковании одного из свойственных им символов.

На алтаре этих градусов всегда присутствуют циркуль и наугольник, и тебе отлично известно, каким именно образом они расположены в каждом из этих градусов.

Наугольник – это орудие, использующееся для обработки исключительно плоских поверхностей, а посему входящее в сферу геометрии, или искусства измерения земли, которую древние полагали плоской в силу того, что она таковой выглядит. Циркуль используется для измерения и построения сфер и сферических поверхностей, а посему входит в область изучения сферической тригонометрии, области математики, исследующей небо и движение планетарных тел.

Посему наугольник является вполне естественным и соответствующим символом этой Земли и всех вещей, принадлежащих ей, свойственных ей или пребывающих на ней. Точно так же циркуль является столь же естественным и соответствующим символом неба и всех небесных сущностей и вещей.

Наставление данного градуса открывается старинным герметическим символом, взятым из сочинения Валентина «*Materia Prima*», вышедшего во Франкфурте в 1613 г., и озаглавленного «Азот». На этой иллюстрации изображен куб, увенчанный треугольником, и вместе они заключены в круг; выше них изображена стоящая на драконе фигура человека с двумя руками и двумя головами – одной мужской и одной женской. Рядом с мужской головой изображено Солнце, а с женской – Луна, точнее, полумесяц, обведенный тонкой дугой полной Луны. В руке фигуры с мужской стороны – циркуль, а в руке с женской стороны – наугольник.

Небо и Земля воплощались в богах, даже у арийских предков европейских народов: индийцев, персов-авестийцев и бактриан; гимны им как богам содержатся и в Риг-Веде Санхите. Их обожествляли и финикияне и греки в образах Урана и Геи. Гесиод пел хвалу Небу и Земле как старейшим из богов.

Великая и прекрасная многодетная *Мать*-Земля постоянно милостью своей порождает все приносящее благо, удобства и процветание человеку. Из ее неисчерпаемого животворящего чрева выходят плоды, злаки и цветы, каждый – в свое назначенное время. Она порождает все, что питает также и животных, чьим мясом питается человек и чей труд использует. Это она чарующей весной покрыта ковром изумрудной травы; это из нее произрастают тенистые деревья; именно из ее животворящего чрева берут жизненную энергию первые тонкие зеленые листья. В ее чреве также обретаются полезные и необходимые человеку минералы, плещутся исполненные жизни морские воды, ей принадлежат реки, обводняющие и оплодотворяющие поля, и горы, со склонов которых спускаются снега и ручьи, питающие эти реки; ей принадлежат леса, древесина которых идет на возжигание священных огней в святилищах и простого, несущего тепло, огня – в каминах и печах. Поэтому Землю, Великую Родительницу, всегда изображали женщиной, матерью – Великой и Милостивой Щедрой Матерью-Землей.

С другой стороны, именно небесные, солнечные свет и тепло, а также дожди, также ниспадающие с небес, весной оплодотворяют вечно готовую породить новую жизнь Землю, возвращают течение жизненной энергии в ее вены, скованные зимней стужей, выпускают из ледяного плена ее ручьи и реки и *оплодотворяют* ее с тем, чтобы ее чрево снова породило изобильную зеленую листву и все остальное великолепие весны. В качестве оплодотворяющих и зачинающих жизнь агенсов Небо и Солнце всегда считались *мужчинами*, ибо они оплодотворяют Землю и заставляют ее порождать жизнь.

Андрогинная фигура символизирует обоеполую природу, в древности приписывавшуюся Богу, оплодотворяющему и порождающему, например Брахману и Майе древних ариев, Осирису и Исиде египтян. Солнце было у них мужского пола, а Луна – женского; Исида была и женой, и сестрой Осириса. Циркуль посему является герметическим символом Творящего Бога, а наугольник – жизнепорождающей Земли, или Вселенной.

Небеса породили духовную, бессмертную часть человеческой природы; Земля – ее материальную, смертную часть. В иудейской Книге Бытия говорится, что Иегова сформировал человека из глины земной и вдохнул в ноздри его дыхание жизни. Через семь планетарных сфер, воплощенных в мистической лестнице митраической традиции посвящения, явленной также и Иакову в его видении (не

о *трех,* а о *семи* ступенях), души, проистекающие от Бога, снисходят в человеческие тела, с которыми соединяются; и через эти же семь сфер им суждено вновь вознестись, дабы возвратиться к своему источнику, в свой родной дом, в объятия Бога и чрево Матери.

Посему циркуль в качестве эмблемы *Небес* символизирует духовную, разумную и нравственную часть двойственной природы человека, в то время как наугольник – ее материальную и чувственную, низменную часть.

«Истина и разум, – гласило учение одной из древнеиндийских философских школ, – суть вечные свойства Бога, а не отдельной человеческой души, способной как обрести знания, так и пребывать в невежестве, как на радость, так и на горе; следовательно, Бог и душа отдельного человека суть не одно и то же». Это мнение философов Найи об истине дошло до нас сквозь века в уроках масонских градусов, наставления которых гласят: «*Истина есть Божественное свойство и основание всякой добродетели*».

«Воплощенная в материи, душа пребывает в ее плену, – продолжают индийские мудрецы, – и под влиянием злых и низменных страстей; однако, обретя путем усердного учения знание основ мироздания и природных стихий, душа возносится в чертоги Предвечного, где, в состоянии вечного счастья, она, тем не менее, не утрачивает своей индивидуальности».

Жизненная сила, одухотворяющая материальную оболочку, дыхание жизни, о котором говорится в иудейской Книге Бытия, по мнению большинства индийских философов, умирала вместе с ней, в то время как душа бессмертна, ибо проистекает от Духа Господня, хотя и не является его *частью.* Они сравнивали душу с теплом и светом, которые Солнце посылает на Землю, или с *лучами* этого света, неделимыми, по своей сути, и всегда остающимися неизменными, количественно и качественно.

Как бы ни была сотворена душа, как бы она ни была в свое время наделена индивидуальным бытием, она все равно остается детищем Бога, не способным познать способ своего сотворения и суть своей индивидуальности. Она также не способна понять, как и почему существо, которое она составляет вместе с материальным телом, испытывает боль, слышит или видит. Творцу этого мира было угодно установить определенные границы для нашего смертного человеческого разума, за которыми он бессилен что-либо постигнуть; даже если мы изначально способны постигнуть способ сотворения

материальной Вселенной, Ему было угодно скрыть ее от нас непроницаемой завесой, и единственное, что нам остается, – это использовать для описания акта Творения пустые и ничего не значащие слова, суть которых сводится только к констатации того неоспоримого факта, что Он сделал так, что Вселенная начала существовать. И всё.

Нам достаточно знать то, чему учит масонство, а именно, что полностью мы не умрем; что душа, или дух, разумная и мыслящая часть нашей сущности, и есть *мы сами,* и она не подвержена разложению и смерти. Она обладает простейшей структурой и не умирает при смерти физического тела. Она *способна* обрести бессмертие. Также она способна развиваться и совершенствоваться, расширять свои горизонты познания вещей и явлений Божественного мира, становиться все лучше и мудрее, а следовательно, все более и более заслуживать бессмертия. А посему развивать свою душу, помогать окружающим и всему роду людскому так же совершенствовать их души, – достойнейшее устремление и высочайшая доблесть, к которым только мы способны стремиться в этой мимолетной и несовершенной жизни.

В каждом человеке перемешаны Божественное и собственно человеческое. Каждый наделен разумом и нравственным чувством, равно как и побуждающими творить зло страстями и низменными чувствами. «*Ибо если живете по плоти,* – писал апостол Павел римским христианам, – *то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете. Ибо все водимые Духом Божиим суть сыны Божии*»[3]. «*Ибо плоть желает противного духу,* – пишет он же галатам, – *а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы*»[4]. И снова римлянам: «*Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр. А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак, я нахожу закон, что когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божьем; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела*

смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха»[5].

Жизнь – это война, и славно и безоговорочно победить в этой войне – цель земного бытия каждого человека, вообще достойного того, чтобы жить. Бороться с могучими течениями, продвигаться вперед, несмотря на любые препоны, вырывать удачу из алчных когтей судьбы, становиться вождями и пастырями людей, возноситься на высокие посты в силу своих красноречия, отваги, усердия, образованности, энергичности, деятельности, не отчаиваться при виде препятствий, не терять терпения и самообладания, если не все удается с наскока, с первого раза, не принимать в расчет никакие опасности, добиваться материального благополучия, подчинять себе других людей силой разума, добиваться всего намеченного, процветать, – вот, в соответствии со здравым смыслом, технология достижения победы в этой войне. Величайшими победами на пути к окончательному торжеству над жизнью также принято считать успех в делах – за счет риска, не пугающегося никаких опасностей, смелости, умения все поставить на карту, честолюбие, не особенно выбирающее средства, хитрость, не позволяющая обмануть себя другому хитрецу, низменный расчет биржевиков и хранителей казначейства, удача кандидата, добившегося высокого поста за счет низких махинаций и тупого голосования невежественного или обманутого большинства.

Но величайшая и важнейшая из битв, в которой и завоевываются истинная слава и достигается истинный успех, – это сражение, ведомое нашими разумом и нравственным чувством, нашей духовной сущностью против злых страстей и низменных чувств, то есть нашей низменной, животной, материальной природой. Только в ней во всей красе проявляется наш героизм, только победив в ней, мы способны добиться полного триумфа.

Жизнь каждого человека представляет собой эту непрекращающуюся войну; и многие, даже во всем остальном шествующие путем одних лишь побед, в этой битве терпят удручающее и позорное поражение и в панике бегут или попадают в томительный бесконечный плен.

Тебе уже известно несколько определений масонства. Но самое истинное и значительное тебе только предстоит выслушать. Определение нашего Ордена давали тебе в степени Ученика, в степени

Подмастерья, в степени Мастера и во всех градусах, в которые ты был посвящен прежде, чем удостоился посвящения в этот. Это были определения, повествующие о том, что есть наше Братство вообще, каковы его цели, каковы его суть и его дух; для всех нас эти определения имеют силу и святость Божественного закона и на каждого из нас налагают определенные священные обязательства.

В нем наставляют каждого Ученика – и тебя в том числе – циркуль и наугольник, на которых, равно как и на Книге Священного для тебя Закона, и на книге статутов и уложений шотландского масонства, ты приносил все многочисленные торжественные обязательства. Как рыцаря тебя в том же наставляли и мечи, эмблемы чести и долга, на которых ты также приносил торжественные обязательства; в этом же тебя наставляли и весы, символ равновесия, и крест, символ жертвенности и верности, – однако все эти наставления и символы одинаково содержатся и для Ученика, и для Рыцаря, и для Князя в циркуле и наугольнике.

Для Ученика обе лапы циркуля накрыты сторонами наугольника. Для Подмастерья одна из лап циркуля открывается. Для Мастера циркуль открывается полностью; он укладывается поверх наугольника, чтобы управлять, руководить и повелевать материальной, или человеческой, природой.

Франкмасонство состоит в подчинении человеческой природы в каждом отдельном человеке Природе Божественной, в одержании разумом и нравственным чувством победы над страстями и чувственностью, в постоянной и неизменной ожесточенной борьбе, в войне духовного с чувственным, материальным. Только одержав и закрепив победу в этой войне, может победитель успокоиться в чертогах Священного Царства и насладиться заслуженными лаврами.

Дабы достигнуть этой цели, масон сначала должен обрести твердое убеждение, основанное на разуме, что в нем живет духовная сущность, душа, которая не умрет, когда умрет и разложится его материальное тело, но продолжит жить и совершенствоваться во все века неизмеримой Вечности, станет видеть окружающее все более ясно и отчетливо, все более и более приближаясь к Богу, к Свету Божественного Присутствия. Этому учит каждого масона вся философия Древнего и Принятого Шотландского Устава; она же побуждает его продолжать жить в соответствии с этими принципами, убеждая его в том, что его добрая воля пребывает в полном соответствии с Божественными всемогуществом и вездесущестью, что Бог беспределен не только

в мощи и мудрости, но и в милосердии и неизменном сострадании и любви к несовершенным и слабым Своим творениям.

Каждый градус Древнего и Принятого Шотландского Устава – с первого по тридцать второй – своими церемониями и наставлениями учит нас тому, что достойнейшей жизненной целью и высшим предназначением человека в этой жизни является непрестанное и решительное устремление к возвышению всего, что в нем есть духовного и Божественного, над всем материальным и чувственным, дабы в нем, как и во всей Богом сотворенной Вселенной, справедливое равновесие породило совершенные гармонию и красоту.

Этому учили тебя степени Ложи Усовершенствования, в которой особое внимание придается наставлениям в практической нравственности масонского Ордена. Хранить верность и говорить правду при любом искушении солгать или предать; быть честным во всех предприятиях даже под угрозой крупных материальных потерь; быть милосердным, даже если эгоизм побуждает покрепче сжать кулак с подаянием, даже если творение блага ближнему может привести к утрате собственных богатств и удобств; судить честно и беспристрастно, даже в собственном деле, даже если низменные побуждения заставляют вынести неправедное решение во имя прибыли или оправдания себя самого; быть терпимым, даже когда страсти побуждают к нетерпимости и преследованию инакомыслящих; делать то, что праведно, пусть даже неправедное деяние сулит несравненно большие прибыли; не творить зла никому и ни в чем, как бы легко ни было обогатиться за счет ближнего или добиться каких бы то ни было преимуществ, – во всем этом и еще много в чем ты принес присягу в различных градусах, дабы душа твоя узнала, что есть праведность, и возобладала над страстями и низменными чувствами.

Философские градусы научили тебя ценить знания, истину и возвышенный умственный труд, ценить и любить свою душу, осознавать значение великих и достойных мыслей; они предназначены помочь тебе возвыситься над собственными животными страстями и чувствами, позывами алчности и низменного честолюбия, находить чистые радости и достойные цели в жизни, стремиться к знаниям, расширять горизонты своего разума и толковать смысл Священного Писания Господа по начертанному на страницах великой Книги Природы.

Рыцарские градусы вели тебя тем же путем, наставляя в величии щедрости, доброты, прощения обид, великодушия, презрения к опасностям и в примате обязательств чести и долга. Они учили

тебя преодолевать страх смерти, посвящать труды свои великой цели достижения гражданской и религиозной свободы, быть воином справедливости, долга и истины, посреди эпидемии оставаться верным своему высокому титулу Рыцаря Командора Храма, никогда, ни здесь, ни где бы то ни было еще, не покидать свой пост, чтобы трусливо бежать при виде врага. Всем этим ты снова и снова доказываешь верность тому, что есть в тебе духовного и Божественного. Ни низменный страх опасности или самой смерти, ни убогое честолюбие, ни грязная алчность, ни презренная расчетливость не могут и не должны бесчестить шотландского Рыцаря, то есть делать его разум и душу рабами страстей, эмоций, иначе говоря, материальной, животной природы, эгоистичной и грубой.

Невозможно построить истинное Братство на представлении об изначальных грубости и низости человеческой природы и на абстрактных теориях относительно свойств природы Божественной, количества Его ликов или иных тонкостей религиозной веры; невозможно его построить и на основе системы взаимного вспоможения членов, в соответствии с каковой каждый своевременно вносящий заранее количественно определенный взнос получает право на заранее же количественно определенное вспомоществование в случае болезни или смерти, на погребальные расходы.

Истинное Братство не может существовать без взаимного уважения, почтения, взаимного милосердия, взаимного снисхождения к проступкам и слабостям. Только те, кто изначально думает о своем ближнем только хорошее, кто высматривает только то хорошее, что есть в ближнем, кто привычно закрывает глаза на все злое, что в нем есть, могут быть друг другу настоящими братьями в истинном значении этого слова. Всякий злорадствующий о проступках ближнего, всякий полагающий своего ближнего изначально злым и низменным, считающий, что им правит Зло и в природе его нет места Добру и Совершенству, никому не способен быть другом, тем более братом.

Никто не имеет морального права плохо думать о своем народе, если только он так же не думает о себе самом. Он оценивает весь характер своего ближнего по единственной его ошибке, по одному проступку; он воспринимает один-единственный просчет как свидетельство общей порочности природы ближнего и неправедности всей его жизни; но в таком случае, ему необходимо согласиться с тем, что окружающие будут судить его самого по тем же законам, и смириться

с их неправедным, по его мнению, суждением о себе. Однако такое станет невозможным, если при взгляде на каждого человека он будет напоминать себе, что в каждом человеке есть бессмертная душа, вечно стремящаяся поступать только праведно и достойно, луч, пусть тонкий и практически невидимый, но проистекающий от великого Источника Света и Разума, вечно стремящийся ввысь сквозь препоны разума и препятствия страстей; что в жизни каждого человека этот луч ведет непрестанную войну со злыми страстями и неуправляемыми низменными чувствами и, даже затухая время от времени, никогда не умирает и не исчезает совершенно. Ибо тогда человек осознает, что не победа, но сама борьба заслуживает истинной похвалы, ибо в ней, как и вообще ни в чем, никакой человек не может неоспоримо и окончательно объявить себя победителем. Во тьме заблуждений, нужды и неудач человек всегда прибегает к силам своей души, борющейся за победу Добра над Злом в его природе, в нерушимой вере в то, что, несмотря на все его просчеты и неразумные деяния, Бог все равно заботится о нем, сочувствует ему и любит его; и тогда человек начинает верить в то, что даже самый закоренелый грешник – его брат, достойный его сочувствия и связанный с ним нерушимыми узами товарищества.

Если бы в человеке не было ничего Божественного, чем бы он был, как не просто наделенным разумом животным? У животных нет такого греха, нет такого порока, которым не мог бы также «похвастаться» человек; в своих пороках он тоже животное, просто высшего порядка; человек не обладает никаким нравственным чувством, никакой нравственной добродетелью, которая в той или иной степени не была бы свойственна тому или иному животному, причем здесь можно говорить и о самых возвышенных из них – например великодушии, верности и жертвенности.

Бардисан, сирийский христианский теолог, писал о людях в своей «Книге о законах разных стран», что «*в том, что относится к телу, они ведут себя подобно животным, а в том, что относится к разуму, они ведут себя так, как им угодно, ибо наделены силой и свободой как подобия Божьи*». А Мелитон, епископ Сардийский, в своей речи к Антонию Цезарю говорит: «*Да живет Он, Предвечный Бог, всегда в твоем разуме, ибо сам разум твой – Его образ и подобие: он так же незрим, неощутим и безвиден... И он вечен, а потому ты, сбросив зримые и тленные покровы, предстанешь пред Ним и останешься у Него навсегда, вечно живой и наделенный знаниями...*».

Поскольку материи эти находятся вне области нашего понимания, иудейская Книга Бытия описывает исток и происхождение всех вещей маловразумительным и неясным языком: например, сам процесс их порождения описывается словом, которое можно перевести и истолковать и как «произвел», и как «сотворил», и как «сформировал», и как «создал», и как «породил». Нам не стоит спорить о том, является ли душа, или дух, лучом, проистекающим, или эманирующим, от Верховного Разума, или Беспредельная Сила породила каждую душу из Великого Ничего одной лишь Своей волей, наделив ее бессмертием и разумом, подобным Божественному Разуму, ибо в обоих этих случаях правдивым остается утверждение, что в человеке Божественное объединилось с животным. Символом этого единства является равносторонний треугольник, заключенный в квадрат.

Мы видим душу точно так же, пишет Платон, как статую Главка, поднятую с морского дна, где она пролежала долгие годы, то есть нам трудно, практически невозможно, понять, какой она была изначально, сразу после создания, ибо некоторые члены ее поломаны или вообще пропали без следа, черты лица изменились под продолжительным воздействием волн, прилипших ракушек и водорослей, и, таким образом, она представляется нам каким-то ужасным чудовищем, а совсем не такой, какой она покинула свой Божественный Источник. Но даже такой, продолжает он, способны мы узнать душу под многочисленными наслоениями всех вредящих ей и уродующих ее примесей и влияний. А масон, которому была дарована Царственная Тайна, кроме мудрости и любви человеческой души, способен также увидеть ее вечное упование на приобщение к Божественному и бессмертному, к вечной борьбе, которая может окончиться и поражением, в силу многочисленных препятствий и соблазнов чувственных страстей, но может и обеспечить спасение его души из плена материи, с которой она, казалось бы, уже совершенно срослась, обезличенная и опороченная, заставить ее заново воссиять своей истинной природой и шаг за шагом взойти по мистической лестнице сфер к своему Истоку, на свою истинную родину.

Царственная Тайна, Князем и обладателем которой ты отныне являешься, если ты истинный посвященный, если ты стремишься к знаниям, если философия сияет для тебя Божественной Красотой, – это то, что Книга Зогар именует *Таинством Весов*. Это Тайна Вселенского Равновесия:

– Равновесия во Боге между Беспредельной Божественной Мудростью и Беспредельной Божественной Силой, из которого проистекает стабильность Вселенной, неизменность Божественного Закона и принципов Истины, Справедливости и Праведности, являющихся его составными частями, а также необходимость подчинения высшему Божественному Закону для всех людей, ибо он превыше всякого иного закона и обязательно входит в любой закон Природы и человеческого общества;

– Равновесия между Беспредельной Божественной Справедливостью и Беспредельным Божественным Милосердием, порождающего Беспредельное Божественное Равенство, нравственную гармонию, или красоту, Вселенной; именно за его счет оказываются способны существовать пред Совершенным Богом несовершенные Его твари; и для Него, и для нас, любить лучше, чем ненавидеть, а прощать мудрее, чем мстить и карать;

– Равновесия между Необходимостью и Свободой, между деяниями Божественного Всемогущества и деяниями свободной воли человека, в силу какового грехи и низменные пороки, злые слова и мысли оказываются преступлениями и прегрешениями, справедливо наказуемыми по закону Воздаяния, или причинно-следственных связей, хотя ничто во Вселенной не может быть сотворено или осуществиться помимо воли Бога; вне этого Равновесия были бы невозможны сосуществование Свободы и Необходимости, свободной воли твари и всемогущества Творца, существование религии и законов о том, что есть добро, а что – зло, что есть заслуга, а что – проступок, существование справедливости и людских законов вообще;

– Равновесия между Добром и Злом, Светом и Тьмой в мире, убеждающего нас в том, что все сущее есть творение Беспредельной Мудрости и Беспредельной Любви, что нет и не было восставших демонов Зла или какого-то Первопринципа Зла, сосуществующего и вечно противящегося Богу, то есть Первопринципу Света и Добра; обретая знание этого Равновесия, мы оказываемся способны глазами своей веры увидеть, что существование Зла, страданий, греха и горя в мире находится в полном соответствии с Беспредельной Добротой и Беспредельной Мудростью Всемогущего; симпатия и антипатия, притяжение и отталкивание, всякая природная сила, противоположности, существующие в человеческой душе и во всех сферах и мирах Вселенной, в их взаимодействии и всех возможных видах противодействия, – все это ведет к гармонии и вечному

движению, которое есть жизнь Вселенной и души; в сущности, это вовсе не противоположности, ибо сила, отталкивающая планеты от Солнца, ни в коей мере не более *зла,* чем сила, притягивающая их к нему, ведь всякая сила порождена и используется Богом, приводя в конечном итоге к гармоничному взаимному перемещению послушных Его воле планет по предначертанным им эллиптическим орбитам, к математической точности и неизменному постоянству их перемещений;

– Равновесия между Властью и действиями личности, на котором основывается свободное правление, подразумевающее утверждение нерушимой свободы – при повиновении общему для всех закону, равенства – при подчинении авторитету и братства – при подчинении мудрейшим и лучшим; Равновесия между *активной* энергией Воли Настоящего, выраженной в результатах народного голосования, и *пассивной* неизменностью и нерушимостью Воли Прошлого, выраженной в законах и уложениях государства, писаных и неписаных, в обычаях и традициях, поседевших от времени и освященных им; это Равновесие воплощает арка, покоящаяся на двух колоннах – Яхин и Боаз, – у врат Храма, возведенного Мудростью; масонство увенчивает одну из этих колонн небесной сферой, символом духовной составляющей нашей сложной природы, а вторую – сферой земной, символом материальной ее составляющей;

– Равновесия, наконец, в нас самих, добиться воцарения какового в сердце каждого своего посвященного вечно стремится масонство, какового оно требует от каждого своего Ученика и каждого Князя (в противном случае, просто недостойных своих званий), Равновесия между духовным и Божественным, с одной стороны, и материальным и собственно человеческим, с другой стороны, внутри них самих, между умом, разумом и нравственным чувством, с одной стороны, и чувствами и страстями, с другой стороны, каковое Равновесие порождает гармонию и красоту праведной жизни.

Возможность достижения этого Равновесия также доказывает нам, что наши чувства и страсти также суть силы, дарованные нам Богом во имя некоей благой цели, а отнюдь не Дьяволом – в силу его злонамеренности, а посему предназначенные только для борьбы и, в идеале, полного умерщвления; что мы были наделены ими для того, чтобы обрести дополнительные силы для великих и благих свершений, а посему предназначенные для постоянного мудрого

использования нами во благо, но не во зло; что разум и нравственное чувство должны постоянно держать их в узде, чтобы они стали нам полезными орудиями и слугами, но ни в коем случае не хозяевами и властителями, пользующимися нашими разумом и умом как средствами потворствования себе.

Это Равновесие учит нас, превыше всего прочего, уважать самих себя как бессмертные души, уважать и любить своих ближних, как и мы сами, наделенных частицами Божественной Природы и пребывающих под сенью лучей Божественного Разума, стремящихся к Свету, как мы сами, способных, как мы сами, приблизиться к совершенству, заслуживающих всяческих сострадания и любви, но никак не ненависти или презрения, помощи и поощрения в этой жизненной борьбе, а не оставления в одиночестве и во тьме, а уж тем более не попирания ногами во имя нашего собственного продвижения вперед и вверх.

От одновременного действия и противодействия каждой из вышеупомянутых пар противоположностей проистекает то, что вместе с ними формировало треугольник, для всех мудрецов древности, являвшийся символом Бога, как от союза Осириса и Исиды произошел Хар-Эри, Владыка Света и Жизни, Животворящее Слово. По сторонам от него символически расположены три колонны, поддерживающие свод ложи, являющейся сама по себе символом Вселенной: Мудрость, Сила и Гармония, или Красота. Один из этих символов, изображенный на табеле степени Ученика, преподает нам последний урок масонства. Это прямоугольный треугольник, воплощающий человека как единство духовного и материального, Божественного и собственно человеческого начал. Основание его, в длину кратное числу 3, числу Треугольника, воплощает Бога и Божественное начало; второй катет, перпендикуляр, кратный в длину числу 4, числу Квадрата, воплощает Землю и все земное, человеческое; гипотенуза же, в длину кратная числу 5, воплощает сущность, порожденную единением Божественного и человеческого, души и тела; сумма квадратов основания и перпендикуляра – 9 и 16 – равняется числу 25, квадратный корень из которого равен 5, то есть фактической длине гипотенузы.

Как в любом совершенном треугольнике три суть одно и одно есть три, так и человек, по своей природе, одновременно един и двойствен, и цели своего бытия в этом мире он способен добиться только в том случае, если эти его две природы пребывают в равновесии, и успеха

в жизни он оказывается способен добиться только в том случае, если жизнь его так же гармонична и прекрасна, как великая гармония Бога и Вселенной.

Вот, брат мой, истинное Слово Мастера. Вот истинная Царственная Тайна, которая делает возможным и, в конце концов, сделает реальным повсеместное установление Священного Царства истинного масонского братства.

Gloria Dei est celare Verbum[6].

Amen.

Приложения

Зелот

Генерал Альберт Пайк и история Ку-Клукс-Клана

Одним из главных обвинений, когда-либо выдвигавшихся и поныне выдвигающихся в адрес виднейшего масонского ученого и идеолога Древнего и Принятого Шотландского Устава Вольного Каменщичества бригадного генерала Альберта Пайка, является тот, якобы, факт, что он являлся «основателем Ку-Клукс-Клана», причем под последним термином понимается более или менее современное общество явно расистской и нацистской направленности, ведущее более или менее активную деятельность в некоторых штатах США и имеющее филиалы в некоторых странах Латинской Америки и Европы. Главным жупелом в «ученых трудах» «видных исследователей» для обычного читателя, несомненно, являются описываемые там картины действительно неприглядной деятельности Ку-Клукс-Клана (далее «Клан») в США в период апартеида представителей черной расы в 1920–1940-е годы, в особенности в южных штатах. Действительно, горящие кресты, повешенные и сожженные заживо негры и их защитники из числа белых, торжественно-угрожающие шествия людей в белых балахонах и колпаках с прорезями для глаз... В особенности значительно смотрится праздничное шествие в итальянском квартале в художественном фильме «Крестный отец-3», в середине которого расписные и украшенные носилки со статуей Девы несут, медленно ступая, именно они.

Практически каждое упоминание Пайка антимасонскими «критиками» содержит в себе обвинение его или в «люцифериансстве» и формировании «всемирного масонского правительства», или

в «учреждении Клана и руководстве им», или оба эти обвинения вместе. Практически не известный российскому читателю виднейший полководец войны между Севером и Югом, виднейший американский законодатель и юрист (чего стоит хотя бы тот факт, что памятник ему – единственный из памятников генералам армии Конфедерации, сохранившийся в столице США Вашингтоне, причем стоит он на площади Правосудия – Judiciary Square), виднейший журналист и администратор, культовая фигура для индейцев Арканзаса, Луизианы, Миссисипи, Теннесси и Кентукки, – предстает в единственных доступных рядовому читателю российских источниках только и исключительно в приведенных выше неприглядных «амплуа». Так сложилась историческая традиция в России, что о Пайке мы судим по Ван Хельзингу в изложении Н. Боголюбова, В. Иванову и Воробьевскому, хотя, например, тот же самый образ Пайка, только в даже еще большем нагромождении чудовищной лжи, предлагается читателю во вполне, казалось бы, претендующем на научность бюллетене №4(6) Шиллеровского института науки и культуры («Зоопарк народов лорда Пальмерстона», 1995). Чуть позже автор этого опуса А. Чайкин на конференции данного института в пригороде Вашингтона громогласно призывал сбросить статую Пайка с пьедестала, видимо, немыслимо страдая от того, что США не следуют примеру России, где то и дело рушат одни памятники и устанавливают на их месте другие, чтобы свергнуть через полгода и их.

В данной статье давайте займемся рассмотрением второго из данных обвинений в наиболее общей его форме, а именно, что *Альберт Пайк* являлся одним из учредителей, руководителем, идеологом или членом *масонской или парамасонской* организации, именуемой «*Ку-Клукс-Клан*».

Однако дабы рассуждения и заключения наши были хорошо обоснованы, давайте определимся в терминах. Поэтому вкратце приведем здесь историю Клана, тем более что в России она также практически не известна никому, кроме некоторых нынешних идеологов нацистских и националистических группировок, специально занимавшихся ее изучением в практических целях.

Итак, приступим к изложению истории Клана.

В середине 1946 г. в г. Атланте, штат Джорджия, врачом Самуэлем Грином был основан Ку-Клукс-Клан. Основной сферой своей деятельности он избрал всестороннее освобождение страны от черных,

желтых и католиков. Однако практически сразу после смерти основателя в 1949 г. данная организация распалась на несколько отдельных малочисленных группировок, с малым же успехом действовавших в разных штатах США. В 1960-х годах, с ростом движения за равноправие рас и полов, в виде закономерной реакции консерваторов, движение начало расти и привлекать в свои ряды новых членов. Деятельность куклуксклановцев сопровождалась актами насилия, погромами, в которые немедленно превращались все их демонстрации, так, в Миссисипи ими были убиты трое борцов за равные права, в Алабаме бомбовой атаке подверглась церковь для чернокожей паствы. ФБР по личному указанию президента Линдона Джонсона начало расследование деятельности Клана, и в результате несколько его членов были отправлены в тюрьму. К концу 1970-х гг. вследствие правительственных преследований число членов Клана в США упало до 5 000. В 1980-е годы численность снова возросла до 10 000. В настоящее время в США и филиалах в Канаде и Великобритании в рядах Клана состоят, по различным подсчетам, от 4 500 до 6 000 членов. Все группировки Клана независимы, методы их действия различаются, варьируясь от публикации антиглобалистских и конспирологических материалов (например, луизианская группировка Д. Дьюка и он сам по оставлении поста ее Национального Директора, который занимал с 1974 по 1978 г.) до погромов в магазинах, владельцами которых являются представители «нечистых» рас, а также уличных драк.

Что-то не то, правда? Куда-то мы не туда попали.

Хорошо, попробуем еще раз.

В 1915 г. в г. Стоун Маунтин, штат Джорджия, бывшим методистским пастором Уильямом Дж. Симмонсом был основан Ку-Клукс-Клан. Основатель планировал превратить свою организацию в «стальной фронт белых братьев-протестантов». Претворение в жизнь этой идеологии Симмонс видел в физическом изгнании за пределы родного штата негров, желтокожих, любых иммигрантов, евреев и католиков, а также их защитников. Из Джорджии движение белых англосаксонских протестантов мгновенно широко распространилось по всей стране, и к середине 1920-х гг. совокупное число членов Клана в США превысило 2 000 000 человек. Несмотря на то, что иногда встречались случаи насилия, линчевания противников или жертв движения при горящих крестах, в общем и целом деятельность Клана сводилась к вполне мирным демонстрациям и активному участию

в политической жизни страны. Члены Клана, открыто заявлявшие о своем членстве, избирались в местные органы самоуправления, в конгрессы штатов и даже в Конгресс США, проводя в стенах соответствующих учреждений соответствующую политику. Однако во время 2-й Мировой войны США начали направлять в Европу и на Тихий океан войска, и все расы и народности страны стояли в строю плечом к плечу перед общим врагом. Сплотился и тыл. Нельзя говорить о полном слиянии в братском порыве – до современной политкорректности было еще очень далеко, и даже законы об отмене сегрегации были приняты лишь спустя чуть менее двадцати лет. Однако симпатии населения страны к Клану явно пошли на убыль. Между руководителями на этом этапе все еще единого движения начались раздоры, Клан раскололся на территориальные группировки и в 1944 г. принял решение о самороспуске.

Так, снова нас постигла неудача. Снова не тот Клан, снова не те времена.

Остается надежда на третью попытку.

Весной (по разным данным, где-то между Рождеством и апрелем) 1865 г. в г. Пуласки, штат Теннесси, бывшим генералом армии Конфедерации Джорджем Гордоном (по другим данным, майором Джеймсом Р. Кроу из 4-го Добровольческого Алабамского полка) был образован Ку-Клукс-Клан. В апреле 1867 г. руководить им начал генерал Натан Бедфорд Форрест, также один из членов-основателей, в число которых входили Ричард Р. Рид, Кэлвин Е. Джонсон, Джон С. Лестер, Фрэнк О. Маккорд, редактор «The Pulaski Citizen», и капитан Джон Б. Кеннеди.

Здесь нам, по всей видимости, повезло, и мы попали, куда следовало. А теперь немного лирики. Тем, кто не видел чудесного фильма «Рождение нации» (Birth of a nation) 1915 г., трудно понять атмосферу того времени. «Унесенные ветром» и подобные романтические пасторали в силу своего жанра значительно «размывают» краски. Мы же для ясности их немного сгустим.

Закончилась жесточайшая и кровопролитная гражданская война, в ходе которой молодая страна (история ее к моменту начала войны составляла всего 78 лет) оказалась расколотой надвое, причем не только территориально, но и психологически, потому что штаты, ранее бывшие вполне автономными, только сейчас поняли, что являются частью одного целого, интересам которого следует беспрекословно подчиняться, причем это единое целое настроено только на победу,

достигаемую ускоренным наращиванием индустриального потенциала, полным пересмотром системы землепользования, полным переделом собственности и полным изменением социальной структуры. Победил в войне союз северных штатов – носителей идеологии технического прогресса и социального равенства. Повсюду были разосланы комиссары-фуражиры, сборщики продовольственного, имущественного и денежного налога, непреклонные в исполнении своего долга. Потерпевшие поражение сторонники Конфедерации или вынуждены были бежать в другие страны, – часто в те, откуда лишь недавно приехали, в крайнем случае, на родину своих родителей, – или приспосабливаться к новым жизненным реалиям. Пусть банковские счета большинства из них не пострадали, но имения их были разрушены войной или просто пришли в упадок, а хлопковые, кукурузные и пшеничные плантации – основной источник довоенного дохода, – перестали быть таковыми, заросли бурьяном и более никем не обрабатывались. В подавляющем большинстве случаев новые власти обложили землевладельцев земельным налогом, выплачивая который в первые два года после войны, они потеряли то немногое, что оставалось от их средств в банках.

Армия северян рассеялась по стране, всюду устанавливая свою власть, назначая своих местных управителей из числа бывших военных, которые ни в коей мере не испытывали теплых чувств к бывшим врагам, а ныне пораженцам, которых зачастую рассматривали как военнопленных и оккупированное население. Помимо этого, что немаловажно для послевоенных США, эмансипация негритянского населения не только лишила землевладельцев Юга фактически бесплатной рабочей силы, но и надломила психологически, поскольку со времен первых колонистов общество США было рабовладельческим. Рабовладельцами были Б. Франклин, Дж. Вашингтон и многие, многие другие «отцы-основатели». Вне этой парадигмы южане просто не представляли себе жизни. В особенности, конечно, рабовладельцы. Равноправное существование с бывшими рабами было бы еще куда ни шло. Однако здесь вступил в силу непреложный закон человеческого общества – правило «торжествующего хама», в силу которого негритянское население южных штатов, получившее равные права с его белым населением, а зачастую – даже право преимущественного избрания в органы власти, начало непроизвольно мстить бывшим угнетателям, «попирая падших», унижая и притесняя их на бытовом уровне, создавая полутайные лоббистские группы и общества

по продвижению своих кандидатов в административные органы, а затем проводя с их помощью законопроекты о новых налогах для землевладельцев, об их поражении в правах и даже о лишении избирательного права вообще. Бывшему «южанину» стало невозможно добиться правды в суде; ширились, при молчаливом одобрении новых властей, погромы и покражи собственности бывших «южан», преступления против их личности.

При этом следует отметить, что в силу ли природной климатической предрасположенности, в силу ли памяти о родине предков, негритянское население, во время войны закономерно рассеянное по всей стране, включая бывших воинов армии Севера, постепенно в огромном большинстве возвратилось в южные штаты и осело там, причем ситуация сохраняется до сих пор, свидетельством чему современное соотношение афроамериканского населения штатов севернее и южнее р. Миссури как 1 к 6 (The Gallup Organization, Princeton, NJ, April, 2000, population poll). Таким образом, возвращающиеся с войны бывшие «южане» видели свои дома разрушенными, своих родственников обнищавшими и униженными, а также всюду царящий разгром и тотальную власть бывших собственных рабов, причем иноземцев, иноверцев и «инорасцев», не стесняющихся в изъявлении своего к ним презрения.

Не возникает ли у нас ассоциаций с подобным положением вещей в других странах и в другое время? Они у нас возникают. Точно так же определенно чувствовали себя бывшие поручики и гимназисты в Петрограде 1918 г., бывшие хозяева прибалтийских хуторов в 1940 г., бывшие доктора и учителя, рабочие и крестьяне Украины и Белоруссии в 1941–1945 гг., американские индейцы на протяжении всех последних 200–250 лет…

Индейцы выбрали путь смерти или подчинения, поскольку понимали, что третьего не дано. Одни были уничтожены, другие согласились убраться в резервации, где к настоящему времени и вымирают. В других же приведенных нами случаях такой определенности не было, была вера в возможность переломить события в свою пользу. В первом случае это было Белое движение; во втором – «лесные братья»; в третьем – партизанское движение. Но первый случай видится наиболее схожим с тем, о чем мы собираемся вкратце рассказать далее.

Как и в послереволюционной России, первые очаги реакции «южан» возникли в форме «кухонных» групп возмущенной общественности,

однако уже к концу 1865 г. они переросли в группировки вооруженного сопротивления, народной милиции, основная задача которой сводилась к защите личности и собственности «пораженцев» во время погромов и экспроприаций. Естественным образом во главе отрядов становились бывшие офицеры армии Конфедерации, обладавшие опытом боевых действий и необходимыми тактико-стратегическими и организационными навыками. Постепенно, в частности, в силу территориальной ограниченности южного региона, отдельные боевые отряды стали сливаться в более крупные подразделения с военной дисциплиной и четкой иерархией. Это неизбежно и закономерно привело к созданию централизованного управления повстанческими силами, и во главе этого своеобразного партизанского движения встал генерал Форрест, который и присвоил своим частям название «Ку-Клукс-Клан», образованное от греческого слова «куклос» (круг) и гэльского «клан».

Осознавая невозможность полномасштабного восстания и новой войны, Клан приступил к осуществлению тактики партизанской войны на оккупированной территории, действуя отдельными – мелкими или крупными – отрядами, внезапно, по ночам, по всей территории южных штатов в совершенно непредсказуемых местах, силами тех же людей, которые днем выглядели совершенно лояльными к новым властям гражданами, а поэтому были практически неуловимы. Ничего удивительного нет в том, что со временем слухи о Клане распространились по всей стране и его стали почтительно именовать «Незримой империей» (the Invisible Empire), – ведь ни общая численность членов Клана, ни расположение его координационного центра, ни его руководители не были известны никому. Деятельность Клана сводилась, в основном, к терактам и саботажу: убийствам представителей местных администраций, чернокожих, католиков и их общественных защитников, уничтожению и похищению стратегических запасов продовольствия и боеприпасов, ограблениям почтовых дилижансов, поездов и банков, уничтожению сельскохозяйственной и обрабатывающей техники и угону скота, препятствованию чернокожим в участии в выборах.

Слава Клана распространилась далеко за пределы Теннесси и привлекала в его ряды все новых членов. К концу 1867 г. их число возросло до 600 000 и продолжало расти. Приблизительно в это же время члены Клана стали носить свои белые балахоны и колпаки с прорезями для глаз, закрывавшие лицо.

Клан стал в глазах вашингтонской администрации явным врагом, что привело к вооруженной конфронтации, испугавшись которой генерал Форрест в 1869 г. объявил о формальном роспуске организации, а в 1870 г. Конгресс принял так называемый «Билль о силе» (the Force Bill), который наделял президента правом использовать против группировок Клана федеральные войска; за ним последовал «Билль о Ку-Клуксе» (the Ku Klux Bill) 1871 г. Вскоре после принятия этого исторического решения власти применили его на деле, и не прошло и пары лет, как Клан остался лишь в памяти напуганных обывателей. В 1882 г. Верховный Суд США объявил Клан вне закона, но это уже было чистой формальностью. Клана уже давно не существовало. Генерал Форрест оставил попытки восстановления прежних порядков, занялся организацией треста для проведения в южных штатах железных дорог, для чего отправился в Нью-Йорк, прогорел и весь остаток жизни, схоронив жену, расплачивался с долгами и штрафами и оправдывался в судах, пока не заболел дизентерией (по другим данным, диабетом), сведшей его в могилу 29 октября 1877 г. Преследованиям со стороны правительства за организацию движения сопротивления он не подвергался, отчасти в силу его огромной популярности в войсках (на него молилась вся кавалерия), отчасти в силу недоказанности его вины (структура Клана так и осталась не известной агентам федерального правительства), отчасти в силу его заявления от 1869 г., отчасти в силу стремления правительства поскорее замять данный вопрос и никогда более к нему не возвращаться – у страны в то время были гораздо более важные заботы: индустриализация, освоение дикого Запада, выход на международный рынок, восстановление дипломатических связей, да и Мексиканская война уже маячила на горизонте.

Далее обратимся к вопросу о «масонском» характере Ку-Клукс-Клана. Здесь не место и не время рассуждать о роли ритуала вообще в жизни человека и человечества. Достаточно будет сказать, что всякое человеческое сообщество, да и человечество в целом, не существуют и не могут существовать вне ритуала, коренящегося в самом людском сознании и являющегося неизменным средством упорядочения жизни, ибо стремление к порядку и противление хаосу также заложены в природе человека. Ритуалами являются приветствие при встрече, прощание при расставании, прием пищи, в частности совместный, деление суток на утро, день вечер и ночь, методы знакомства на улице с противоположным

полом, ругань и т.п. Следуя мысли М. Евзлина («Космогония и ритуал») можно сказать, что вообще любое действие и любой диалог суть ритуалы.

Поэтому закономерно, что любое сообщество – религиозное, военное или светское, открытое или закрытое, явное или тайное, – обладает своими собственными ритуалами, более узко специализированными, чем общечеловеческие. Так сложилось исторически, что к середине XIX в. масонство было наиболее ритуализированным сообществом, не считая церкви. Имитация же церковных таинств и иных ритуалов в тогдашнем европейском и американском весьма набожных обществах была немыслима, кощунственна. Поэтому практически все возникавшие в то время общества несли на себе в той или иной степени значительный налет масонской обрядовости. Масонство было широчайше распространено среди европейцев и, следовательно, североамериканцев, ритуалы его – знакомы всем действующим и бывшим членам Ордена. Вот и получилось, что практически все общественные организации, начиная с околомасонских эзотерических орденов, вроде «Золотой Зари» и «Рыцарей Труда», до совершенно светских клубов, вроде «Ротари» и «Лайонс», и до юношеских организаций, вроде скаутов, а следовательно, и советских пионеров, позаимствовали у Вольных Каменщиков те или иные обрядовые элементы.

Не избежал этой участи и Ку-Клукс-Клан. Белые балахоны с капюшонами, скрывающими лица, используются в некоторых степенях некоторых масонских орденов. Звания вроде «Великого Дракона» (Grand Dragon) и «Великого Волхва» (Grand Wizard) определенно навевают воспоминания о масонской титулировке. Организационное деление на самостоятельные территориальные единицы, имеющие своих представителей в Верховном Совете, тоже напоминает структуру, например, Шотландского Устава, хотя также и государственную структуру США, явно испытавшую на себе масонское влияние. Символ пылающего креста встречается иногда на масонских запонах как символ пылающей жертвенностью Христовой любви к людям (в этом же значении пылающий крест используется и в символике Римско-католической церкви, наряду с пылающим сердцем). Факельные шествия часто встречаются в ритуалах тайных и иных эзотерических обществ, начиная с Элевсинских мистерий. Горящий крест являлся, кстати, также популярным романтическим символом, приписываемым древним кельтским племенам, таким

образом, якобы сигнализировавшим одно другому о постигшей то или иное поселение беде[1]. Весьма примечательно использование именно его, при условии присутствия в названии организации кельтского же слова «клан». В общем и целом, Клан не придумал ничего нового, ибо сделать это после двух веков развития масонства и возникновения приблизительно 1500 различных его степеней и орденов было практически невозможно. Другое дело, существовала ли реальная, идеологическая и организационная, связь между масонством и Кланом.

А ее не было. Да, действительно, генерал Форрест был масоном, однако необходимо отметить, что посвящен он был только в первую, ученическую степень (ложа «Ангорона» № 168, Мемфис, штат Теннеси), после чего посетил ровно одно собрание (или вообще присутствовал только на собственном посвящении, – здесь источники расходятся во мнениях) и больше в ложу не ходил, за что по истечении ровно одного года по посвящении из списков ложи был исключен – источники не сообщают, сопровождалось ли это какой-либо особой процедурой исключения или приостановления членства. Таких масонов на десяток половина. Они вступают в Орден из интереса, по знакомству, в силу иных обстоятельств, но мгновенно теряют к масонской работе интерес и перестают посещать собрания. Ясно, что Орден никогда не поручил бы создание побочной масонской структуры Ученику, причем нерадивому.

Масонами были основатели Ротари-клуба, Лайонс-клуба, скаутского движения, сотен промышленных компаний (например, чайных фирм «Липтон» и «Пиквик», да и Форд был масоном), но это не значит, что данные организации являются масонскими. Современные российские и иностранные Вольные Каменщики тоже, бывает, возглавляют фирмы, общественные союзы, компании одноклассников, но это не значит, что данные организации являются масонскими. Они относятся только и исключительно к области профанской деятельности масонов.

Масонство пропагандирует равенство и космополитизм, пусть и всегда подчеркивает свою лояльность к законной власти своей страны, ее законам и общий патриотический характер (философское противоречие между космополитизмом и патриотизмом еще ждет своего исследователя и того, кто найдет ему разумное разрешение). Поэтому не только создать, но и даже дать добро на создание ксенофобской, в сущности, организации американские масоны не могли,

хотя бы во избежание разрыва контактов с братьями за рубежом, например в католической Франции.

Итак, промежуточные выводы:

– Ку-Клукс-Клан времен после гражданской войны в США разительно отличался от его современного варианта, представляя собой движение сопротивления реваншистски настроенного белого населения южных штатов;

– Ку-Клукс-Клан того времени был явлением неоднозначным, которое нельзя изображать только черной или только белой краской; он был продуктом своего времени и как таковой имел для разных заинтересованных сторон различные положительные и отрицательные стороны;

– Ку-Клукс-Клан того времени не был организационно или идеологически связан с Орденом Вольных Каменщиков, при наличии определенной косвенной связи в области ритуалистики и иных формальных аспектов.

Теперь займемся конкретно личностью генерала Альберта Пайка. «Обвинение», выдвигаемое против него, сводится к тому, что в бытность свою Верховным Великим Командором Древнего и Принятого Шотландского Устава Южной юрисдикции для США он являлся также и Главным Юристом (the Chief Judiciary Officer) Имперской Штаб-квартиры (the Imperial Headquarters) Ку-Клукс-Клана и Великим Драконом (the Grand Dragon), т. е. «наместником», Арканзаса.

Теоретически Пайк вполне мог бы им быть, если бы не… Если бы не многие «но». Да, действительно, Пайк был генералом армии Конфедерации, очень сильно пострадал от новых властей, даже вынужден был бежать за границу. Однако впоследствии был прощен президентом и получил возможность нормально работать и заниматься любимыми делами. Он был южанином до мозга костей. Он определенно не мог смириться с уравнением бывших рабов в правах. Но вместе с тем в период гражданской войны он занимался набором индейцев в армию Конфедерации, затем долгое время был губернатором индейских территорий к западу от Арканзаса, был избран почетным племенным вождем, что свидетельствует о том, что индейцы его любили. Не мог такой человек быть расистом. Это аксиома.

Единственное свидетельство его «расизма», приводимое такими «видными исследователями» Пайка, как Уолтер Флеминг и Сьюзан Дэвис (аналоги наших воробьевских), – это вырванная из контекста цитата из его речи 1875 г.: «Я приносил свое торжественное обязательство

перед белыми, а не перед неграми. Если мне предложат выбор между тем, чтобы принимать негров как братьев, и тем, чтобы оставить масонское Братство, я оставлю его» (I took my obligations from white men, not from negroes. When I have to accept negroes as brothers or leave masonry, I shall leave it.). Оставим в стороне вопрос современного толкования американскими поборниками «политкорректности» слова «негр» как ругательное и оскорбительное и просто возьмем цитату целиком: «Ложа Принса Холла была такой же регулярной, как любая ложа, созданная законной властью. У нее было совершенное право учреждать другие ложи, саму себя утвердив в звании ложи-матери. Я не собираюсь вмешиваться в решение этих вопросов. Я приносил свое торжественное обязательство перед белыми, а не перед неграми. Если мне предложат выбор между тем, чтобы принимать негров как братьев, и тем, чтобы оставить масонское Братство, я оставлю его. Пусть все идет как идет» (Prince Hall Lodge was as regular a Lodge as any Lodge created by competent authority. It had a perfect right to establish other Lodges and make itself a Mother Lodge. I am not inclined to meddle in the matter. I took my obligations from white men, not from negroes. When I have to accept negroes as brothers or leave masonry, I shall leave it. Better let the thing drift.).

Отсюда со всей очевидностью следует, что Пайк говорил только и исключительно о признании братьями негров – членов лож Принса Холла, о регулярности которых в США и в остальных странах мира до сих пор идут ожесточенные споры. Они были образованы как параллельные структуры для чернокожего населения США и вскоре создали великие юрисдикции, при условии что Конституции всех Великих Лож отвергают возможность существования двух и более великих юрисдикций на одной суверенной территории. Поэтому только в последнее время Великие Ложи Принса Холла (опять же в силу примата западной политкорректности) начинают получать признание Великих Лож мира. Пайк же как масон имел полное право не признавать масонов Принса Холла регулярными, а потому и покинуть Братство, если его стали бы заставлять таковыми их признать. Но в общем и целом, расистом он никогда не был и никогда не стал бы принимать участие в сомнительном предприятии подобного рода.

Далее, необходимо остановиться на еще одном аспекте личности А. Пайка, а именно на его ритуаломании. После составления ритуалов «Magnum Opus» Пайк по-настоящему «заболел» ритуалами и за оставшуюся часть жизни успел дважды переписать ритуалы

Шотландского Устава, составить новые, по его мнению, более эзотерические ритуалы символических степеней, степеней Йоркского Устава (в настоящее время не практикуемые), нескольких побочных градусов и Орденов, принять участие в составлении ритуалов Рыцарей Колумба (католический орден) и Рыцарей Труда, Национальных Спутников (National Sojourners), нескольких женских масонских организаций (хотя в начале масонской карьеры резко выступал против женского членства) и даже квазиритуала литтл-рокского общества садоводов. К сожалению, необходимо упомянуть и о том, что последний период жизни Пайка был ознаменован прискорбным его старением во всех смыслах, включая умственный. Так что, опять же теоретически, я не исключаю возможность участия Пайка в составлении ритуалов Клана, если бы его об этом попросили. В этом его также обвиняют «видные специалисты». Хотя свидетельства настоящих членов Клана наводят на мысль о том, что ритуал Клана действительно нес на себе отпечаток масонской обрядности, но отнюдь не в версии Пайка, а в версии печатных ритуалов Томаса Уэбба (1816 г.) и Уильяма Престона (1775 г.). Но это только предположения. Теперь обратимся к фактам.

В 1882 г. Верховный Суд США, а до него – Конгресс собирали все доступные документы, относящиеся к деятельности Клана. Эти документы были необходимы им для вынесения решений о судьбе данной организации. В ведение их комиссий попали списки, реестры, протоколы и прочая документация. Факты сводятся к тому, что в должностном реестре отсутствует должность Главного Юриста, Великим Драконом Арканзаса значится некто «капитан Джон Лестер», а Пайк упоминается только в качестве корреспондента нескольких членов Клана по личной переписке. Все прочие упоминания Пайка в числе руководства или даже просто членов Клана по ссылкам упираются в произведение Стенли Хорна «Невидимая империя» (The Invisible Empire), откуда далее не ведут никуда, что позволяет совершенно законно предположить, что автор просто выдумал их, как выдумал «люциферианскую явку» Пайка Лео Таксиль (см. в его речи «Двенадцать лет под знаменами Церкви»).

В действительности же все заслуживающие доверия источники в один голос утверждают, что истину относительно членства Пайка в Клане не удастся установить никогда, ибо поиск первоисточников приводит исследователя к выводу об их отсутствии. Кроме воспоминаний капитана Лестера, в силу известных причин хранившего

молчание о внутренней жизни Клана, никаких материалов о нем не появлялось в мире вплоть до выхода в 1905 г. книги У. Флеминга, в которую входили также и эти воспоминания и которую цитирует Хорн. Исторические документы о деятельности Клана в те времена хранятся в Библиотеке Конгресса в ограниченном (но не закрытом) доступе, хотя их действительно крайне мало. Кстати, антимасонские критики обвиняли масонов и в ограблении Библиотеки Конгресса с целью похищения документальной истории Клана. Не стоит отдельно упоминать об отсутствии доказательств.

Если принимать на веру дату учреждения Клана в Пуласки в 1865 г. и исторической ассамблеи весной 1867 г. в Мемфисе, то остается только упомянуть о том, что Пайк весь 1865 г. безвылазно провел в Литтл-Роке, штат Арканзас, а в 1867 г. бывал в Нэшвиле, штат Теннесси, по делам своего журнала «The Memphis Appeal», но ни разу, судя по его дневникам и воспоминаниям современников, не доезжал до Мемфиса. Вообще, если бы Пайк был членом данной организации, он непременно так или иначе отразил бы этот факт в своих дневниковых записях, которые вел чуть ли не с детства и до самой смерти, однако о подобных записях не упоминается ни в одной из его биографий, написанных историками, имевшими к этим дневникам доступ. При отсутствии свидетельств членства Пайка в Клане в документах самого Клана и в документах Пайка всякий непредвзятый исследователь применит в данном случае презумпцию невиновности, признавая при этом возможность существования (или в прошлом, или в настоящем, но на данный момент не известных никому) и иных документов. Как бы то ни было, вполне приемлема формулировка «оправдан за отсутствием улик». Это если считать членство в Клане того времени «преступлением».

Итак, окончательные выводы по начатому нами изучаться вопросу сводятся к следующему:

– Альберт Пайк не был ни организатором, ни руководителем, ни членом «первого», послевоенного, Ку-Клукс-Клана, хотя некоторая вероятность его косвенного участия в составлении ритуала этой организации остается в силу отсутствия опровергающих документов;

– даже если бы Альберт Пайк был организатором, руководителем или простым членом «первого», послевоенного, Ку-Клукс-Клана, почти ничего страшного, т.е. аморального и противозаконного не было бы, с точки зрения тогдашнего положения в данном регионе США, в обществе США в целом и в политической жизни этой страны.

Ничто не может рассматриваться вне контекста, нет «черного» и «белого», нет однозначно «плохого» и однозначно «хорошего», – вот нравственный урок, вынесенный лично мной из изучения данного вопроса. Нельзя обвинять сэра Гавейна в том, что он, якобы, носил кольчугу из пивных пробок и проламывал собутыльникам головы деревянным мечом, вырезанным из старой лыжи. Просто были рыцари Круглого стола, а бывают «рыцари» ролевых игр в Нескучном саду. Были казаки, бравшие Париж, а бывают московские митинговые «казаки» с самодельными Георгиями на впалых грудях. Время не способствует возвышению нравственных категорий и основанных на них сообществ. Наоборот, все стремится к упадку. К огромному сожалению, это заметно и по современному Ордену Вольных Каменщиков, если браться его сравнивать с масонами прошлых веков.

Я сказал.

Но я еще продолжу.

Использованная литература (интернет-версии):

Fred W. Allsopp, *Albert Pike, A biography* "Letters to the People of the Northern States." Parke-Harper Company, Little Rock, Ark.: 1928

William Harvey Fisher. *The Invisible Empire, A Bibliography of the Ku Klux Klan.* The Scarecrow Press, Inc., Metuehen, N.J. & London: 1980. ISBN 0-8108-1288-6

"On the Origins of the Prince Hall Scottish Rite rituals." Art deHoyos. *Heredom.* Transactions of the Scottish Rite Research Society. Vol. 5, 1996. S. Brent Morris, ed.

The Civil War and Reconstruction, 2nd Edition Revised, by J. G. Randall and David Donald; D.C. Heath and Company, Lexington, Massachusetts, 1969.

The Many Faces of the Civil War, by Irving Werstein; Published by Julian Messner, New York, 1961, 1968.

Wyne Craig Wade. *The Fiery Cross, The Ku Klux Klan in America.* Simon and Schuster, Inc. New York: 1987. [p 405.] ISBN 0-671-41476-3.

Whalen, Wlliam J. *Christianity and American Freemasonry.* Huntington, IN: Our Sunday Visitor: 1987.

Примечания переводчика

РЫЦАРЬ СОЛНЦА

1 Буквально: с началом удлинения ночи (*лат.*). – Прим. пер.

2 Это в точности соответствует древнееврейскому יהוה.

3 То есть альфа и омега, или I∴A∴Ω∴.

4 То есть Брахма, Логос, или Слово.

5 Для сравнения приводим академический вариант перевода цитируемого автором труда: «Да будет выслушано! 5. Этот [мир] неведомый, неопределимый, недоступный для разума, непознаваемый, как бы совершенно погруженный в сон, был тьмой. 6. Тогда божественный Самосущий невидимый, [но] делающий [все] это – великие элементы и прочее – видимым, проявляющий энергию, появился, рассеивая тьму. 7. Тот, кто постижим [только] умом, неосязаемый, невидимый, вечный, заключающий в себе все живые существа, удивительный, проявился сам [по собственной воле]. 8. Вознамерившись произвести из своего тела различные существа, он вначале сотворил воды и в них испустил свое семя. 9. Оно стало золотым яйцом, по блеску равным солнцу; в нем он сам родился [как] Брахма, прародитель всего мира. 10. Воды называются нара, ибо воды –действительно порождение Нары; они – первое местопребывание его, поэтому он именуется Нараяной. 11. Из этой [перво]причины, невидимой, вечной, образующей реальное и нереальное, возник [дух] Пуруша, который в мире прославляется [под именем] Брахмы... 51. Так все это и меня создав, он, чье могущество непостижимо, погрузился в самого себя,

неоднократно выжимая время временем». («Законы Ману», перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным, Москва, 1992). – Прим. пер.

6 В действительности, араньяки – это ведические писания, предназначенные для отшельников и не входящие в свод собственно Вед. – Прим. пер.

7 Частях света. – Прим. пер.

8 Младшая Эдда. Видение Гюльви. О Всеотце, высочайшем из богов. Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1970. Издание подготовили: О. А. Смирницкая; М. И. Стеблин-Каменский. – Прим. пер.

9 Имеются в виду Брахма-Вишну-Рудра. – Прим. ред.

10 «Поклонение чужим богам». – Прим. пер.

11 Перводвигателя (*лат.*). – Прим. пер.

12 «О природе богов» (*лат.*). – Прим. пер.

13 Гомер, «Одиссея», 1: 32–34. Перевод В. Вересаева. – Прим. пер.

14 Исход, 3: 14–16, Откровение, 22: 13. – Прим. пер.

15 К Римлянам, 5: 8. – Прим. пер.

16 Иоанн, 15: 12. – Прим. пер.

17 Лат. «страдать», здесь – траурное церковное песнопение. – Прим. пер.

18 Бытие, 41: 5–7, 26–27. – Прим. пер.

19 Матфей, 6: 13. – Прим. пер.

20 Аквинский. – Прим. пер.

21 «Потерянный рай», ч. 3, перевод А. Штейнберга. – Прим. пер.

22 Иоанн, 1: 4–5. – Прим. пер.

23 У автора разночтения в написании древнееврейского определенного артикля «-h» – «Аор», «Хамелех», «ха-Эйн-Соф». – Прим. перев.

24 Превосходное Сияние (*лат.*). – Прим. пер.

25 «Врата Небес» (*лат.*). – Прим. пер.

26 «Малое собрание», один из трактатов Книги Зогар, в котором повествуется о смерти рава Шимона бар-Йохаи и приводится пространная речь, в которой он дает общий обзор всех тайн «Великого собрания» (Идра Рабба). – Прим. пер.

27 Документ на шести страницах, содержащий род комментария к стихам первых шести глав Книги Бытия, образующих единый раздел в синагогальном членении Торы. – Прим. пер.

28 Деяния, 22: 3. – Прим. пер.

29 «Дом Божий» (*лат.*). – Прим. пер.

30 «Каббалистическая пневматика» (*лат.*). – Прим. пер.
31 «Об обращении душ» (*лат.*). – Прим. пер.
32 Первичная материя (*лат.*). – Прим. пер.
33 Откровение, 2:17: «Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает». – Прим. пер.
34 Преимущественно (*фр.*). – Прим. пер.
35 Принципы Принципов и Посредники (*лат.*). – Прим. пер.
36 Мази мудрости (*лат.*). – Прим. пер.
37 Последнее предложение добавлено в текст для того, чтобы увести читателя в сторону от основного смысла, точно автор его убоялся, что и так сказал слишком много.
38 «Минерва (Мудрость) Мира» (*лат.*). – Прим. пер.
39 Псалом 103:24. – Прим. пер.
40 «Великое собрание» (*лат.*). – Прим. пер.
41 Исаия, 45:7. – Прим. пер.

ВЕЛИКИЙ ШОТЛАНДСКИЙ РЫЦАРЬ СВ. АНДРЕЯ

1 У автора неточность. Эти слова Иисус произносит в Гефсиманском саду во время так называемого «моления о чаше» (От Матфея, 26:39; От Марка, 14:36; От Луки, 22:42). – Прим. пер.
2 Достославного (Illustrious) Брата, преподобного В. В. Лорда – титул члена Консистории по ритуалу Пайка. В современной практике применяется только к носителям тридцать третьего градуса Шотландского Устава. Титул «преподобный» относится к основной профессии В. В. Лорда. – Прим. пер.
3 Исаия, 47:10–11. – Прим. пер.
4 Буквально: «черная рвота» (*исп.*). Собирательное народное название нескольких тропических болезней, в основном лихорадок. – Прим. пер.
5 От Луки, 13:2–5. – Прим. пер.
6 От Матфея, 5:44, 46. – Прим. пер.

РЫЦАРЬ КАДОШ

1 «Прусский Рыцарь» Шведского Устава и практически вся система «Строгого Послушания» барона Хунда. – Прим. пер.
2 Табличка, ярлык, игральная кость, использовавшиеся на древнем Востоке как пропуск или пароль. – Прим. пер.

ВЕРХОВНЫЙ КНЯЗЬ ЦАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

1 В русском Синодальном переводе: «... и будете как боги...» (Бытие, 3:5). – Прим. пер.

2 Бытие, 1:27. – Прим. пер.

3 К Римлянам, 8:13–14. – Прим. пер.

4 К Галатам, 5:17. – Прим. пер.

5 К Римлянам, 7:16–25. – Прим. пер.

6 Притчи, 25:1. В русском Синодальном переводе: «Слава Божия – облекать тайною дело». В английском переводе Авторизованной версии короля Иакова, наиболее широко распространенном во времена Пайка, многозначное др.-евр. דבר переводится как «нечто» или «вещь» (thing). В латинском же переводе Вульгаты оно переводится как «слово» (verbum), что определенно придает фразе значение, в наибольшей степени отвечающее целям автора. – Прим. пер.

ГЕНЕРАЛ А. ПАЙК И ИСТОРИЯ КУ-КЛУКС-КЛАНА

1 См. у Вальтера Скотта в поэме «Дева озера» (The Lady of the Lake): «The Fiery Cross should circle o'er / Dale, glen, and valley, down and moor / Much were the peril to the Graeme / From those who to the signal came» (2:36), т.е. «Огненный крест был пронесен по равнинам и горным долинам, холмам и болотам, и много горя принесли Грэму те, кто пришел, откликнувшись на этот сигнал»; а также: «Beneath a rock, his vassals' care / Was prompt the ritual to prepare, / With deep and deathful meaning fraught; / For such Antiquity had taught / Was preface meet, ere yet abroad / The Cross of Fire should take its road (3:3), т.е. «Под скалой его вассал обязан был приготовить все к ритуалу, преисполненному глубокого и гибельного смысла, ибо древность учит, что пред лицом опасности, пусть еще далекой, нужно отправить в путь Огненный крест».

Шечен

Святой
Грааль

www.ganga.ru

ganga@ganga.ru

Альберт Пайк

Мораль и Догма

~

Перевод с английского, предисловие и примечания
Евгения Кузьмишина

Дизайн обложки
Инны Горцевич
(*indrani.devi@gmail.com*)

Оригинал-макет и верстка
Сергея Фёдорова
(*mariyamman@yandex.ru*)

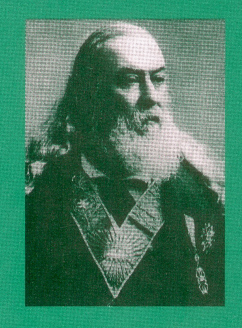
Корректор
Юлия Жаркова

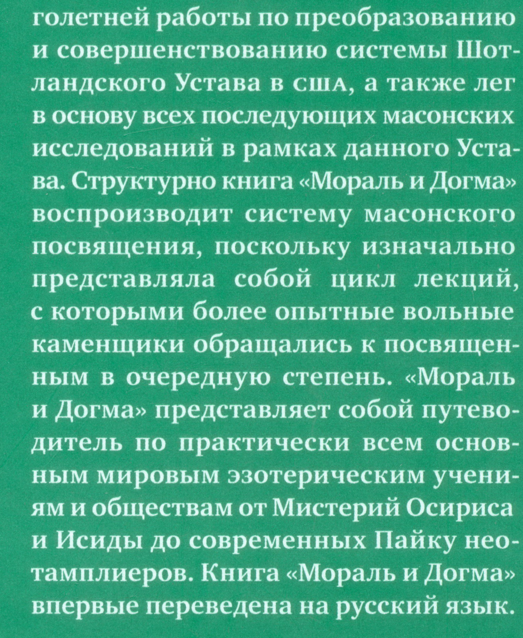
ООО «Издательство „Ганга"»
196143, г. Москва, ул. Голубинская, 17/9–501.
www.ganga.ru
ООО «ЦБИ „Шечен"»
www.shechen.ru

Книга подготовлена на оборудовании Apple Macintosh
Гарнитуры: ITC Charter, Cataneo BT, Palatino Linotype.

Подписано в печать 07.07.2008.
Формат 60×84/16. Объем 22 п.л.
Тираж 1200 экз. Печать офсетная. Заказ № 3421.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Книга «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава» является основополагающим трудом по истории и философии масонства как посвятительного Ордена, носителя мировой эзотерической традиции. Альберт Пайк – один из наиболее авторитетных масонских ученых всех времен, и его труд стал итогом многолетней работы по преобразованию и совершенствованию системы Шотландского Устава в США, а также лег в основу всех последующих масонских исследований в рамках данного Устава. Структурно книга «Мораль и Догма» воспроизводит систему масонского посвящения, поскольку изначально представляла собой цикл лекций, с которыми более опытные вольные каменщики обращались к посвященным в очередную степень. «Мораль и Догма» представляет собой путеводитель по практически всем основным мировым эзотерическим учениям и обществам от Мистерий Осириса и Исиды до современных Пайку неотамплиеров. Книга «Мораль и Догма» впервые переведена на русский язык.

ISBN 978-5-98882-068-0